

**MINISTRY
OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

**KAZAN
FEDERAL UNIVERSITY**

**МИНИСТЕРСТВО
НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**КАЗАНСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**ЦЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ
И ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИОННОГО МИРА:
ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ**

**I Международный конгресс социально-
политических исследователей тюркского мира**

Сборник научных трудов

Казань, 26–27 октября 2023 г.

**THE VALUES OF THE INDIVIDUAL AND SOCIETY
IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL
TURBULENCE AND POST GLOBALIZED WORLD:
TRADITIONS AND INNOVATIONS IN CONDITIONS**

**I International congress of social-
political researchers of the turkic world
(Turkic SPR congress – 2023)**

Collection of scientific papers

Kazan, October 26–27, 2023

КАЗАНЬ

2023

УДК 316+330+340
ББК 60:65:67
Ц37

*Печатается по рекомендации Ученого совета
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета*

*Printed on the recommendation of the council
of the Institute of social and philosophical sciences and mass communications
of Kazan (Volga Region) Federal University*

Под общей редакцией

Президента КФУ, заведующего кафедрой общей и этнической социологии
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ,
доктора социологических наук, профессора **Р.Г. Минзарипова**

General editing by

The president of KFU, Head of the department of general and ethnic sociology at the Institute of social and philosophical sciences and mass communications, Doctor of Sociological Sciences, Professor **R.G. Minzaripov**

Ц37 **Ценности личности и общества в условиях геополитической турбулентности и постглобализационного мира: традиции и новации** [Электронный ресурс]: I Международный конгресс социально-политических исследователей тюркского мира: сборник научных трудов (Казань, 26–27 октября 2023 г.) = **The values of the individual and society in the context of geopolitical turbulence and post globalized world: traditions and innovations in conditions** [Electronic resource]: I International congress of social-political researchers of the turkic world (Turkic SPR congress – 2023): collection of scientific papers (Kazan, October 26–27, 2023). – Электронные текстовые данные (1 файл: 3,54 Мб). – Казань: Издательство Казанского университета, 2023. – 271 с. – Системные требования: Adobe Acrobat Reader. – URL: <https://drive.google.com/drive/u/0/folders/1Q-ISgEHTZWjpudZcDAIEPmMei2c1i7K1>. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-5-00130-785-3

В сборнике представлены материалы I Международного конгресса социально-политических исследователей тюркского мира, организованного на базе следующих структурных подразделений КФУ: Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций; Институт управления, экономики и финансов; Юридический факультет. Цель Конгресса: сосредоточение усилий научного сообщества на применении междисциплинарного подхода в фундаментальных и прикладных исследованиях современного общества в условиях новых глобальных вызовов.

The collection presents the materials of the I International congress of social-political researchers of the turkic world (Turkic SPR congress – 2023), implemented by on the basis of the following structural divisions of KFU: Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications; Institute of Management, Economics and Finance; Faculty of Law. The purpose of the Congress: to focus the efforts of the scientific community on the application of an interdisciplinary approach in fundamental and applied research of modern society in the context of new global challenges.

**УДК 316+330+340
ББК 60:65:67**

ISBN 978-5-00130-785-3

© Издательство Казанского университета, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕКЦИЯ «ЦИФРОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ЦИФРОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ СИСТЕМНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: ТЕХНОЛОГИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ, РИСКИ, СЦЕНАРИИ»	9
1. Андреева Юлия Валентиновна ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ОТКЛИК НА СОТРУДНИЧЕСТВО С НЕЙРОСЕТЬЮ: СОТВОРЧЕСТВО ИЛИ КОНКУРЕНЦИЯ?	9
2. Андриянова Александра Алексеевна ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОПЕРАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	12
3. Глебова Ирина Станиславовна, Закиров Аяз Маратович АНАЛИЗ ХАРАКТЕРА ЦИФРОВОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	14
4. Головацкий Евгений Васильевич СЕТЕВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В РЕГИОНАХ РЕСУРСНОГО ТИПА: ПОДХОДЫ К ПРИМЕНЕНИЮ ИНСТРУМЕНТОВ DATA-MINING	20
5. Гулгакы Союзбек кызы ЦИФРОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ: КЛЮЧ К СОВРЕМЕННОМУ ОБРАЗОВАНИЮ	26
6. Денисов Андрей Евгеньевич ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ: КРЯШЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ	29
7. Еремеева Екатерина Александровна, Багаутдинова Наиля Гумеровна, Садыртдинов Руслан Раисович ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ВЛАДЕНИЯ ЦИФРОВЫМИ НАВЫКАМИ НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАСЕЛЕНИЕМ РОССИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ	32
8. Жемчураева Седа Шахитовна КОНСТРУИРОВАНИЕ И РЕКОНСТРУИРОВАНИЕ СОБЫТИЙ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ	37
9. Куликова Камила Олеговна, Хабибрахманова Резеда Ринатовна ОЦЕНКА ЦИФРОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ И АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА	45
10. Казаева Юлия Сергеевна, Отарашвили Зураб Автандилович ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ IT-СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	49
11. Липатова Анна Вячеславовна СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ВИРТУАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ: ВЛИЯНИЕ НА ЦИФРОВУЮ СОЦИАЛИЗАЦИЮ МОЛОДЕЖИ	51
12. Мутигуллин Тимур Рифатович, Гайнуллин Нияз Альфредович РИСКИ И ПРЕИМУЩЕСТВА ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ	55

13.	Мухаметшин Рашид Маратович, Хайруллина Юлдуз Ракибовна ОБРАЗОВАНИЕ В ЦИФРОВОЙ ЭПОХЕ: НОВЫЕ ПРАКТИКИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	58
14.	Насибулина Алия Сердаровна, Шагеева Гульнара Рафаиловна ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В ФОРМАТЕ ЭКОСИСТЕМЫ	61
15.	Погребная Наталья Сергеевна ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ РИСКОВ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНА	65
16.	Ураев Раиль Рауфович, Юнусбаева Венера Фависовна, Круль Александра Сергеевна ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В РЕГИОНЕ (НА ОСНОВЕ РЕЗУЛЬТАТОВ АВТОРСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)	68
17.	Хайруллина Юлдуз Ракибовна, Гарипова Регина Рафисовна, Хайруллин Рауль Рафаэлевич ЦИФРОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН (НА МАТЕРИАЛАХ КОНКРЕТНО СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)	72
18.	Юлбаев Радик Зинатович ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И МОЛОДЕЖЬ: К ВОПРОСУ ОБ УПРАВЛЕНИИ ИНТЕРНЕТОМ	76
19.	Sherzodkhon Kudratkhujja Tojiddinkhon ugli DIGITAL SOCIALIZATION AND DIGITAL COMPETENCE IN THE CONDITIONS OF GLOBAL SYSTEMIC CHANGES: REGULATION TECHNOLOGIES, RISKS, SCENARIOS	80
	СЕКЦИЯ «УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ТЕРРИТОРИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ И ВЫЗОВЫ»	83
20.	Алхасов Запир Мухтарович ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН	83
21.	Алхасов Запир Мухтарович, Закиров Аяз Маратович ВНЕДРЕНИЕ ИНТЕГРИРОВАННЫХ ЦИФРОВЫХ СИСТЕМ БЕЗОПАСНОСТИ В ГОРОДСКУЮ СРЕДУ	91
22.	Глебова Ирина Станиславовна, Закиров Аяз Маратович ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОРОДСКИХ СИСТЕМ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ГОРОЖАН	95
23.	Исаев Мурад Гусейнович, Султанов Гарун Султанахмедович МОЛОДЕЖНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК ДРАЙВЕР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА	100
24.	Климов Александр Александрович, Берман Светлана Сергеевна УМНЫЕ ГОРОДА КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ	107

25.	Макаров Михаил Александрович РОЛЬ ТОРОВ И ОЗОВ В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ	112
26.	Насибулина Алия Сердаровна, Межведилова Сабина Арифовна ИСТОРИЯ И КРИТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА	116
27.	Панасюк Михаил Валентинович ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА	119
28.	Пудовик Елена Михайловна, Безменов Владимир Михайлович, Панасюк Михаил Валентинович, Сабирзянов Алмаз Мансурович ГЕОИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СИСТЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ	122
29.	Усманов Инсаф Фанилевич ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ СОВМЕСТНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ	125
СЕКЦИЯ «ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ МИГРАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ»		131
30.	Багаутдинов Денис Рамилевич, Миронов Данил Даниярович ЕВРАЗИЙСКАЯ МИГРАЦИОННАЯ СИСТЕМА: ТРАЕКТОРИИ И ТЕНДЕНЦИИ	131
31.	Зайнуллин Ленар Ильдусович «КУЛЬТУРНЫЙ КОД МИГРАНТА» ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА	134
32.	Залаяев Рустем Ильхамович АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ И РАЗВИТИЯ РЫНКОВ ТРУДА СТРАН ЕАЭС И СНГ	136
33.	Ивахнюк Ирина Валентиновна ЕВРАЗИЙСКАЯ МИГРАЦИОННАЯ СИСТЕМА: НОВЫЕ ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	141
34.	Игонин Денис Иванович МИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН В ОТОБРАЖЕНИИ СМИ	146
35.	Ильясов Руслан Хизраилевич ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИОННОГО ПРИРОСТА НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ: СПЛАЙН-АНАЛИЗ	150
СЕКЦИЯ «ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖЛИЧНОСТНОГО ДОВЕРИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ»		158
36.	Геграев Хаким Камилевич, Геграев Ильяс Хакимович БАЛКАРСКИЙ НАРОД В ПОИСКАХ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА	158

37.	Гимаев Ильдар Закиевич СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АУДИТ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	163
38.	Зарипова Айгуль Раисовна, Авзалова Эльмира Илгизовна, Закиров Айдар Робертович ДЕЛИБЕРАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ ВКЛЮЧЕНИЯ ГРАЖДАН В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ	167
39.	Мырзабек Камчыбек уулу, Гулгакы Союзбек кызы СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ САМОПОНИМАНИЯ ЛИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ КЫРГЫЗСТАНА	170
40.	Кузьминская Ирина Васильевна МЯГКАЯ СИЛА КАК ВАЖНЫЙ КОМПОНЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ НА ПРИМЕРЕ НОРВЕГИИ	175
41.	Сунарчина Мунира Мунировна ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЭТНОПСИХОЛОГИИ КАК НАУКИ И ПРАКТИКИ	178
42.	Umarov Bakhriddin Mengbaevich, Egamberdieva Farida Uktamovna GENDER COMPETENCE OF A YOUNG TEACHER	181

СЕКЦИЯ «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЦЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА»	184
---	------------

43.	Имамова Гульфия Рустямовна, Харисова Фирдаус Ильясовна ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТРУМЕНТОВ ИСЛАМСКОГО (ПАРТНЕРСКОГО) ФИНАНСИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	184
44.	Низамова Лилия Равильевна ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	187
45.	Омуралиев Нурбек Ашимканович, Токоева Назира Байболотовна КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ	190
46.	Омуралиев Нурбек Ашимканович, Токоева Назира Байболотовна ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРОЦЕССОВ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ КАЙРЫЛМАН	193
47.	Савельева Жанна Владимировна, Ишкинеева Фарида Фалесовна МОТИВАЦИЯ И ПОТЕНЦИАЛ ДОНОРСТВА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ	198

СЕКЦИЯ «ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: ВЫЗОВЫ, ПРОБЛЕМЫ, ВОЗМОЖНОСТИ»	202
--	------------

48.	Абдрахманова Флорида Ривхатовна СОЦИАЛЬНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ ЛЕСОМ: К ПРОБЛЕМЕ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ДЕТЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В ПРИЕМНЫХ СЕМЬЯХ	202
-----	--	-----

49.	Акбашева Альфия Анваровна ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СЦЕНАРИИ И ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА КАЗАНИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)	206
50.	Алексеева Екатерина Александровна ПЛАНИРОВАНИЕ ЛИЧНОГО БУДУЩЕГО КАК КОМПОНЕНТ ТРУДОВОЙ СТРАТЕГИИ ЛИЧНОСТИ	209
51.	Баянов Анвар Фаритович, Насриддинова Нигина Фирузджоновна, Суркова Ангелина Владимировна ОТСУТСТВИЕ СОЦИАЛЬНЫХ АВТОРИТЕТОВ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ	213
52.	Азимова Дилноза Саидиброхимовна ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН	216
53.	Бурмакина Анна Леонидовна СЕТИ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КУЗБАССА	218
54.	Грищенко Жанна Михайловна, Лашук Ирина Валерьевна СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ МОЛОДЕЖИ	222
55.	Каланов Комил Кулахматович ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ УЗБЕКИСТАНА В РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	228
56.	Кузнецов Владислав Олегович ТРУДНОСТИ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ С ПРОТИВОПОЛОЖНЫМ ПОЛОМ У ЛЮДЕЙ ИЗ НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ	233
57.	Литвинова Алёна Владимировна КРИТЕРИИ ЗРЕЛОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОТЛОЖЕННОГО ВЗРОСЛЕНИЯ МОЛОДЁЖИ	237
58.	Сагдатуллина Альфия Каюмовна ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ	240
59.	Сатторзода Субхидин Наджмудин, Расулова Айша Кудратуллоевна ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ	242
60.	Санаев Алишер Комилжон Углы, Кадирова Эльвира Исмагиловна ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ	245
61.	Сергеев Сергей Алексеевич, Сергеева Зульфия Харисовна МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ: КРИЗИС КОНЦЕПЦИИ	249
62.	Соловарова Юлия Николаевна ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА БУДУЩЕГО	253
63.	Тагирова Камиля Ильдаровна ГЕНДЕРНАЯ ЦЕНОВАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ: «НАЛОГ НА РОЗОВЫЙ»	256

64.	Murotmusaev Komiljon Buribaevich, Mirsagatov Davron, Mirsagatova Nargiza Sayfullaevna SOME ASPECTS OF LEADERSHIP IN THE CHILD AND ADOLESCENT EN- VIRONMENT	260
65.	Murotmusaev Komiljon Buribaevich, Odilbekov Mansurbek EMOTIONAL INTELLIGENCE AS AN IMPORTANT FACTOR IN THE SOCIALIZATION OF MODERN YOUTH	262
66.	Murotmusaev Komiljon Buribaevich, Mamtalieva Mavjuda Kuldashevna THE PROBLEMS OF TODAY'S YOUTH	265
67.	Umarov Bakhriddin Mengbaevich, Rustamova Barno Abduxalil qizi, Mirsagatova Nargiza Sayfullaevna EMOTIONAL INTELLIGENCE DURING ADOLESCENCE	267

СЕКЦИЯ «ЦИФРОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ЦИФРОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ СИСТЕМНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: ТЕХНОЛОГИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ, РИСКИ, СЦЕНАРИИ»

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ОТКЛИК НА СОТРУДНИЧЕСТВО С НЕЙРОСЕТЬЮ: СОТВОРЧЕСТВО ИЛИ КОНКУРЕНЦИЯ?

Андреева Юлия Валентиновна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Современный этап развития цивилизации актуализирует проблему влияния глобального информационного поля на адаптационные возможности человека, в частности, на процесс коммуникации и развития аффективной сферы (эмоционального интеллекта). Статья посвящена исследованию эмоциональных реакций человека, как отклика, переживания особого состояния включенности индивида в процесс взаимодействия с нейросетью. Результаты пилотного исследования (бесед и опросов), проведенного среди студентов и преподавателей КФУ в 2023 году, позволили выявить некоторые особенности данного вида коммуникации. Так переживаемые эмоции описывались как многополярные (позитивные и негативные, нейтральные), зависели от контекста запроса (учебный, творческий, коммуникативный и пр.), а также от степени авторства (оригинальности контента) и длительности коммуникации.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, коммуникация, информационное поле, искусственный интеллект.

Новые горизонты развития цивилизации вписаны и синхроничны в самый сложный процесс разворачивания новых горизонтов событий информационного мира. Искусственный интеллект в 2023 г. стал объектом научных дебатов, с внедрением доступного чатбота GPT, который не только сканирует информационное поле (анализ больших данных), и моделирует, творит, создает, интерпретирует «реальную реальность». На новый уровень вышла полемика об уникальности эмоционального интеллекта человека, как об очень точном маркере, отличающем мир людей от мира все более совершенных, «умных» машин и систем. Продолжая исследовать явления и феномены, ландшафт и структуру нового информационного поля (Андреева, Липатова, 2022), мы задаемся вопросами: «Будет ли нейросеть управлять или опосредованно моделировать поведение человека в новом мире?», «Возможны ли ситуации со-творчества или конкуренции с искусственным интеллектом?»

В современной психологии сложилось представление о том, что эмоциональный интеллект развивается на протяжении всей жизни, обогащаясь приобретаемыми стратегиями взаимодействия с окружающим миром, в ситуации контакта. Эмоциональная коммуникация – комплекс вербальных и невербальных интеракций, рассматривается как слабо контролируемое, большей частью спонтанное, естественное, незапланированное проявление эмоций, так или иначе отражающая реакцию собеседника. При этом эмотивная коммуникация (например, в продвигающем сторителлинге) может быть результатом продуманной стратегии взаимодействия. Эмоциональные реакции могут быть оценены как негативные-позитивные, врожденными, моделируемыми, оперативными или реактивными. При взаимодействии человека и нейросети (прообраза искусственного интеллекта) участники коммуникативного процесса устанавливают контакт не только на уровне когнитивного контакта, но и на уровне эмоционального (вербального и невербального со стороны человека) диалога. И если человек проявляет эмоциональные реакции, то ИИ способен лишь моделировать эмотивную коммуникацию. Следовательно, встречу человечества с искусственным интеллектом можно отнести

к глобальным гуманистическим цивилизационным вызовам. Самообучающийся генеративный алгоритм открывает современному человеку новые возможности в сфере научного поиска, сбора и анализа информации, организации экспериментов, моделирования и прогнозирования, а также творчества. Вместе с тем такое взаимодействие ограничивает свободу выбора и самореализации, творчества. Еще одной важной составляющей из комплекса «утрат» на наш взгляд становится искажение природного, спонтанного процесса формирования эмоционального интеллекта. Эмоциональный контакт с нейросетью уже занимает у молодого поколения достаточно длительное время (по оценкам студентов ВШЖиМК до 20 % всего времени, проведенного в информационном поле), разнообразным по сферам применения, все более глубоким.

Западные ученые активно включились в полемику о влиянии эмоций на процесс взаимодействия человека и ИИ (Picard R.W. (2000), D'Mello S., Graesser A. (2010), Sundar S.S. (2018) и в целом солидарны в том, что данный вид деятельности окажет существенное влияние на эмоциональный интеллект человека. Парадоксальность коммуникации человека с прообразом искусственного интеллекта в том, что все функции Self (описанные в классической психологии), подвергаются трансформации, некоторой, пока сложно описываемой диффузии. Погружение в информационное поле и взаимодействие с генерирующим контент ИИ со-настраивает, синхронизирует, влияет на самосознание и состояние Self. Функция «id» (инстинкты, внутренние импульсы и их телесное проявление) как раз и является фундаментом эмоционального интеллекта. При искажении функции индивид плохо ориентируется в своих желаниях, стремлениях. А функция «id» формируется только в ситуации «чувствования», опознавания себя в моменте. Многие исследователи полагают, что поток информационный искажает именно чувство реальности (время и место). Так же искажается функция «ego» – регулирующая, отвечающая за выбор, осознанный оклик на изменения ситуации. В контексте парадигмы «постправды», человек учится опираться на информацию, полученную от нейросети не оценивая ее достоверность. Однако именно функция «ego» лежит в основе механизмов «сопротивления-адаптации». Функция «personality» как представления субъекта о себе самом, полученный и ассимилированный опыт, уже несет след контакта человека с информационным полем. Именно эта часть самосознания формирует у меня чувство того: «кто я есть?» Таким образом, в ситуации погружения в информационный поток, коммуникации и сотворчества с ИИ изменяется не только пространство и время (вселенная информации живет по законам «всегда и везде»), но и расширяется ощущение идентичности. Нарративный психолог М.Л. Кроссли пишет: «Мы пребываем в состоянии мультифрени, в котором постоянно попадаем под обстрел множества взаимоотношений и истин. Проявляется самость, которая характеризуется фрагментацией, изменчивостью, зависимостью от контекста». (Кроссли, 2020) Глобальный информационный поток – объединяющее цифровое пространство цивилизации, лишенное причинно-следственных связей, временных границ, культурных и этических основ, единых ценностно-смысловых нарративов станет площадкой большого эстетического и нравственного эксперимента.

Искусственный интеллект стремительно развивается в сфере считывания эмоций. Emotion AI в системах распознавания считывает выражения лица при помощи любого оптического датчика (веб-камеры), алгоритмы распознают мимику. Продвинутое решение в области эмоционального искусственного интеллекта (Affectiva или Kairos), дадут классификацию базовых эмоций почти безошибочно: радость, грусть, гнев, презрение, отвращение, страх и удивление. Компания Nemesysco тестирует технологию Layered Voice Analysis (LVA) (многоуровневый анализ голоса) для выявления напряженности, обмана в речи, используя более 150 неконтролируемых биомаркеров эмоций. Чатбот GPT-4 в диалоге с автором статьи признался, что его чаще всего используют в финансовых прогнозах, для виртуального помощника в переводах и переговорах, в исследовании и обучении, творческих проектах. Замечая многие социальные функции человека, генеративные нейросети фактически становятся партнером: «одна из моих функций – поддержка эмоционального благополучия человека, распознавая эмоции я могу предложить совет и стратегию для управления стрессом». Тема взаимодействия человека и нейросети стала предметом серьезных исследований.

М. Мори ("The uncanny valley: effect of realism on the impression of artificial human faces", 2005) назвал реакции людей на искусственные эмоции ботов феноменом "переживание жуткой долины". Д. Мэтвэй ("Emotion and artificial intelligence" (2016) в обзоре исследований по вопросам эмоционального взаимодействия человека и искусственного интеллекта опирался классификацию реакций человека. Исследование К. Уоллэйса и С. Гро ("The impact of artificial intelligence on emotional intelligence" (2019) подтверждает, что взаимодействие с искусственным интеллектом несомненно отразится на эмоциональном интеллекте человека будущего, особенно затрагивая сферу межличностных (человеческих) отношения и самосознание. Д. Лимон, Б. Пластер в статье «Цифровая трансформация: может ли ИИ помочь развить человеку его эмоциональный интеллект» утверждают, что «ИИ поможет людям лучше выполнять человеческую работу, помогая нам улучшить эмоциональный интеллект, развивая навыки межличностного общения. Используя знания в сфере психологии (НЛП) и лингвистики, алгоритмы ИИ стали лучше обнаруживать, анализировать и обрабатывать невербальные сигналы, устанавливая контакт на уровне «языка тела» и десятки других вербальных и невербальных особенностей человека» (D. Limon, B. Plaster, 2022 г.)

Исследование, проведенное в КФУ в 2023 г. включало проведение бесед и опроса студентов и преподавателей, обсуждался вопрос эмоционального отклика на ситуацию личного взаимодействия с ИИ (чатбот GPT-4). Среди опрошенных (60 студентов, 15 преподавателей) более половины (52 %) никогда не использовали данный ИИ, остальные (48 %) применяли его. Чаще всего использовали данный бот для помощи в учебном процессе, развлечения и отдыха (создания визуальных эффектов картинок, игр, для коммуникации (перевод на иностранный язык, написание писем, сообщений, поздравительных посланий и др., в совместном творчестве (создания аудиовизуального контента для использования в творческих проектах, рекламы или продвижения личного бренда). По оценкам пользователей, данный вид цифрового помощника их устраивает более чем на 7, 8 баллов (в среднем, по 10 бальной системе оценок). Практически все пользователи признались, что испытывали необычное психоэмоциональное состояние в момент «контакта», описывая его как позитивное (спокойное, удивление, восторг, облегчение, удовольствие) или как легкое негативное (грусть, раздражение, разочарование, смущение). При этом, позитивное состояние испытывали чаще всего в том случае, если получали ответ на запрос, а негативное – в том случае, если такой возможности не было.

Ситуацию «этической дилеммы», с которой сталкивается пользователь при генерации авторского контента, испытывает треть опрошенных. Более половины (67 %) выдавали результат за свой и не испытывали смущения. В ходе обсуждения результатов опрошенные признавались в том, что испытывали следующие чувства «раздражение, разочарование, бессилие, злость, смущение, стыд, чувство вины, облегчение, радость». Чаще всего эмоциональные отклики получали ситуации взаимодействия с чатботом, когда ИИ демонстрировал свои возможности: «у него больше способностей и знаний, чем я мог представить», «узнавал то, к чему не был готов», «он поддержал меня эмоционально», «удивило то, как быстро он генерирует, создает новое».

Эмоции, эмоциональные реакции – это инстинктивные инструменты коммуникации, социальной «настройки» индивида. Вероятно, человечество переходит на новый этап передач информации, коммуникации, социализации. Даже пилотное исследование позволяет сделать вывод о том, что стремительное развитие искусственного интеллекта несомненно дает эмоциональный отклик, а следовательно, влияет на эмоциональный интеллект человека. Изменения в данной сфере приводят к обновлению коммуникативных стандартов и способности человека к адаптации в меняющемся мире.

Литература

1. Андреева Ю.В., Липатова А.В. Управление информационной волной в контексте политического медиаобраза // Вопросы политологии. – 2022. – Т. 12. – № 2 (78). – С. 434–439.
2. Кроссли М.Л. Нарративная психология. Самость, психологическая травма и конструирование смыслов. – М.: Гуманитарный центр, 2020. – 284 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОПЕРАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Андрянова Александра Алексеевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Процессы видоизменения структуры управления предприятием всегда тесно связаны не только с внутренними решениями компаний, но и с внешними факторами. Для построения оптимальной организационной структуры необходимо проанализировать характер управления предприятием, выявить его слабые стороны и сильные цифровые решения, использование которых может способствовать повышению эффективности экономической деятельности предприятия. В статье рассмотрены инструменты анализа и этапы формирования новой организационной структуры.

Ключевые слова: операционная деятельность, предприятие, цифровая экономика, программное обеспечение.

Произошедший скачок в развитии информационных систем и повсеместное внедрение ИТ-решений в бытовую жизнь и экономическую деятельность неизбежно привел к тому, что сформировавшиеся принципы взаимодействия в компаниях стали не актуальными и серьезно замедляли процесс развития. К данному этапу предприятия подходят в разные периоды своего развития, это не напрямую связано с масштабом компании, т. к. маленькие компании и стартапы более восприимчивы к новым решениям и процессы внедрения проходят легче и экономический эффект можно наблюдать в короткий промежуток времени от 1 месяца до полугода [1, с. 112]. Однако процесс трансформации и внедрения цифровых процессов в компаниях от 20 человек занимает гораздо больше времени. в первую очередь это связано с длительным подготовительным процессом, а также с необходимостью обучить и сформировать новые цепочки взаимодействия у большего количества человек. Соответственно экономический эффект наступит позже, минимальный срок первого показателя от 1 года от процесса внедрения новых принципов работы до 2х лет. Такие сроки пугают компании, и они откладывают процессы модернизации и пересмотра организационной структуры опасаясь попасть в экономическую «яму» и не вытянуть преобразования.

Рис. 1. Практические аспекты внедрения информационных систем

Сейчас компании разного формата открыто делятся своими процессами обновления структуры управления, внедрением и ноу-хау программного обеспечения. Отсюда можно проследить, что реагирование на требования изменений внутри компании необходимо. Игроки рынка постоянно повышают уровень своих внутренних процессов, увеличивают скорости бизнес-циклов и таким образом для того, чтобы оставаться на рынке и составлять конкуренцию требуется трансформация изнутри.

Обозначим, что именно подразумевается под цифровизацией операционной деятельности предприятия. Это процесс внедрения цифровых решений в повседневную рутинную деятельность компании и сокращения производственных циклов документооборота\обмена информацией\учета материалов и прочее. У процесса есть нюансы в зависимости от специфики деятельности компании, но есть и унифицированные алгоритмы, которые необходимо соблюдать для формирования оптимальных цепочек взаимодействия [2, с. 31].

Первоначально компания должна подвергнуть критическому анализу структуру операционной деятельности «как есть». Изучить все основные узлы обмена информацией и определить лиц принимающих управленческие решения без оговорок на статус лиц (то есть выявить неформальных лидеров текущей структуры взаимодействия, которые стали узлами информации ввиду сложившихся цепочек взаимодействия). Определить этих лиц как ключевые звенья и отметить их как потенциально новые

Вторым этапом будет определение точек утери информации, «узких горлышек» производства, где недостаточно контроля за результатом и как следствие возникновение брака\некачественно оказанной услуги или невыполнение работ. Это тот самый процесс, с которым предстоит поработать и именно это будет точкой роста для внедрения цифровых процессов.

Третий этап предполагает формирование новых цепочек взаимодействия, исключения некачественных звеньев либо полную автоматизацию операционных действий на этом участке (электронный документооборот, изменения процессов учета, формирование новых отделов и т. п.). Изначально новая структура проходит опытные испытания и тестирование гипотез улучшения результата путем перенастройки взаимодействия. Только затем, когда снят первичный результат можно внедрять на предприятии как новые связи взаимодействия и организационную структуру. (Что это значит? Это значит, что новый функционал или программное обеспечение используется параллельно текущему процессу на работе отдельных подразделений).

Четвертый этап – это апробация новой структуры и функционала программного обеспечения в онлайн режиме на предприятии, проверка его эффективности в режиме реального времени. Важно, что на этом этапе может быть выявлен откат назад в результатах и экономической эффективности, однако это нормально в связи с перестройкой процессов. Более того, может быть выявлена потребность в корректировке новой структуры так как при промышленном применении в масштабе выработанные решения могут показать себя неэффективными [3, с. 201].

Показателями экономической эффективности трансформационных процессов операционной деятельности можно считать следующее:

- увеличение оборотов компании;
- увеличение прибыли компании (не обязательный показатель);
- увеличение коэффициента полезного действия сотрудников;
- развитие новых направлений компании и исследование потенциально новых ниш;
- снижение % потерь и брака продукции / качества услуг (обязательный показатель).

Внедрение программного обеспечения, систем материального и управленческого учета упрощают ручной труд специалистов и делают корректным учет материалов, аналитику по оказанным услугам и прочее. При этом кратно повышается финансовый результат на предприятии. В том числе отчасти из-за того, что многие функции могут быть перераспределены между сотрудниками, а персонал сокращен. Некоторые предприятия идут по это-

му пути, а некоторые увеличивают обороты направляя в нужное русло высвободившееся время сотрудников [4, с. 98].

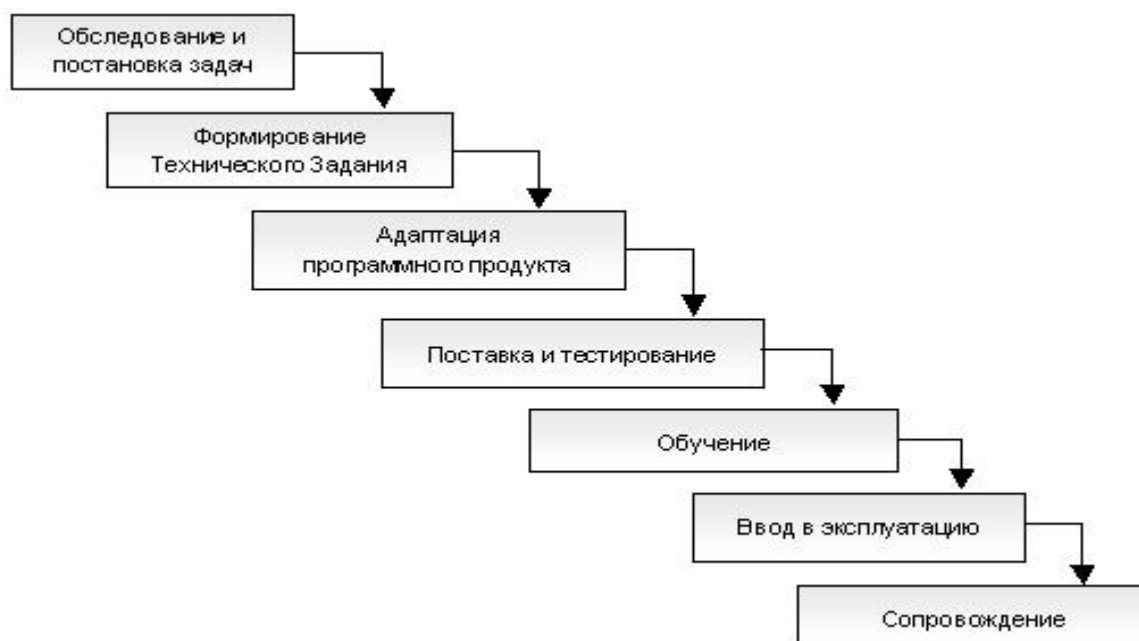

Рис. 2. Этапы внедрения программного обеспечения

Процессы внедрения цифровых систем на предприятии могут быть инициированы по разным причинам, однако они неизбежны, так как рынок требует высоких скоростей, которые стали возможны с освоением и внедрением программного обеспечения в операционные процессы компаний и теперь именно они задают темпы развития остальным.

Литература

1. Аистова М.Д. Реструктуризация предприятий: вопросы управления. Стратегии, координация структурных параметров, снижение сопротивления преобразованиям. – М.: Альпина Паблишер, 2002. – 287 с.
2. Алексеева А.И., Васильев Ю.В., Малеева А.В., Ушвицкий Л.И. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности. – М.: Финансы и статистика, 2006. – 528 с.
3. Голдратт Э. Критическая цепь. – М.: Попурри, 2013. – 362 с.
4. Голубев М.П. Лучше меньше, да лучше: реструктуризация как «минимаксная» стратегия развития предприятия // Рынок ценных бумаг. – 1999. – № 18. – С. 56–58.

АНАЛИЗ ХАРАКТЕРА ЦИФРОВОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Глебова Ирина Станиславовна,
Закиров Аяз Маратович

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В данной работе проведен анализ ответов респондентов в возрасте 14–35 лет на ряд вопросов о характере их цифровой активности в сети Интернет из анкеты «Социологическое исследование цифровой активности жителей Республики Татарстан». Установлены приоритетные каналы получения и распространения информации среди молодежи Республ

ки Татарстан, основные цели посещения ими сети Интернет, а также ключевые направления поиска информации в цифровой среде.

Ключевые слова: цифровая социализация, цифровая активность, молодежь, социологическое исследование, социологический опрос.

В наше время, когда информационное общество стремительно развивается, технологии наступают семимильными шагами, а доступ к цифровым ресурсам становится все более широким, цифровая активность и грамотность молодежи становятся ключевыми факторами для успешной интеграции в социокультурную и экономическую структуру общества. Это актуально не только для Республики Татарстан, но и для всех регионов Российской Федерации, вписываясь в общемировую динамику. Проникновение цифровых технологий в повседневную жизнь молодежи этого региона оказывает глубокое воздействие на их образование, культурную среду, социальные взаимодействия и возможности трудоустройства. В этом контексте исследование цифровой активности и грамотности молодежи Республики Татарстан приобретает актуальное и значимое значение [1, 2].

Необходимо глубокое исследование основных принципов информационного общества для полного понимания цифровой активности и грамотности среди молодежи. В современной эпохе, когда цифровые технологии проникают в каждый аспект нашей жизни, критически важно более детально разобраться в этих концепциях [3].

Цифровая активность охватывает уровень и характер участия молодежи в цифровой среде, выходя за пределы простого использования Интернета. Это включает в себя взаимодействие с платформами социальных сетей, мобильными приложениями, онлайн-форумами и различными цифровыми инструментами. Эта концепция представляет собой многогранный комплекс, включающий не только частоту и продолжительность онлайн-взаимодействий, но также цели, мотивацию и закономерности, лежащие в их основе [4, 5].

Также важно учесть разнообразие видов цифровой активности, которыми занимается молодежь. Эти виды могут варьироваться от пассивного потребления контента, такого как просмотр видео или прокрутка социальных медиа, до активных форм цифрового взаимодействия, таких как создание контента, ведение блогов, создание видео, цифрового искусства, а также участие в онлайн-сообществах и совместная работа над цифровыми проектами [6, 7].

Также важно учитывать разнообразие цифровых занятий, в которых участвует молодежь. Они могут варьироваться от пассивного потребления контента, такого как просмотр видео или просмотр новостей в социальных сетях, до активных форм цифрового взаимодействия, таких как создание контента (блогов, видеоблогов, цифрового искусства), участие в онлайн-сообществах и совместная работа над цифровыми проектами [8, 9].

Цифровая деятельность также связана с вопросами конфиденциальности, безопасности и цифрового гражданства. Понимание того, как молодежь ориентируется в цифровом пространстве и решает вопросы, связанные с онлайн-безопасностью, этикой и ответственным цифровым поведением, является важной частью общего понимания цифровой деятельности [10].

Это исследование нацелено на проведение анализа некоторых характеристик цифровой активности Республики Татарстан с использованием социологического подхода. Основой для этого служит социологический опрос под названием "Социологическое исследование цифровой активности жителей Республики Татарстан". Полученные в процессе исследования данные предоставляют ценную информацию для оценки уровня цифровой активности и грамотности молодежи, выявления особенностей и тенденций ее цифрового поведения. Для достижения целей исследования было проведено перекрестное анкетирование среди жителей Республики Татарстан. Анкета имеет следующее наименование – «Социологическое исследование цифровой активности жителей Республики Татарстан». В общей сложности было собрано 1554 ответа, представляющих самые разные слои населения, включая людей разных возрастных групп. Примечательно то, что среди собранных ответов 802 были вкладами мо-

лодых людей в возрасте от 14 до 35 лет, что составляет основной демографический фокус данного исследования.

Исследование проводилось в течение марта-апреля 2023 года, с помощью систематически составленной структурированной анкеты, состоящей из 48 вопросов. Респондентами были мужского и женского пола в возрастных группах от 14–17 лет до 65 лет и старше. Формулировка этих запросов была подкреплена тщательным подходом к разработке с целью всестороннего отражения широкого спектра тем, связанных с цифровой активностью и грамотностью.

Из обширного перечня 48 вопросов была выбрана подгруппа из 3 вопросов для тщательного изучения в контексте данного исследования ключевых аспектов цифровой грамотности молодежи Республики Татарстан.

Рассмотрим результаты ответов молодых респондентов на ряд ключевых вопросов опроса «Социологическое исследование цифровой активности жителей Республики Татарстан».

На рисунке 1 представлены результаты ответов молодых респондентов на вопрос «Какими каналами получения и распространения информации Вы регулярно пользуетесь?». Вопрос закрытый, с возможностью выбрать несколько вариантов ответа.

Какими каналами получения и распространения информации Вы регулярно пользуетесь?

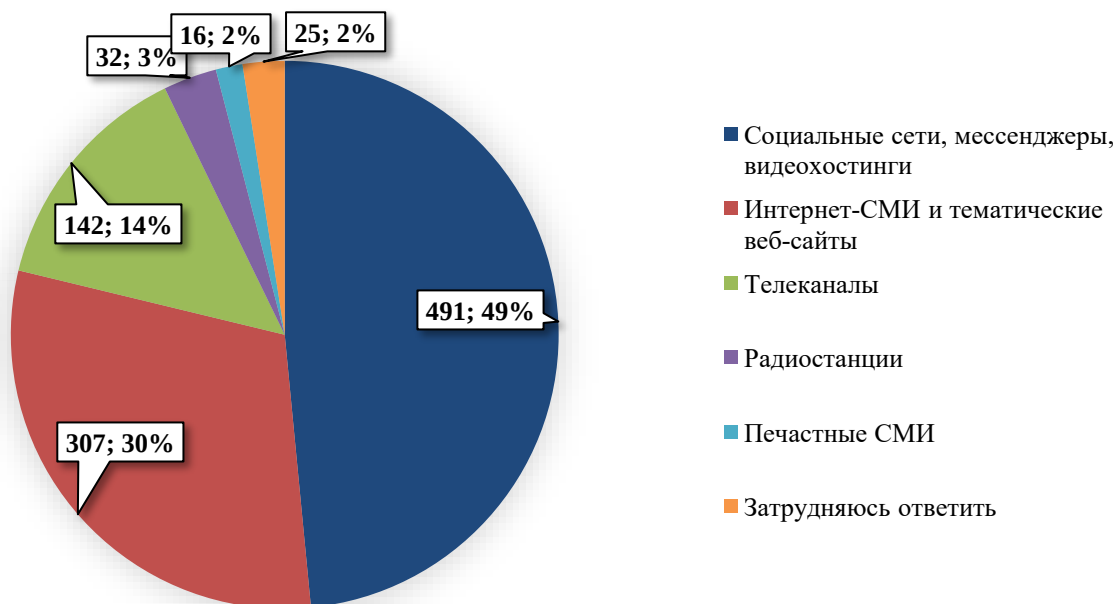

Рис. 1. Результаты ответов молодых респондентов на вопрос «Какими каналами получения и распространения информации Вы регулярно пользуетесь?»

Проанализировав статистику ответов на данный вопрос, мы приходим к общему выводу о том, что молодежь из Республики Татарстан, как представителей одного из регионов России, предпочитает использовать онлайн-каналы и сетевые инструменты для получения и распространения информации. Примерно половина всех молодых респондентов, то есть 491 человек, регулярно обращаются к социальным сетям, мессенджерам и видеохостингам. С учетом интернет-СМИ и тематических веб-сайтов, онлайн-каналы использования информации охватывают 79 % респондентов, что составляет 798 человек (307 молодых людей регулярно используют интернет-СМИ и тематические веб-сайты). В то время как несетевые каналы получения и распространения информации имеют существенно меньшую популяр-

ность, например, телевизионные каналы регулярно используют 14 % респондентов, радиостанции – 3 %, печатные СМИ – 2 %.

На рисунке 2 представлены результаты ответов молодых респондентов на вопрос «С какими целями Вы заходите в интернет?». Вопрос закрытый, с возможностью выбрать несколько вариантов ответа.

Рис. 2. Результаты ответов молодых респондентов на вопрос «С какими целями Вы заходите в интернет?»

В общем, распределение ответов на вопрос о возможности выбора нескольких вариантов оказалось достаточно равномерным. Среди молодежи Татарстана наиболее популярной целью посещения интернета является общение, что составляет 662 ответа, что составляет 19 % от общего числа ответов на этот вопрос. Затем цели посещения интернета можно разделить на две основные группы по уровню востребованности. К первой группе относятся образование (616 ответов, 17 %), развлечение и отдых (554 ответа, 16 %), приобретение товаров и услуг (529 ответов, 15 %). Ко второй группе относятся новости и аналитика (415 ответов, 12 %), работа и бизнес (411 ответов, 11 %), творчество (340 ответов, 9 %). Результаты этого вопроса показывают, что молодые люди в основном используют интернет для онлайн-коммуникации, образования и развлечений.

На рисунке 3 представлены результаты ответов молодых респондентов на вопрос «По каким направлениям вы чаще всего ищите информацию в интернете?» по первой (по популярности) половине вариантов ответов. Вопрос закрытый, с возможностью выбрать несколько вариантов ответа.

На аналитической диаграмме, представляющей выбор респондентов в первой (по популярности) половине вариантов ответа на вопрос о направлениях веб-серфинга, видно, что молодежь в основном ищет информацию в двух отчасти противоположных направлениях. С одной стороны, это развлечения и хобби (530 респондентов), а с другой стороны – наука и образование (471 респондент). Более 300 молодых людей ориентированы на поиск информации в областях, таких как культура, искусство и творчество (351 респондент), экономика и финансы (325 респондентов), политика, государственное и муниципальное управление (304 респондента). Первую по популярности среди респондентов половину вариантов ответа

на вопрос о предпочтительных направлениях поиска информации завершает тема техники и технологий (269 респондентов).

По каким направлениям вы чаще всего ищите информацию в интернете? Часть 1

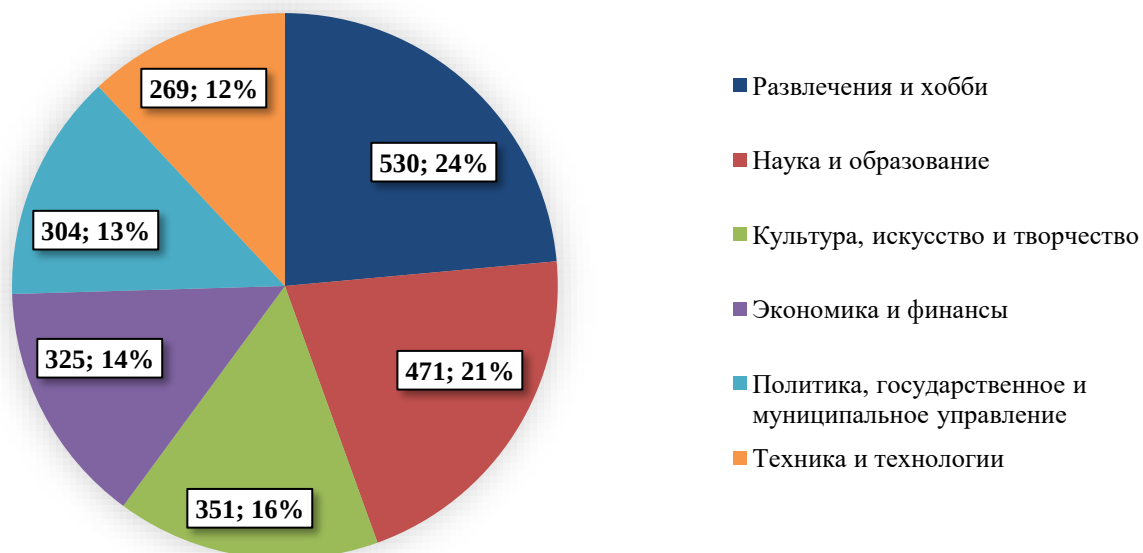

Рис. 3. Результаты ответов молодых респондентов на вопрос «По каким направлениям вы чаще всего ищите информацию в интернете?» по первой половине вариантов ответов

По каким направлениям вы чаще всего ищите информацию в интернете? Часть 2

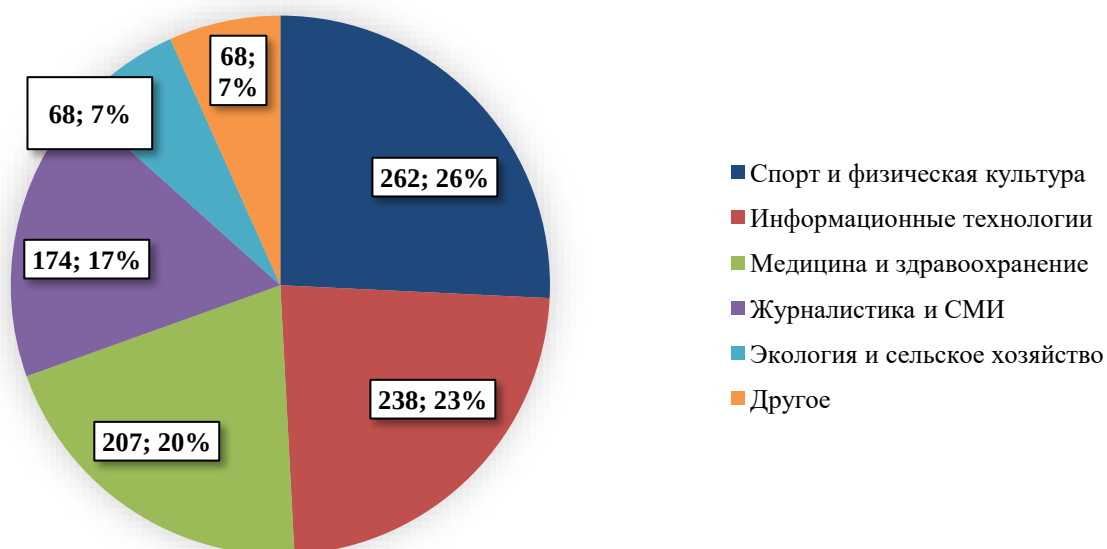

Рис. 4. Результаты ответов молодых респондентов на вопрос «По каким направлениям вы чаще всего ищите информацию в интернете?» по второй половине вариантов ответов

На рисунке 4 представлены результаты ответов молодых респондентов на вопрос «По каким направлениям вы чаще всего ищите информацию в интернете?» по второй половине вариантов ответов. Вопрос закрытый, с возможностью выбрать несколько вариантов ответа.

На аналитической диаграмме, отображающей выбор респондентов во второй (по популярности) половине вариантов ответа на вопрос о направлениях веб-серфинга, можно заметить, что в основном молодежь в первую очередь ищет информацию о спорте и физической культуре (262 респондента). Также более 200 молодых людей ориентируются на такие направления поиска информации, как информационные технологии (238 респондентов) и медицина и здравоохранение (207 респондентов). Более 100 молодых людей регулярно исследуют направления, такие как журналистика и СМИ. Одинаковое количество молодых респондентов (68 человек) выбрали такие варианты ответов, как экология и сельское хозяйство.

Таким образом, в ходе данного исследования мы проанализировали результаты ответов молодежи на несколько ключевых вопросов из анкетного опроса «Социологическое исследование цифровой активности жителей Республики Татарстан». Эти вопросы позволили оценить различные аспекты уровня цифровой активности молодых людей в ходе их разнообразной деятельности в сети Интернет. В результате анализа мы сделали несколько выводов. В частности, большинство молодых людей в Татарстане используют сетевые каналы и инструменты, такие как социальные сети, мессенджеры, видеохостинги, интернет-СМИ и тематические веб-сайты, для поиска и распространения информации. Топ-5 самых популярных направлений поиска информации в интернете среди молодежи включает развлечения и хобби, образование и науку, культуру, искусство и творчество, экономику и финансы, а также политику, государственное и муниципальное управление.

Благодарности: Исследование выполнено за счет средств субсидии, выделенной Казанскому федеральному университету для выполнения проекта № FZSM-2023-0022 «Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии» в рамках государственного задания.

Литература

1. *Setiadi D., Nurhayati S., Ansori A.* Youth's digital literacy in the context of community empowerment in an emerging society 5.0 // *Society*. – 2022. – Volume 11. – Issue 1. – P. 1–12.
2. *Mingyue M.G., Corey F.H., Chi-Kin J.L.* Investigating university students' digital citizenship development through the lens of digital literacy practice: a translingual and transemiotizing perspective // *Linguistics and Education*. – 2023. – Volume 77. – Issue 4. – № 101226.
3. *Anthony L.* Motivational beliefs, an important contrivance in elevating digital literacy among university students // *Heliyon*. – 2022. – Volume 8. – Issue 12. – № e11913.
4. *Ismail C.* Exploring the determinants of artificial intelligence (AI) // *Digital divide, computational thinking, cognitive absorption, telematics and informatics*. – 2023. – Volume 83. – Issue 6. – № 102026.
5. *Pritika R., Kaylash C., Shamina H.* A digital literacy model to narrow the digital literacy skills gap // *Heliyon*. – 2023. – Volume 9. – Issue 4. – № e14878.
6. *Maren O., Andrea B., Tanja B.* Digital competencies: a review of the literature and applications in the workplace // *Computers & education*. – 2020. – Volume 14. – Issue 6. – № 103752.
7. *Johanna Y., Matti P., Nils E., Turkka K.* Public libraries as a partner in digital innovation project: designing a virtual reality experience to support digital literacy // *Future generation computer systems* – 2023. – Volume 149. – Issue 1. – P. 594-605.
8. *Klychova G., Zakirova A., Sadrieva E.* Reporting in the area of sustainable development in agribusiness // *E3S Web of Conferences*. – 2019. – Volume 91. – № 06002.

9. *Glebova I.S., Anisheva Y.A., Gorelova J.N.* Digitalization impact on social and economic development of territory (russian regions) // Journal of advanced pharmacy education and research. – 2020. – Volume 10. – Issue 3. – P. 214–219.
10. *Faizrakhmanov D., Zakirova A., Klychova G.* Formation and disclosure of information on social responsibility of agribusiness enterprises // E3S Web of Conferences. – 2019. – Volume 91. – № 06004.

СЕТЕВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В РЕГИОНАХ РЕСУРСНОГО ТИПА: ПОДХОДЫ К ПРИМЕНЕНИЮ ИНСТРУМЕНТОВ DATA-MINING

Головацкий Евгений Васильевич

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Аннотация. Динамичные сетевые коммуникативные практики в рамках отдельных регионов выступают новым исследовательским пространством, в котором социальная и политическая мобилизация общества предстает в новом содержании быстрых вызовов, переходов социальной проблематики в политическую и обратно, наличия региональных повесток коммуникации и ресурсов. В то же время трансформируется исследовательская практика, появляются новые гибридные сочетания методов, включающие в свой арсенал инструменты интеллектуального анализа данных data-mining. Предлагается рассмотреть сборку общих социологических подходов и цифровых исследовательских инструментов в рамках изучения региональных сетевых сообществ Сибири.

Ключевые слова. Социальная мобилизация, политическая мобилизация, регионы, социологические исследования, интеллектуальный анализ данных data-mining.

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (проект FZSR-2023-0006 «Сетевая социально-политическая мобилизация в регионах ресурсного типа Сибири: исследовательские возможности инструментов data-mining»). Актуальность предлагаемой темы обусловлена сочетанием научного и практического интереса в изучении сетевых форм социальной и политической мобилизации в сибирских регионах. Проблема включает в себя сочетание традиционных исследовательских и инновационных методологических подходов к обозначенной теме.

В настоящее время наблюдается рост темпов «цифрового влияния» практически во всех сферах современной жизни, повышая градус внимания граждан/пользователей к обозначенной тематике исследования сетевой мобилизации и региональных сетевых сообществах. Порядковая частота и нелинейное повышение сетевой активности осуществляет перенос часть «физических» аспектов с учетом пространства реализации региональных социальных и политических проблем в цифровой плоскости повседневных коммуникативных практик. Объемы участия российских граждан в медиа-коммуникативную среду вокруг Интернета и облачных сообществ [1, с. 75–76], а также объем и «качество времени», проводимого в онлайн-среде, демонстрирует значительный качественный потенциал развития цифровых сообществ, складывании реактивных социальных сетей [2], и неочевидных коммуникативных установок.

Органы власти регионов с учетом новых информационно-коммуникативных трендов, сочетании ситуации сложных санкционных мер и трансформации современного российского общества в условиях специальной военной операции (СВО), и происходящей на этом фоне пересборке внутренних и внешних / международных моделей социально-политического, экономического и социокультурного поведения. Региональные чиновники, городские управленцы, главы территорий в рамках территориальных сетевых коммуникаций трансформируют повседневные практики социальной и политической мобилизации.

Необходимость деятельностных мобилизационных действий на местах, может быть обусловлена спецификой ресурсного обеспечения, спецификой управленческого контура регионов, а также возможностью региональных сетевых сообществ осуществлять параллельно социальную и политическую коммуникацию по актуальной повестке и пр.

В реальных практиках исследования социально-политических взаимодействий в российских/сибирских регионах присутствуют новые методологические приемы, оригинальные инструменты, управленческие предложения региональных практиков, включая трансформацию социально-политической мобилизации, видов и форм коммуникации, в т. ч. в виртуальном пространстве. Новые вызовы мировой и государственной повестки, угрозы «нормальной аномии» (С.А. Кравченко) заставляют авторов-исследователей ориентировать новую методологию социологических исследований на гибридные (сочетаемые) приемы сбора и анализа сетевых данных. Мобилизационная повестка включает в себя социальный и политический аспекты. На практике утрачивается в конкретном аспекте содержание классических мобилизационных форм, импортируя новые форматы социально-политического взаимодействия в плоскость инновационных методов отбора и выделения, поиска и исследования в виде цифровых проявлений социальной и политической мобилизации. Региональные практики социального и политического взаимодействия населения с органами власти обусловлено вектором направления (заданности), а также конкретным содержанием процессов цифровой мобилизации, наличием региональных разрывов, ресурсного обеспечения, а также появившимися в региональном пространстве различными пользовательскими платформами со сложной типологией и неочевидными основаниями структурной организации сетевых социально-политических коммуникаций.

В реальной системе социальной и политической мобилизации региональных сообществ непрерывно генерируются значительные массивы данных (включая возможности Интернет и различных облачных гаджетов, или самоорганизующихся коммуникативных сетей). В практическом плане напрашивается применение группы новых исследовательских методов с использованием больших данных. Исследователи предлагают использовать тематическое моделирование, которое представляет технологии статистического анализа текстов с целью автоматического выявления качественной тематики в больших массивах документах и базах хранения данных. Применяя принципы low/no-code для аналитических платформ, исследователи получают возможность осуществлять анализ недоступный в других аналитических системах, по причине своей вычислительной сложности или, например, сложности обработки значительных объемов данных [5]. Использование аналитических платформ для выявления акторов социально-политической мобилизации сетевых коммуникаций позволяет обозначить (отметить) наиболее значимые темы среди публичных страниц социально важных акторов (домашние, мусорные, хейповые и пр. тематики информационного потребления), выявить «тренды регионального сетевого участия», объединяющие и дифференцирующие пользовательские сообщества на значимую повестку участников сетевых сообществ. Большие цифровые данные и искусственный интеллект позволяют организовать синтез отношений. Для динамического решения задач искусственному интеллекту (ИИ) необходим большой объем данных для обучения и тестирования алгоритмов принятия решений. «Необходимо выработать новое представление о социальном. Оно быть гораздо шире, чем то, что обычно именуют этим словом, но строго ограниченным прослеживанием новых связей и построением их сборок» [3, с. 18].

Возможности и необходимость цифрового сопровождения сетевых региональных исследований формируют синхронный ритм региональных информационных событий из жизни сибирских регионов ресурсного типа. Инструменты и алгоритмы ИИ могут позволить создавать неочевидный/нетипичный набор инструментов измерения сетевых сообществ, принимая во внимание окраску сообщений, чувствительность коммуникативных повесток к изменениям, содержание контента, тональности сообщений, анализ цифровых следов региональных и иных пользователей и др.

Разработка вариантов цифровой социально-политической мобилизации региональных сетевых сообществ в перспективе позволит сформировать обособленные площадки консолидации социальных интересов и различного вида ресурсов в сибирских регионах ресурсного типа.

Современные практики социальной и политической мобилизации населения / региональных пользователей, атональных ресурсов, импостеров, а в перспективе также медиа-ботов в пространстве регионов Сибири. Важно помнить, что власть, региональные и городские органы управления не строго соответствуют формальному запросу на социально-политическую мобилизацию, что обусловлено противоречиями направленности и содержания процессов мобилизации, наличием региональных разрывов в практическом ресурсном плане построения характеристики проблем территорий/регионов. Функциональные и доступны для исследования сочетания традиционных форм и приемов с цифровыми инструментами сообществ и сред, вкуче с новыми для большинства регионов платформами социальной и политической мобилизации возможностей сибирских мест (миров).

В рамках изучения социальной и политической мобилизации мы обращаем внимание на следующие задачи исследования регионов:

- обоснование концепции социально-политической мобилизации в сетевых сообществах регионов ресурсного типа (специфика форм, приемов, ресурсов, местных историй);
- построение типологии региональной сетевой мобилизации (коммуникации и тренды);
- поиск триггеров сетевой социально-политической коммуникации (рабочие и имитационные квази-модели);
- формирование исследовательского инструментария цифровых методов data-mining (алгоритмы, приемы, элементы использования ИИ в изучении темы).

Полагаем, что целесообразно рассматривать слои сетевой социально-политической мобилизации в рамках регионов ресурсного типа:

- непосредственно пользовательская активность (карты и коды сетевых сообществ, обзор участников, тематические решетки информационных ресурсов региональной сети);
- формы и доступные для проверки каналы организации сетевых сообществ в региональной повестке (информационные следы территорий);
- построение регионального сетевого профиля с учетом форм ресурсной диспозиции (моделирование, картирование, ролирование с учетом коммуникативных связей, ресурсное обеспечение).

В рамках запланированного на кафедре социологических наук Кемеровского государственного университета исследования планируется описать мобилизационные позиции сетевых сообществ сибирских регионов с территориями ресурсного типа. Исходное выделение регионов представляется нам следующим образом по основаниям:

- добыча, производство и обработка: республика Тыва;
- высокий уровень ресурсной зависимости: Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа;
- ресурсная зависимость: Томская область, Иркутская область, Кемеровская область – Кузбасс;
- мезоуровень ресурсной зависимости: Тюменская область (без учета Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов), Красноярский край, республика Хакасия.

Предлагаемые нами сибирские регионы характеризуются четко выраженной ресурсной специализацией (производственной, социальной, иной), особенностью территориального притяжения/размещения, позиции по отношению к точкам сборки (силы), вероятностью возникновения определенных рисков и угроз развития регионов.

В интересах проведения гибридного исследования, базирующегося на сочетании новых методологических подходов и инструментальных приемов, мы предлагаем оригинальное построение методов исследования. В исполнительном плане в интересах реализации гибридного подхода активизированы исследовательские возможности специалистов института цифры

Кемеровского госуниверситета, а также возможности реализации задач проекта в сотрудничестве с консорциумом исследователей больших данных – сети центров прикладного анализа данных (<http://opendata.university/about>), который может обеспечить необходимые для исследования технические условия и компетенции (членство в ассоциации «Университетский консорциум исследователей больших данных», № 110 от 02.12.2022 г.).

В числе более эффективных моделей анализа цифровых данных, не требующим особой вычислительной сложности, используются модели, описывающие разреженные векторные представления. Идея такого подхода заключается в возможности получить представление слова, знака или документа в векторном пространстве, где похожие слова (единицы отбора/измерения) имеют наименьшее расстояние друг от друга в n -размерном пространстве.

Значительное количество доступных социальных сетей, доступных к изучению позволило разместить в свободном доступе большое количество цифровых следов пользователей: уникальные цифровые ID данные, социально-демографические данные пользователей, API или аналогичные данные, терабайты различной текстовой информации, позволяющей ставить и решать практически в режиме on-line различные задачи. Наиболее популярна и относительно открыта для исследования в современной России социальная сеть «ВКонтакте», которая ежедневно генерирует посредством пользователей огромные массивы данных [4], весомую часть которых можно собрать и анализировать в «цифре». Возможно, изучать пользовательские оценки, (анализ тональности сообщений или обнаружения поляризации), направленность коммуникативных интересов пользователей и сообществ, поиск важных тем и т. п.

В качестве варианта решения, способного управлять «порогом входа» исследователей, может служить применение low/no-code – аналитических платформ, где не существует необходимость в использовании языков программирования. Описываемые платформы позволяют исследователям в режиме визуально-графического проектирования, при помощи встроенных алгоритмов сформировать схему узлов и ребер, демонстрирующих содержание, качество и плотность сетевой пользовательской коммуникации.

Среди инструментов можно выделить: методы первичной / пилотажной диагностики (ситуационный анализ, вторичный анализ, социально-сетевой мониторинг, фокус-группы, социо-инженерные проективные методы); методы цифровой социологии (анализ big data, сетевой контент-анализ); инструменты сбора и интеллектуального анализа сетевой информации data-mining (программная среда PolyAnalyst, продукты Gephi и Colaboratory). Использование «цифровых приемов» может способствовать формированию массива индикаторов (уникальных именованных сущностей) сетевых региональных участников.

Формат исследования предполагает сбор и обработку массива больших данных с возможностью последующей ручной сортировки, отбора тональностей, построения пространственной модели акторных связей в масштабах сетевых региональных сообществ сибирских регионов ресурсного типа. Предусматривается изучение связанности участников сетевых региональных сообществ в совокупности актуальных пользовательских тем, включая «мусорные», ресурсы-импостеры, сетевые двойники и пр. Интересно выделение переходных коммуникативных тем или практик социальной и политической мобилизации в собственных и зачастую персонализированных историях (мирах) сибирских регионов.

Использование в проекте инструментов классификации в программе PolyAnalyst позволит получить относительно быструю и вероятностно распределенную, при соблюдении должных принципов, практическую визуализацию отношений / связей пользователей социальных сетей. Нетривиальные поисковые системы позволяют обнаруживать в оценках пользовательского сообщества плотность выбираемых для обсуждения тем и повесток, интересы региональных или городских аудиторий, информационные события. Для программного анализа значение имеют выделение связей, логических значений (например, операторы «и», «или»), использование стоп-слов, ручная разметка тональности и т. д. Таким образом, применяя инструменты data-mining в рамках сложно распределенных задач и решений (выборов) с неочевидными результатами мы можем получить комплексные результаты качественно-количественных данных с возможностью «быстрого» отклика на ситуацию, что представляет

самостоятельный интерес в оперировании управленческими и политическими решениями в масштабах регионов, а также возможностей моделирования быстрых больших данных в состоянии перехода (транзитивности). В целом возможности использования цифрового анализа актуализируют уникальные региональные формы (модельные схемы) социальной и политической мобилизации региональных сообществ, ранжирование конкретных жизненных/пользовательских треков участия населения в тех или иных сторонах акторов, участвующих в реальной региональной коммуникации.

1. Построение графов (конкретный регион + регионы + вручную объединенный + машиннообъединенный), в системе построения графов узел – это сообщество, ребро – общие подписчики (программный продукт Gephy 9.0).

3. Тематическое моделирование, сборка вычислительной последовательности (программная среда PolyAnalyst).

1. Множества сообщений (посты) в сообществах социальной сети «ВКонтакте» с указанием метки территории сообщества.

3. Количественные показатели реакций пользователей (лайки/дизлайки, репосты, комментарии).

5. Анонимизированные профили подписчиков сообществ с указанием id и названий сообществ в которых они состоят.

Ниже приводится пример построения акторно-сетевой модели связей сетевых сообществ (рис. 1.).

Рис. 1. Пример построения графа связей сообществ Кемеровской области по общим подписчикам (56 узлов, 1279 ребер, PolyAnalyst, декабрь 2022 г.)

Фундаментальная и практическая значимость изучения сетевой социальной и политической мобилизации региональных сибирских сообществ ресурсного типа заключается в практикоориентированном значении анализа и построения диалога с сетевыми сообществами сибиряков в условиях новой социальной реальности, трансформации трендов социально-политического взаимодействия, параллельного встраивания цифровой модели взаимодействия населения и власти.

Полагаем, что необходимый методологический переход к принципиально иным способам и инструментам изучения социальных и политических отношений в российском обществе, в частности его региональном развитии, новых реалии мира посткапиталистического общества, в сочетании со спецификой регионов, уникальных граждански / пользовательских позиций, роли и возможности сетевых сообществ на фоне трендов реактивных социальных коммуникаций.

Первые постановочные результаты измерений позволяют обозначить следующие пилотные показатели:

- ключевая повестка и проблематика пользователей базируется в дискурсах региональных сообществ: «СВО», «Чрезвычайные ситуации», «правопорядок» (безопасность), «мусорная тематика»;

- пересечение межрегиональных пользователей (в пилотном сравнении Кемеровской и Тюменской областей) обнаружило преимущество «сообществ-лидеров» региональных пользователей;

- примеры публичности и квазипубличности акторов не сохраняются в практиках сетевого взаимодействия, и подтверждена частично (квазипубличность);

- ресурсный фактор выступает группирующим признаком региональной идентификации и дифференциации.

Ожидаемые сетевые региональные результаты исследования определяется возможностью рассмотреть типичные и уникальные пользовательские сообщества в цифровой среде непрерывной коммуникации. Предлагаемый гибридный инструментальный анализ социальной и политической мобилизации сибирских региональных сообществ позволит в практическом плане сопровождать и создавать модели социальные изменения в регионах ресурсного типа, принимая во внимание вид, характер и масштабы мобилизации тех или иных ресурсов. В практическом аспекте описываемые методы организации исследования социально-политической мобилизации могут оказаться полезными органам власти (региональной, местной), представителям местных сообществ, государственным менеджерам, политикам, реальным драйверам социального и политического развития в стране и непосредственно в регионах, а также сумме сообществ, заинтересованных граждан / пользователей.

Литература

1. Головацкий Е.В. Политические нововведения в современном российском обществе: соционженерные перспективы «облачных участников» // Власть. – 2019. – Т. 27. – № 5. – С. 74–79.
2. Кранзеева Е.А., Головацкий Е.В., Орлова А.В., Нятина Н.В., Бурмакина А.Л. Реактивные социальные и политические взаимодействия в инновационных процессах регионов России // Власть и управление на Востоке России. – 2021. – № 2 (95). – С. 86–102.
3. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
4. Черкасов Е.И. Сравнение алгоритмов тематического моделирования при определении тематик постов людей в социальной сети «ВКонтакте» // Евразийский Союз Ученых. – 2020. – № 6-2 (75). – С. 45–49.
5. Deerwester S. Improving information retrieval with latent semantic indexing, proceedings of the 51st annual meeting of the american society for information science. – 1988. – Issue 5. – P. 36–40.

ЦИФРОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ: КЛЮЧ К СОВРЕМЕННОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

Гулгакы Союзбек кызы

*Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына,
Бишкек, Кыргызстан*

Аннотация: Цифровая компетентность преподавателей становится ключевой задачей педагога в современной образовательной среде. В данной статье анализируется значимость и характер цифровой компетентности преподавателей, ее влияние на образовательный процесс. Выделяется значимость цифровых навыков в рамках повышения качества образования, адаптации к быстро меняющимся технологиям и подготовке студентов к будущей карьере. Выявляется, что уровень цифровой компетентности влияет на доступ к информации, профессиональный рост и возможности для личного развития будущих специалистов.

Ключевые слова: цифровая компетентность, преподаватели, образование, цифровые навыки, профессиональное развитие, инновации в образовании, дистанционное обучение, адаптация к технологиям, глобализация образования, цифровая грамотность.

Современное образование подвергается революционным переменам под действием цифровых технологий. Данный сдвиг просит от преподавателей не совсем только приспособиться к новым способам, но и владеть высочайшей цифровой компетентностью. Цифровой профессионализм преподавателя делается основным моментом для обеспечения высококачественного образования во время цифровых трансформаций [1]. В этой статье будут рассмотрены сущность и значимость цифровой компетентности для преподавателей, также ее воздействие на современное образование.

Цифровая компетентность – это концепция, которая обрисовывает способность человека отлично использовать цифровые технологии и ресурсы в разных аспектах жизни, включая работу, образование, общение и роль в публичной жизни. Концепция цифровой компетентности обширно применяется в современном мире, потому что цифровые технологии становятся все более необходимыми в нашей ежедневной жизни.

Цифровая компетентность преподавателя включает в себя последующие нюансы:

- технические способности: умение работать с компьютерами, программным обеспечением, веб-ресурсами и прочими цифровыми устройствами и технологиями.
- информационная грамотность: способность давать оценку, избирать и рассматривать информацию из разных анонимных источников в вебе и прочих цифровых источниках.
- педагогическая компетентность: понимание, а всё потому как интегрировать цифровые технологии в образовательный процесс, разработка цифровых учебных материалов и методов обучения.
- цифровая безопасность: знание и соблюдение управлял и мер по обеспечению безопасности в цифровой среде, включая охрану данных и собственной инфы.
- социальная и этическая компетентность: осознание этических и социальных качеств использования цифровых технологий в образовании, включая вопросы конфиденциальности, цифровой грамотности и цифрового поведения.
- исследовательская компетентность: способность и готовность исследовать новые цифровые инструменты и методики, но также адаптировать их в собственной образовательной практике.

Цифровая компетентность педагога становится все более принципиальной в современном образовании, потому что можно преподавателям отлично использовать цифровые ресурсы для улучшения обучения и подготовки студентов к современному миру [2].

Цифровая компетентность имеет огромное значение в современном образовании по множеству обстоятельств:

1. Современный мир становится все более цифровым. Педагоги обязаны быть подготовлены к жизни и работе в цифровой эре, и преподаватели, обладающие цифровой компетентностью, могут превосходнее учить студентов подходящим способностям.

2. Цифровые технологические процессы дают возможность творить интерактивные и интересные учебные среды. Педагоги применяют разнородные онлайн-ресурсы, интерактивные уроки и мультимедийные материалы, чтобы сделать обучение более симпатичным и действенным.

3. Цифровые приборы дают возможность преподавателям адаптировать обучение к индивидуальным потребностям студентов. Это способствует более действенному обучению и подсобляет студентам достигнуть лучших результатов.

4. Цифровые технологии дают возможность педагогам и студентам разговаривать и сотрудничать со сверстниками из различных стран, расширяя горизонты обучения и развивая межкультурное осознание.

5. Познание и способности по части цифровых технологий становятся все более главными для будущей продвижения по службе. Преподаватели, владеющие цифровой компетентностью, подсобляют своим студентам получать необходимые способности для удачной работы в разных сферах.

6. Педагоги применяют цифровые инструменты для более эффективного управления классами, отслеживания успеваемости студентов и организации учебного процесса.

7. Обучение цифровой компетентности также содержит в себе понимание цифровой безопасности и этических качеств использования технологий, что принципиально для высокой защиты собственных данных и предотвращения киберугроз.

Для развития цифровой компетентности посреди преподавателей образовательных учреждений и органов управления образованием нужно использовать разные меры и программы. К примеру:

1. Образовательные учреждения могут организовывать постоянные обучающие семинары, воркшопы и курсы для педагогов, нацеленные на развитие и улучшение цифровых способностей. Эти мероприятия могут включать в себя обучение использованию специфичных образовательных технологий и программ.

2. Учреждения могут поддерживать создание цифровых образовательных ресурсов и учебных материалов, разработанных преподавателями с опытом в области цифровой компетентности. Эти материалы могут быть доступны для использования всеми педагогами.

3. Создание сетевых сообществ и платформ для обмена опытом меж учителями может содействовать распространению цифровых навыков. Учителя могут делиться наилучшими практиками, ресурсами и идеями.

4. Образовательные учреждения могут предоставлять учителям возможность личного обучения и консультаций по развитию определенных цифровых способностей.

5. Также, могут поощрять учителей включать внедрение цифровых технологий в свои учебные планы. Это может быть частью оценочных критериев и ожиданий для педагогов.

6. Министерства образования и учреждения могут разрабатывать мотивированные образовательные программы и инициативы по развитию цифровой компетентности педагогов на государственном уровне [3].

7. Поощрение и признание преподавателей, достигших высочайшего уровня цифровой компетентности, может служить стимулом для других.

8. Сотрудничество с международными образовательными организациями и обмен опытом с педагогами из других государств могут поспособствовать учителям извлечь пользу из глобальных передовых практик в области цифровой компетентности.

Существует множество цифровых ресурсов и инструментов, которые могут быть отменно применены в образовательной деятельности. Ниже приведены некие примеры таких ресурсов и инструментов:

Системы управления обучением (LMS). LMS-платформы, в том числе Moodle, Canvas, Blackboard и Google Classroom, дают возможность педагогам создавать, организовывать и управлять учебными курсами, также предоставлять задания и материалы для студентов.

Интерактивные доски. Интерактивные доски, такие как SMART Board или Promethean, дают возможность проводить уроки с использованием сенсорного экрана и интерактивных приложений, делая учебный процесс более интересным.

Онлайн-коллаборация. Инструменты для онлайн-коллаборации, например, Microsoft Teams или Zoom, позволяют учителям и студентам проводить веб-конференции, обсуждения и совместные проекты в режиме реального времени.

Электронные учебники и ресурсы. Существует огромное количество электронных учебников и онлайн-ресурсов, в том числе Khan Academy, Coursera и edX, предоставляющих доступ к образовательным материалам по различным предметам.

Генераторы контента. Инструменты для сотворения мультимедийных материалов, такие как Adobe Spark, Canva и Prezi, позволяют преподавателям и студентам готовить презентации, инфографику, видеоролики и прочие образовательные ресурсы.

Веб-квесты и головоломки. Платформы, такие как Kahoot! и Quizlet, предоставляют инструменты для создания интерактивных интернет-квестов и головоломок для проверки знаний студентов.

Блоги и вики-платформы. Blogger, WordPress и Wikispaces позволяют учителям и студентам создавать собственные блоги и вики-сайты для обмена информацией и знаниями.

Онлайн-симуляции и виртуальные лаборатории. Платформы, такие как PhET Interactive Simulations и Virtual Labs, предоставляют доступ к интерактивным симуляциям и виртуальным лабораториям для изучения научных и инженерных концепций.

Сервисы для создания и хранения заметок. Пользующиеся популярностью приложения, в том числе Evernote и OneNote, дают возможность учителям и студентам создавать и организовывать заметки, планы и материалы.

Социальные медиа. Платформы социальных медиа, такие как Twitter, Instagram и Facebook, могут употребляться для обмена информацией, общения и создания образовательных сообществ.

Средства для создания видеоконтента. Инструменты, такие как YouTube и Vimeo, позволяют учителям и студентам создавать, публиковать и обмениваться видеоуроками и материалами.

Платформы для кодирования и программирования. Платформы, такие как Scratch и Codecademy, предоставляют инструменты для обучения программированию и компьютерным наукам.

Эти ресурсы и приборы могут быть приспособлены и применены в большой зависимости от целей процесса образования и потребностей учителя и студентов [4].

Необходимо отметить, что, преподаватели могут сталкиваться с различными сложностями при развитии цифровой компетентности, и осознание этих сложностей может способствовать поиску новых направлений развития в этой области [5]. Вот некие из основных сложностей и подходящие будущие направления:

- нехватка времени: преподавателям довольно частенько не хватает времени на обучение новым цифровым навыкам и интеграцию их в учебный процесс в связи с загруженностью расписания.

- нехватка ресурсов: доступ к необходимым цифровым приборам и оборудованию возможен ограничен, необыкновенно в школах с ограниченными бюджетами.

- технические трудности: неопытные юзеры могут сталкиваться с техническими сложностями, в том числе сбоями в программном обеспечении, проблемами с веб-соединением и настройкой оборудования.

- отсутствие обратной связи и помощи: учителям может не хватать обратной связи и помощи со стороны администрации и коллег в развитии цифровой компетентности.

Будущие направления:

1. Профессиональное развитие: усиленное внимание стоит немного уделять разработке программ и инициатив, направленных на проф развитие преподавателей по части цифровой компетентности. Это включает в себя предоставление доступа к курсам и тренингам, а также выделение медли на самостоятельное обучение.

2. Улучшение доступности ресурсов: Образовательные учреждения и муниципальные органы могут работать над обеспечением учителей доступом к нужным цифровым ресурсам.

3. Техническая поддержка: Творенье служб техподдержки и устройств резвого реагирования на технические проблемы поможет учителям решать возникающие технические трудности более отлично.

4. Размен опытом: Содействие размену опытом меж учителями, в том числе через творенье сообществ и форумов, дозволит им извлекать уроки из опыта иных и находить решения для своих заморочек.

5. Интеграция в учебные планы: Учителям следует поощряться интегрировать цифровые способности в учебные планы и методику обучения, а также выделять время на обучение студентов цифровой грамотности.

6. Исследования и оценка: Проведение исследовательских работ и оценка воздействия цифровых инструментов на обучение посодействуют превосходнее осознать и измерить результаты интеграции цифровой компетентности в образование.

7. Творение эталонов и сертификация: Разработка стандартов цифровой компетентности для учителей и сертификационных программ может способствовать стандартизации и оценке их способностей.

Цифровая компетентность остается ключевой для успешной интеграции цифровых технологий в нашу повседневную жизнь и профессиональную деятельность. Она позволяет нам не только эффективно использовать существующие технологии, но и готовиться к тем инновациям, которые принесет будущее [6]. Езначение в контексте образования выделяется как основополагающее для подготовки будущих поколений к сложным вызовам и возможностям цифровой эры.

Литература

1. *Козлов А.* Цифровая компетентность преподавателя: сущность и структура // Педагогика. – 2017. – № 10. – С. 72–78.
2. *Гриценко А.* Развитие цифровой компетентности учителя в современном образовании // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 42. – С. 11–14.
3. *Чередниченко Т.* Профессиональная деятельность педагогов в цифровой образовательной среде // Информационные технологии и образование. – 2018. – № 2. – С. 33–41.
4. *Хохлова Н.* Цифровая компетентность педагога: понятие, структура, содержание // Вестник УрФУ. Серия: Компьютерные системы. – 2020. – № 2. – С. 113–122.
5. *Соболева Н.* Проблемы и перспективы развития цифровой компетентности педагогов // Педагогика и психология образования. – 2019. – № 4. – С. 26–33.
6. *Красильникова Л.* Развитие цифровой компетентности педагогов в условиях цифровой трансформации образования // Образование и саморазвитие. – 2017. – № 3. – С. 11–16.

ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ: КРЯШЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Денисов Андрей Евгеньевич

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация: В статье будет рассматриваться “революционный” период развития кряшенского движения. В этот период у национального движения были большие возможности и пер-

спективы. Кряшены получили: государственное светское признание органов власти (и представление в них); официальное признание кряшен отдельным народом в переписи населения 1920 года (с некоторыми оговорками); новые социальные лифты для кряшенского населения (ранее только через Церковь); светские институты развития культуры и образования; определённый плюрализм мнений на дальнейшее развитие движения. Анализируются и причины ослабления этих тенденции и в последующем и спада активности кряшенского движения.

Ключевые слова: идентичность, кряшены, эволюция сознания кряшенского движения, политическая активность, октябрьская революция, церковь, этнически-значимые символы, язык.

Если мы говорим о развитии кряшенского движения в первые годы советской власти, то этот период является, на мой взгляд, ключевым для развития движения в целом. Именно в этот период кряшенские активисты выдвигают требования общественно-политического характера и активно начинают участвовать в послереволюционной общественной жизни нашего края. Хронологические рамки этого периода можно условно указать с 1917 года до конца 1920-ых и начала 1930-ых годов.

Особая роль этого периода заключается в том, что кряшенское сообщество на 1917 год уже не было маргинальным элементом в общественной жизни Казанской губернии (и соседних, где проживали кряшены). Уже в период Первой русской революции 1905 года кряшенское сообщество было нацелено на интеллектуальный поиск, отличалось политической активностью и полифонией мнений и взглядов [1, с. 213].

Что касается эволюции сознания кряшенского движения, то она характеризуется тем, что уже были решены самые насущные проблемы кряшенского сообщества: образование, создание «литературного языка», выход из маргинального положения, появление собственной интеллигенции. Ко второму этапу движения кряшены подходили уже с хорошей ресурсной базой. Имелись свои учебные заведения; уже была хорошо образованная этническая интеллигенция, которая занимала определённую нишу в церковно-православной сфере.

После февральской революции список лидеров кряшен представлял из себя сплав так называемой «старой кряшенской аристократии» (священнослужителей, педагогов и миссионеров) и демобилизованных офицеров-фронтовиков [4, с. 6]. В этот период на волне демократического подъёма в стране между февральской и октябрьской революциями этот симбиоз лидеров «старого» и «нового» поколения открывают газету «Кряшен газеты» и выдвигают знаменитый тезис о кряшенах как об отдельной нации [2, с. 86].

Первоначальная политическая активность кряшенского движения неразрывно связана с деятельностью Общества мелких народностей Поволжья. Именно в рамках этого общества в марте 1917 года кряшенские лидеры создали свою собственную секцию. В частности, в уставе Общества мелких народностей кряшены обозначались как «старокрещённые татары» [5, с. 4].

Мы не знаем, как бы развивалось кряшенское движение если бы не произошла октябрьская революция. Возможно, не было бы в дальнейшем выдвижения политических требований и всё бы ограничилось бы продолжением просветительской деятельности и развитием идей Н.И. Ильминского. Однако произошла октябрьская революция, которая перевернула общественно-политическую жизнь в стране и в Казанской губернии. Затронуло это и кряшенское сообщество. В октябре 1917 года была создана отдельная кряшенская организация «Кряшен», возглавил её эсер Д.И. Касимов.

К этому периоду Союз мелких народностей Поволжья уже стал подвергаться эрозии и фактически стал распадаться после II Съезда (август 1917 г.). Это происходило из-за того, что камнем преткновения становился национальный вопрос, а точнее право наций на территориальное политическое самоопределение, что было противоположно мнению «старых» активистов национальных движений, которые выступали с позиций культурно-просветительской работы.

Эти процессы коснулись и кряшенского отдела при Союзе мелких народностей Поволжья. Представители офицеров-фронтовиков, светской интеллигенции и учащейся молодёжи стремились изменить нарратив газеты «Кряшен» на более политически-ориентированный, согласно духу времени. Это встретило сопротивление у «старой кряшенской аристократии». Теперь новые кряшенские лидеры не считали, что главным элементом кряшенской идентичности является религия (православие) и, следовательно, кряшены не являются «старокрещёнными татарами», а отдельной нацией [3, с. 252–253].

Таким образом, кряшены-коммунисты продвигали политический национализм, направленный на усиление этнической идентичности кряшенского населения. Особым достижением на этом поприще кряшен-коммунистов было проведение Первого общекряшенского съезда в Казани в июле 1920 года.

На Первом общекряшенском съезде главная дискуссия развернулась вокруг национального самосознания кряшен и дальнейшего будущего кряшенского движения. Делегаты фактически разделились на тех, кто выступал за создание национально-культурной автономии и дальнейшего культурного самоопределения кряшен и тех, кто выступал против этого и, наоборот, предлагал сближаться с татарами-мусульманами. В итоге был выработан компромиссный вариант – предоставление кряшенам национально-культурной автономии, но при этом было рекомендовано стирать различия и сближаться с татарами [4, с. 31].

Парадокс Первого кряшенского съезда заключается в том, что коммунисты-кряшены решили усиливать кряшенскую этническую идентичность через классовые противопоставления со своей собственной интеллигенцией (с первую очередь со священством и интеллигенцией). Таким образом, I кряшенский съезд вывел кряшенское движение из-под религиозного влияния Церкви и движение секуляризировалось.

В результате на этом этапе своего кряшенское движение получило:

- государственное светское признание органов власти (и представление в них);
- в своём роде официальное признание кряшен отдельным народом в переписи населения 1920 года. Хотя можно поставить под сомнение факт признания кряшен отдельным народом в переписи населения РСФСР 1920 года, так как в ней не было деления по национальному признаку, а только по языковому и религиозному;
- новые социальные лифты для кряшенского населения (ранее фактически только через Церковь);
- светские институты развития культуры и образования (например, кряшенский педагогический техникум действовал с 1922 по 1929 год и внёс большой вклад в развитие образования кряшенского населения);
- определённый плюрализм мнений на дальнейшее видение будущего движения, что способствовало «консервации» этнически-значимых символов и идентичности населения.

Однако, к концу 1920-ых годов развитие кряшенского движения сходит на нет. В частности, это было связано с:

- агрессивной антирелигиозной политикой на протяжении всех 1920-ых годов;
- массовое внедрение в кряшенской среде литературного татарского языка (его литературной нормы – казанского диалекта), что очень сильно ограничивало сферу распространения кряшенского говора. Фактически, он оставался ревалентен в домашней среде и в церковной;
- переводом татарского языка на яналиф (латинскую графику). Это привело к тому, что у кряшенского сообщества был нивелирован один из этнически-значимых символов движения (кириллическая азбука кряшенского говора, которая была создана Н.И. Ильминским на первом этапе движения);
- прекращение функционирования кряшенских СМИ путём объединения их с татарскими (например, главная на то время кряшенская газета «Киняш» прекратила выпускаться в конце 1929 года);
- прекращение работы кряшенского педагогического техникума в 1929 году. Прерывание функционирования этой институции было для кряшенского движения равносильно поте-

ри налаженного механизма кряшенской социализации через этнически-ориентированную образовательную среду.

Литература

1. *Габдрафикова Л.Р.* Человек в Революции: Казанская губерния. 1905–1907 гг. Экскурс в новую книгу // Историческая этнология. – 2016. – № 1. – С. 212–218.
2. *Илизарова В.В.* Этническая идентичность кряшен и институты её поддержания // Этносоциум. – 2012. – № 11. – С. 84–90.
3. *Исхаков Р.Р.* Конструируя кряшенскую идентичность: дискуссии вокруг «Кряшенского вопроса» в 1917–1920-ых гг. // Историческая этнология. – 2017. – № 2. – С. 251–257.
4. *Мухамадеева Л.А.* Общественные и культурные институты татар-кряшен в 1917–1940 гг.: монография. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – 252 с.
5. Устав Общества мелких народностей Поволжья. – Казань: Центральная Типография, 1917. – 11 с.

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ВЛАДЕНИЯ ЦИФРОВЫМИ НАВЫКАМИ НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАСЕЛЕНИЕМ РОССИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ¹

**Еремеева Екатерина Александровна,
Багаутдинова Наиля Гумеровна,
Садыртдинов Руслан Раисович**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация: в рамках исследования предпринята попытка выявления взаимозависимости отказа использования населением РФ электронных государственных и муниципальных услуг и от нехватки цифровых навыков. Данные о владении россиянами навыками работы с ИКТ, их сравнение с аналогичными данными других стран, анализ в динамике и разрезе разных возрастных групп позволяет сделать вывод об общем уровне цифровой грамотности населения России и его влиянии на заинтересованность граждан РФ в получении государственных и муниципальных услуг в электронном виде.

Ключевые слова: цифровизация, государственные и муниципальные услуги, ИКТ, цифровые навыки, цифровая грамотность, цифровое неравенство.

В современном мире, в том числе в России, использование цифровых технологий становится неотъемлемым элементом жизни населения. Исключением не становится и система публичного управления, цифровизация которой включает в себя множество элементов: общую концепцию цифровизации органов и ведомств, формирование системы межведомственного взаимодействия, внедрение «сквозных» технологий, в том числе искусственного интеллекта и т. д. [1]. Важным аспектом процесса цифровизации системы государственного и муниципального управления оказывается выстраивание удобного взаимодействия власти и населения. Одним из базовых механизмов, отражающих данное взаимодействие, является оказания государственных и муниципальных услуг в электронном виде. Данный механизм взаимодействия продемонстрировала свою значимость особенно ярко в период пандемии коронавируса 2020–2021 годов. При этом одним из ключевых вопросов изучения взаимодействия населения и публичной власти является готовность граждан использовать цифровые технологии в данном процессе. Различного рода препятствия и трудности при получении государственных и муниципальных услуг в электронном виде становятся причинами отказа

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01651. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01651/>

от подобного формата взаимодействия с властью, что может служить предпосылкой возникновения такого явления как формирование цифрового неравенства в обществе [2].

В связи с этим в рамках данной работы предпринята попытка изучить причины отказа населения от использования электронных государственных и муниципальных услуг. При этом основной акцент сделан на такой причине, как нехватка цифровых навыков для использования электронного формата взаимодействия с органами власти. Основным источником данных были сведения, представленные в ежегодном выборочном статистическом исследовании по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей, проводимом Федеральной службой государственной статистики РФ [3], сведения, представленные в исследовании Высшей школы экономики «Индикаторы цифровой экономики» [4] и «Цифровая экономика: краткий статистический сборник» [5].

Сведения о причинах отказа россиян от использования государственных и муниципальных услуг в электронном виде говорят о том, что недостаток навыков владения информационно-коммуникационными технологиями не теряет своей актуальности и сохраняется на уровне 17 % (табл. 1).

Таблица 1

Сведения о причинах отказа россиян от получения государственных и муниципальных услуг в электронном виде [3]

Причина отказа	2019	2020	2021	2022
Предпочтение личного визита	57,1	55,7	52,5	56,3
За респондента это сделали другие люди	17,3	17,3	18,3	18,9
Недостаток знаний и навыков	17,2	16,3	17,9	17,2
Отсутствие необходимости отправлять заявления	17,8	17,0	17,5	17,7
Получение необходимой услуги требовало личного визита	14,0	12,6	10,3	9,8
Отсутствие немедленной реакции	2,2	2,2	2,3	2,1
Опасения по поводу защиты персональных данных	2,5	2,4	2,5	2,4

Нехватка цифровых навыков как одна из причин отказа от электронных государственных и муниципальных услуг уступает только двум иным причинам. Это предпочтение личного визита и цифровая взаимопомощь гражданам (со стороны близких или сотрудников МФЦ). Указанные обстоятельства говорят о том, что анализ владения навыками работы с ИКТ действительно актуален с точки зрения дальнейшего развития механизма оказания государственных и муниципальных услуг в электронном виде в РФ.

На основе данного факта в рамках исследования в динамике за период 2019–2022 годов рассматриваются данные о владении населением РФ цифровыми навыками. Проводится сравнение показателей России с другими странами мира. Кроме того, в статье рассматривается личная оценка граждан РФ собственного уровня владения навыками работы с ИКТ, а также готовность их использовать не только при взаимодействии с органами публичной власти, но и в других сферах, а именно в сфере электронной торговли.

Обратимся к сведениям об общем уровне владения гражданами РФ цифровыми навыками (табл. 2). Для анализа были выбраны отдельные цифровые навыки, которые достаточно часто применяются не только на работе и в быту, но могут быть актуальны и для взаимодействия с органами государственного и муниципального управления.

Сами данные, представленные в таблице 2, сложно интерпретировать с позиции уровня владения цифровыми навыками населения РФ. Отметить можно тот факт, что уровень владения отдельными навыками за рассматриваемый период колеблется, причем не только в сторону увеличения, но и в сторону снижения (например, навыки по передаче файлов и созданию электронных таблиц).

Таблица 2

Доля населения РФ, владеющая отдельными цифровыми навыками,
% от общей численности населения РФ [3]

Навыки	2019	2020	2021	2022
Отправление электронной почты с электронными вложениями	39,7	42,2	62,6	64,8
Работа в текстовом редакторе	40,4	40,4	38,4	42,3
Использование инструментов копирования и вставки, в том числе в документе	24,9	27,7	27,7	29,3
Передача файла	31	27,3	26,1	22,7
Создание электронных таблиц	22,0	22,9	21,4	21,7

Существенное значение цифровые навыки приобрели в период коронавируса и самоизоляции [6]. Однако, глядя на данные в таблице 2, нельзя четко проследить тенденцию существенного роста развития навыков в 2020–2021 годах, то есть в период эпидемии COVID-19. Уровень владения по ряду в данный период оставались неизменными (например, «Работа с текстом»), а некоторые даже снижались (навык «Передача данных»).

Также можно отметить тот факт, что уровень владения отдельными цифровыми навыками более 50 % зафиксирован среди представленных только по такому навыку, как отправление электронной почты с электронными вложениями. Владение остальными навыками остается более низким и не превышает 50 % от общей численности населения РФ в возрасте старше 15 лет.

Для более глубокого анализа можно провести сравнение сведений из таблицы 1 с данными об аналогичных навыках среди населения европейских государств [4]. Так, Россия опережает по уровню владения отдельными навыками такие страны, как Болгария, Сербия, Румыния. При сопоставлении с остальными странами Европы можно отметить отставание России. Для сравнения можно привести следующие данные: в 2021 году уровень владения таким навыком, как «Отправление электронной почты с электронным вложением» в скандинавских странах составлял более 90 %, уровень навыка работы с электронными таблицами среди граждан Швеции, Норвегии и Финляндии был более 50 %, а умение пользоваться текстовыми редакторами в этих странах отмечали свыше 65 % граждан. Подобного рода сравнение позволяет говорить об отставании россиян от европейских стран в части развития своих цифровых навыков, что может сказываться и на актуальности использования электронных государственных и муниципальных услуг в РФ.

Важным аспектом оценки также остается и личное восприятие россиянами собственного уровня владения цифровыми навыками, которое сказывается на их уверенности и готовности применять данные умения, в том числе при взаимодействии с органами публичного управления. Данные исследования ВШЭ говорят о том, что по состоянию на 2021 год основная масса населения России оценивала свой уровень владения цифровыми навыками как «Низкий уровень». При этом если рассматривать показатели владения навыками работы с ИКТ за 2019–2021 годы (рис. 1), то можно отметить наиболее существенное увеличение категории граждан, которые оценивают свои навыки ниже базового уровня.

Диаграмма на рисунке 1 также демонстрирует рост такой категории граждан, которые оценивают уровень владения навыками работы с ИКТ выше базового уровня, но пока можно сказать, что увеличение данной категории опрошенных не столь существенно по сравнению с категорией «Низкий уровень». В целом можно отметить положительную динамику сокращения численности тех, кто не пользуется ИКТ или у кого отсутствуют навыки работы в цифровой среде. При этом можно отметить, что доля этих групп сократилась примерно на 4 %, тогда как доля граждан с низким уровнем выросла на 4 %. Этот факт можно рассматривать как косвенное подтверждение того, что граждане все же стремятся научиться пользо-

ваться ИКТ и овладеть цифровыми навыками хотя бы на низком уровне. Аналогично можно проследить взаимосвязь между уменьшением доли граждан с базовым уровнем владения цифровыми навыками и увеличением доли граждан с навыками выше базового уровня. Эта взаимосвязь также говорит о положительной тенденции в российском обществе. Но, несмотря на положительный характер этих изменений, пока нельзя говорить об их быстрых темпах, даже в такой период, как самоизоляция 2020 года во время эпидемии коронавируса. Таким образом, можно говорить о том, что даже объективные внешние обстоятельства в виде эпидемии COVID-19 и ограничений физических взаимодействий граждан, в том числе с органами публичной власти, не стали существенным толчком в развитии цифровых навыков населения [6].

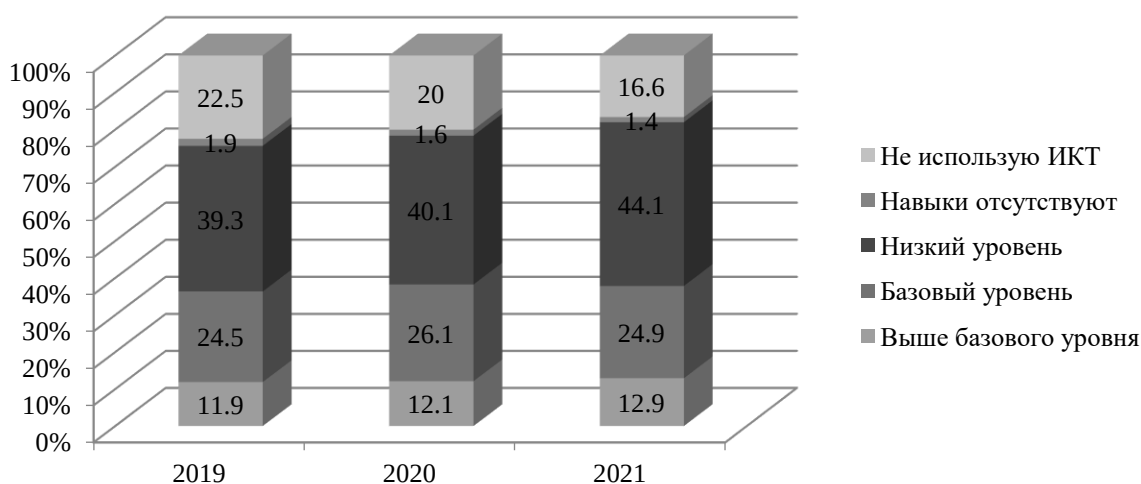

Рис. 1. Оценка гражданами РФ своего уровня владения цифровыми навыками [4]

Также интересно обратиться к рассмотрению оценок граждан своего уровня владения в разрезе разных возрастных групп (рис. 2).

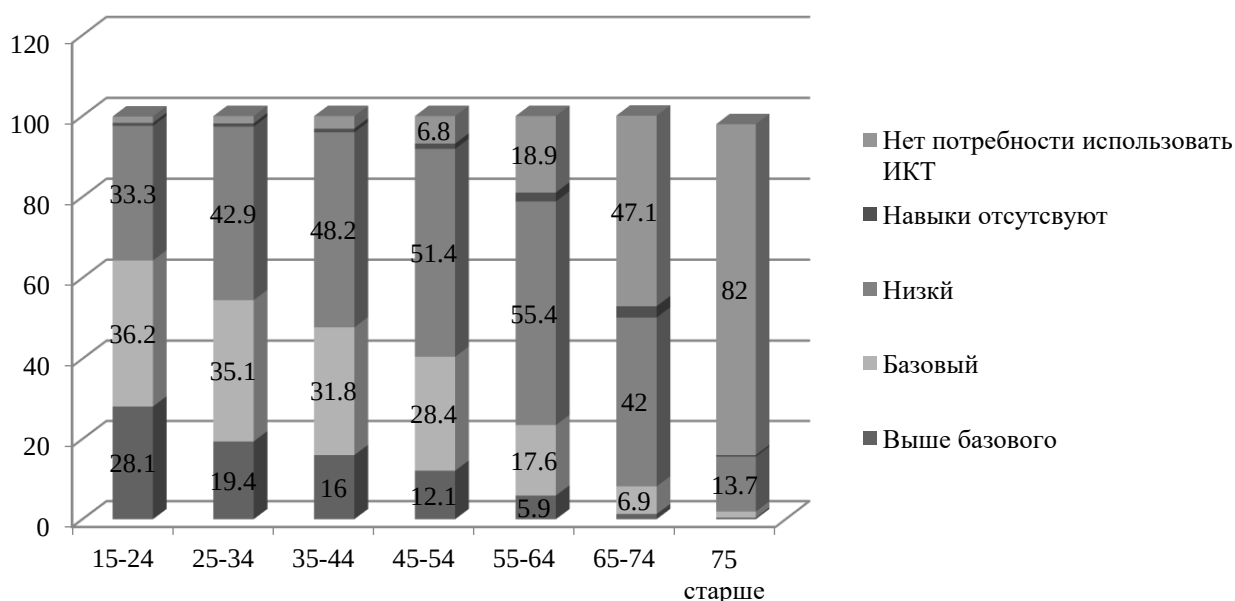

Рис. 2. Оценка россиянами разных возрастных категорий своего уровня владения цифровыми навыками (по состоянию на 2021 год) [4]

Диаграмма на рисунке 2 наглядно демонстрирует, что цифровые навыки наиболее актуальны для молодежи, в связи с чем уровень владения ими среди граждан возраста 15–24 года существенно выше. Однако стоит отметить, что возрастная категория граждан от 25 до 34 лет, которая также с точки зрения российского законодательства относится к категории молодежи, уже существенно ниже оценивает уровень своих цифровых навыков. Причем оценки граждан 25–34 лет ближе к оценкам более зрелого населения, нежели к оценкам граждан 15–24 лет. При этом подобного рода разрыв можно проследить не только по общей оценке навыков, но и по уровню владения россиянами отдельными цифровыми навыками (работа с электронными таблицами, текстовыми редакторами и т. д.). Если исключить пожилое население, для многих из которых использование ИКТ теряет актуальность (рис. 2.), то можно отметить, что наиболее существенный разрыв уровня владения конкретными цифровыми навыками наблюдается именно между группами «15–24 года» и «25–34 года». Указанные факты говорят о том, что цифровые навыки крайне быстро меняются, что приводит к отставанию в их освоении даже среди молодого населения России.

Для анализа влияния цифровых навыков населения РФ на актуальность получения гражданами государственных и муниципальных услуг в электронном виде также можно провести сравнение с показателями отказа граждан от покупок товаров и услуг в сети Интернет [4]. Если проводить сравнение причин отказа граждан от электронных государственных и муниципальных услуг и от электронных покупок, то можно отметить, сходство причин. Первостепенной причиной отказа является предпочтение личного посещения магазина или органа публичного управления. Отсутствие нужных цифровых навыков является третьей по популярности причиной отказа и от электронных государственных и муниципальных услуг, и от покупок в сети Интернет. Вторую позицию занимает такая причина, как получение цифровой взаимопомощи со стороны других людей. Подобного рода сходство позволяет сделать следующий вывод: если для человека не принципиально лично посещать магазин или орган публичного управления, то есть использование ИКТ потенциально актуально, то основным сдерживающим фактором и причиной отказа от применения цифровых технологий становится именно нехватка навыков. Уже этот факт делает актуальными государственные меры по повышению цифровой грамотности населения в РФ и развитию цифровых навыков граждан.

Можно сослаться на такую причину отказа, как возможность граждан обращаться за цифровой помощью к другим, что актуально и при получении электронных государственных и муниципальных услуг [5]. Пока электронная торговля показывает более быстрый рост подобной взаимопомощи, что обусловлено коммерческой направленностью интернет-магазинов и их заинтересованностью в увеличении продаж, а не навыков потребителей. То есть цифровая взаимопомощь в сфере электронной торговли приводит к росту выручки продавцов без существенного роста рисков безопасности. В сфере публичного управления подобного рода цифровая взаимопомощь может быть ограничена дополнительным риском безопасности большого объема личной информации о гражданах, а также перегрузкой многофункциональных центров, которые также оказывают цифровую помощь гражданам. Таким образом, развитие цифровой взаимопомощи при получении электронных государственных и муниципальных услуг более ограничено, чем в сфере электронной торговли, но тоже может иметь место в качестве переходной меры, пока уровень цифровых навыков населения остается не столь высоким, но развивать электронное взаимодействие граждан и органов власти необходимо.

Таким образом, проведенное исследование позволило установить, что на данный момент уровень владения цифровыми навыками действительно сказывается на актуальности для граждан электронного формата государственных и муниципальных услуг. Анализ данных в динамике за 2019–2022 годы показал, что общий уровень владения россиянами цифровыми навыками пока остается относительно невысоким. Это подтверждает как сравнение с показателями других стран, так и оценка самих граждан РФ. При этом общее отставание в уровне владения цифровыми навыками усугубляется их быстрым изменением, что приво-

дит к существенному отставанию в их освоении не только среди зрелого населения России, но и среди относительной молодой категории граждан в возрасте от 25 до 34 лет. Такие внешние факторы, как самоизоляция и эпидемия COVID-19 в 2020–2021 годах, как показало исследование, также не смогли оказать существенного влияния на темпы изменения уровня владения цифровыми навыками населения РФ.

Указанные факты говорят об актуальности проведения государством мер по повышению цифровой грамотности населения. При этом в современных условиях, когда динамика изменения цифровых навыков населения остается очень медленной, в качестве переходной, промежуточной меры может применяться развитие цифровой взаимопомощи. Актуальность данной меры демонстрирует не только анализ сферы электронных государственных и муниципальных услуг, но и развитие электронной торговли.

Указанные меры по развитию цифровых навыков и цифровой взаимопомощи позволят расширить число получателей государственных и муниципальных услуг в РФ в будущем, сделать цифровой формат взаимодействия граждан и власти более актуальным и целесообразным для россиян.

При поддержке:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01651, <https://rscf.ru/project/23-28-01651/>

Литература

1. Шклярчук М.С. Государство как платформа: люди и технологии / под ред. М.С. Шклярчук. – М.: РАНХиГС, 2019. – 112 с.
2. Волкова Н.В., Еремеева Е.А., Халилова Т.В., Кукушкина О.Ю. Оценка уровня развития информационного общества в отдельных регионах России // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2023. – № 3. – С. 279–282.
3. Итоги федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt20/index.html (дата обращения 10.09.2023).
4. Индикаторы цифровой экономики / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – URL: <https://www.hse.ru/primarydata/iio> (дата обращения 10.09.2023).
5. Цифровая экономика: краткий статистический сборник / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – URL: <https://www.hse.ru/primarydata/icekr> (дата обращения 10.09.2023).
6. Moser-Plautz B., Schmidhuber L. Digital government transformation as an organizational response to the COVID-19 pandemic // Government Information Quarterly. – 2023. – Volume 40. – Issue 3. – № 101815.

КОНСТРУИРОВАНИЕ И РЕКОНСТРУИРОВАНИЕ СОБЫТИЙ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Жемчураева Сета Шахитовна

*Комплексный научно-исследовательский институт имени Х.И.Ибрагимова РАН,
Грозный, Россия*

Аннотация. В работе последовательно разбирается феномен исторической памяти о событиях Кавказской войны. Описываются причины высокой оценки роли и значения Кавказской войны для чеченского этноса. На основе эмпирических данных впервые анализируются субъективные основания конструирования и воспроизводства исторической памяти чеченцев

о Кавказской войне. Предложены инструменты, призванные обеспечить трансляцию событий войны от предыдущих поколений чеченцев к последующим. Сделан вывод о необходимости использования примеров стойкости и упорства участников тех исторических событий в мирных процессах созидания и творчества в настоящее время.

Ключевые слова: Кавказская война, историческая память, чеченцы, горцы, свобода, вынужденные миграции.

Роль и место Кавказской войны в исторической памяти чеченцев.

В мае 2024 года исполнится 160 лет со дня окончания Кавказской войны. Это историческое событие XIX века имеет непреходящее значение для всех народов, принимавших участие в кровопролитном противоборстве. Чеченцы понесли в той войне колоссальные потери. Значительное число народа было истреблено физически, другая часть вынужденно покинула исконные территории. Кавказская война в структуре исторической памяти ныне живущих чеченцев актуализируется по нескольким основаниям.

1. Историческая память чеченцев о Кавказской войне является конкретным отражением сакральной природы привязанности к земле предков, которую на протяжении столетий им приходилось мужественно защищать от притязаний врагов. В таком во все времена неравном противостоянии воплотилось решительное стремление чеченцев к свободе как неотъемлемому компоненту их идентичности. Чеченский этнос в своем историческом развитии не знал классового расслоения и рабства в каких бы то ни было проявлениях. Чеченцы в Кавказской войне выступили как монолит и проявили отчетливые черты этнической самобытности, целостности как народа. Эти черты не единожды выражались в последующих социальных катастрофах этноса, таких как, поголовное насильственное переселение чеченцев в 1944 году в Казахстан и Среднюю Азию, полномасштабных боевых действиях на территории Чечни на рубеже веков в 1994–1996 гг., 1999–2000 гг. Роль кавказских народов в отражении агрессии в период Кавказской войны подчеркнул Президент Б.Н. Ельцин в специальном послании в мае 1994 года к 130-летию со дня ее окончания. «События более чем вековой давности возвращают нас к далеким годам, когда в борьбе за Кавказ столкнулись интересы Российской империи, Великобритании, Франции, Ирана и Турции. Все эти государства несут свою долю ответственности за многострадальную судьбу горских народов.

Эхо Кавказской войны, которой были принесены большие человеческие жертвы и материальные потери, до сих пор болью отзывается в сердцах многих россиян. Пусть земля будет пухом тем, кто пал на поле боя, потерял жизнь от жестокостей войны, и тем, кто, будучи вынужденным покинуть Отчизну, умер на чужбине, испытал горечь утраты Родины. Пусть память о тех давних трагических событиях хранится в сердцах потомков и служит всем нам предостережением от новых трагедий.

В разные периоды истории, в зависимости от политической обстановки, Кавказская война 20–60-х годов XIX века оценивалась и освещалась по-разному. В настоящее время, когда Россия строит правовое государство и признает приоритет общечеловеческих ценностей, появляется возможность объективной трактовки событий Кавказской войны как мужественной борьбы народов Кавказа не только за выживание на своей родной земле, но и за сохранение самобытной культуры, лучших черт национального характера.

Проблемы, доставшиеся нам в наследство от Кавказской войны, и в частности возвращение потомков кавказских переселенцев на историческую родину, должны решаться на межнациональном уровне путем переговоров с участием всех заинтересованных сторон» [1].

Кавказская война, послужившая главной причиной переселения народов Северного Кавказа в Турцию из мест исконного проживания, связана с физическим отрывом от сакрального пространства – родной земли. «За весь период переселения по подсчетам исследователя Ибрагимовой З.Х. покинули свою историческую Родину и переселились в Турцию около ста тысяч чеченцев и ингушей. С 1865 по 1869 гг. в Турции от голода и столкновения с войсками погибло треть перелившихся туда чеченцев» [3, с. 33–34]. Для чеченского народа эти события имели трагический характер. В Чечне в течение XIX века погибло 70 % населе-

ния. Также обстояло дело и в других областях Кавказа. В войне погибли и были искалечены сотни тысяч царских солдат. Полностью было разрушено хозяйство и социально-экономический уклад горцев [4].

2. К началу Кавказской войны в 19 веке чеченскому обществу удалось достичь высочайшего уровня самоорганизации и обеспечения свобод и гарантий личности. «Победа в великой Кавказской войне – 25 лет шла эта война одна, а вся, наверно, 100 и еще больше. Почему она была так долго? Крепостная зависимая Россия воевала со свободной демократической Чечней» – сказал в своем выступлении известный политический деятель, ученый Р.И. Хасбулатов [2]. Этнолог Ян Чеснов констатировал: «Именно этой нации в прошлом удалось осуществить уникальный мировой эксперимент по достижению демократического общества» [5]. Чеченцы, объединенные единой территорией проживания, языком, религией и культурой, сформировали исключительно гармоничную, последовательную систему функционирования общества и государства. «В новый XIX век чеченцы вступают, говоря словами документов «сильнейшим» народом Кавказа, насчитывающим по самым заниженным оценкам специалистов не менее 1 миллиона человек, гордым своим прошлым, претендующим на роль предводителя всех горских народов» [3, с. 18].

Чеченскому обществу чужды были классовые институты. Здесь осознанно были упразднены социальное неравенство и признано за каждым индивидом, независимо от пола и возраста, право на личную свободу, чеченцы возможности лишиться этой свободы предпочитали смерть. «Возведенная в абсолют личная свобода человека, его честь и достоинство были гарантированы самим устройством чеченского общества, его правовыми нормами и моралью. В государстве отсутствовали аппарат насилия и бюрократия, чеченцы не платили налогов и не содержали регулярное войско. Их обязанности по отношению к государству состояли в том, чтобы с детства обучаться воинскому искусству и в случае опасности, грозящей стране, являться для ее защиты со своим конем и военным снаряжением, а также в течение всей своей жизни строго соблюдать законы и нормы обязательного для всех правового и морально-этического кодекса чеченского народа – Адата. Адат имеет очень древние корни, но окончательно сформировался в период средневековья, что и определило его рыцарский характер» [4]. Созданное демократическое государство, право на свободу пришлось отстаивать чеченцам в очередном военном столкновении в ходе Кавказской войны. Люди боролись за свое Отечество, свою родину, свою землю, это придавало им моральные силы по сравнению с царской идеологией, стремящейся к порабощению.

3. Принципиально иные основания идентичности, которые необходимо было защитить. Известно, что этническая идентичность чеченцев формировалась в контексте кавказской культуры. «Этническая история Северного Кавказа уникальна для России и исключительно сложна. Особенности жизни выработали у его народов специфические динамические стереотипы этнического поведения. Россия, осваивая этот край, встретила здесь совершенно иной мир, иной образ жизни, иные ценности, которые плохо понимала и воспринимала» [6, с. 42]. Религия, родной язык, уважение к старшим, помощь слабым, привязанность к земле и ее облагораживание, тесные кровнородственные связи, уникальные этнокультурные ценности, сложившиеся в ходе этногенеза – фундаментальные основы социокультурной и этноконфессиональной идентичности чеченцев. Жизнь чеченцев была конкретно регламентирована «так называемыми житейскими правилами: как говорить с женой при людях, в семье; как говорить с детьми при старших, при младших, при родственниках, при посторонних; как вести себя дома, в гостях; что делать при встрече со взрослым, с молодым; как помочь старику сойти с лошади или садиться на лошадь; как ухаживать за гостем, о чем и как говорить с ним; кому уступать правую сторону от себя; как садиться за стол; как есть дома и в гостях» [7, с. 45]. Чеченцы осмысленно боролись за сохранение стержневых духовных компонентов этнической идентичности.

4. Самоотверженность и самоотречение героев Кавказской войны стали выразительной моделью для подрастающих поколений чеченцев. Представителей чеченского этноса во времена социальных катастроф, войн, репрессий отличало бесстрашие, непоколебимая сила ду-

ха, самообладание. Предельно жесткие природные условия и боевые действия, в которых они вынуждены были участвовать, воспитали в них такие качества как стойкость, храбрость, непреодолимое стремление к отчаянному сопротивлению, в том числе, при очевидном серьезном дисбалансе сил и средств. Среди них редко можно встретить труса. Подобная среда формировала людей, главным смыслом жизни которых становились сохранение жизни, достоинства и свободы. Сложить оружие, убоявшись смерти, считалось бесчестьем, а поэтому смерть всегда была предпочтительнее, чем сохранение жизни ценою утраты чести и свободы [8, с. 21–22]. Вместе с тем, даже малые войны для немногочисленного чеченского этноса оборачивались титаническими кризисами, не говоря уж об испепелившей территорию их проживания и затяжной Кавказской войне.

Совокупность обозначенных и иных объективных и субъективных факторов запечатлена в исторической памяти чеченского этноса, как выражение приверженности многовековым традициям и уверенности в истинности противостояния, демонстрирующего стремления целого народа.

Субъективные факторы конструирования исторической памяти чеченцев о Кавказской войне.

Прикладное социологическое исследование исторической памяти жителей Чеченской Республики было проведено сотрудниками Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН в марте–мае 2022 года «Историческая память чеченцев: факторы конструирования и воспроизводства» методом полуструктурированного опроса. При формировании двухступенчатой квотно-стратифицированной выборки по территориальному, возрастному и гендерному признакам были использованы данные пропорциональных распределений в рамках официальной статистики [9]. В выборке представлены как горожане (гг. Грозный, Аргун), районные центры (гг. Урус-Мартан, Шали, Гудермес, Курчалой), так и сельское население (жители сел). С учетом валидных данных анкет, заложенных на корректировку выборки, итоговая совокупность опрошенных составила 456 человек. Распределение по половой принадлежности отражает пропорции генеральной совокупности: мужчин – 49 %, женщин – 51 %.

Лидирующими по величине значимости в сознании ныне живущих чеченцев являются: геноцид чеченцев в 1944 году (44 % опрошенных), Кавказская война (19 век) – каждый пятый респондент (20 %), национально-освободительное движение под руководством Шейха Мансура (1785–1791 гг.) (13 %).

Фактически геноцид чеченцев в 1944 году остается эмоциональным ядром исторической памяти. Проведенные автором социологические исследования подтвердили специфическое восприятие масштабности той трагедии для этноса ныне живущими чеченцами [10, с. 36–42].

Что касается непосредственно конструирования и реконструирования исторической памяти чеченцев о Кавказской войне, то респондентам прежде всего были предложены варианты ее номинаций. В результате 62 % отметили, что они предпочли бы назвать интересующее нас событие как «Кавказская война», 18 % – «Великая Кавказская война», 13 % – «Русско-Кавказская война», а 7 % затруднились с ответом. Социологические замеры выявили значительную часть респондентов, которая стремится не акцентировать внимание на этнических аспектах. Вместе с тем, в названии «Русско-Кавказская война» очевиден, хоть и несущественный, этнический контекст конструирования собственных подходов к Кавказской войне и ее интерпретаций.

Соотношение ответов на вопрос: «Вы согласны или не согласны с тем, что Кавказская война была во всех отношениях несправедливой и привела к геноциду чеченцев?» отмечено следующим образом. Абсолютное большинство (83 %) респондентов согласились с данным утверждением. 4 % опрошенных не поддержали предложенную формулировку, а 13 % от общего числа опрошенных чеченцев затруднились ответить. Подобное восприятие событий Кавказской войны, на наш взгляд, является глубоко осмысленным и отражает следствие этнической травмы, сформированной пережитыми этносом тяготами изнурительной войны, беспрецедентной по длительности и количеству человеческих жертв.

Анализ ответов на открытый вопрос: «Назовите исторические лица, участвовавшие в боевых действиях?» демонстрирует величину военно-политической значимости чеченского наиба Байсангура Беноевского. Так, 79 % опрошенных обозначили Байсангура Беноевского как наиболее активного участника боевых действий, 11 % респондентов назвали А.П. Ермолова, 4 % респондентов – имама Шамиля, 3 % опрошенных чеченцев – Гази Мухаммада, еще 3 % участников опроса затруднились ответить. Героизм и самоотверженность, непомерная сила духа и иные в высшей степени высоко нравственные характеристики воина Байсангура Беноевского, до конца жизни оставшегося преданным идее, адекватно оцениваются ныне живущими чеченцами.

Как пишет А.Д. Осмаев: «Безусловно, события Кавказской войны XIX в. сохраняются в исторической памяти всех северокавказских народов, в том числе, и чеченского, хотя, надо признать, официально для этого практически ничего не предпринимается, кроме как историками, и сайтом Чечен-инфо (<http://checheninfo.ru>), раздел «Энциклопедия Чеченской Республики». К примеру, нет памятников, связанных с историей войны, её жертвами с обеих сторон, кроме мемориала в память погибших женщин, установленного в сентябре 2013 г. на месте разгромленного по приказу А. Ермолова в 1819 г. чеченского села Дады-юрт. Кстати, сооружение мемориала вызвало бурю эмоций в российской прессе и сети Интернет, которая не имела никакого отношения к событию, но стала яркой иллюстрацией состояния межнациональных отношений в нашем обществе.

Замалчиванием такого исторического феномена как Кавказская война вряд ли можно добиться какого-либо положительного эффекта в воспитании и общественном сознании, но и так называемая «война историографий», донельзя идеологизированная, малопродуктивна, как и превращение истории в некий трибунал. Требуется осмысления, на наш взгляд, и такая проблема как антикавказские настроения в современном российском обществе, в которое кавказцы инкорпорированы, по меньшей мере, уже более 150 лет. Как известно, больше всего войн Россия вела с Турцией, Германия в двух мировых войнах была противником России, но отношение к туркам и немцам совершенно иное.

В памяти значительного количества людей сохранены имена их предков, которые участвовали в Кавказской войне. В селах, ряде трудовых коллективов знают потомков, например, как известных наибов – Ахмада Автуринского, Джаватхана из Дарго, Шоаип-мулы из Центароя, так и рядовых участников. Одним из самых знаковых и известных чеченцев-участников Кавказской войны является наиб Байсунгур Беноевский, о котором много пишут, слагают песни, стихи.

Трудно переоценить в деле сохранения исторической памяти о Кавказской войне книгу народного писателя Чечни А. Айдамирова «Долгие ночи», изданную на чеченском, а впоследствии и на русском языках, которая была сначала издана в советское время, а затем запрещена и даже из школьных учебников вымарывались страницы с отрывками из неё.

Женщине-участнице Кавказской войны посвящен исторический роман писателя Л. Яхьяева «Таймасха Гехинская», изданный на чеченском и турецком языках. ЧГТРК «Грозный» снял цикл «Кавказская война» из 8 фильмов, доступный в YouTube, но, к сожалению, художественных фильмов чеченских режиссеров о той войне нет, да и не только чеченских» [11, с. 78–79].

В 2022 году открыта футуристическая скульптура-инсталляция в виде памятника Байсангуру Беноевскому, созданная из металлических пластин, расположена она в центре круговой транспортной развязки в Байсангуровском районе Грозного. По обе стороны от статуи возведены две пятиметровые луны. Сама территория объекта оборудована современной подсветкой и облицована натуральным камнем. В 2020 году по инициативе жителей Грозного бывший Октябрьский район города был переименован в честь чеченского полководца Байсангура Беноевского [12].

Элементами этноисторического сознания являются ценностные представления о прошлом: история не может не оцениваться, причем сама избирательность исторических событий в актуализированной памяти носит оценочный характер и интерпретируется в виде ди-

хотомических пар: добро – зло, прогресс – регресс, гордость – стыд [13, с. 48]. Сквозь призму этих представлений проступают этнонациональные чувства.

«Сознание принадлежности к своей общности, гордость за происхождение, органично воспринятая культура – все это при наличии деятельной ассоциативной сети – дают индивидам гарантии гармоничной вовлеченности в ткань общества» [14, с. 147].

Чтобы память не меркла...

Ж.Т. Тощенко пишет об исторической памяти о Великой Отечественной войне: «Как сохранить и бережно отнестись к памяти о величайшем героическом событии, которое вбирает в себя огромный пласт гражданского сознания, личной убежденности, чувств сопричастности к произошедшему жесточайшему испытанию судьбы страны и народа? К сожалению, здесь присутствует много формального отношения, а иногда и просто злоупотреблений и профанации памяти, когда, апеллируя к героическому прошлому, соблюдаются только официальные этикетки без души и глубокого бережного отношения к прошлому. Как любое святое дело, его не надо по-пустому славословить, упражняясь в заскорузлых или самодельных импровизациях, которые не содержат главного – искренности оценок, восхищения героизмом и в то же время осознания горести колоссальных потерь» [15, с. 21–22]. Подобные суждения, на наш взгляд, можно смело экстраполировать на современное состояние и перспективы конструирования исторической памяти чеченцев о Кавказской войне.

Во избежание трафаретных, не в полной мере продуманных и злоупотребляющих этой памятью мероприятий, и порождения негативного восприятия событий Кавказской войны, как олицетворения безграничной воли чеченцев к свободе, необходимо создавать оригинальные начинания. Это могут быть как продолжение коммеморативных практик, так и иных инициатив, в том числе художественного кино, призванных визуализировать как борьбу непосредственных участников Кавказской войны, так и состояние чеченского общества того времени, где противоборство коснулось всего народа, каждой семьи, каждого человека. Сказанное в полной мере соответствует исторической правде, поскольку война эта была по-настоящему народной: гибли в битвах чьи-то сыны, уничтожалось накопленное имущество и хозяйство, сжигались аулы и дома до пепла, полностью разрушались памятники духовной и материальной культуры, были убиты десятки тысяч мирных людей.

Увековечить и закрепить в общественном сознании историческую память о Кавказской войне, возможно, на наш взгляд, исходя из того, что эта война была непомерно долгой, многоплановой, неоднозначной, героической и трагической, с огромными людскими потерями и издержками. Война привела чеченский этнос к критическим количественным значениям и направленность демографического вектора сводилась к полному физическому исчезновению народа. Многие выжившие чеченцы, которые вынуждены были мигрировать со своих родных мест в Турцию, по сегодняшний день так и не вернулись на родину в Чечню.

Охватить, описать, проанализировать в социологическом ракурсе Кавказскую войну во всем многообразии, на сегодняшний день, практически не удалось никому. Есть случаи преувеличения и искажения событий той войны, связанное с неточными, некомпетентными, а зачастую предвзятыми суждениями. Достигнуть предельной глубины не могут и социологические исследования населения, фиксирующие многие оценки, но все же с трудом поддающиеся эмпирической верификации.

Прибегая к творчеству великих писателей и поэтов, которые создали незабвенные строки в описании разных сторон героических и трагических страниц Кавказской войны отметим, что «образованная Европа узнала о чеченцах в XIX в. Литературные произведения Лермонтова, Пушкина и Толстого о Кавказской войне создали в сознании европейцев романтический образ этих живописных и диких горцев» [16, с. 15]. Уместно вспомнить строки стихотворения А.С. Пушкина из поэмы «Кавказский пленник»:

И смолкнул ярый крик войны:
Всё русскому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;

Но не спасла вас наша кровь,
Ни очарованные брони,
Ни горы, ни лихие кони,
Ни дикой вольности любовь!

Вынужденные покинуть родные места и отправиться в изгнание, чеченцы «не могли даже представить себе возможность сдачи в плен, утраты свободы» [3, с. 23]. Понятия о чести и свободе и явились причиной столь длительного ожесточенного сопротивления чеченцев превосходящим силам царской России. Даже когда были истрачены все надежды, исчерпаны все возможности сопротивления, горцы продолжали сражаться. Вот как об этом написал М.Ю. Лермонтов в поэме «Измаил-Бей»:

Но что могло заставить их
Покинуть прах отцов своих
И добровольное изгнание
Искать среди пустынь чужих?
И страх насилья и могилы
Не мог бы из родных степей
Их удалить: позор цепей
Несли к ним вражеские силы!

Л.Н. Толстой, воевавший на Кавказе в начале 50-х годов XIX века, вспоминал боевые кличи чеченцев: «Гиканье горцев есть звук, который нужно слышать, но нельзя передать. Он громок, силен и пронзителен, как крик отчаяния, но нет выражения страха» [4].

Один из царских офицеров писал после окончания Кавказской войны: «Так кончилась эта 65-летняя война, залившая кровью угрюмый и величественный Кавказ. Свободолюбивые горцы, доведенные непосильной борьбой до последней степени бедствия и отчаяния, должны были подчиниться роковой необходимости и признать нашу власть... Теперь, когда умолкли шум и азарт отчаянной борьбы, когда наша власть на Кавказе вполне упрочена, мы можем спокойно отдать дань удивления героизму и беззаветной отваге побежденного врага, честно защищавшего свою Родину и свободу до полного истощения сил» [17]. Характеризуя народ в контексте сложных процессов 19 века, В.И. Немирович-Данченко – русский писатель, путешественник и журналист, писал: «Война с горцами Кавказа кончилась. Последний акт этой трагической эпопеи доигран. Занавес был опущен... Настоящая трагедия только и начиналась с этого момента. Русские не могли оставить горцев в их орлиных гнездах. Мы предложили старым и непримиримым врагам или идти в долины, или селиться между русскими, между казаками, между переселенцами, болгарам и молдаванами, или бросить все, что нельзя унести с собой и убраться в Турцию... Гордые соколы и коршуны, эти рыцари-хищники, наотрез отказались исполнить требования русских. И как мы были правы со своей стороны, также правы и они. В самом деле, не идти же орлам в курятник, не сделаться же матерому горному волку – домашним животным, смирным и трудолюбивым! Горцы решили умереть, защищая свои вершины» [3, с. 23–24].

Обозначенные фрагменты фактически произошедших исторических событий дают возможность фрагментарно визуализировать подлинную картину прошлого, имеющую как общенациональное знание, так и иные грани истинно настоящего, искреннего патриотизма, стремления к сохранению чести и свободы, ставших решающим фактором в великой Кавказской войне. В этногенезе чеченцев, в новой и новейшей истории этноса имеется значительное количество примеров демонстрации безмерной преданности своей родине и стремлению к свободе. Всестороннее, многоаспектное, объективное, разно уровневое, комплексное исследование, обеспечивающее учет всех особенностей этой великой борьбы – призвано обеспечить конструирование и воспроизводство подлинной исторической памяти чеченцев, а также усилить этноконсолидирующий фактор идентичности.

Заключение.

1. Несмотря на более чем полуторавековую давность со дня ее окончания, роль и значение Кавказской войны в истории этноса не следует недооценивать. Главные итоги

осмысления событий той войны приведены в специальном обращении Президента России Б.Н. Ельцина в 1994 году. Результаты для чеченского народа чудовищны: уничтожено порядка двух третей коренного населения, значительная часть выживших вынуждены были покинуть территории исконного проживания.

2. Пространственный, физический, временной разрыв с родной землей для чеченцев носил серьезный травмирующий характер, в связи с особенным сакральным отношением к родине. Этим, в том числе, объясняется конкретное восприятие событий Кавказской войны респондентами (20 %), второе в иерархии исторических событий после сталинского геноцида в 1944 году (44 %). Ретроспективный анализ и исторические аналогии делают очевидным сходство в масштабах колоссального физического, материального, духовного, социокультурного, хозяйственно-экономического ущерба, нанесенного чеченскому этносу в ходе насильственного выселения в 1944 году и Кавказской войны в 19 веке.

3. Приведенные результаты эмпирического социологического исследования показали обширность и актуальность проблемы конструирования и воспроизводства исторической памяти чеченцев о событиях Кавказской войны. Некоторые положения носят постановочный характер и могут быть стать отправной точкой для дальнейших научных изысканий в социологическом ракурсе с применением, в том числе, иных методологий и методов. Социологический анализ проблем восприятия Кавказской войны жителями Чеченской республики, идентифицирующими себя с чеченским этносом, проведен впервые. Результаты исследования выявили потребность и объективную необходимость продолжения работы в этом направлении.

4. В настоящее время для чеченского этноса нет угрозы физического исчезновения. В стремительно меняющемся мире, в условиях глобальной турбулентности серьезным трансформациям подвергается социокультурная и этноконфессиональная идентичность. Ключевым компонентом идентичности является историческая память. Избежать забвения важных событий истории этноса можно с помощью классических и инновационных инструментов. Отдельного внимания в данном контексте заслуживают социальные сети как мощный фактор воздействия на сознание молодежи. Не следует недооценивать практики коммеморации как метода эмоционального воспроизведения исторических событий и героических личностей конкретного времени, визуализирующих их эффектно и колоритно. Художественный фильм по произведению А. Айдамирова также мог бы стать впечатляющей иллюстрацией событий Кавказской войны и «врезаться» в память не только чеченцев, но и представителей разных этносов.

5. Ныне живущие чеченцы, в частности представители молодежи, имеют в истории предков немыслимые образцы проявлений силы воли и отваги, равняться на которые следует в мирной жизни. Созидание, развитие, позитивные процессы в социальной, научной, творческой, культурной, экономической и других сферах жизнедеятельности, происходящие в настоящее время, также требуют упорства, непоколебимости, смелости от людей их творящих. Стремление к изменениям локального, государственного, мирового масштабов в позитивном ключе должны доминировать в сознании современной чеченской молодежи, а образы героев Кавказской войны стать «невидимой» мотивирующей силой – двигателем конструктивных трансформаций.

Литература

1. Обращение президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина к народам Кавказа. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1978317?ysclid=lkmpuindex3957393353> (дата обращения: 28.07.2023).
2. В Грозном состоялся Всемирный Съезд народов Чеченской Республики. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dKv1x6NIXMI> (дата обращения: 28.07.2023).
3. *Ибрагимов М., Ибрагимов М.* Чечня: через круги ада. Войны, переселения и депортации чеченского народа. – Грозный: Чеченский государственный университет, 2017. – 306 с.

4. Хожаев Д. Чеченцы в Русско-Кавказской войне. – URL: https://www.universalinternet-library.ru/book/68672/chitat_knigu.shtml?ysclid=lki8d8oylm585626049 (дата обращения: 15.07.2023).
5. Чеснов Я.В. Генетические представления о менталитете чеченцев. – М.: Наука, 2002. – С. 154–163.
6. Авксентьев В.А. Этнические проблемы Северного Кавказа в контексте общероссийских и мировых этнических процессов // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 1998. – № 2. – С. 42–49.
7. Мамакаев М.А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1973. – 98 с.
8. Ибрагимов М., Ибрагимов М. Чечня: через круги ада. Войны, переселения и депортации чеченского народа. – Грозный: Чеченский государственный университет, 2017. – 306 с.
9. Чеченстат. – URL: <https://chechenstat.gks.ru> (дата обращения: 20.04.2022).
10. Жемчураева С.Ш., Ибрагимов М.М. Сталинская депортация 1944 г. в исторической памяти современной чеченской молодёжи (социологический ракурс анализа) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2022. – № 4 (73). – С. 36–42.
11. Осмаев А.Д. Историческая память в воспитании молодежи Чеченской Республики // Известия Чеченского государственного университета. – 2018. – № 3 (11). – С. 77–82.
12. В Грозном открыли архитектурный объект, посвященный Байсангуру Беноевскому. – URL: <https://chechnya.gov.ru/novosti/v-groznom-otkryli-arhitekturnyj-obekt-posvyashhennyj-bajsanguru-benoevskomu/> (дата обращения: 28.07.2023).
13. Шадже А.Ю. Феномен этничности в кавказской культуре // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2000. – № 2. – С. 48–50.
14. Плассеро И. Идентичность народов Европы / пер. с фр. А. Пондопуло. – СПб.: Нестор-История, 2019. – 200 с.
15. Тощенко Ж.Т. Что происходит с исторической памятью о Великой Отечественной войне // Социологические исследования. – 2020. – № 5. – С. 18–22.
16. Козлов В.А. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / В.А. Козлов, Ф. Бенвенути, М.Е. Козлова, П.М. Полян, В.И. Шеремет. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 1094 с.
17. Служивый. Очерки покорения Кавказа. – СПб., 1901. С. 124–125. – URL: <https://www.aheku.net/news/culture/6108> (дата обращения: 20.04.2017).

ОЦЕНКА ЦИФРОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ И АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

**Куликова Камила Олеговна,
Хабибрахманова Резеда Ринатовна**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация: Настоящая статья посвящена вопросам оценки цифровой компетентности населения и активности использования цифровых технологий в период их бурного развития. В статье представлены результаты анкетного опроса жителей города Казани. На основе проведенного исследования сделаны выводы об уровне цифровой грамотности и активности горожан.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровизация, цифровая компетентность, цифровая грамотность, цифровая культура, цифровая активность, digital-процессы, цифровые технологии.

Актуальным направлением современного социально-экономического развития и наиболее значимым и динамичным трендом государственной политики является всесторонняя цифровизация, преобразующая все аспекты жизни человека и общества в целом. Стоит отметить, что digital-трансформация – это процесс внедрения цифровых технологий и инструментов во все сферы жизнедеятельности, позволяющий автоматизировать и оптимизировать различные решения, улучшать качество услуг, снижать затраты и повышать эффективность работы. Цифровизация оказывает существенное влияние на отрасли экономики, на производство, потребление и обмен информацией, а также кардинально меняет способы взаимодействия между людьми. Для успешной адаптации в меняющемся мире все чаще становится необходимым развитие новых компетенций и цифровая грамотность.

Для понимания содержания термина «цифровая компетентность», был проведен контент-анализ научных статей, посвященных теме цифровизации. На основе анализа приведенных в научных работах определений, нами было сформулировано следующее определение цифровой компетентности. Это способность человека уверенно, эффективно и безопасно использовать технологии и инструменты для достижения личных и профессиональных целей, включающая знания, навыки и установки, которые необходимы для успешного и этичного использования цифровых ресурсов. Цифровая компетентность содержит умение работать с различными типами программного обеспечения, использование интернета для поиска информации и общения, а также соблюдение мер кибербезопасности и защиты данных от киберпреступников. Развитие цифровой компетентности, цифровой культуры и цифровой грамотности является важным аспектом для результативного взаимодействия в современном мире.

В контексте digital-трансформации цифровая грамотность позволяет населению быстрее адаптироваться к новым технологиям и использовать их для достижения собственных целей. Отсутствие цифровых компетенций у пользователей может стать причиной трудностей в применении цифровой инфраструктуры. Однако бурное развитие цифровых технологий во всех сферах жизнедеятельности людей имеет как свои достоинства, так и недостатки. Например, с одной стороны, цифровая грамотность предоставляет доступ к огромному объему полезной информации, но при этом сопровождается множеством ненадежных и искаженных данных. Также с помощью цифровых средств связи население имеет возможность поддерживать коммуникацию вне зависимости от расстояния, однако большое количество времени, проведенное в онлайн, может привести к социальной изоляции и уменьшению реальных взаимодействий. Возникающая противоречивая двойственность цифровой грамотности подчеркивает важность баланса и разумного подхода к использованию цифровых технологий, а также необходимость обучения и осознанности в этой области.

Для того, чтобы точно понимать, каким уровнем цифровой грамотности обладает население, необходимо исследовать уровень их цифровой активности, позволяющий определить, как люди используют различные цифровые устройства и платформы, выявить новые тенденции и инновации в сфере цифровых технологий, определить, какие из них имеют наибольший потенциал для развития и внедрения, а также оценить эффективность использования различных цифровых инструментов.

В целях получения достоверной информации и изучения уровня цифровой грамотности и цифровой активности населения нами был проведен анкетный опрос жителей города Казани.

Проанализировав результаты проведенного исследования, мы определили, что из общего числа опрошенных 89,5 % респондентов часто применяют цифровые технологии, а 10,5 % – лишь иногда. При этом 42,4 % респондентов сталкивались с трудностями, у 57,6 % сложностей не возникало. Вопрос на понимание важности развития цифровой грамотности показал, что 67 % респондентов осознают необходимость цифровых компетенций, 24 % – не считают нужным осваивать навыки в цифровой среде и лишь 9 % затруднились дать ответ.

Распределение ответов респондентов на вопрос о том, как они оценивают свой уровень владения цифровыми технологиями представлен на рисунке 1.

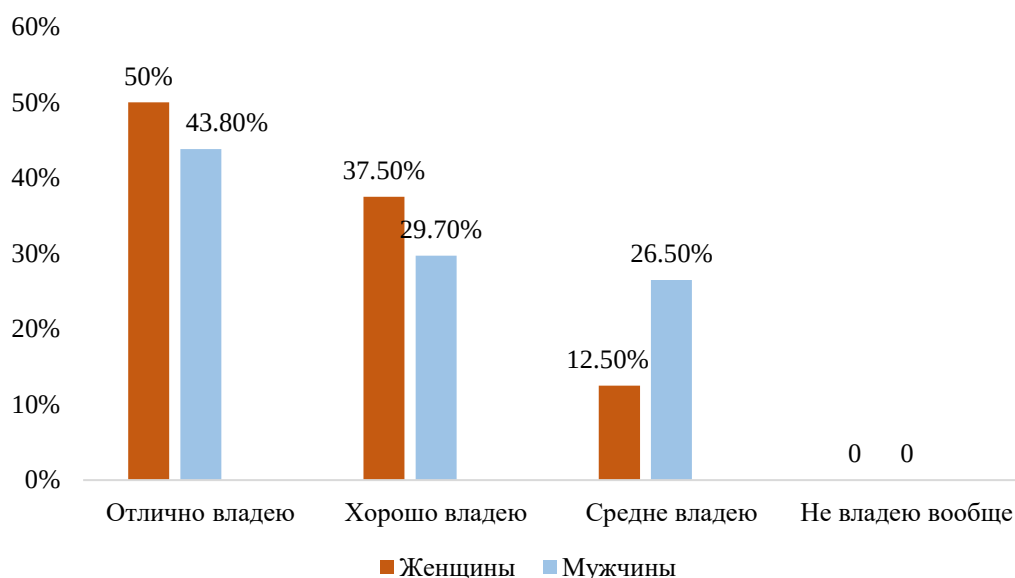

Рис. 1. Уровень владения цифровыми технологиями

Согласно диаграмме, женщины более высоко оценивают уровень своей цифровой компетентности, 50 % представительниц женского пола выбрали вариант «отлично владею», 37,5 % – «хорошо владею», а оставшиеся 12,5 % оценивают свой уровень как средний. Что касается мужчин, то 43,8 % оценивают свой уровень владения цифровыми технологиями на «отлично», 29,7% – на «хорошо», а 26,5 % – на среднем уровне.

Для исследования цифровой активности горожан нами были заданы вопросы о частоте использования ими цифровых технологий в целом (рис. 2) и по определенным цифровым ресурсам (рис. 3).

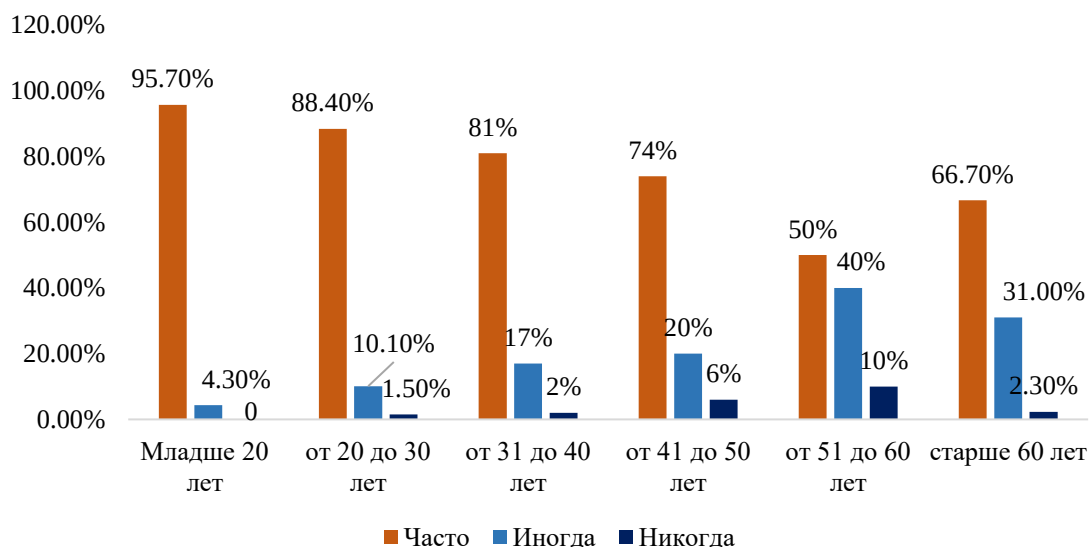

Рис. 2. Частота использования цифровых технологий разными возрастными категориями жителей

Стоит отметить, что уровень цифровой активности в большей степени зависит от возраста респондента. Наиболее высокий показатель наглядно демонстрируют опрошенные в возрасте от 20 до 45 лет, наименьший – респонденты старше 50 лет. Население в возрасте старше 60 лет реже используют цифровые решения, из них более 66 % респондентов часто

используют цифровые сервисы, остальные пользуются «иногда», что составляет около 31 %. Участники опроса в возрасте младше 20 лет и от 20 до 30 лет наиболее часто пользуются новыми цифровыми решениями, а именно 95,7 % и 88,4 % соответственно, а 4,3 % и около 10 % соответственно – «иногда» пользуются цифровыми решениями.

На рисунке 3 мы видим, на сколько популярны среди респондентов те или иные цифровые ресурсы.

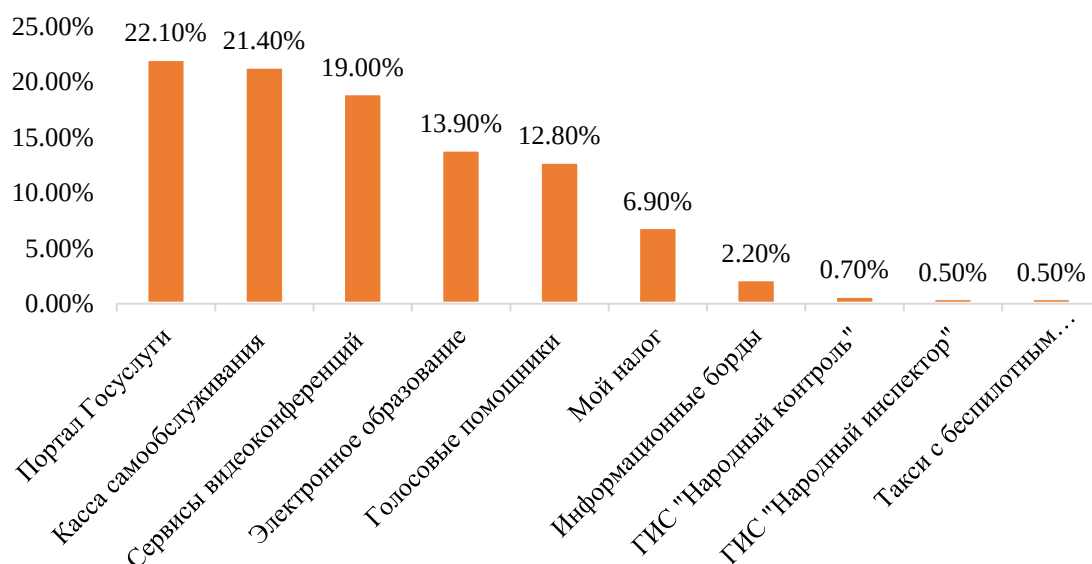

Рис. 3. Цифровые ресурсы, находящиеся в пользовании респондентов

Так, наиболее востребованным цифровым ресурсом у респондентов является Портал «Госуслуги», им пользуются 22,1 % опрошенных, на втором месте – кассы самообслуживания с показателем 21,4 %, третье место занимают сервисы видеоконференций, их применяют на практике 19 % участников опроса. Примерно одинаковые результаты использования таких сервисов, как «Электронное образование» (13,9 %) и голосовые помощники (12,8 %). Наименьший интерес у респондентов вызывают такие цифровые решения, как «Мой налог», информационные борды, ГИС «Народный контроль», ГИС «Народный инспектор» и такси с беспилотным управлением.

По итогам анкетного опроса по оценке цифровой компетентности и активности жителей города Казани мы можем сделать следующие выводы:

- у горожан остаются сомнения в уровне своей цифровой компетентности. Следует выявить трудности, с которым сталкиваются пользователи различных цифровых ресурсов, и разработать курсы по повышению квалификации или приобретению новых навыков работы с цифровыми технологиями;

- есть гендерные различия в оценке уровня владения цифровыми технологиями. Женщины более адаптивны и имеют более высокую самооценку уровня сформированности соответствующих компетенций, нежели мужчины. Данный вывод требует дальнейших исследований для выяснения истинных причин выявленных различий;

- жители предпенсионного и пенсионного возраста меньше пользуются цифровыми технологиями, тогда как именно для этой группы населения цифровизация открывает возможность для повышения комфорта и качества жизни. В рамках проекта «Университет третьего возраста» в КФУ можно подготовить специальные курсы по цифровой грамотности, а также поддерживать создание иных офф-лайн и онлайн курсов для людей пенсионного возраста по развитию цифровых компетенций;

– жители города Казани пользуются различными цифровыми ресурсами. В этой связи следует повысить информированность горожан о возможных киберугрозах и о мерах цифровой безопасности.

Таким образом, цифровая компетентность является ключевым элементом цифровизации, открывающей для населения все возможности цифровых технологий. Цифровая грамотность – понятие, включающее в себя не только базовые и продвинутое знания, навыки и умения, но и способность и готовность применять их на практике. В целях рационального и эффективного цифрового потребления граждан важны модернизация и совершенствование имеющихся подходов к привитию цифровой компетентности для дальнейшего взаимодействия в цифровой среде.

Литература

1. *Берман Н.Д.* К вопросу о цифровой грамотности // Russian journal of education and psychology. – 2017. – Volume 8. – Issue 6-2. – P. 35–38.
2. *Турашова, Ш. П.* Формирование навыков цифровой грамотности у студентов вузов // Образование и воспитание. – 2022. – № 2 (38). – С. 50–53.
3. *Токарева М.В.* Цифровая компетенция или цифровая компетентность // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2021. – Volume 52. – Issue 4. – P. 133–140.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ИТ-СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

**Казаева Юлия Сергеевна,
Отарашвили Зураб Автандилович**

АНО ВО «Университет Иннополис», г. Иннополис, Республика Татарстан, Россия

Аннотация: процессы социализации молодежи становятся полем раздора в контексте взаимопересечения глобальных тенденций и национальных обычаев. В статье рассмотрены вышеуказанные процессы через призму влияния ИТ технологий на молодежь. Анализируется процесс взаимовлияния глобализации ИТ технологий и национальных особенностей.

Ключевые слова: ИТ технологии, национальные особенности, социализация молодежи.

К середине XX в. социализация прочно закрепилась в сфере научных интересов (западных ученых) в качестве объекта исследования, в первую очередь, в таких областях как социология, философия, психология, педагогика, имея целью осмыслить социальный контекст как среду, в которой происходит формирование человека как личности и поиск путей преодоления отчуждения между общественными запросами и актуальными возможностями воспитания. Изначально большинство концепций, связанных с социализацией молодежи, основывались на психологических наработках, где основательно был заложен тезис о невозможности объяснить человека «из самого себя». В связи с этим, процесс изучения молодежи не выходил за рамки социальных страт и групп, при изучении которых акцент смещался в сторону аксиологических ориентиров, вариантов норм и потребностей. При таком смещении ориентиров дальнейшего развития не происходило.

Если западные ученые как один выстраивали концепции, что называется «от человека», но советская школа развивала мысль о том, что личные интересы не могут стоять выше общественным, и уж тем более не должны быть им противопоставлены. Изучив вышеупомянутые подходы, мы ограничили исследование процесса социализации молодежи рамками профильного ИТ-вуза. Особый для нас интерес представляют концепции исследователей, рассматривающих социализацию молодежи в контексте научно-технических революций и технического прогресса: И.С. Кон, О.И. Шкаратан, А.М. Коршунов, Ю.Н. Давыдов, К.Г. Мяло,

С.Н. Иконникова, Г.А. Чердниченко, В.Н. Шубкин и др., а так же социологи, рассматривающие социализацию с точки зрения «проблематики интереса»: Е.А. Ануфриев, В.О. Бернацкий, Г.М. Гак, Г.Е. Глезерман, А.Г. Здравомыслов и другие

В настоящее время наша страна столкнулась с множеством вызовов, касающихся кроме прочего острейшего процесса, имеющего прямое отношение к молодежной социализации, а именно: проблемы переоценки ценностных ориентиров с некогда безоговорочно принятых нашим обществом западных в сторону традиционных, гуманистических и национальных. Следуя мысли К. Лахани, М. Янсита «факта того, что «цифровые и аналоговые миры становятся одним целым, теперь избежать не удастся» [1, с. 55]. И далее: «человечество вступило в новую эпоху, которая заново определяет, как каждая организация (и практически любой сотрудник должны действовать, чтобы создавать, извлекать и представлять собой ценность. Нравится нам это или нет, но цифровые сети и ИИ прямо сейчас изменяют бизнес и общество» [1, с. 55]. Стоящая перед нами как проблема борьба за умы подрастающего поколения только обозначена, и нам предстоит в большинстве случаев собирать материал, одновременно его анализировать, потому что прецедентов, аналогичных создавшемуся (а во многом, созданных искусственно) не существует. В связи с этим, придется проделать огромную работу, вычленив общие черты социокультурных процессов, происходящих в молодежной среде, описанных в классических концептуальных учениях, соотнося их с данными, которые получаем мы в процессах аналитической деятельности. Рассуждая о процессах социализации молодежи, мы, в первую очередь, будем говорить об аксиологических основаниях их онтологии.

Мы не можем не соотносить с процессом социализации такое понятие как опыт и его трансляцию следующим поколениям, поскольку речь идет о выживаемости конкретного общества, зависящего в большинстве случаев от внешних обстоятельств, и, одновременно, качества этого существования, определяющегося внутренними критериями и закономерностями. На этих этапах легитимизируются такие формы социального взаимодействия, которые принято обозначать как «прошедшие проверку временем», то есть вычленение образцов, инвариантов поведенческих норм, идеалов (идеологий), ценностных ориентиров и социально-ролевых аспектов, и видов деятельности.

Далее мы рассуждаем о социализации современной молодежи в условиях профильного ИТ-вуза. И. С. Кон справедливо подчеркивает, что в современных условиях «эффективность институтов социализации, конкретных методов воспитания и обучения должна оцениваться сегодня не только и не столько по тому, насколько успешно они обеспечивают усвоение и воспроизводство наследованных от прошлого ценностей и навыков, сколько потому, готовят ли они подрастающее поколение к самостоятельной творческой деятельности, постановке и решению задач, которых не было и не могло бы быть в опыте прошлых поколений» [2, с. 165].

Информационные технологии в современном обществе не только становятся определяющими, диктующими определенные ориентиры, но и замещают собой большинство этических компонентов, поглощая во многом духовную составляющую, фундирующую аутентичные общества с их прежними основаниями, часто безапелляционно объявляя их рудиментарными. Являясь важнейшей составляющей современного общества, интеллектуальная молодежь с их системой ценностей, сегодня сталкивается с тем фактом, когда «умственная работа большинства направлена на то, чтобы заложить основания социокультуры и сообщить ей устойчивость в дальнейшем» [3, с. 115]. Такие феномены глобализованного мира, как AI, IT, робототехнические направления не просто с восторгом принимаются современным поколением молодежи, но и возвышаются (на наш взгляд, преувеличенно), что свойственно подросткам до аналогов культурных, с выработкой соответствующего атрибутивного аппарата.

Собранные нами данные свидетельствуют о том, что абитуриенты, студенты профильного вуза, начиная с младших классов пребывают в стадии перманентной стрессовой соревновательной парадигмы, которая и определяет их жизнь. Их интересуют высокоуровневые международные профильные олимпиады, фестивали, хакатоны, конкурсы, а затем и возжеланные зарубежные стажировки, позволят им встроиться в единственно возможный, с их точ-

ки зрения, актуальный мир, который делает их частью единого информационного англоязычного пространства. Множественные споры, ведущиеся вокруг развенчанного уже Ж. Бодрийяром тезиса о том, что «техническое сообщество живет стойким мифом о непрерывном развитии техники и о нравственном «отставании» от нее людей» [4, с. 158], хотя и не лишены оснований, все же, излишни в том основании, что студенческая среда ИТ-вузов, исходя и реального модуса существования, способна выработать такие онтологические и аксиологические критерии, которые станут тотальными в молодежной среде. Говоря об ИТ образовании, мы, первую очередь, говорим о навыках, повышающих качество жизни, но не замещающих все социокультурное пространство.

Литература

1. *Лахани К., Янсити М.* Цифровое преимущество: искусство конкурировать в эпоху искусственного интеллекта. – М.: Эксмо, 2021. – 320 с.
2. *Кон И.С.* Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива. – М.: Наука, 1988. – 270 с.
3. *Смирнов И.П.* Ум хорошо, а два лучше. Философия интеллекта. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 352 с.
4. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. – М.: РИПОЛ классик, 2022 – 256 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ВИРТУАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ: ВЛИЯНИЕ НА ЦИФРОВУЮ СОЦИАЛИЗАЦИЮ МОЛОДЕЖИ

Липатова Анна Вячеславовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматривается влияние виртуальных контекстов и интеракций участников цифрового взаимодействия на процессы вторичной социализации молодежи. Автор ставит целью выявить уровень пересечений по общим группам подписок пользователей в сообществах, реализующих различные молодежные социальные практики (патриотические, экологические и другие). Рассматривается влияние данного уровня пересечений на формирование у подписчиков общих интересов, а также на конструирование социальных практик в цифровой среде. Для анализа сформирована квотная выборка, в которую входят 42 открытых молодежных сообщества в социальной сети ВКонтакте. Инструментом автоматизированного парсинга данных сформирован дата-сет, на базе аналитики которого методом сравнения групп подписок пользователей получены результаты. Выявлен высокий уровень пересечения по группам интересов в сообществах с четкой идеологической направленностью (особенно ярко выражены в сообществах патриотической направленности), организованных по неформальной инициативе, чьи участники имеют тесное офлайн взаимодействие (онлайн-сообщество как продолжение реальных практик).

Ключевые слова: социальные практики, социальные интеракции, цифровая социализация, агенты социализации, каналы социализации, молодежь.

Благодарности: Публикация подготовлена за счет средств субсидии, выделенной Казанскому федеральному университету для выполнения проекта № FZSM-2023-0022 «Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии» в рамках государственного задания

В сложной цифровой среде становятся все более очевидны разрывы между виртуальной репрезентацией социальных практик и их конструированием в офлайн-контекстах (обратимся к теории «симулякров» Ж. Бодрийяра или к трактовке медиа как к независимому конструкту «второй реальности» Н. Лумана). Представитель школы символического интеракци-

онизма Г. Блумер придавал значение интерпретации символов и знаков в процессе социальной интеракции, в частности – он вписывал толкование объектов в значения, которыми наделяет их сообщество. На современном этапе исследователи ищут связь между принятием означиваний символов участниками виртуальных групп и особенностями их интеракций как в онлайн, так и в офлайн среде. Так, было выявлено, что чем больше респонденты согласны с установкой на принятие участниками виртуального сообщества чужих культурных ценностей, тем чаще склонны к снижению поддерживать интенсивные отношения в местном сообществе [1]. Таким образом, виртуальные контексты и цифровые социальные агенты оказывают несомненное социализирующее воздействие через различные механизмы, в том числе через формируемые в цифровой среде социальные практики.

В 2009 году К. Вилсон вместе с соавторами опубликовали исследование по визуализации взаимодействий пользователей в социальных сетях [2]. В работе был поставлен один из важнейших вопросов проблемного поля современного изучения интеракций в виртуальном пространстве: являются ли социальные связи в цифровом контексте достоверным индикатором реальных взаимодействий пользователей? Насколько мы можем судить о влиянии онлайн контекстов на результат социализации человека в «реальной реальности»? В 2010 году исследователями Сеульского национального университета С. Юн и Х.-Г.Ким на основе эмпирического исследования социальных сетей был сделан вывод о том, что особенности каждого взаимодействия зависят от количества друзей и подписчиков, а также от культурного контекста, в котором находится пользователь, и характеристик каждой социальной сети [3]. Широкую вариативность аффордансов (как неотъемлемых свойств платформ) исследовала команда антропологов и социологов из Университетского колледжа Лондона «Why we post» [4]. Так, они рассматривали сценарии применения социальных сетей различными категориями пользователей, исходя из свойств соцсети (степень приватности, уровень возможности создания больших сообществ и др.). Однако это не единственный фактор конструирования виртуальных практик, как отмечается в этом же исследовании, влияние оказывают общественные установки на социальную заметность и демонстрацию социального статуса, культурный контекст (преобладание внешних атрибутов или скрытых смыслов), представление о моральных ценностях и оценке поведения окружающих и т. д.

В последнее время можно встретить ряд экспериментальных научных работ, в рамках которых производится попытка исследовать сеть интеракции с опорой на математическое имитационное моделирование и физические теории. Одна из моделей информационной индукции – SIR (susceptible – infected – removed) – была описана в начале XXI века Х. Хеткотом [5]. Сегодня исследователи применяют этот подход для аналитики больших массивов сетевых данных. М. Опушко продемонстрировал влияние базовых метрик социальной сети на каскадную диффузию распространения (отдельно отмечается, что невозможно переносить результаты одной социальной сети на любую другую) [6]. На теории электромагнитного поля основано исследование микроблогов: выделяется источник в поле микроблога, рассчитывается поток интеракций в соответствии с поведением его владельца (отправка и получение отзывать), а также рассчитывается плотность потока микроблогов, которая отражает популярность пользователя на платформе [7]. В 2022 году вышла статья, в рамках которой была принята попытка выстроить модель взаимодействий пользователей в социальных сетях через анализ поведения пользователей и временных характеристик процесса взаимодействия подписчиков [8]. На наш взгляд, особую ценность представляет вывод этого исследования: частота взаимодействия между пользователями с высоким уровнем совпадения по предпочтениям значительно выше, чем между друзьями с низким уровнем пересечения общих интересов. Данный тезис отсылает нас к теории «клеточного автомата» Т. Шеллинга, в рамках которой социальная система представлена в виде самоорганизующейся «сетки», где агенты стремятся сформировать вокруг себя гомогенную среду. Они окружают себя схожими людьми и сообществами либо переходят на другое «поле», если уровень «схожести» становится ниже минимального порога.

Ряд проблемных вопросов выявило авторское исследование механизмов конструирования социальных практик в цифровой среде на базе эмпирического материала: 42 открытых молодежных сообщества в социальной сети ВКонтакте, отобранных географическому признаку (Республика Татарстан) и ключевым словам (список наиболее частотных ключевых слов, которые используются для описания социальных практик). Анализ производился при помощи Аналитического сервиса автоматизированного парсинга и обработки данных для изучения цифровой социализации молодежи в социальных сетях (разработки Института информационных технологий и интеллектуальных систем Казанского (Приволжского) федерального университета). При формировании выборки исследования возникла проблема описания социального портрета пользователей, которые предпочли скрыть свои аккаунты (уровень закрытых профилей варьируется от 45 % до 55 %). Исследовательский интерес представляют следующие вопросы: представители какой возрастной категории склонны скрывать свои личные данные; каков уровень «фальшивых» аккаунтов среди закрытых и открытых профилей; как выявить аккаунты-дубли у реальных подписчиков? В исследовательском поле содержатся противоречивые результаты зарубежных авторов по теме мотивации сокрытия профилей, в российском контексте тема слабо изучена, так как конфиденциальность пользователя гарантирована законодательными и этическими нормами. Как считает О. Огбануфе, мотивация защиты персональных и социальных данных связана с восприятием совокупной информации в аккаунте пользователя: количество вложенного времени, усилий и иных личных ресурсов влияет на оценку угроз и стратегии выбора средств защиты профиля [9].

Высокий уровень пересечения по группам между участниками наблюдается в сообществах:

- организованных по неформальной инициативе,
- чьи участники имеют тесное оффлайн взаимодействие (онлайн-сообщество как продолжение реальных практик),
- с четкой идеологической направленностью (особенно ярко выражены в сообществах патриотической направленности).

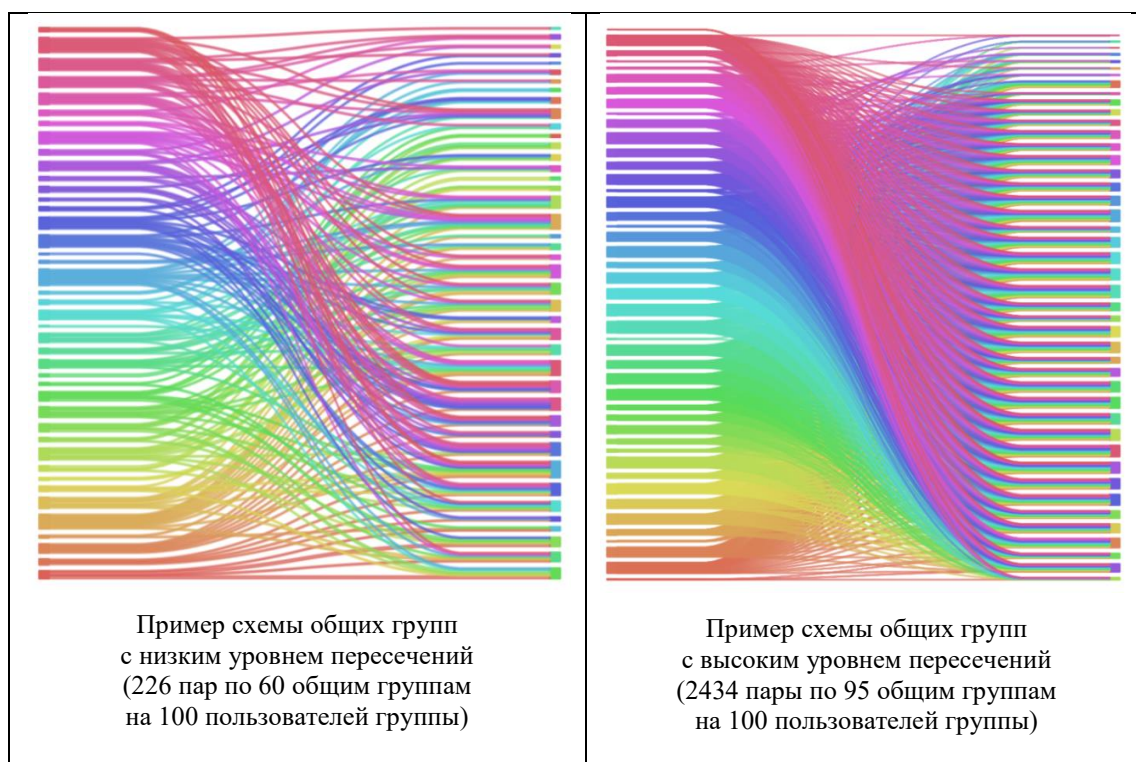

Рис. 1. Примеры графов общих виртуальных сообществ для каждой пары пользователей (графы получены при помощи Аналитического сервиса автоматизированного парсинга)

Высокий уровень пересечений по группам зафиксирован в пабликах, принадлежащих к развлекательному и информационному жанрам (группы региональных или городских новостей, например: «ВКазани Поймут», «Казань. Куда пойти?» и др.). Относительно высокий уровень пересечений по общим группам преобладает в подписках на сообщества с тематикой, близкой к реализации социальной практики. Интерес представляет погружение в мотивацию выбора интеракции путем качественных методов исследования, так как цифровая среда выступает не только источником информации, но и важнейшим каналом коммуникации, через который референтные группы могут влиять на становление личности [10]. Центральным вопросом остается воздействие виртуального взаимодействия на ценностные ориентации молодежи. Практики выстраивания социальных отношений влияют на формирование идентичности путем принятия тех или иных социально-культурных ценностей, так как цифровая среда представляет собой «специфическую структуру отношений, где в едином процессе происходит социализация и самореализация личности, где получение новых знаний и накопление опыта органично увязываются с нравственными нормами, идеями патриотизма и ответственного поведения» [11]. Влияние механизмов цифровой кооперации пользователей на создание сообществ по интересам, придания смыслов идеям, которые проникают в «информационный пузырь» сообщества, накопление и распределение социальных ресурсов в виртуальном пространстве – вот вопросы, которые еще предстоит исследовать в рамках изучения цифровой социализации молодежи.

Литература

1. *Baltezarevic R., Baltezarevic B., Kwiatek P., Baltezarevic V.* The impact of virtual communities on cultural identity // Symposium A Quarterly Journal in Modern Literatures. – 2019. – Volume 6. – Issue 1. – P. 7–22.
2. *Wilson Ch., Boe B., Sala A., Puttaswamy K.* User interactions in social networks and their implications // Proceedings of the 2009 EuroSys Conference. – 2009. – P. 205–218.
3. *Yun S., Kim H.-G.* Analysis of user interactions in online social networks / Proceedings of the 19th International Conference on World Wide Web, 2010. – URL: https://www.researchgate.net/publication/242697212_Analysis_of_User_Interactions_in_Online_Social_Networks (дата обращения: 01.09.2023).
4. Why we post: a global anthropological research project on the uses and consequences of social media. – URL: <https://www.ucl.ac.uk/why-we-post/why-we-post> (дата обращения: 01.09.2023).
5. *Hethcote H.W.* The mathematics of infectious diseases // SIAM Review. – 2000. – Volume 42. – Issue 4. – P. 599–653.
6. *Opusko M.* Impact of the network structure on the SIR model spreading phenomena in online networks // The eighth international multi-conference on computing in the global information technology ICCGI 2013 (France, 2013). – P. 22–28.
7. *Zhang X., Xia Zh., Bu Zh.* Popularity evaluation model for microbloggers online social network // Discrete dynamics in nature and society. – 2014. – Issue 1. – P. 1–12.
8. *Luo G., Zhang Zh., Diao S.* Empirical analysis and modelling social network user interaction behavior and time characteristics based on selection preference // Information Sciences. – 2022. – Volume 608. – Issue 3. – P. 1202–1220.
9. *Ogbanufe O.* Securing online accounts and assets: an examination of personal investments and protection motivation // International journal of information management. – 2023. – Volume 68. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2022.102590> (дата обращения: 01.09.2023).
10. *Лунатова А.В.* Механизмы и агенты цифровой социализации молодежи // VI Международная конференция «Казанские социологические чтения»: сборник научных трудов (Казань, 18–19 мая 2023 г.). – Казань, 2023. – С. 68–72.
11. *Войнов Д.А.* Возможности опосредованного влияния в закрытых интернет-сообществах студентов // Территория науки. – 2018. – № 1. – С. 34–38.

РИСКИ И ПРЕИМУЩЕСТВА ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

**Мутигуллин Тимур Рифатович,
Гайнуллин Нияз Альфредович**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Цифровизация экономики – это процесс внедрения цифровых и информационно-коммуникационных технологий в экономику, благодаря которым появляется возможность снизить стоимость услуг, повысить доступность товара, упростить вывод продукции на реализационные рынки. Цифровизация экономики, охватывающая практически все сферы жизнедеятельности, является реальностью сегодняшнего дня, но при этом, как и любой процесс имеет как свои преимущества, так и риски. К значимым преимуществам цифровизации можно отнести существенное повышение эффективности процессов управления и производства, к главному риску – информационную безопасность, оценка которых актуальна как для государства в целом, так и отдельных хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая экономика, риски цифровизации экономики, преимущества цифровизации.

Цифровая экономика – это система экономических отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий. Всемирный банк определяет цифровую экономику как систему экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий [1, с. 91].

Данный термин появился в 1995 г., и был связан с массовым развитием и интеграцией информационно-коммуникационных технологий. Этот процесс оказал влияние на все сектора экономики, а использование больших баз, данных вызвало масштабную цифровую трансформацию общества.

В свою очередь цифровизация – это процесс перехода от устаревших аналоговых технологий к современным цифровым технологиям в различных сферах деятельности, таких как экономика, образование, государственное управление, здравоохранение, транспорт и т. д. В рамках цифровизации применяются современные информационные и коммуникационные технологии, что позволяет ускорить и оптимизировать процессы, обеспечить более эффективное управление, сократить расходы и улучшить качество услуг. Другими словами, цифровизация направлена на улучшение жизни людей и повышение конкурентоспособности страны в целом [2, с. 150].

В современных реалиях цифровизация экономики выступает важным фактором развития государства. Цифровизация постепенно проникает во все сферы деятельности общества и государства – повседневную жизнь, управление предприятиями и организациями, производственную и государственную деятельность. Сегодня к основным направлениям цифровизации экономики относится [3, с. 80]:

- автоматизация управленческих и бизнес-процессов, что позволяет существенно расширить границы деятельности, продвигать товары в мировом сообществе, оказывать услуги вне зависимости от расстояния;

- интернет вещей, т. е. взаимодействие объектов посредством технологий связи. Примером интернет вещей служат системы как: умный дом, управление дверным замком, фитнес-тренеры, умные системы безопасности, медицинские датчики, виртуальные помощники и др.;

- дополнительная реальность, применяемая в игровой индустрии, медицине, торговле. Возможность визуализации позволяет оценить преимущества и недостатки товара без непосредственного взаимодействия с ним;

- виртуальная реальность, являющаяся направлением дополнительной реальности, которая позволяет смоделировать объект, либо ситуацию, в рамках виртуального пространства. Применяется в медицине, образовании, строительстве, вертолетостроении, психотерапии;

- искусственный интеллект, используемый для обработки большого массива информации;
- робототехника, благодаря которой появилась возможность замены монотонного человеческого труда на сборочных линиях, повысить точность и скорость выполняемых операций, повысить безопасность труда, снизить издержки производства.

Исходя из вышесказанного приходим к выводу, любое из совокупности направлений цифровизации экономики способствует совершенствованию производственных либо иных процессов, повышению их точности и эффективности.

Согласно данным статистики, в 2021 году на развитие цифровой экономики в России было потрачено 4 848 млрд рублей, из них 1 901 млрд рублей – домохозяйствами, 2 947 млрд рублей – организациями. В сравнение – объем затрат в 2017 г. составил 3324 млрд руб. Наибольшая доля расходов пришлась на информационно-коммуникационную деятельность (29,4 %), финансовый сектор (12,9 %), отрасль информационных технологий (12,7 %), профессиональную, научную и техническую деятельность (10,3 %), обрабатывающие производства (8,7 %). Доступность Интернета в домашних хозяйствах увеличилась с 48,4 % (2010 год) до 84,0 % (2021 год). Несмотря на значительный рост доступности Интернета, Россия все еще отстает от развитых стран, где доступность составляет 89–100 % [6]. Таким образом, темпы цифровизации экономики в России растут.

Как и все явления, цифровизация экономики имеет как положительные, так и отрицательные стороны, что говорит о возможности не только развития, но и деградации экономики. В связи с этим в процессе цифровизации необходимо учитывать влияние рисков, которые способны свести к минимуму получаемую пользу.

Анализируя преимущества цифровизации экономики приходим к выводу, что она способствует развитию не только государственных и общественных институтов, но и частного сектора, выступающего потребителя товаров, работ или услуг. Полученные в результате цифровизации возможности анализа больших объемов информации посредством цифровых сервисов сокращают время обработки финансовой, экономической и иной информации, позволяя быстро реагировать на проблемы и риски. Кроме того, положительное влияние цифровизации экономики проявляется во всех сферах хозяйствования, и способствует повышению доступности образования, медицинских услуг, увеличению открытости информации.

К основным преимуществам цифровизации экономики можно отнести [7, с. 679]:

- рост производительности труда персонала, что обусловлено возможностью проведения автоматизации ряда процессов, в том числе рутинных операций, повышением скорости взаимодействия между объектами производства. В условиях цифровой экономики меняется сущность производственной стратегии предприятий, направленной на создание совершенно новых, инновационных продуктов, требующей применения технических знаний в сфере естественных наук;

- повышение качества продукции и услуг за счет возможности использования различных видов аналитики данных. Все это помогает проанализировать настоящее и спрогнозировать будущее, а также сформировать базу для принятия стратегических решений. Аналитика данных используется во всех сферах экономики: от рекламы и маркетинга до управления финансами и безопасности;

- снижение себестоимости продукции за счет сокращения человеческого труда, автоматизации процессов, уменьшения влияния человеческого фактора. Снижение себестоимости, в свою очередь, приводит к повышению чистой прибыли предприятия, росту устойчивости ее финансового положения, конкурентоспособности;

- повышение конкурентоспособности компании за счет совершенствования продукции (работ, услуг), оперативного реагирования на изменения рынка и обеспечения возможности внедрения на интернет-платформах;

- повышение эффективности взаимодействия предприятия (организации) с клиентами и партнерами;

- освоение новых рынков за счет возможности осуществления продаж дистанционным способом;

- повышение доступности продуктов и услуг за счет использования цифровых технологий;
- снижение негативного воздействия производственной деятельности на окружающую среду за счет сокращения потребления энергии и сырья, оптимизации транспортно-логистических операций, использования альтернативных источников энергии.

В то же время перечисленные преимущества осложняются наличием определенных рисков. М.А. Скляр и К.В. Кудрявцева рассматривают в цифровизации экономики следующие риски [4]:

- риск чрезмерной концентрации из-за отсутствия необходимого регулирования и конкуренции между цифровыми платформами. Усиление монополизма, когда деловая среда препятствует конкуренции, что негативно сказывается на инновационной деятельности. Возможность того, что цифровизация будет более доступна крупным компаниям, чем МСП, из-за необходимости больших финансовых вложений, что приведет к диспропорциям на рынке и монополизму онлайн-платформ и интернет-компаний;
- риск усиления противоречий между высококвалифицированным и низкоквалифицированным трудом в связи с автоматизацией бизнес-процессов. В условиях активной цифровизации специалистам среднего звена необходимо повышать свою квалификацию в области информационных технологий, в противном случае им придется сменить работу на более низкую, не требующую этих навыков. В отчете ОЭСР говорится, что с развитием информационно-коммуникативных технологий всегда будет актуален как высококвалифицированный, так и низкоквалифицированный труд, а специалисты средней квалификации будут востребованы только в сфере услуг;
- угроза ослабления демократических принципов в управлении государством, проявляющаяся в блокировании доступа к сайтам и социальным сетям, усилении контроля над обществом, ограничении прав и возможностей.

Помимо вышеперечисленных рисков цифровизации экономики существует риск роста безработицы. Автоматизация рабочих процессов, использование робототехники может привести к динамичному и существенному сокращению рабочих мест. Повышение безработицы, снижение уровня жизни населения приведет к росту социальных проблем, повышению затрат государства на помощь населению [5, с. 28].

По нашему мнению, наибольшим риском цифровизации выступает угроза информационной безопасности. К данным рискам относятся как рост преступности в IT-сфере, так и риски утечки информации и нарушения конфиденциальности данных.

Так, широкое развитие цифровой инфраструктуры «Умный город», «Умный регион», роботизация управления энергосистемами и т.п. несут в себе огромные риски системной уязвимости. Любой сбой в системе приведет к потере возможности управления, потери конфиденциальной информации, что в свою очередь может иметь катастрофические последствия. В связи с этим, наряду с развитием и активной цифровизацией экономики необходимо систематически совершенствовать защиту систем от киберугроз и оптимизации цифровых систем.

Помимо этого, минимизировать риски цифровизации экономики возможно путем:

- формирования нормативно-правовой базы, способной в полной мере контролировать конкурентную среду, разработки и внедрения инноваций;
- проведения обучения населения, которое позволит использовать новейшие технологии;
- развития малого и среднего бизнеса, что будет способствовать появлению новых рабочих мест, и нивелировать риск роста безработицы за счет цифровизации производственных процессов.

Таким образом, цифровизация экономики представляет собой ряд значительных изменений, которые могут иметь как риски, так и преимущества. К главному преимуществу можно отнести существенное повышение эффективности процессов управления и производства, к главному риску – информационную безопасность. Для высокоэффективного процесса цифровизации экономики необходимо понять, как управлять рисками, чтобы максимизировать преимущества и двигаться в сторону цифровой экономики с уверенностью.

Литература

1. Зайниева С., Азимова П., Ражапов Ш., Цой М.П. Риски и преимущества цифровизации экономики в направлении открытости процессов реформирования // International journal of contemporary scientific and technical research. – 2022. – № 1 (2). – С. 90–93.
2. Кудрявцева Т.Ю., Кожина К.С. Основные понятия цифровизации // Вестник Академии знаний. – 2021. – № 3 (44). – С. 149–151.
3. Саляхетдинова Р.В., Карнакова В.С., Сабирова З.З. Основные направления и преимущества цифровизации экономики / Социально-экономические процессы современного общества (к 80-летию Льва Пантелеймоновича Куракова): материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 2023). – Чебоксары: Среда, 2023. – С. 79–80.
4. Скляр М.А., Кудрявцева К.В. Цифровизация: основные направления, преимущества и риски // ЭВР. – 2019. – № 3 (61). – С. 103–114.
5. Федорова Н.В., Минченкова О.Ю., Макеева В.Г. Возможности и риски цифровизации экономики и общества // Наука и искусство управления. – 2020. – № 3/4. – С. 25–37.
6. Цифровая экономика: 2023: краткий статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, С.А. Васильковский, К.О. Вишневский. – М.: НИУ ВШЭ, 2023. – 120 с.
7. Шалабанова А.А., Леонов С.А. Перспективы и проблемы развития цифровой экономики // Управление и экономика народного хозяйства России: сборник статей VII Международной научно-практической конференции (Пенза, 2023). – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. – С. 678–681.

ОБРАЗОВАНИЕ В ЦИФРОВОЙ ЭПОХЕ: НОВЫЕ ПРАКТИКИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

**Мухаметшин Рашид Маратович,
Хайруллина Юлдуз Ракибовна**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье дается социологическая оценка цифрового переворота в образовании, рассматриваются современные практики и сопутствующие им общественные последствия. Исследуются социокультурные аспекты цифрового образования, такие как эволюция социальных взаимодействий, создание новых социальных структур в виртуальных учебных средах, влияние цифрового неравенства на образование. Гегемония цифровых технологий в образовательных учреждениях и их более широкое влияние на социальную структуру общества подчеркивают суть излагаемого в статье материала.

Ключевые слова: образование, цифровизация, интернет, социальные трансформирования, общество.

Технологические преобразования привели к появлению нового контекста в сфере образования, характеризующегося безудержными изменениями и новыми практиками. Эта волна инноваций породила глубокие социальные последствия, в конечном итоге изменив восприятие и взаимодействие общества с концепцией образования. Наша задача как социологов состоит в том, чтобы вскрыть социальные слои, лежащие в основе этих технологических сдвигов, и вписать их в более широкий общественный дискурс. Возникает сложная модель, свидетельствующая о глубоком влиянии технологий на образование и общественные структуры. Поэтому нам интересно исследовать эту область, как мы видим цель данной работы – выявить социологическое последствие цифровой революции в образовании, в частности, изменения в социальных структурах, отношениях, нормах и неравенстве, которые проявились в ходе этой трансформации. Целью состоит в том, чтобы предоставить исследователям, педагогам и политикам социологический взгляд на проблемы и возможности, возникающие в связи с цифровой революцией в образовании.

Первая посвященная идея, роль цифровизации в трансформации практик образования, в основном социологии учебных сообществ, изменению социальных ролей и тому, как цифровые технологии меняют общественные нормы и ценности в образовательном контексте. Вторая представляет собой социологический обзор основных социальных последствий, в основном посвященных цифровому неравенству, социальному капиталу в цифровой образовательной среде и социальному формированию технологий.

Цифровизация не только изменила характер образовательных практик, но и перевернула социальные структуры этих практик. Платформы электронного обучения способствуют появлению новых форм социального взаимодействия, переосмыслению ролей преподавателей и учащихся и созданию подвижных учебных сообществ, выходящих за географические рамки. Тем не менее, хотя эти цифровые платформы способствуют сотрудничеству и демократизации, они имеют и потенциальные недостатки, такие как обезличивание и риски для частной жизни.

Современная ситуация кардинально изменилась. Сегодня данные об использовании сети Интернет показывают, что мы достигли критической точки. Опосредованная среда молодых людей развилась так быстро и до такой степени, что мы больше не можем воспринимать жизненный мир молодых людей отдельно от цифровой среды. Как форма, сеть Интернет – особенно социальные сети, но также и продукты средств массовой информации – в настоящее время занимают центральное место во всех видах социального взаимодействия и тем более сфере образования [6, с. 287].

В объяснении социализации молодежи В.А. Ядов ставит социокультурные особенности общества, в том числе политические и идеологические отношения как компонент общих социальных условий. По мнению В.А. Ядова, важный компонент общих условий – уровень развития гражданского общества, социально-политическое устройство, состояние других социальных институтов (например, образования). Современные условия жизни требуют введения еще одной детерминанты: цифровой среды в образовании [5, с. 58].

Цифровые технологии внесли изменения в характер и сферу функционирования образования. Универсальные и передовые технологические инновации, такие как интеллектуальные устройства, Интернет вещей (IoT), искусственный интеллект (AI), дополненная реальность (AR) и виртуальная реальность (VR), блокчейн и мобильные приложения, открыли новые возможности для продвижения преподавания и усвоения знаний. Следовательно, в последние годы системы образования во всем мире увеличили свои инвестиции в интеграцию цифровых технологий и расставили приоритеты в своих образовательных программах в рамках адаптации стратегий, связанных с этим [4, с. 42–43].

На наш взгляд, цифровизация открывает возможности для фундаментального улучшения работы школ и затрагивает многие аспекты социализации школьников. Однако это сложный процесс, который требует крупномасштабных трансформационных изменений, выходящих за рамки технических аспектов технологии и инфраструктуры. А именно, цифровизация относится к «серии изменений в плане цели, содержания, практики работы учителей и приобретаемых учениками компетенций, которые должны соответствовать новым социокультурным вызовам» [2, с. 3], которые приводят к культурным, организационным и операционным изменениям посредством интеграции цифровых технологий.

Возвращаясь в русло социологии, отметим, что Т. Парсонс, как функционалист-структуралист, связывал образование с формированием социальной идеологии. По мнению Парсонса, образование – это процесс приобщения индивидов к ценностям с целью развития чувства ответственности и навыков, необходимых для выполнения социальных ролей. Эта точка зрения предполагает, что люди как часть социальной системы действуют рационально, но это действие контролируется интернализацией социальных ценностей и норм. Процесс социализации с этих позиций можно охарактеризовать как процесс развития саморегуляции и становления самосознания и активной жизненной позиции личности.

Образование является одним из важнейших этапов социализации (система образования или образовательная среда – агент социализации...) молодежи в современном мире. Уровень

и качество образования, которое общество может дать молодому поколению, формирует дальнейшее развитие страны. Одним из ключевых параметров, определяющих место человека в системе социальной стратификации общества, наряду с такими параметрами, как доход, власть, престиж, является образовательная сфера. «Образование и воспитание играют важную роль в любом обществе как основные этапы социализации молодежи» [1, с. 39]. В свою очередь, социализация и воспитание – это процессы, непосредственно связанные с общим развитием личности. Они готовят людей и обеспечивают их включение в различные социальные сферы и культурную интеграцию.

Образование в вузах способствует формированию необходимых и актуальных условиям рынка знаний, умений, навыков и компетенций будущих специалистов, осознания социальной значимости профессии. Таким образом, образовательный процесс в учебных заведениях различного уровня позволяет молодым людям получить необходимые знания, выработать навыки, ценностные установки, обрести профессиональный опыт, освоить актуальные на сегодняшний день компетенции [3]. Социализация молодых людей неразрывно связана с процессом их адаптации в учебных заведениях. Здесь стоит отметить, что успешная адаптация обусловлена принятием и соблюдением требований учебного заведения.

Позиции западных и российских исследователей на социализацию молодого поколения с учетом влияния цифровизации и образования. В целом можно сделать вывод о преобладании негативных факторов на социализацию молодежи, таких как непродуктивное социальное поведение, дефицит внимания, отказ от выполнения ожиданий общества, обеднение способности прогнозировать, трансформация морали в сторону алгоритмизации, девальвация системы ценностей, потребительские установки, неспособность принимать разумные решения, отсутствие интереса к окружающему миру.

Аспекты социализации цифрового поколения студентов вузов, предпосылки для облегчения социализации молодежи и концептуальные положения по социализации молодежи с учетом влияния цифровизации и образования. Внимание цифровой социализации и общей характеристике цифровых образовательных продуктов. Далее, социологические последствия цифрового образования отражают и усиливают более широкие общественные проблемы. Среди них важное место занимает цифровое неравенство, отражающее неравенство в доступе к цифровым технологиям и компетентности в них, что влияет на возможности и результаты обучения студентов. Другой проблемой является то, как социальный капитал – ресурсы, заложенные в социальных сетях, – используется в виртуальном пространстве и как он влияет на опыт и результаты учащихся. Кроме того, необходимо понять, как технологии влияют на общество, поскольку образовательные инструменты – это не просто нейтральные гаджеты, а объекты, которые определяют и отражают социальную, культурную и политическую среду.

Положительным моментом является демократизация образования, позволяющая учащимся по всему миру получать доступ к высококачественным образовательным ресурсам независимо от их местонахождения. Появление онлайн-курсов, вебинаров, электронных библиотек, видеолекций, виртуальных симуляторов и цифровых оценочных платформ значительно расширило глубину и охват профессионального высшего образования. Оно служит цели инклюзивности, обеспечивая обучение по семестрам, модулям, потребностям и темпам, что позволяет удовлетворить запросы нетрадиционных учащихся и малообеспеченных слоев населения. Кроме того, цифровизация способствует социальному взаимодействию, объединяя студентов и наставников с различным опытом и знаниями посредством онлайн-дискуссионных форумов, что повышает межкультурную компетентность.

Кроме того, цифровизация позволяет учебным заведениям отслеживать успеваемость студентов в режиме реального времени с помощью инструментов, основанных на искусственном интеллекте, которые позволяют выявлять пробелы в обучении и предлагать меры по их устранению. Эти цифровые инструменты позволяют в беспрецедентной степени персонализировать обучение, подбирая контент в соответствии со стилем и темпом работы учащегося. Таким образом, цифровизация не только усиливает процесс обучения, но и стимулирует самообразование на протяжении всей жизни.

Однако есть и проблемы, и недостатки. Успех цифровизации во многом зависит от уровня цифровой грамотности и наличия стабильного и надежного Интернет-соединения. В результате возникает «цифровое неравенство», и многие учащиеся, особенно из сельских и малообеспеченных районов, испытывают трудности с участием в цифровом обучении. Этот сдвиг также создает дополнительную нагрузку на преподавателей, требуя от них приобретения новых цифровых навыков, зачастую без должной поддержки и подготовки.

С педагогической точки зрения, сущность общения «лицом к лицу» и практического обучения все еще кажется незаменимой. В цифровой среде обучения также возникают проблемы, связанные с академической честностью при проведении онлайн-оценок, конфиденциальностью данных студентов, влиянием экранного времени и изоляции на психическое здоровье.

Цифровизация – это мощный инструмент, который стал катализатором изменения структуры профессионального высшего образования. Она позволила добиться значительных успехов в повышении доступности, гибкости и индивидуализации образования. Однако она не лишена недостатков и проблем. Главное – найти баланс, сочетая традиционные и цифровые методы обучения таким образом, чтобы максимально использовать сильные стороны каждого из них. Политики, преподаватели и академические лидеры должны осознавать эти проблемы и совместно работать над тем, чтобы полностью использовать потенциал цифровых технологий и одновременно уменьшить их недостатки.

В развивающейся области цифрового образования социологическая перспектива дает возможность увидеть многомерность его воздействия на различные социальные слои. По мере того, как цифровое образование продолжает разворачиваться и формировать наши социальные структуры, роль социологии в осмыслении и направлении этих изменений становится еще более важной. Этот дискурс должен послужить трамплином для дальнейших исследований и прагматических политических рекомендаций по использованию технологий для создания справедливого и социально инклюзивного образовательного контекста.

Литература

1. *Ипатов Е.Ю.* Место образования в процессе социального становления личности // Педагогика: традиции и инновации: материалы I Международной научной конференции (Челябинск, 2011). – Т. 1. – Челябинск: Два комсомольца, 2011. – С. 38–40.
2. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России / Экспертно-аналитический доклад. – М.: ЦСР, 2017. – URL: <https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/10/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya-2017-10-13.pdf> (дата обращения: 10.09.2023).
3. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 10.09.2023).
4. *Попов Д.С., Стрельникова А.В., Григорьева Е.А.* Цифровизация российской средней школы: отдача и факторы риска // Мир России. – 2022. – Т. 31. – № 2. – С. 26–50.
5. *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности / В.А. Ядов. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 595 с.
6. *Якоба И.А.* Влияние виртуальных социальных сетей на молодежь // Вестник ИрГТУ. – 2011. – № 3 (50). – С. 287–292.

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В ФОРМАТЕ ЭКОСИСТЕМЫ

**Насибулина Алия Сердаровна,
Шагеева Гульнара Рафаиловна**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация: государственно-частное партнерство (ГЧП) – это форма сотрудничества между государством и частным сектором. Она заключается в объединении усилий обеих сто-

рон для выполнения определенного проекта. ГЧП позволяет эффективно использовать ресурсы государства и частных компаний, что способствует росту экономики и увеличению числа рабочих мест.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, экосистема, коммерческих сектор, бизнес, стратегическое планирование.

Одной из важнейших отраслей, в которой можно применить принципы ГЧП, является экосистема. Это комплекс взаимосвязанных биологических, геологических и социально-экономических систем, которые взаимодействуют между собой и выполняют ряд взаимосвязанных функций. Экосистемы не только обеспечивают жизнь людей, но и содействуют процессу производства и сокращению отходов.

Использование принципов ГЧП в экосистеме включает в себя несколько этапов. Во-первых, необходимо определить цели сотрудничества государства и частного сектора. В данном случае цели могут быть разнообразными. Например, государственная сторона может стремиться к улучшению экологической ситуации в определенном регионе, а частный бизнес может сосредоточиться на инвестировании в продуктивность и устойчивость производственных процессов.

Вторым этапом является разработка плана действий для достижения цели. Здесь необходимо учитывать потребности каждой из сторон и создать условия, которые будут выгодны обеим. Это может включать в себя разработку новых технологий и методов производства, поставку ресурсов и материалов, а также организацию взаимодействия между различными участниками.

Третий этап – реализация плана. Здесь и государственные органы, и частные компании играют свою роль. Государственные органы отвечают за распределение ресурсов, мониторинг выполнения проекта и соблюдение норм и правил. Частный сектор обеспечивает финансирование, ресурсы и экспертизу.

Последний этап – оценка результатов. Этот этап является очень важным, так как он позволяет определить эффективность сотрудничества. На этапе оценки следует учитывать экологические, экономические и социальные результаты взаимодействия.

Важно отметить, что успешное государственно-частное партнерство в экосистеме зависит от нескольких факторов. Во-первых, необходимо четко определить цели сотрудничества и создать равные условия для каждой из сторон. Во-вторых, эффективное взаимодействие возможно только при наличии доверия. Государство должно доверять частному сектору и наоборот. В-третьих, для успешной реализации проекта нужны высококвалифицированные специалисты и грамотное управление проектом.

ГЧП в формате экосистемы может применяться в различных отраслях, начиная от сельского хозяйства и заканчивая туризмом. Например, сотрудничество между государством и частным сектором может способствовать улучшению экологической ситуации в прибрежных зонах. В этом случае государственная сторона предоставляет финансирование на восстановление экосистемы и контроль выполнения работ. Частные компании могут заняться восстановлением мест для отдыха и привлечением туристов, что позволит им заработать дополнительные доходы.

В заключение, государственно-частное партнерство в формате экосистемы имеет большой потенциал для улучшения экономической, экологической и социальной ситуации в регионах. Однако успех этого сотрудничества зависит от четкого планирования, доверия между сторонами и высокого профессионального уровня участников проекта.

Идея государственно-частного партнерства (ГЧП) в формате экосистемы не нова, она возникла более десяти лет назад. Однако за это время понимание экосистемы и ее значения изменилось с тех пор, как выразилась идея партнерства.

В начале 2000-х годов в США, Канаде и западной Европе возник ряд проектов, направленных на создание инновационных механизмов ГЧП в области природоохраны и устойчивого развития экосистем. В этот период экология и устойчивое развитие стали одной из основных тем глобальных дискуссий, что свидетельствует о том, что многие люди и компании стали осознавать важность сочетания экономических и экологических факторов.

Примером раннего партнерства на уровне государства и частного сектора может служить проект Кубы по экологическому оздоровлению. В 2002 году Куба пострадала от двух крупных ураганов, что привело к значительным разрушениям на острове. Власти и представители бизнеса решили сотрудничать в связи с разработкой экосистемы на острове. Была создана партнерская организация, задачей которой было обеспечить техническую поддержку и управление проектом, а также сбор финансовых средств на его проведение.

Во многих других странах, включая Европу и Канаду, использование ГЧП в формате экосистемы для укрепления природной среды и устойчивого развития приобрело значительную популярность. Использование ГЧП в формате экосистемы является перспективной моделью для управления экосистемами, поскольку объединяет ресурсы и опыт государства и частного сектора с целью получения лучших результатов в экологической области.

В настоящее время такой подход получает все большее распространение. Страны и компании всего мира проводят совместные проекты, направленные на сохранение природной среды, восстановление растительности, увеличение общественного благополучия и сбережение ресурсов. Одним из примеров является создание парков, заповедников, крупномасштабных программ по восстановлению лесов, рек, садов и сельских хозяйств во всем мире.

Государственно-частное партнерство в формате экосистемы является одним из наиболее перспективных и эффективных способов сотрудничества государства и частного сектора в области устойчивого развития. Взаимодействие должно строиться на основе организации проектов, прозрачности, инвестиционной привлекательности и компетентности в управлении и контроле строящихся экосистем. Разработка подобных совместных проектов может способствовать дальнейшему развитию экосистем и улучшению качества жизни людей во всем мире.

Государственно-частное партнерство (ГЧП) позволяет государству и бизнесу объединять свои ресурсы, знания и опыт для решения определенных задач и достижения общих целей. В последнее время ГЧП становится все более популярной моделью сотрудничества в различных областях, включая инфраструктуру, здравоохранение, образование и другие.

Однако, использование ГЧП в формате экосистемы открывает новые перспективы и возможности для создания устойчивых и эффективных экосистем. Экосистема в широком понимании – это система взаимодействующих элементов, включающая как живые существа, так и неживую природную среду. Они являются ключевыми для сохранения природной биоразнообразности и устойчивого развития.

При использовании ГЧП в формате экосистемы проекты и инициативы направлены не только на создание экономически выгодных результатов, но и на улучшение экологической ситуации, сохранение природных ресурсов, а также улучшение качества жизни людей.

Одним из успешных примеров ГЧП в формате экосистемы является проект по восстановлению реки Лос-Анджелеса в США. В рамках проекта восстанавливалась природная среда, укреплялась дамба, осуществлялось строительство посадочных мест для рыбы и обустройство затопляемых площадей. Выполнение проекта стало возможным благодаря сотрудничеству государственных структур, бизнеса и населения.

Для успешной реализации ГЧП в экосистеме нужно учитывать ряд факторов. Одним из важных моментов является процесс выбора правильного проекта, который отвечает потребностям общества и не наносит вреда природе. Это требует компетентности в выборе проектов, а также достаточного уровня экспертизы с целью установления возможных рисков и проблем, связанных с реализацией проекта в экосистеме.

Для эффективного управления проектами ГЧП в экосистеме необходимы ясные и обоснованные правила, включая механизмы контроля и мониторинга. Для этого часто используются различные стандарты, например, стандарты МСФО, которые позволяют определить финансовые результаты проектов и установить точные критерии оценки эффективности. Кроме этого, важно предусмотреть механизмы урегулирования конфликтов, к которым может привести реализация проекта в экосистеме.

Успешное проведение ГЧП в формате экосистемы также требует обеспечения участия заинтересованных сторон и общественности. Вовлечение общественности необходимо для обеспечения поддержки проекта и эффективного управления рисками. Соответствующее управление информацией позволяет увеличить прозрачность процессов, что в свою очередь является гарантией правильности выбора проектов, соблюдения экологических норм и достижения эффективных результатов.

ГЧП в формате экосистемы представляет собой уникальную модель сотрудничества, которая может способствовать решению существенных проблем экологического характера в различных областях. Она позволяет получать максимальную выгоду от ресурсов, оптимизировать инфраструктуру, укреплять природную среду и улучшать качество жизни людей. Однако, для успешной реализации ГЧП в экосистеме необходимы компетентность, профессионализм, вовлечение всех заинтересованных сторон и определенные механизмы контроля.

Государственно-частное партнерство (ГЧП) в формате экосистемы – это модель взаимодействия, которая объединяет государственные структуры и представителей частного сектора для решения природоохранных и социально-экономических проблем. Для успешной реализации проектов в экосистеме сторонами требуется сплоченность, а также понимание важности экологических вопросов и их влияния на качество жизни людей.

В ходе нашего рассмотрения мы выяснили, что использование ГЧП в формате экосистемы может существенно повлиять на развитие экологически-устойчивого общества. Эта модель сотрудничества позволяет сочетать экономические интересы и естественные потребности с уважением к природе и ее ресурсам. Однако, ее реализация может быть затруднительной из-за нехватки компетентности, неэффективности процессов контроля и механизмов управления.

В заключение можно отметить, что увеличение числа проектов, реализуемых в рамках ГЧП в формате экосистем, становится все более актуальным в современном мире. Этот подход открывает возможности для более эффективного использования ресурсов, повышения качества окружающей среды и социального благополучия общества. Чтобы добиться таких результатов, необходимо постоянно работать над совершенствованием проектов, улучшением контроля и управления, а также продвижением идеи экологического развития в обществе. Только такой подход сможет обеспечить достижение устойчивого экономического и социального развития, который отвечает современным запросам и гарантирует будущее нашей планеты.

Литература

1. *Абдуллаева А.С., Шагеева Г.Р.* Совершенствование механизмов государственно-частного партнерства при реализации инфраструктуры на базе платформенной экономики // *Russian Economic Bulletin*. – 2023. – Т. 6. – № 2. – С. 277–281.
2. *Земцов С.П., Бабурин В.Л.* Предпринимательские экосистемы в регионах России // *Региональные исследования*. – 2019. – № 2. – С. 4–14.
3. *Иванова А.О.* Организация и управление сферой государственно-частного партнерства в Индии // *Государственно-частное партнерство*. – 2017. – Т. 4. – № 1. – С. 9–22.
4. *Кириянов И.В.* Количественная оценка транзакционных издержек организации. Общий методический подход // *Вестник НГУЭУ*. – 2015. – № 1. – С. 78–101.
5. *Клейнер Г.Б.* Экономика экосистем: шаг в будущее // *Экономическое возрождение России*. – 2019. – № 1. – С. 40–45.

6. *Кобылко А.А.* Экосистемные компании: границы и этапы развития // *Экономическая наука современной России*. – 2019. – № 4. – С. 126–136.
7. *Коростышевская Е.М., Плотников В.А., Пролубников А.В., Рукинов М.В.* Социальная компонента государственной региональной политики и ее роль в обеспечении устойчивого развития и экономической безопасности // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. – 2018. – № 6. – С. 120–126.
8. *Котляров И.Д.* Внутренняя и внешняя среда фирмы: уточнение понятий // *Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством*. – 2012. – № 1. – С. 56–61.
9. *Котляров И.Д.* Экосистема: новые способы взаимодействия компании с работниками, клиентами и широкой публикой // *Вестник НГУЭУ*. – 2013. – № 4. – С. 54–68.
10. *Котляров И.Д.* Нетипичные формы организации хозяйственной деятельности // *Экономическая наука современной России*. – 2017. – № 1. – С. 22–40.
11. *Крыканов Д.Д.* Оценка осуществимости проектов государственно-частного партнерства: анализ российской и международной практики // *Государственно-частное партнерство*. – 2017. – Т. 4. – № 2. – С. 111–130.
12. *Митяшин Г.Ю., Стельмашонок Е.В.* Применение концепции совокупной стоимости владения к анализу жизненного цикла спортивного сооружения // *Экономика и предпринимательство*. – 2020. – № 4. – С. 747–751.
13. *Орехова С.В., Заруцкая В.С.* Интеграция бизнеса: эволюция подходов и новая методология // *Журнал экономической теории*. – 2019. – Т. 16. – № 3. – С. 554–574.
14. *Плотников В.А., Федотова Г.В., Пролубников А.В.* Государственно-частное партнерство и специфика его реализации в регионах России // *Экономика и управление*. – 2015. – № 1. – С. 38–43.
15. *Рогожин А.А.* Опыт государственно-частного партнерства в развитии инфраструктуры в странах Юго-Восточной Азии // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2019. – Т. 12. – № 6. – С. 268–286.
16. *Солнцев К.Д.* Проекты государственно-частного партнерства и меры их поддержки в мировой практике // *Государственно-частное партнерство*. – 2017. – Т. 4. – № 1. – С. 23–42.
17. *Тараш Л.И., Петрова И.П.* Государственно-частное партнерство: состояние и перспективы развития в Украине // *Вестник экономической науки Украины*. – 2013. – № 1. – С. 168–171.
18. *Шагеева Г.Р., Абдуллаева А.С.* Институты поддержки и формы государственно-частного партнерства в Российской Федерации: современное состояние // *Наука Красноярья*. – 2023. – Т. 12. – № 1. – С. 21–39.
19. *Vertakova J., Plotnikov V.* Russian and foreign experience of interaction between government and business // *World applied sciences journal*. – 2013. – Volume 28. – Issue 3. – P. 411–415.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ РИСКОВ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНА

Погребная Наталья Сергеевна

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Аннотация. В условиях развития информационного общества происходит формирование новых рисков, оказывающих значительное влияние на молодежь. С распространением цифровых технологий появляются новые процессы, характерные для информационного общества, киберсоциализация и виртуальная идентичность, значение которых еще только предстоит анализировать.

Ключевые слова: молодежь, информационная безопасность, риски, киберсоциализация, виртуальная идентичность.

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (проект FZSR-2023-0006 «Сетевая социально-политическая мобилизация в регионах ресурсного типа Сибири: исследовательские возможности инструментов data-mining»).

Мы живем в современном мире, основной характеристикой которого является постоянное изменение социального пространства вокруг. Распространение процессов глобализации в купе с повсеместной информатизацией социального пространства привели к появлению такого социального явления как информационное или цифровое общество. Информационное общество – это общество, в котором информационно-коммуникационные технологии занимают все более главенствующую роль во многих сферах жизнедеятельности практически всех социальных групп населения. Наряду с такими позитивными тенденциями развития цифрового общества, беспрепятственный доступ к информационным ресурсам здесь и сейчас и повышение уровня бытового комфорта, информационное общество также представляет собой общество риска, которые в соответствии с теорией У. Бека имеют многообразный, непредсказуемый и неуправляемый характер [4, с. 32].

Информационные технологии занимают все новые сферы жизни различных категорий населения нашей страны, в том числе молодежи регионов. Так, по результатам опроса, проведенного в декабре 2022 г. среди молодежи Кузбасса, большинство респондентов 24,5 % предпочитают проводить свое свободное время, используя для этого гаджеты (анкетный опрос молодежи Кузбасса, 2022 г., n = 1146 чел.), что говорит о вовлеченности молодых людей в цифровую среду и подверженности рискам информационного общества.

Риски и угрозы информационного общества для молодежи региона могут проявляться как на внешнем, так и на внутреннем уровнях. К внешним рискам и угрозам можно отнести:

- риски потребления – воздействие недостоверной, искаженной, противозаконной информации, способной оказать деструктивное воздействие на человека (к примеру, демонстрация материалов порнографического содержания, пропаганда нездорового образа жизни, деструктивного поведения, представляющего угрозу жизни и здоровью человека, таких как призывы к суициду, опасным селфи, противозаконному поведению на транспорте и пр.);

- потребительские риски – распространение сетевого мошенничества, которое может повлечь причинение материального ущерба (хищение личных персональных данных, паролей и кодов приложений и программ и пр.);

- коммуникационные риски – манипулирование сознанием и поведением со стороны третьих лиц; публикации избыточной информации о себе, которая может быть использована в противоправных целях; киберпреследование в форме кибербуллинга (травля человека), киберсталкеринга (получение информации или снимков интимного характера, которые впоследствии могут быть использованы для шантажа или запугивания); троллинга (подражание, хулиганство и социальное бойкотирование);

- электронные риски – установление различных вредоносных программных ПО (вирусы, шпионские программы и пр.);

- риски криминогенного характера – посягательство на половую неприкосновенность; пропаганда криминальной идеологии; вовлечение в наркобизнес и наркопотребление; вовлечение в антиобщественную, преступную деятельность (особенно ярко это проявилось в последнее время, когда Россия начала проведение Специальной военной операции на Украине, стали часто появляться новости о поджоге военкоматов, железнодорожной инфраструктуры и пр., при этом организация таких противоправных действий осуществлялась спецслужбами Украины за счет использования информационно-коммуникационных технологий);

- риски экстремистского характера – разжигание конфликтов на политических, межэтнических, религиозных противоречий; пропаганда запрещенных законом религиозных экстремистских и террористических организаций.

К внутренним рискам информационного общества для молодежи можно отнести:

- трудность восприятия информации – обрушивающийся ежедневно на человека объем информации несопоставим с возможностями ее полноценного восприятия приводит к разви-

тию такого явления как медиабулемия по аналогии с медицинским термином «переедание» информации;

- атрофия способности мыслить самостоятельно – использование «клише» и «штампов», что приводит к распространению среди молодежи так называемого «клипового» мышления, то есть неспособности целостного и системного анализа протекающих в обществе процессов;
- утрата эмпатии, формирование типа инфантильной безответственной личности, что способствует эмоциональному выгоранию;
- изменение поведения молодых людей в совокупности с социальной разобщенностью;
- формирование новых форм зависимости – зависимости от гаджетов и социальных сетей (опасение утратить важную информацию, хранящуюся в смартфоне; страх оказаться даже на короткое время в информационном вакууме и пропустить важную информацию; страх полной изоляции, поскольку развитие сетевого общения приводит к тому, что атрофируются коммуникативные навыки и способности социального взаимодействия).

В современном информационном обществе, даже в масштабе региона, человек находится под воздействием цифровых информационных технологий, включающих в себя различную информацию. Такие цифровые технологии способны оказывать влияние на человека за счет содержащейся в них информации, а также посредством форм и методов, за счет которых эта информация может быть передана.

Одним из результатов развития цифрового общества может быть появление новой модели качества жизни – цифровой, которая аккумулирует в себе основные тенденции развития. Цифровая модель качества жизни представляет собой новое цифровое пространство или киберпространство. При этом, у человека/пользователя появляется новая потребность – потребность присутствия и активности в киберпространстве, что приводит к необходимости киберсоциализации человека. По мнению В.А. Плешакова киберсоциализация представляет собой процесс качественных изменений личности, происходящий в результате социализации человека в киберпространстве виртуальной социализирующей Интернет-среды, то есть в процессе использования его ресурсов и коммуникации с виртуальными агентами социализации [6, с. 33].

В качестве положительных факторов киберсоциализации можно выделить возможности для обучения с использованием новых цифровых технологий; общения и социальных контактов без временных и географических границ; Дистанционное познание мира без существенных материальных затрат; возможности дистанционного обучения и работы; досуговое времяпрепровождения (блоги, форумы, интернет-магазины и пр.). При этом нельзя исключать риски, которые несет в себе киберсоциализация. Это и столкновение с деструктивной и противоправной информацией; риски нарушения основных функций социализации; угроза девальвации системы ценности среди молодежи, снижение уровня нравственного поведения; риски утраты жизненной позиции, а также формирование типа инфантильной безответственной личности; риск нарушения процесса включения индивида в качестве дееспособного субъекта в систему общественных отношений; вытеснение традиционных форм коммуникации и «облачность» виртуальных связей; риски формирования интернет-зависимости и адиктивных форм поведения [1, с. 24].

В условиях развития цифровой среды социальная идентичность приобретает цифровой формат. По сути, устойчивые социальные характеристики, присущие индивиду в доцифровую эпоху, заменяются произвольно конструируемой идентичностью, с помощью которой человек презентует себя в анонимном виртуальном пространстве. При этом для виртуальной социальной идентичности присущи такие черты, как субъективизм/интерсубъективизм (социальная идентичность становится личным делом каждого субъекта виртуального взаимодействия); приобретает ситуативный характер; утрачивает содержательность, так как внимание концентрируется на созданном виртуальном образе (цифровом мире) [7, с. 55].

Развитие информационно-цифровых технологий открывает широкие возможности для коммуникации, что способствует развитию неформальных виртуальных сообществ

на уровне региона, с учетом пользовательских ресурсов (различной численности), обладающих беспрецедентной возможностью к мобилизации как с позитивными, так и деструктивными целями.

Развитие информационного общества стало неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Цифровые технологии затрагивают все сферы нашей жизни, меняя окружающую действительность, жизнедеятельность общества, государства региона и человека. И как бы нам не хотелось, избежать этого влияния не получится, а значит необходимо принимать новую реальность, все риски и угрозы, которые несет развитие цифровой среды и информационных технологий, разрабатывать и реализовывать на государственном и региональном уровнях программы, направленные на профилактику и «управление» противоречивых проявлений цифровизации, и особенно в молодежной среде.

Литература

1. *Касьянов В.В., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И.* Киберсоциализация как рискогенный фактор влияния на социальное здоровье российской молодежи в эпоху цифровых технологий // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 6. – С. 21–26.
2. *Кротов Д.В., Гнатюк М.А., Самыгин С.И.* Социальные сети как фактор проявления экстремизма в среде российской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 8-9. – С. 79–82.
3. *Кученин Е.С., Лаврентьева М.С.* Роль институтов гражданского общества в обеспечении интернет-безопасности детей и подростков // Закон и право. – 2020. – № 7. – С. 181–184.
4. *Лига М.Б., Щеткина И.А.* Человек в эпоху цифровизации общества // Гуманитарный вектор. – 2021. – № 2. – С. 29–38.
5. *Маслов В.П., Гнатюк М.А., Самыгин С.И.* Сетевое сообщество: риски и угрозы Интернет-среды для киберсоциализации молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 8. – С. 38–41.
6. *Плешаков В.А.* Киберсоциализация как инновационный социально-педагогический феномен // Преподаватель XXI век. – 2009. – № 3. – С. 32–39.
7. *Соловьева Л.Н.* Цифровая идентичность как феномен информационной современности // Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 12 (80). – С. 53–56.
8. *Чернавин Ю.А.* Цифровое общество: теоретические контуры складывающейся парадигмы // Цифровая социология. – 2021. – № 2. – С. 4–12.
9. *Шевченко О.М., Штофер Л.Л.* Влияние цифровой парадигмы социального развития на структуры здоровья человека // Гуманитарий Юга России. – 2022. – № 5. – С. 145–155.
10. *Щеткина И.А., Лига Е.М., Захаров М.А.* Цифровая модель качества жизни // Гуманитарный вектор. – 2022. – № 4. – С. 58–67.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В РЕГИОНЕ (НА ОСНОВЕ РЕЗУЛЬТАТОВ АВТОРСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)

**Ураев Раиль Рауфович,
Юнусбаева Венера Фависовна,
Круль Александра Сергеевна**

Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия

Аннотация. В статье рассматривается организация дистанционного обучения в высшей школе. Актуальность данной темы обусловлена не только вынужденной ситуацией перехода на дистанционное образование, но и современной реальностью, где цифровые средства коммуникации охватывают все больше сфер общества, в том числе систему образования. Соответственно, цифровизация процесса обучения – это будущее, которое ожидает любую обра-

зовательную организацию. В связи с этим возникает вопрос: каковы условия эффективности дистанционной формы обучения и каким образом можно создать такие условия в рамках вузовского образования? Авторами было проведено исследование, которое показало отношение обучающихся к дистанционной форме обучения, а также представлен вывод о связи удовлетворенности процессом обучения с эффективностью дистанционного формата обучения.

Ключевые слова. Дистанционное обучение, образование в вузе, цифровизация образования, онлайн-занятия, удовлетворенность обучением, учебная мотивация, цифровые технологии в образовании.

Современные сложившиеся реалии обуславливают развитие различных форм образовательного процесса, прежде всего – в дистанционном формате. Интерес к дистанционной форме обучения в российских вузах наблюдался последние 5–7 лет [5], но особенно остро этот вопрос встал в период развития пандемии COVID-19. Необходимость поддержания социальной дистанции изменила саму систему взаимодействия в образовательных заведениях, которые были вынуждены перейти от очного режима преподавания к дистанционному обучению как к обязательной мере, обеспечивающей безопасность в условиях борьбы с COVID-19.

Быстрый переход к онлайн-обучению, как выход из сложившейся ситуации, не только позволил смягчить всеобъемлющие воздействия пандемии, но и непроизвольно создал некоторые трудности, связанные в первую очередь с особенностями такого обучения. Поскольку для перехода от фактических занятий к онлайн-занятиям необходимо было соблюдать определённые требования к образовательному и технологическому содержанию, то перевод дисциплин в онлайн-формат стал чем-то более масштабным, нежели просто оцифровкой очных занятий.

Дистанционное обучение – это взаимодействие учителя и учащихся между собой на расстоянии, отражающее все присущие учебному процессу компоненты (цели, содержание, методы, организационные формы, средства обучения) и реализуемое специфичными средствами Интернет-технологий или другими средствами, предусматривающими интерактивность [2]. В рамках вуза это специфический стиль обучения, при котором преподаватели и студенты физически разделены, и используются разные технологии для коммуникации [3]. Главная проблема дистанционного обучения не столько в технологическом обеспечении взаимодействия «преподаватель – студент», сколько в создании авторского контента, который будет обеспечивать реализацию всех задач, выполнимых в рамках аудиторных занятий.

Эффективность дистанционного метода обучения основана на гибкости и повсеместности образовательной среды, однако большая самостоятельность и отсутствие личного взаимодействия нарушает баланс нагрузки у преподавателей и студентов, и требует различных подходов для поддержания концентрации внимания и интереса у обучающихся при планировании и проведении онлайн-занятий.

Можно выделить следующие основные отличительные черты современного дистанционного обучения:

- равные возможности получения образования независимо от места проживания, здоровья и материальных возможностей студентов;
- эффективное использование учебных площадей, технических и транспортных средств, унифицированное представление учебной информации;
- использование новейших достижений информационных технологий;
- возможность реализации многоуровневой модели обучения;
- одновременное обращение к различным видам информации, в том числе и непосредственное взаимодействие с преподавателем при помощи информационных технологий [4].

Образовательное и технологическое содержание дистанционного обучения подразумевает персонализированное обучение, независимо от временных и пространственных границ. Следовательно, важным условием представляется возможность определения основных факторов, влияющих на удовлетворенность студентов онлайн-занятиями, особенно это актуально во время пандемии.

Цифровые технологии, как специфическая предметная область, тесно связаны с индивидуальными способностями, в которых систематический подход к обучению является ключом к успеху на онлайн-занятиях. Если на очных занятиях эффективность обучения напрямую определяется ролью обучающегося на занятии и особенностями взаимодействия между обучающимся и преподавателем, то учебные задачи, реализуемые в онлайн-среде, направлены на стимулирование мотивации через поддержание определенной скорости обучения, и, соответственно, удовлетворенность учебной деятельностью определяется, прежде всего, мотивацией самого обучающегося.

К основным факторам, определяющим уровень качества дистанционного обучения, относятся:

- высокий уровень педагогического мастерства преподавателей и владение ими компетенциями по читаемым дисциплинам;
- ресурсное обеспечение (материально-техническое, организационно-методическое, информационно-коммуникационное, кадровое и др), соответствующее современным требованиям и возможностям участников;
- содержание и качество учебного контента;
- уровень организационного менеджмента [1].

Активное участие в процессе обучения приводит к удовлетворенности обучающегося, но требует значительного объема знаний, усилий, настойчивости с его стороны. Поэтому обратная связь в процессе онлайн-обучения играет решающую роль в создании возможностей для обучения и понимания учебных задач. Роль модератора группы для преподавателя в условиях дистанционного обучения является более сложной и трудоемкой поскольку требует стабильного поддержания групповой динамики взаимодействия без доминирования в группе.

В Башкирском государственном аграрном университете (БашГАУ) дистанционный формат обучения позиционируется как Электронная информационная образовательная среда (далее – ЭИОС) и реализуется посредством платформы Moodle, куда имеют авторизованный доступ все обучающиеся вуза. Moodle – это обучающая платформа, предназначенная для предоставления преподавателям, администраторам и учащимся единой надежной, безопасной и интегрированной системы для создания персонализированной среды обучения. Основа Moodle – это курсы, которые содержат задания и ресурсы. На сегодняшний день доступно около 20 различных видов деятельности (форумы, глоссарии, вики, задания, викторины, варианты (опросы), SCORM-плееры, базы данных и т. д.). Основной акцент данной платформы сосредоточен на объединении действий в последовательности и группы, что может помочь направлять участников по пути обучения. Таким образом, каждое действие может основываться на результатах предыдущих.

В 2022 году нами был проведен социологический опрос среди студентов БашГАУ на предмет их удовлетворенности качеством организации дистанционного формата обучения в вузе, основные результаты которого представлены далее. Выборка анкетирования составила 272 человека, абсолютное большинство которых обучаются на бакалавриате (243 или 89,3 %), 24 студента (8,8 %) обучаются в магистратуре и 4 (1,5 %) – на специалитете.

Перейдем непосредственно к результатам проведенного нами исследования. Так, 2/3 обучающихся (183) полностью удовлетворены доступом к учебно-методическим материалам в ЭИОС, 27 % (74) удовлетворены не в полной мере, и только 5,5 % (15) не имели доступа к учебно-методическим материалам. При этом содержанием данных учебно-методических материалов полностью удовлетворены большинство студентов (71 %, 193), частично удовлетворены 27 % студентов (73) и только 1,8 % (5) полностью не удовлетворены.

Что касается взаимодействия с преподавателем при проведении занятий в ЭИОС (требовательность, своевременность ответа, консультирование и т. д.), то здесь абсолютное большинство обучающихся удовлетворены данным критерием (81 %, 221), 5,5 % (15) не удовлетворены и 13 % (36) затруднились ответить.

Следующий вопрос касался трудностей, которые возникали у студентов в процессе дистанционного обучения. Так, у трети респондентов (94) особых затруднений не возникло, 24 % (66) отметили увеличение нагрузки из-за большого объема изучаемого материала, примерно столько же (62) выделили технические затруднения в процессе обучения, и у 18 % (50) вызвало сложность выполнение заданий без объяснения преподавателя. Стоит отметить, что примерно у половины респондентов все же возникали трудности в процессе обучения.

Также помимо трудностей респондентам было предложено выделить основные преимущества дистанционного формата обучения (максимум 3). В данном ракурсе большинство студентов отметило удобство получения знаний с помощью дистанционного обучения (65 %, 177), вторым по значимости критерием выступила возможность совмещения учебы с работой (55 %, 150), следующим весомым критерием оказался опыт использования новых образовательных технологий (46 %, 127), при этом такой значимый критерий, как повышение качества обучения отметило только 16 % опрошенных (44), тогда как 15 % студентов (41) не обнаружили никаких особых преимуществ дистанционного формата обучения. Отметим, что такие преимущества, как удобство формата обучения и возможность совмещения учебы с работой, лидируют в плане преимуществ.

Далее в анкете предлагалось выбрать несколько образовательных технологий, которые понравились обучающимся при освоении дисциплин с элементами дистанционной контактной работы. Оказалось, что абсолютное большинство респондентов предпочитает использовать презентации с текстовым материалом (82 %, 223), далее продемонстрировали примерный паритет такие образовательные технологии, как просмотр видеолекций в открытом доступе и проведение занятий в формате вебинаров (46 и 41 % соответственно), при этом использование массовых открытых онлайн-курсов отметили только 20 % опрошенных (53). Оказалось, что такие формы работы, которые подразумевают непосредственное взаимодействие с преподавателем, как онлайн-лекции и вебинары, более половины респондентов не предпочли в качестве основных. А текстовый учебный материал с презентациями, напротив, оказался самым предпочитаемым в формате дистанционного обучения.

Одним из ключевых факторов использования дистанционного формата обучения является, прежде всего, повышение качества получаемого образования. В данном контексте большинство обучающихся отметили с положительной стороны использование дистанционных образовательных технологий на качество получения образования (60 %), при этом следует отметить, что четверть опрошенных (68) считает, что использование дистанционных образовательных технологий влияет с отрицательной стороны на качество получения образования, остальные 15 % считают, что использование дистанционных образовательных технологий никак не влияет на качество получения образования (40).

Следующий вопрос логически вытекал из предыдущего и обуславливал возможность продолжения в дальнейшем использования в обучении элементов дистанционной контактной работы. Так, 70 % обучающихся оценили положительно данную возможность (191), негативно были настроены 16 % (44) и 14 % затруднились с ответом (37).

В качестве финального аккорда респондентам предлагалось дать оценку в целом организации обучения с элементами дистанционной контактной работы в ЭИОС в вузе по 5-балльной шкале. В результате ответы распределились следующим образом:

- более половины студентов (55 %, 150) оценили дистанционное обучение на 5 баллов;
- еще 34 % оценили на 4 балла (93);
- 7 % оценили дистант на «удовлетворительно» (18);
- оставшиеся 4 % посчитали организацию дистанционного обучения неудовлетворительной (11).

Соответственно, мы видим, что абсолютное большинство обучающихся (89 %) дали положительную оценку организации дистанционного обучения в БашГАУ, что говорит об эффективности действий вуза в данном направлении деятельности с точки зрения конечных потребителей образовательных услуг, а именно студентов.

На основе анализа данных проведенного нами исследования был выявлен ряд основных факторов, определяющих качественный уровень дистанционного обучения, а именно:

- качество учебно-методических материалов, размещенных в ЭИОС;
- применение современных образовательных технологий в дистанционном формате;
- особенности взаимодействия обучающихся с преподавателями при проведении занятий в ЭИОС;
- анализ различных проблем, возникающих в данном формате у обучающихся.

Следовательно, можно сделать вывод, что учебное взаимодействие между преподавателем и студентом в значительной степени обусловлено удовлетворенностью обучающихся всеми факторами обучения. Соответственно, модель «взаимодействие – удовлетворённость – мотивация» оказывает прямое влияние на эффективность обучения. В дальнейшем планируется проведение анализа мотивации обучающихся по отношению к дистанционной форме обучения, а также актуальности развития гибридного обучения в вузе.

Литература

1. *Белянина И.В., Долганова Н.А.* Дистанционное обучение: осмысление и анализ проблем и опыта // Российский экономический интернет-журнал. – 2019. – № 1. – С. 12–18.
2. Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дистанционное_обучение (дата обращения: 28.09.2023).
3. *Ляшенко О.В., Соколов Н.Г., Яковлев Г.А., Гущина Н.В.* Проблемы дистанционного обучения в современной системе российского образования // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2021. – № 7 (197). – С. 198–203.
4. *Собакина О.В., Вершинина С.В.* Совершенствование системы дистанционного обучения ТЮМНГУ (посредством анализа специфики обучения в ВУЗах различных регионов) / Проблемы формирования единого пространства социально-экономического развития стран СНГ: сборник трудов международной научно-практической конференции (Тюмень, 26 апреля). – 2013. – С. 351–354.
5. *Шмаков А.А.* Особенности организации процесса обучения в ВУЗах в условиях дистанционного обучения: речекоммуникативный аспект / Актуальные проблемы вузовского образования: материалы I международного научно-практического семинара (Барнаул, 2020). – С. 55–60.

ЦИФРОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН (НА МАТЕРИАЛАХ КОНКРЕТНО СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Хайруллина Юлдуз Ракибовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет; Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

**Гарипова Регина Рафисовна,
Хайруллин Рауль Рафаэлевич**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматривается процесс и некоторые результаты внедрения программ цифровизации в республике, представлен краткий анализ принятых государственных документов в данной сфере, статистических данных. В материале присутствуют данные авторских прикладных исследований, касающихся цифровой компетентности населения, отдельных социально-демографических групп – детей, молодежи, представителей старшей и средней возрастных когорт. Констатируется воздействие цифровой трансформации на различные сферы жизни, включая семейно-демографическую, трудовую, образовательную, потребительскую, сферу свободного времени. Основой положений и выводов работы выступают

результаты анализа экспертных интервью, информантами для которых были отобраны специалисты, которые участвовали в реализации республиканских программ цифровизации.

Ключевые слова: цифровая компетентность, качество жизни, информационно коммуникативные технологии, социально-демографическая группа населения

Рассмотрим доступность ИКТ, обеспеченную населению нашей республики в последние годы в рамках реализации программы цифровизации. Согласно статистическим [1] данным за прошлый год широкополосный интернет стал почти полностью доступен населению (81 %) и этот показатель растет каждый год на 0,3 %. К 2030 году плановый показатель пользователей составит 97 %. На сегодня наиболее популярен мобильный интернет, к которому в республике подключено 7,8 млн пользователей, а общее число потребителей его сети растет с 83 до 89 на 100 человек (2017–2020 гг.).

На федеральном уровне у республики также лидирующее положение в процессе цифровой трансформации. За 2022 год достигнуты высокие показатели по характеристикам цифровой зрелости в транспорте, образовании, здравоохранении, госуправлении, строительстве и городском хозяйстве; по внедрению образовательных платформ; мерах поддержки IT-отрасли; обеспечению информационной безопасности; цифровизации социальных услуг; импортозамещению. Таким образом, на сегодня обеспечен базовый уровень доступности возможностей ИКТ для населения, как реализация текущего этапа цифровой трансформации в республике.

Следующим уровнем в рамках цифровой трансформации выступает развитие цифровой грамотности и соответствующих компетенций пользователей. Данный показатель был проанализирован в рамках проведения в республике цифрового диктанта [2], который показал, что он выше среднероссийского (7,1 против 6,9 соответственно из 10 возможных баллов). Причем, результаты также зафиксировали стойкую тенденцию роста таких компетенций как эффективный выбор и применение ИКТ технологий в жизни не только в возрастной когорте детей школьного возраста, но и в старшей возрастной когорте (60 лет +) за последние три года.

Что касается влияния цифровой трансформации на такую особую социально демографическую группу как дети, то взрослым, особенно родителям, важно поддерживать баланс между онлайн- и офлайн-деятельностью для своих детей. По данным опроса 2022 года [3], более половины детей (55 %) большую часть времени проводят с родителями. В то же время степень воздействия на детей цифровых технологий очень велика, так они очень много времени проводят в Интернете и за просмотром телевизионных программ (почти по 50 % соответственно). Не используют интернет и ТВ только 18 % и 36 %. Поощрение участия в офлайн-мероприятиях может помочь сократить время, проводимое за экраном, и способствовать более сбалансированному образу жизни.

Современные цифровые трансформации оказывают существенное влияние также на репродуктивное поведение и другие актуальные семейные практики. Повсеместное распространение смартфонов, планшетов и других устройств привело к увеличению потребления цифрового контента, влияя на то, как семьи взаимодействуют и сближаются. Этот сдвиг привел к переоценке традиционных семейных ценностей и приоритетов, включая само желание иметь детей. Как показывают результат авторских эмпирических исследований [4], в результате пары предпочитают иметь меньше детей или даже не иметь их вообще, в некоторых случаях отдавая предпочтение своей карьере, личностному росту или цифровому образу жизни.

Итак, в новом цифровом обществе цифровая компетентность населения реализуется по различным направлениям, что выступает наиболее актуальной проблемой для прикладного изучения. Можно отметить, что в республике наиболее доступным и потребляемым всеми категориями населения электронным ресурсом выступает портал Государственных услуг Республики Татарстан. Данный ресурс на сегодня эффективно реализует цифровой формат решения актуальных для населения вопросов и целенаправленно адаптирован для их запро-

сов и потребностей. В 2023 году [5] его сайт предоставляет электронные сервисы по 248 направлениям; 2,6 млн человек зарегистрировано и получают соответствующие услуги. Таким образом, востребованность портала составляет 92 % жителей республики.

В рамках цифровой трансформации правительство республики и отдельные министерства также строят свою работу с населением через функционирование своих сайтов и Портала «Народный контроль». На нем прописано 124 категории обращений по сферам деятельности и в 2022 году [6] было отмечено почти 71 903 тысячи обращений от населения, из которых 60 018 получили статус «Заявка решена». Данное количество составило 83,53 % решения заявок в течение года.

Представленные данные подтверждаются результатами анализа авторских КСИ [7] экспертных интервью (n = 12, 2023), согласно которым население республики активно использует возможности цифровых услуг и обращается к министерствам для решения различных вопросов и проблем.

Вместе с тем, специалисты фиксируют сохранение проблем в развитии цифровой инфраструктуры и подготовке специалистов и населения для применения и владения инновационными видами ИКТ: «...процесс цифровизации – длительный и тернистый, не для всех актуален новый образ жизни и работы с цифровыми технологиями, что требует активного включения самого населения в данные процессы. Чем больше обратной связи – тем легче работать с проблемными местами...» (Информант 10, жен., управляющий партнер).

«... В нынешней ситуации очень важно наличие грамотных специалистов, в особенности тех, кто хорошо разбирается в технических вопросах создания и поддержки цифровых технологий. Также мы отметили утечку ценных кадров в прошлом году, многие программисты покинули страну, с некоторыми из них поддерживаем контакт, но как правило из-за текущих проблем с начислением средств и разных временных поясов трудно поддерживать контакт как раньше...» (Информант 3, муж., аналитик по работе с облачными данными).

Эксперты подчеркивают, что отсутствует единый стандарт по реализуемым программам, а так же отмечают сложности с доступностью интернета в части районов республики, которые находятся на большом расстоянии от столичного региона: «Если в селах и поселках более-менее получилось подключить различные коммуникации, проблемным остаются деревни и промежуточные зоны между населенными пунктами, в силу особенностей местности в первую очередь. Насколько знаю, многие жители деревней обращаются за электронными услугами в ближайшие районные центры, где находится МФЦ, почта и другие учреждения, которые этим занимаются...» (Информант 1, муж., руководитель направления по поддержке клиентов).

Мнение экспертов подтверждает самооценку цифровой грамотности населения республики как средней, что соответствует российскому уровню и означает способности решения текущих задач, поиска повседневной информации, без освоения новых компетенций и навыков. Молодое поколение демонстрирует более высокую степень владения ИКТ, что включает потенциал быстрого освоения новых программ и сервисов при решении возникающих задач в жизни, работе и образовании.

Экспертное сообщество констатирует наличие в республике комплекса мероприятий, направленных на повышение знаний и расширение компетенций применения ИКТ населением в различных сферах жизни. Рассматривая результаты реализации соответствующих тренингов и программ, они отмечают: «... один из регулярных проектов для школьников «Цифровой ликбез», считаю очень правильным решением привлечь к такому и детей, и родителей. На разные темы предлагаются инструкции и видеоролики, все очень простым языком. Особенно затрагивают тему мошенничества, буллинга, безопасного поведения в сети...» (Информант 9, муж., middle-разработчик программного обеспечения).

Так же информанты отмечают наличие серьезного цифрового неравенства в сфере применения ИКТ людей старших возрастных когорт по сравнению с другими. Один из них, занятый в сфере онлайн консультирования, прокомментировал это следующим образом: «... Чаще всего звонки и сообщения в чат поступают от бабушек и дедушек, то есть они не мо-

гут создать определенный запрос, для некоторых проблемным является даже понимание как зайти в собственный профиль. Безусловно мы стараемся решить все поступающие запросы и в основном это имеет положительные тенденции, чаще всего мы полностью оформляем запрос на получение какой-либо услуги самостоятельно по запросу пенсионеров. К маломобильным гражданам в городе выезжает специалист, с которым мы также поддерживаем связь.» (Информант 4, жен., младший специалист по поддержке).

Эксперты также отмечают, что в республике инфраструктура и степень доступности ИКТ находятся на высоком уровне, наиболее ценным обозначено наличие высокоскоростного соединения, которое имеет некоторые недоработки устойчивости функционирования: *«Практически вся республика имеет подключение к сети интернет, где-то больше мобильному, основная проблема же в скорости интернета в отдаленных районах...»* (Информант 11, муж., специалист по обслуживанию технического оборудования).

Среди республиканских достижений цифровой трансформации основных сфер жизни отмечено широкое внедрение дистанционного образования и различных ИКТ на всех уровнях образовательных учреждений в рамках стандарта «Электронного образования»: *«Все реализуемые программы в школах и ВУЗах сегодня позволяют не только обеспечить эффективную организацию учебного процесса, но и подготовить молодое поколение к работе цифровыми технологиями на всех уровнях. Сейчас для студентов и школьников существуют специальные курсы от Иннополиса, по разным сферам, для школьников больше геймифицированное обучение, понимание различных азов в языках программирования, олимпиады. Для студентов и выпускников, также и для взрослых программы повышения квалификации вместе с центрами занятости.»* (Информант 12, муж., специалист по развитию облачных технологий).

Выявленную в результате исследования возрастную дифференциацию компетенций в сфере применения ИКТ, по мнению экспертного сообщества, необходимо сокращать через разработку и применение целевых адресных программ обучения старшего поколения. В современных условиях этой группе пользователей помогают родственники, чаты поддержки, специалисты горячих линий, но проблема требует перспективного профессионального решения в целях преодоления цифрового неравенства в качестве жизни населения республики.

Подводя некоторые итоги, необходимо констатировать, что цифровая трансформация общества ведет к разнообразным социальным последствиям, требующим социологического осмысления. Эмпирическое изучение развития и запроса населения в области получения и применения цифровых компетенций в различных областях жизни выступает актуальной задачей прикладных исследований, полезных при корректировке реализуемых программ в республике.

Литература

1. Официальный сайт Мир карт. 2020. – URL: <https://xn--80apggvco.xn--p1ai/%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D1%8B?id=287> (дата обращения: 27.04.2023)
2. ТатМедиа. Уровень цифровой грамотности жителей Татарстана – выше среднего по России. – URL: <https://spas-rt.ru/news/novosti/uroven-tsifrovoy-gramotnosti-zhiteley-tatarstana-vys-he-srednego-po-rossii> (дата обращения: 03.05.2023).
3. Гараева Р.Т. Особенности детского досуга в условиях большого города // Научный журнал «Студенческий вестник». – 2022. – № 45 (237). – С. 5–6.
4. Хайруллина Ю.Р., Хайруллин Р.Р., Нуруллина Э.Р. Демографические приоритеты населения в Республике Татарстан: статус детей и проблемы семьи: монография / Ю.Р. Хайруллина, Р.Р. Хайруллин, Э.Р. Нуруллина. – Казань: Артифакт, 2016. – 321 с.
5. Портал Государственных Услуг РТ. – URL: <https://uslugi.tatarstan.ru/> (дата обращения: 03.05.2023).
6. Госуслуги РТ. ГИС «Народный контроль». – URL: https://uslugi.tatarstan.ru/open-gov?show_form=1&category_id=28# (дата обращения: 03.05.2023).

7. Трубицин И.И., Хайруллина Ю.Р. Роль органов государственной власти в развитии цифровых компетенций и уменьшении цифрового неравенства в Республике Татарстан // Цифровая социализация и цифровая компетентность в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии: VI Международная конференция «Казанские социологические чтения»: сборник научных трудов (Казань, 18–19 мая 2023 г.). – Казань: Издательство Казанского университета, 2023. – С. 129–133.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И МОЛОДЕЖЬ: К ВОПРОСУ ОБ УПРАВЛЕНИИ ИНТЕРНЕТОМ

Юлбаев Радик Зинатович

Баширский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия

Гражданское общество – сфера материальной,
экономической жизни и деятельности людей.
Именно оно является первичным по отношению к государству,
гражданская жизнь как сумма разнообразных интересов
скрепляет государство.
К. Маркс, Ф. Энгельс

Аннотация: В статье анализируются цифровые возможности развития гражданского общества в сети Интернет. В связи с этим, рассматривается проблематика концепта гражданского общества, состав участников и тематика их интересов на дискуссиях Форума по управлению Интернетом (IGF). Особое внимание уделено «голосу» молодых, формированию российского молодежного контента в цифровом пространстве гражданского общества.

Цель статьи состоит в том, чтобы содействовать дебатам о роли гражданского общества в таком институте глобального управления как IGF, рассматривая неоднородные группы заинтересованных сторон гражданского общества, присутствующих в Интернет-дискуссиях, и исследуя место в нем молодежного представительства.

Ключевые слова: глобальное управление, управление Интернетом, гражданское общество, акторы, молодежное представительство, молодежный российский форум IGF.

1. Введение.

С 2003 года IGF (Форум по управлению Интернетом) объединяет различные группы заинтересованных сторон для участия в дебатах и дискуссиях по вопросам государственной политики, относящимся к управлению Интернетом. По словам экспертов, ISOC Russia Chapter станет связующим звеном между разработчиками стандартов и технологий, государством, коммерческими организациями и пользователями российского сегмента сети [2]. Маркус Куммер определяет его как средство «политического диалога, в котором все заинтересованные стороны участвуют на равных» в рамках процесса, который прозрачен и открыт для всех [5]. В условиях цифрового неравенства, гражданское общество рассматривается как один из краеугольных камней IGF.

Форум по управлению Интернетом объединяет правительства, деловые круги и представителей гражданского общества. Как отмечают эксперты, большая часть литературы, анализирующей IGF (и другие институты с участием многих заинтересованных сторон), как правило, сосредоточена на разработке моделей с участием многих заинтересованных сторон или содержит критику потенциала этих моделей для реализации решений, особенно с акцентом на эффективность участников для достижения своих целей [7]. Однако мало исследован состав акторов, вовлеченных в эти процессы, в том числе, социальных групп, объединенных под общим названием «гражданское общество», и, прежде всего, участие в них молодых

граждан. Понимание того, «кто» входит в гражданское общество, позволит нам оценить потенциал молодежного представительства в контексте управления Интернетом.

Можно предположить, что одна из ключевых причин образования лакуны в научной литературе вытекает из самой противоречивости оспариваемого понятия гражданского общества как одного из ключевых действующих лиц в пространстве IGF. Существует концептуальный разрыв между неуловимостью термина и фактическим представительством, прежде всего, молодых членов гражданского общества в IGF, участвующих в дебатах и дискуссиях по вопросам государственной политики. В связи с этим, надо уточнить значение и характер участия гражданского общества в IGF и рассмотреть представительство в нем молодых голосов.

2. Гражданское общество и глобальное управление посредством Интернета.

По мнению Amoore & Langley, гражданское общество «используется для легитимации и оспаривания дискурса и практики глобального управления» [6]. Гражданское общество играет решающую роль в управлении Интернетом. Отсюда вытекает проблема практического «конструирования» гражданского общества в международных институтах. Считается, что гражданское общество существует в пространстве между рынками, государственными органами и частной жизнью или в «пространстве общества, где происходят коллективные действия граждан» [7]. Гражданское общество связано с историко-культурными концепциями политики и политического взаимодействия и в основных своих концептуализациях рассматривается как пространство для обсуждения возникающего «разрыва» в современных демократиях между рынками и государствами. Гражданское общество, благодаря демократической традиции «взаимодействия с заинтересованными сторонами», предоставляет возможность узаконивать политические решения, принятые в неолиберальной среде управления. В этом смысле, интеграция гражданского общества в процессы разработки политики рассматривается как способ обеспечения легитимности этих решений, хотя это сопряжено с рядом условий. Таким образом, гражданское общество является концептуально и политически спорным предметом.

Когда речь идет о гражданском обществе за пределами национальных границ, определения становятся еще более расплывчатыми, что связано с культурно-специфическим пониманием, «перенесенным» из западных представлений о демократии на глобальную арену. Использование термина «гражданское общество» в глобальных институциональных условиях подразумевает, что на глобальном уровне существует некое пространство для коллективных действий, приводящих к эффективным и законным результатам международной политики. Очевидно, что гражданское общество как внутренняя концепция и гражданское общество как глобальное не всегда совпадают. Возникает вопрос, какие глобальные рамки необходимы для обеспечения того, чтобы гражданское общество могло играть продуктивную роль на международную форумах? На наш взгляд, формирование состава гражданского общества с участием многих заинтересованных сторон являются необходимым шагом, которое необходимо осуществить, чтобы понять его роль в процессах управления.

В связи с этим, уместно принять участие в обсуждении того, каким образом определяется содержание гражданского общества в международном аспекте? Несмотря на широкий спектр структур, норм и ролей, выделенных для различных определений, гражданское общество рассматривают как однородную группу, включающую в себя большое количество различных акторов, которые разнообразны по структуре, природе и цели. Несмотря на разнообразие определений, есть также некоторые ключевые общие атрибуты, которые могут быть извлечены из различных фреймов. Прежде всего, гражданское общество обеспечивает коллективное представление «целей, групп или тем», которые выходят за рамки «общих интересов», приписываемых государственным органам. Важно отметить, что организации гражданского общества представляют не свои «собственные» интересы, а интересы своих сообществ; играют роль актора-посредника. Также гражданское общество не имеет определенной организационной структуры: оно может быть как формально, так и неформально организованным, с различными юридическими и организационными конструкциями. Более того, граж-

данское общество не имеет конкретных связей с географическими регионами, но может представлять местные или глобальные группы интересов, узаконивая институциональную среду, обеспечивая подотчетность посредством сдержек и противовесов.

Получается, что, предлагая новые возможности для участия граждан, Интернет фактически облегчает деятельность гражданского общества. И в тоже время, гражданское общество способствует развитию Интернета, обеспечивая необходимую социальную базу для граждан и групп граждан для их общения и взаимодействия. Гражданское общество включает в себя публичную сферу, добровольные организации и общественные движения как ключевые компоненты гражданского общества [1]. Таким образом, рассмотренные рабочие определения в вопросах глобального управления дают нам представление о гражданском обществе как об однородном единстве различных акторов.

3. Гражданское общество и молодежное представительство в IGF.

Основываясь на запросах молодёжи, а также на результатах молодежных саммитов, главный тезис международных площадок – молодёжь должна быть интегрирована в процесс разработки цифровых политик. Так, молодёжный трек IGF 2022 Глобального молодёжного саммита был направлен на создание комплекса мероприятий, помогающего связать молодых людей со всего мира между собой, а также создать для них возможность общения с экспертами в области управления интернетом [3].

Для понимания того, как выглядит молодежное представительство на Форуме по управлению Интернетом, обратимся к исследованию [7], в котором эксперты провели структурный анализ участников гражданского общества за 15-летний период существования IGF. По их мнению, подавляющее большинство организаций гражданского общества нацелены на накопление знаний и/или потенциала среди своих сообществ (76 %), за которыми следует информационно-разъяснительная работа для повышения осведомленности и решения социальных проблем (22,1 %). Было обнаружено, что 412 (14,6 %) из 2830 организаций играли роль в координации людей или организаций для предоставления услуг, ориентированных на сообщество, причем, большинство организаций используют двойной тип, в котором они координируют свои действия, но в сочетании с целью, ориентированной на проблему, целью обмена знаниями или наращивания потенциала или представления определенных уязвимых групп. Эти координирующие органы стремятся развивать отношения с участием многих заинтересованных сторон.

Сюда входят финансирующие органы, такие как благотворительные организации и фонды, присуждающие гранты проектам, направленным на расширение прав и возможностей сообществ. Ряд благотворительных организаций собирают деньги для инвестирования в расходы на волонтеров; другие фонды поддерживают стипендиатов, молодых ученых, которые работают над ключевыми проблемами Интернета, объединяя лидеров открытого Интернета и спланировав граждан. Также это такие организации, как местные отделения Общества Интернета, динамические коалиции IGF, региональные IGF и национальные IGF, такие как, Интернет Общество (Российское отделение ISOC / ISOC Russia Chapter); Общество защиты интернета, российский некоммерческий фонд; Координационный центр доменов. RU/РФ; Молодёжный российский форум по управлению интернетом.

По составу участников, эксперты показали, какие группы представлены в сообществах гражданского общества. В тройку лидеров входят женщины (18 %), молодёжь (16,7 %) и дети (15,5 %), что в совокупности составляет 50,2 % набора данных в этой категории. Также представительство включает в себя новые профессиональные группы, которые обычно выпадали за рамки традиционных перечисленных категорий – журналисты, работники средств массовой информации, юристы, педагоги и библиотекари. К уникальной группе относятся студенты, пользователи доменных имен (14,7 %). Углубляясь в другие основные категории групп, люди с инвалидностью (6 %) включают в себя глухих, слепых или слабовидящих лиц с аутизмом. Религиозные группы (3,4 %) включают христианство, буддизм и иудаизм. Таким образом, существует возможность для большего разнообразия в представительстве конечных

пользователей (групп), чтобы гарантировать, что IGF открыт и доступен для всех людей из разных слоев общества.

Наращивание знания и потенциал в своих сообществах – такова цель 2149 (75,9 %) из 2830 организаций гражданского общества, посещающих IGF на протяжении многих лет. Это самая большая подкатегория, возникшая из набора данных, к которой относятся молодые граждане. Представительство академических кругов (университетов, колледжей, кафедр, центров, научно-исследовательских институтов и т. д.) составляет 35,3 % всего гражданского общества в IGF (различия между академическим персоналом и студентами, не проводились).

Тематика проблем, которые решают участники гражданского общества на дискуссиях IGF – это права человека (13,6 %), развитие (4 %), устойчивое развитие (3,8 %), безопасный Интернет (3,8 %) и расширение прав и возможностей (3,2 %). Большое внимание уделяется правам человека, цифровым правам и проблемам получения доступа к конкретным областям или темам доступа к Интернету и технологиям, а также к образованию или абортам. Среди политических вопросов это темы автономии, экстремизма и расслоения общества, гражданской ответственности и устойчивости.

Обращает внимание специальный курс для молодежи в рамках III Молодежного форума по управлению Интернетом 2023, который помогает услышать голос молодого поколения и способствует сохранению и развитию русского языка в глобальной сети – это «Цифровая трансформация: голос молодёжи». Его участниками стали студенты, аспиранты и молодые специалисты, которые интересуются темами управления, развития, использования интернета и цифровых технологий, таких как защита данных, цифровые права, спам и авторское право, а также вопросы, которые повышают стандарты в нашем обществе, такие как Цели развития тысячелетия, Цели устойчивого развития и права человека [4]. Интересной закономерностью, которую выявили эксперты, был разрыв между организациями гражданского общества, которые стремятся «расширить возможности» и организации, которые нацелены на то, чтобы «защитить». Организации, выступающие за расширение прав и возможностей, сосредоточены на достижении конкретных целей для Интернета, таких как, свобода программного обеспечения. «Защитные» организации, такие, как Институт безопасности семьи в Интернете, занимаются темами, на которые общество оказывает негативное влияние, к примеру, стремится защитить детей в Интернете и дать им правильное цифровое воспитание для обеспечения их безопасности.

Заключение. Выводы.

Таким образом, чтобы оценить разнообразие участия гражданского общества, в статье была представлена структура заинтересованных сторон управления Интернетом, которая включает различные типы акторов и показывает пересечения между ними с намерением понять, кто разрабатывает и будет разрабатывать гражданские нормы. Анализ показал, что присутствует ряд различных акторов, в структуре которых молодежное представительство тематически занимает одно из ключевых положений. Также анализ показал, что многие граждане, идентифицирующие себя как часть гражданского общества, на самом деле, могут быть представителями других заинтересованных сторон, таких как правительственные органы, техническое сообщество, фонды.

Таким образом, беглый структурный анализ участников IGF, которые идентифицируют себя как часть гражданского общества, потенциально может ввести в заблуждение в отношении широкого спектра желаемых целей и задач, которые должны быть достигнуты теми, кто представляет гражданское общество. Однако тот факт, что проблемно-ориентированные правозащитные группы, координационные органы, организации по наращиванию знаний/потенциала и группы конечных пользователей представлены как многочисленные акторы единого органа – гражданского общества, может привести к противоречию в отношении возможностей получения конкретных и измеримых результатов IGF в будущем, его потенциального дизайна и эволюции формата. Это связано с теоретическими и институциональными проблемами разработки рабочих определений гражданского общества в его цифровом измерении. Но, тем не менее, «молодой» возраст российского гражданского общества в во-

просах глобального управления, в том числе, в формате IGF, содержит богатый потенциал в области разработки политики и ее философии с точки зрения тематик, представительства, а также обеспечения доступа и охвата конкретных сообществ, и прежде всего, участия в нем российской молодежи, что явится нашей исследовательской проблемой в будущем.

Литература

1. Минченкова О.Ю., Федорова Н.В., Макеева В.Г. Роль и значение Интернета в развитии гражданского общества // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2021. – № 1. – С. 8–15.
2. Новостной ресурс «SecurityLab.ru by Positive Technologies». URL: <https://www.securitylab.ru/news/439571.php?ysclid=ln5w16g5tn917887187> (дата обращения 19.09.2023).
3. Официальный сайт «Координационный центр доменов. RU. РФ» URL: <https://cctld.ru/media/news/kc/33580/?ysclid=ln602qf7ts-825340568> (дата обращения 19.09.2023).
4. Официальный сайт «Russian Internet Governance Forum». В Москве прошёл III молодёжный форум по управлению Интернетом. – URL: <https://rigf.ru/press/?v=&id=148&year=2023&ysclid=ln4usm83pc427580221> (дата обращения 19.09.2023).
5. Сэвидж Д.Э., Макконнелл Б.В. Изучение управления Интернетом с участием всех заинтересованных сторон. – URL: <https://digital.report/izuchenie-upravleniya-internetom/> (дата обращения 30.09.2023).
6. Amoore L., Langley P. Ambiguities of global civil society // Review of International Studies. – 2004. – Volume 30. – Issue 1. – P. 89–110.
7. Malena C., Heinrich V.F. Can we measure civil society? A proposed methodology for international comparative research // Development in Practice. – 2007. – Volume 17. – Issue 3. – P. 338–352.
8. Tjahja N. et al. What is civil society and who represents civil society at the IGF? An analysis of civil society typologies in internet governance // Telecommunications Policy. – 2021. – Volume 45. – Issue 6. – № 102141.

DIGITAL SOCIALIZATION AND DIGITAL COMPETENCE IN THE CONDITIONS OF GLOBAL SYSTEMIC CHANGES: REGULATION TECHNOLOGIES, RISKS, SCENARIOS

Sherzodkhon Kudratkhuja Tojiddinkhon ugli

Annotation. The given paper explains the digital socialization and its problems in the society caused by technologies, the development of digital competence suitable for global systemic changes (regulation technologies, risks, scenarios) with broad considerations.

Key terms: Digital diplomacy, digital act, digitalization, digital socialization, digital competence, global systematic changes, and communication technologies.

Digitization and digital socialization have taken over human life to such an extent that it accelerates our life and purposeful actions in it. Also, digitization has become an important part of society and has even permeated political structures with its wide applicability. There are three facets of digital socialization of political relations: digital democracy, digital bureaucracy and digital diplomacy. Digital democracy embodies the possibilities of using electronic network communication for the development of deliberative mechanisms of public policy. Digital bureaucracy is “e-government” and other improvement of government platforms with the help of digital technologies. Digital diplomacy is a tool for using the capabilities of digital technologies to resolve foreign policy issues.

The consequence of deliberation in public politics is the active development of marketing in social networks (SMM, social media marketing). Thus, political competition is partially transferred to the network space at two levels: macropolitics (struggle for public power) and megapolitics (between subjects of international relations). Actors at the level of national politics (the state, parties, institutions of civil society) are connected to the global discussion of the level of world politics (states, government associations, international social movements). In this regard, it seems appropriate, firstly, to analyze the formation of a political discourse on digitalization at the state, regional and international levels by referring to policy documents related to the digital policy of various countries, and, secondly, to describe the conditions the origins and features of the development of the practice of digital diplomacy. However, the political discourse on digitalization is not limited to digital politics and includes digital diplomacy as well.

Digital socialization is a key part of digitalization in global systematic changes: regulation technologies and scenarios. Digital competence can also be viewed as a key tool for modern humanity in international relations, if the state level is singled out as a priority. The methods of influencing foreign audiences include: posting radio and TV programs on the Internet, distributing open access magazines in digital format, monitoring discussions in the online space, creating personalized pages of government members on social networks, creating anti-censorship computer equipment, etc.

Digital competence is a form and expression of the new professional competence that qualities with uses the Internet, new information and communication technologies (ICT) and social networks as a means of strengthening diplomatic relations.

Today, digital competence as a concept has a number of specific features that are formed due to the following trends:

- the use of Twitter as the most effective and versatile communication with the community. In particular, Wall Street traders suggested using a specially developed index to determine the specificity and accuracy of the impact of D. Trump's publications on Twitter on changes in the stock markets of foreign countries;
- consideration of participants in international relations not so much through the prism of a system of traditional landmarks and categories of world politics, but from the point of view of the conceptual core of modern theories of mass communications, according to which the subjects of political processes should be considered as parties to global interactions characterized by polysubjectivity and emergence;
- focus on using the resource and other opportunities of social networks in the context of asserting the authority of political positions by, on the one hand, discrediting the attitudes of opponents, and, on the other hand, increasing the effectiveness of political influence;
- planning and implementation, depending on the specifics of the situation, of artificially created provocative events and actions, which are reflected in relevant messages and news stories focused on bringing to the surface any confidential and implicit aspects of political life addressed to opposition-minded states and political opponents;
- actualization of the problematic aspects of the existing system of international relations and focusing public attention on controversial political topics and issues, the discussion of which can cause confrontational and destabilizing actions, resulting in a reassessment of the existing paradigms and a reorientation in the normative-value relation;
- promoting the assertion of the multidirectional and heterogeneous foreign policy strategies of the subjects of global politics and the avoidance of the implementation of globalist and transnational projects that trigger the emergence of such trends as the disharmony of the existing system of international relations, the revision of traditional ties and types of communication, the atomization of key components of the architecture of global political processes, the strengthening of independence of individual institutions and states, which ultimately calls into question the possibility of more or less targeted planning of joint development, reduces the predictive potential of political actors and think tanks, complicates the procedure for concluding partnership agreements and eliminates interest in mutual exchange;

– distribution of the format of communication through Social Media among key representatives of executive authorities as the most acceptable and accessible. It is understood that by organizing one's representation in the media field in this way and carrying out targeting, it will be possible to ensure the publicity of one's own actions, the creation of platforms open for discussion, broadcasting online briefings and speeches, timely decision-making, etc.;

– the formation of a new type of political culture, the choice of which involves the consideration and analysis of ongoing socio-political changes within the state and the optimized political trends of the modern world order in terms of securing the application for the use of communication models of gaming and entertainment formats, the perception of the event series of political history as a kind of show, operating produced under the conditions of hyper reality and externalization categories and principles, maintaining the principles of hybridity and segmentation of the general political discursive practice.

At the same time, the development of digital technologies creates many digital risks, in particular, cyber-crimes, various technical attacks, violence, etc. This means that digital competence is a competence that every social entity must acquire, through which every legal entity and individual can help themselves to solve the problems that they may face when using digital technologies in the processes of their needs.

References

1. *Blagoev D.* Digital divide: Middle classes undergoing transformation in a digitizing world // *International Journal of Communication*. – 2015. – Issue 9. – P. 2784–2800.
2. *Chinn M.D., Fairlie R.W.* ICT use in the developing world: An analysis of differences in computer and Internet penetration // *Review of international economics*. – 2010. – Volume 18. – Issue 1. – P. 153–167.
3. *Сытник А.Н.* Цифровизация и «большие данные» в международных отношениях: теоретические, методологические и прикладные аспекты: дисс... канд. полит. наук / А.Н. Сытник. – Санкт-Петербург, 2021. – 479 с.
4. *Tsvetkova N.A., Yarygin G.O.* Politicization of "Digital diplomats": public diplomacy in Germany, Iran, USSR and Russia in social networks // *Vestnik SPbGU. Series 6. Political science. International relations*. 2013. – Volume 119. – Issue 6. – P. 13–19.
5. The Volfefe index, Wall Street's new way to measure the effects of trump tweets, Explained. – URL: <https://www.vox.com/policy-and-politics/2019/9/9/20857451/trump-stock-market-tweet-volfefe-jpmorgan-twitter> (дата обращения: 20.03.2021).

СЕКЦИЯ «УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ТЕРРИТОРИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ И ВЫЗОВЫ»

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

Алхасов Запир Мухтарович

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия

Аннотация. Данная статья посвящена разработке и внедрению системы инвестиционного рейтинга муниципальных образований в Республике Дагестан. Инвестиционный рейтинг представляет собой автоматизированную систему, оценивающую инвестиционную активность с использованием разнообразных критериев, таких как эффективность инвестиционной деятельности и социально-экономическое развитие. Главной целью этой системы является стимулирование инвестиционной активности и содействие эффективному взаимодействию инвесторов и органов власти. Для формирования рейтинга используются различные социально-экономические показатели, а также информация о наличии инвестиционных объектов на территории Республики Дагестан. Рейтинг позволяет сравнивать муниципальные образования между собой, исключая возможность вмешательства в результаты. Инвестиционная карта Республики Дагестан играет ключевую роль в рейтинге, придавая приоритет инвестиционным объектам, активно представленным на этой карте. Таким образом, муниципальные образования, активно участвующие в формировании и развитии инвестиционной карты, могут рассчитывать на более высокое положение в инвестиционном рейтинге. Все это позволяет четко представить данные и обеспечивает более полное понимание положения каждого муниципального образования в рейтинговом списке.

Ключевые слова: инвестиции, муниципальные образования, инвестиционный потенциал, инвестиционная привлекательность, инвестиционная активность, рейтинг.

В условиях ограниченности собственных финансовых средств, требующихся для реализации планов социально-экономического развития муниципальных образований, а также отдельных целевых программ, необходимо привлекать дополнительные средства за счет инвестирования, создания условий для привлечения капитала в хозяйствующие объекты на территории муниципалитета. Кроме того, привлечение инвестиций представляет собой один из наиболее эффективных способов преодоления кризисного, посткризисного состояния российской экономики, а также социально-экономического развития государства, региона, города, отрасли.

Инвестиции с наибольшей эффективностью могут осуществляться на тех территориях, где для этого созданы наиболее выгодные условия, поэтому для принятия решения об инвестировании, как в информационном, так и в методическом плане, важную роль играет адекватная оценка и прогнозирование инвестиционной привлекательности муниципального образования [1].

Исследование в области оценки инвестиционного потенциала охватывает всех участников экономической жизни муниципального района, а понимание его инвестиционных возможностей позволит минимизировать риски инвесторам, повысить эффективность экономики района и улучшить благосостояние населения за счет создания новых рабочих мест, наполнения местного бюджета дополнительными поступлениями и прочих положительных эффектов. Все это означает, что инвестиции на сегодняшний день являются важным звеном экономики [3]. В связи с этим возникают вопросы, ответы на которые позволят развивать инвестиционную деятельность в регионе. Необходимо определить тенденции и проблемы в развитии данной сферы, найти нереализованный инвестиционный потенциал каждого муниципального образования региона.

Исследования в данном направлении уже проводились. В первую очередь это касается методик исследования. Существуют методики оценки инвестиционной привлекательности субъектов РФ, предложенные Национальным рейтинговым агентством, Агентством стратегических инициатив, рейтинговым агентством «Эксперт РА» и другими авторами. Однако отчасти данные методики предполагают субъективизм, поскольку используют метод экспертных оценок.

Проведены ряды исследований в Республике Дагестан, стремящиеся прояснить вопросы, связанные с инвестиционной привлекательностью этого региона. Труды таких авторов, как Абу-салимова А.А., Алибеков М.М., Алиев М.А., Ниналалова Ф.И., Шабанова М.М. важны и показывают наличие некоторых разногласий и противоречий в выводах относительно инвестиционной привлекательности муниципальных районов Республики Дагестан. Однако, это необходимая часть научного процесса, так как подобные расхождения могут привести к дополнительному и более глубокому анализу, что способствует более точной оценке ситуации.

Указанные исследования также подчеркивают важность факторов, влияющих на инвестиционный потенциал муниципальных районов. Тем не менее, каждый район уникален и требует индивидуального подхода к определению ключевых факторов, влияющих на его инвестиционную привлекательность. Также, следует учитывать факторы, которые могли остаться незамеченными в предыдущих исследованиях, но имеют потенциал повлиять на инвестиционную активность.

С учетом современной экономической динамики и рыночных условий, выделяются следующие ключевые факторы, влияющие на инвестиционный потенциал муниципальных районов:

Агломерационный фактор. Близость к большим городам и экономическим центрам может оказать положительное влияние на инвестиции, создавая доступ к рынкам и ресурсам.

Фактор трудовой миграции населения. Понимание динамики миграции населения в районе важно для определения наличия рабочей силы и ее квалификации.

Финансовый фактор. Доступность финансовых ресурсов и их распределение внутри муниципального района может повлиять на привлекательность для инвесторов.

Предпринимательская активность населения. Развитие малого и среднего бизнеса может стать магнитом для инвестиций, поскольку способствует созданию новых объектов для инвестирования и инновационных решений.

Сегодня инвестиции играют ключевую роль в экономике муниципальных образований, и их привлечение становится неотъемлемой частью стратегии развития. Однако, чтобы стать магнитом для инвесторов, необходимо обладать высокой инвестиционной привлекательностью. Это совокупность объективных факторов, учитываемых инвесторами при принятии решения о вложении капитала. Следовательно, администрации муниципальных образований должны активно работать над улучшением условий для инвестиций, стремясь к более точному и объективному анализу инвестиционного потенциала и учесть особенности своего региона [1].

Инвестиционная политика – это мощный инструмент администрации, способный оказать существенное воздействие на уровень инвестиционной привлекательности муниципального образования [2]. Она строится на балансе между специфическими политическими и экономическими факторами, представляющими собой сложный пазл реальности. Среди таких факторов выделяются ряд общепринятых:

Развитие муниципального инвестиционного законодательства означает, что эффективное законодательство создает надежную правовую основу для инвесторов и обеспечивает защиту их интересов.

Поддержка инвестиций со стороны местных властей связано с тем, что муниципальные власти могут содействовать инвестиционной активности, предоставляя гарантии и льготы, что делает районы более привлекательными для инвесторов [4].

Формирование инвестиционной открытости и привлекательности территории – создание положительного инвестиционного имиджа и активная маркетинговая деятельность могут привлечь больше инвесторов [3].

Активное привлечение иностранных инвестиций означает, что международные инвестиции могут значительно усилить экономическую активность муниципального образования.

Также формирование инвестиционной инфраструктуры связано с тем, что наличие залоговых фондов, перестраховочных компаний и развитие бизнес-центров могут улучшить инвестиционную среду [5].

Инвестиционная привлекательность состоит из двух ключевых компонентов: инвестиционного потенциала и территориальных инвестиционных рисков. Инвестиционный потенциал муниципального образования определяется совокупностью социально-экономических характеристик, которые имеют высокую значимость для потенциальных инвесторов и способствуют развитию инвестиционных процессов на местном уровне. Территориальные инвестиционные риски связаны с вероятностью неиспользования инвестиционного потенциала муниципального образования и ограничениями, которые могут помешать привлечению инвестиций.

Россия представляет собой мозаику региональных и муниципальных особенностей, и для инвесторов критически важно иметь четкое представление об инвестиционном потенциале каждого муниципального образования. Создание системы оценки инвестиционной привлекательности становится жизненно важным для муниципалитетов. Более того, для районов, которые не обладают природными ресурсами, разработка такой методологии становится конкурентным преимуществом, которое способствует их привлекательности как объектов инвестирования. На практике это означает усиление муниципальной инвестиционной политики, создание привлекательного инвестиционного имиджа и, в конечном итоге, улучшение благосостояния населения через рост занятости и пополнение местного бюджета [6, 8].

Инвестиционный рейтинг – это автоматизированная система оценки и рейтингования инвестиционной активности муниципальных образований Республики Дагестан на основе показателей эффективности инвестиционной деятельности и социально-экономического развития, а также количестве инвестиционных объектов, представленных на Инвестиционной карте Республики Дагестан [7].

Цель формирования инвестиционного рейтинга – повышение инвестиционной активности в муниципальных образованиях Республики Дагестан, и эффективности взаимодействия потенциальных и действующих инвесторов с органами власти, и местного управления.

В качестве информационных данных системы рейтингования используются социально-экономические показатели, характеризующие уровень деловой и инвестиционной среды в муниципальных образованиях, а также иные сведения из различных источников.

Рейтинг каждого муниципального образования (МО) РД рассчитывается относительно значений показателей других МО РД в автоматическом режиме и исключает возможности манипулирования данными и управления позицией отдельного МО в общем рейтинговом списке.

Инвестиционные объекты, представленные на Инвестиционной карте Республики Дагестан, дают приоритет при ранжировании, в зависимости от типа объекта применяются соответствующие коэффициенты.

Таким образом, муниципальные образования, которые активно вовлечены в работу по формированию Инвестиционной карты Республики Дагестан, имеют определенное преимущество.

Для наглядного восприятия и общего представления оценки положения МО относительно других, разработан функционал отображения на диаграмме распределения результатов на основе алгоритмов кластерного анализа, учитывающий плотность распределения данных в условном пространстве.

Система рейтингования основывается на построении (графовых) информационных моделей зависимостей между показателями и представлены в виде матрицы смежности. В качестве основы для расчета значений относительности используются характеристики среднеквадратичного отклонения и косинусного сходства векторов. На текущем этапе модель ранжирования МО учитывает более 350 относительных показателей [10, 11].

Имеется примерный перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов, которые объединены в 2 группы.

1. Инвестиционные объекты, представленные на инвестиционной карте Республики Дагестан.

2. Показатели для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов за 2021 год (Дагестанстат):

Инвестиционная деятельность решает сегодня первостепенную задачу по развитию экономики республики, которая заключается в увеличении платёжеспособного спроса, развитие новых производств и создание новых рабочих мест.

В республике разработана Инвестиционная карта Дагестана, которая еженедельно обновляется на основе предоставляемых данных министерств, ведомств и муниципалитетов, а также Дагестанстата. (Размещена на Инвестиционном портале Республики Дагестан (investdagestan.ru))

Карта позволяет получить информацию о состоянии инвестиционного климата, об инвестиционных проектах, о преференциальных зонах, природных ресурсах и другое.

Важным для инвестиционного развития является разработка методологического подхода, который позволит отследить развитие и состояние отраслей экономики. Мы сможем наглядно понять и уже самим

Также сформирован рейтинг инвестиционной активности органов местного самоуправления Республики, при составлении которого оценка проводилась на основании более 350-ти социально-экономических показателей, наличия инфраструктуры, и состояния отраслевых объектов.

Справочно: инвестиционные проекты, инвестиционные площадки, свободные помещения и земельные участки, природные ископаемые и ресурсы, объекты строительства и ЖКХ, объекты связи, промышленные объекты, транспортная инфраструктура, энергетическая инфраструктура, туристические объекты, образовательные объекты, тарифы и преференциальные режимы.

Данная оценка создана на основании представленных ОИВами, МО и Дагестанстатом.

На основе анализа инвестиционного потенциала муниципальных образований выявлены явные лидеры данного рейтинга [10], отмечу первые 10 из них, это:

1. Дербентский район (87,98);
2. город Каспийск (87,31);
3. город Махачкала (83,42);
4. Кизлярский район (82,4);
5. город Дагестанские Огни (81,92);
6. Кумторкалинский район (78,23);
7. Сулейман-Стальский район (77,76);
8. Ногайский район (77,4);
9. Карабудахкентский район (73,37);
10. Хасавюртовский район (67,26).

Муниципальные образования, где инвестиционная активность очень низкая, это в основном горные районы

В Республике сформирован Реестр инвестиционных проектов Республики Дагестан, в котором находится 54 проекта с общим объемом инвестиций более 388,2 млрд рублей, из них освоено более 17,7 млрд рублей.

Реализация инвестиционных проектов предполагает создание более 22-ух тысяч рабочих мест. На сегодняшний день в рамках реализации проектов создано 1552 рабочих места.

5 проектов дополнительно включено в реестр по итогам принятого решения на заседании Правительства Республики Дагестан в 2022 году.

Инвестиционные проекты по основным отраслям экономики, где:

- в отрасли «промышленность и торговля» реализуется 21 проект;
- в сельском хозяйстве – 10 проектов;
- в туризме – 7 проектов;
- в энергетике – 7 проектов;
- в рыбном хозяйстве – 3 проекта;
- в вино-коньячной отрасли – 3 проекта;

- в строительстве – 2 проекта;
- в дорожном хозяйстве – 1 проект.

В части реализации инвестиционных проектов в отрасли «промышленность и торговля» инициаторами из общего объема инвестиций 19,6 млрд рублей на сегодня освоено – 4,02 миллиарда рублей и создано 700 рабочих мест, из 3 138 запланированных.

В части реализации проектов в отрасли «сельское хозяйство» инициаторами из общего объема инвестиций в размере 18,9 миллиардов рублей на сегодня освоено – 5,3 миллиарда рублей, создано 289 рабочих мест, из 3205 планируемых.

В части реализации инвестиционных проектов в отрасли «энергетика» инициаторами из общего объема инвестиций 16 млрд рублей на сегодня освоено 1,3 миллиарда рублей и создано 13 рабочих мест, из 63 планируемых.

Необходимо отметить, что из 7 проектов отрасли в 2022 году реализовался один проект группы компаний «Хевел» по созданию солнечной электростанции мощностью 15 МВт Южно-Сухокумская СЭС с общим объемом инвестиций 1,27 млрд рублей, создано 13 рабочих мест.

При этом, по 2 проектам компании ООО «ВиТок» «Строительство Кизлярской СЭС, мощностью 15 МВт» стоимостью 1,3 млрд руб. и «Строительство СЭС Уйташ, мощностью 9 МВт» стоимостью 810 млн рублей, в связи с вынесенным судебным решением о наложении ареста на денежные средства компании, проекты приостановлены.

В части реализации проектов в отрасли «рыбное хозяйство» инициаторами из общего объема инвестиций в размере 1,087 млрд рублей на сегодня освоено 0,9 миллиарда рублей, создано 95 рабочих мест, из 200 планируемых.

Проблемным вопросом остается – обеспечение проекта энергоснабжением.

В вино-коньячной отрасли у нас 3 крупных проекта с общим объемом планируемых инвестиций в размере 5,7 млрд рублей, из них освоено 4 млрд 138 млн рублей. Количество планируемых рабочих мест 351 человек, из них создано – 233 рабочих места.

1. «Строительство винодельческого комплекса в г. Дербент, реализуемый ООО «Дербентская винодельческая компания» стоимостью проекта 2 млрд 669 млн рублей, из которых освоено уже 1 млрд 928 млн руб., а также создано 133 рабочих места из 160 запланированных. Проект стартовал в 2018 году, в этом же году получены необходимые лицензии на производство тихих и игристых вин, вино наливом (виноматериал). В 2020 году произведено 8 млн бутылок (1 этап реализации проекта). В настоящее время начата реализация 2 и 3 этапов проекта, что позволит расширить производственную мощность до 20 млн бутылок в год к 2026 году. Оказана господдержка в виде предоставления статуса «приоритетный проект Республики Дагестан», который предоставляет стимулирующие налоговые льготы по налогам на прибыль и на имущество. В целом проект реализуется в соответствии с графиком.

2. «Строительство винно-коньячного производственного комплекса Alvisa Vine в Дербентском районе РД», реализуемый ООО «Алвисавайн» стоимость 2,4 млрд рублей. Проект запущен в прошлом году, создано 100 рабочих мест. На сегодня инициатор планирует расширение проекта в части посадки виноградника, для чего совместно с администрацией района прорабатывается вопрос подбора соответствующего земельного участка, а также дополнительного водообеспечения комплекса.

3. «Закладка виноградников на 311 га в Дербентском районе», реализуемый ООО «Кизлярский коньячный завод», стоимость 632,5 млн руб., планируется создать 41 рабочее место.

На сегодняшний день, инициатором проведены работы по расчистке и устройству новых дренажных каналов, общей протяженностью более 10 км., начаты работы по поднятию плантажа, определен генподрядчик. Закладка виноградников запланирована на 2023–2024 годы, 100 га в 2023 году, 211 га в 2024 году.

Оказана поддержка в виде предоставления в аренду без проведения торгов земельный участок в Дербентском районе площадью 311,58 га (распоряжение Главы РД от 25.07.2022 г. № 91-пр).

В рамках выездного совещания Агентства совместно с заинтересованными ведомствами и инициатором проекта выявлена проблема. При выполнении работ по расчистке сброс-

ных и дренажных каналов до проектных отметок, обнаружено, что уровень бетонного основания моста находится выше дна дренажной сети, что препятствует прохождению сбросных вод и приводит к повторному заилению системы дренажей.

В настоящее время решение данного вопроса прорабатывается Минтрансом РД совместно ФГБУ «Минмелиоводхоз РД» и инициатором проекта.

В отрасли строительства у нас 2 проекта с общим объемом инвестиций 308,6 млрд рублей, освоено – 936 млн рублей, а также создано 124 рабочих места, из 13 897 запланированных.

В наиболее активной фазе находится проект «Комплексное развитие территории микрорайона «Южный» города Дербент», реализуемый Фондом СГДРИ «Новая Земля», стоимость – 15 млрд 149 млн рублей.

В отрасли «дорожное хозяйство» реализуется 1 проект – это проект «Реконструкция (строительство) объектов федеральной собственности, в том числе строительство новой взлетно-посадочной полосы», реализуемый АО «Международный аэропорт «Махачкала» стоимость 10 млрд 684,5 млн рублей, планируется создать 200 рабочих мест. Данный проект входит в прорывной проект «Развитие транспортно-логистического кластера в Республике Дагестан».

Представлена тепловая карта распределения 54 инвестиционных проектов в разрезе муниципалитетов, где красным цветом отмечены муниципалитеты, не имеющие ни одного инвестиционного проекта.

Наибольшее количество реализуются в Дербентском районе (7), затем следуют Махачкала и Каспийск по 5 проектов, 4 проекта – в городе Дагестанские огни, по 3 проектам реализуются в Кизлярском, Карабудахкентском, Кумторкалинском, Сулейман – Стальском районах, в городах Дербент и Кизляр.

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации № 1704, включены в Сводный перечень Минэкономразвития России 9 новых инвестиционных проектов Республики Дагестан для получения поддержки в виде субсидирования или строительства объектов инфраструктуры.

Предоставлен статус приоритетного инвестиционного проекта Республики Дагестан 3-м инвестиционным проектам (Указ Главы РД № 33, который предусматривает освобождение от налога от имущества на 5 лет и снижение налога на 4 %):

1. «Строительство Дербентской винодельческой компании», инициатор – ООО «Дербентская винодельческая компания». Общий объем инвестиций 2,7 млрд рублей, 160 рабочих мест (распоряжение Правительства РД от 11.10.2022 г. № 458-р);

2. «Создание индустриального строительного комплекса «Каспийск», инициатор – ООО «Капитал Инвест–Пром». Общий объем инвестиций 1 718,99 млн рублей, 236 рабочих мест (распоряжение Правительства РД от 12.10.2022 г. № 466-р).

3. «Создание комплекса для выращивания осетровых пород рыб и получения черной икры», инициатор – ООО «СК-Аква (распоряжение Правительства РД от 09.04.2021 г. № 117). Например, за 9 месяцев 2022 года инициатор проекта «Создание комплекса для выращивания осетровых пород рыб и получения черной икры» ООО «СК-Аква», получивший данный статус в 2021 году, при уплаченных налогах в сумме 6,2 млн рублей, получил льготу от налога на имущество в размере 0,849 млн рублей.

Кроме того, инвестиционным проектам оказывается поддержка в рамках отраслевых государственных программ РД и федеральных и региональных институтов развития.

По линии Гарантийного фонда Республики Дагестан оказана гарантийная поддержка инициаторам сельскохозяйственных инвестиционных проектов ООО «Нива» на сумму поручительства 25,0 млн рублей, соответственно сумма кредита – 45,0 млн руб. и ООО «Анжелина» на сумму – 25,0 млн рублей, сумма кредита – 50,0 млн рублей.

Федеральным Фондом развития промышленности оказана финансовая поддержка в виде льготного займа инвестиционному проекту «Модернизация и расширение цеха для произ-

водства стеклотары, отвечающей евро стандартам», инициатор – ООО «Дагестан Стекло Тара» по программе «Приоритетные проекты» в сумме 1 282,0 млн рублей.

Льготные займы регионального Фонда развития промышленности предоставлены 2 предприятиям: ООО «Каспий Гласс» – 50,0 млн рублей и АО «КЭАЗ» – 20,0 млн рублей.

По линии Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Дагестан предоставлена поддержка 2-м предприятиям ООО «Нива» и ООО «Анжелина» на общую сумму 52,221 млн рублей.

Основные проблемы, с которыми сталкиваются в ходе реализации инвестиционных проектов, инициаторы:

1. Отсутствие мощностей инженерной инфраструктуры и сложности в получении технического подключения к ним, а также взаимодействия с ресурсоснабжающими организациями по вопросам сроков получения технических условий и заданий на подключение к энергоресурсам.

2. Отсутствие проекта планировки территорий муниципалитетов, что не позволяет определить земельные участки, пригодные для инвестиционных проектов.

3. Нехватка квалифицированных профессиональных кадров, технического персонала и рабочих специальностей.

Возможные варианты путей решения проблемных вопросов:

1. Практическое применение свода инвестиционных правил, которые были разработаны в соответствии с Вашим поручением, и благодаря которому должно значительно сократиться время для получения разрешительной документации по подключению к системам водоснабжения, газоснабжения и электрическим сетям.

Во исполнение поручения Президента Российской Федерации В.В. Путина, по итогам прошедшего в 2021 году Петербургского международного экономического форума, в субъектах Российской Федерации проводится внедрение новой системы поддержки инвестиционных проектов к 2024 году путем внедрения Регионального инвестиционного стандарта (далее – РИС).

Республика Дагестан вошла в список 33 субъектов Российской Федерации, в которых осуществляется пилотная реализация РИС в 2022 году.

В соответствии с методическими рекомендациями Минэкономразвития России в республике реализованы основные элементы Стандарта, а именно:

Алгоритмы действий инвестора утверждены Приказами отраслевых министерств. Целью механизма внедрения инвестиционного стандарта является повышение уровня регионов в работе с инвесторами.

2. Предлагается централизованное решение по разработке проекта планировки территорий муниципалитетов на республиканском уровне.

3. Проведение комплекса мероприятий совместно с Минтрудом РД и Минбразованием РД по привлечению специалистов в инвестиционные проекты, а также проведение работы с молодежью по трудоустройству и промышленной практики на инвестиционных проектах от профильных учебных заведений.

4. Внести изменения в постановление Правительства РД № 706 «Об утверждении Порядка сопровождения инвестиционных проектов, реализуемых и (или) планируемых к реализации на территории Республики Дагестан, по принципу «одного окна» в части совершенствования механизма сопровождения инвестиционных проектов на территории Республики Дагестан.

Задача определения инвестиционной привлекательности муниципальных образований Республики Дагестан в представленном исследовании приобретает глубокий контекст и неоспоримую актуальность. Несмотря на феноменальное богатство и разнообразие региональных ресурсов, Республика Дагестан, как и многие регионы России, сталкивается с вызовом диспропорций, мешающих достижению сбалансированного и устойчивого развития [9].

Важным аспектом исследования является анализ существующих методологий оценки инвестиционного потенциала, что позволяет выявить их сильные и слабые стороны. Разрабо-

танный алгоритм оценки, протестированный на материалах Вологодской области, демонстрирует применимость данного подхода в различных контекстах, что придает статье практическую ценность.

Исследование также углубляет анализ, проводя оценку инвестиционного потенциала по пяти ключевым аспектам: трудовому, производственному, материально-техническому, финансовому и потребительскому. Это позволяет создать многомерный обзор инвестиционных возможностей, что является ещё одним элементом оригинальности исследования.

Созданная типология муниципальных районов на основе инвестиционного потенциала и инвестиционной активности учитывает разнообразие территориальных особенностей и позволяет выработать территориальные стратегии развития, адаптированные к конкретным условиям.

Наконец, научная новизна исследования заключается в слиянии интегрального и матричного подходов к оценке инвестиционного потенциала, что позволяет более полно и точно анализировать сложные взаимосвязи в региональном развитии.

Полученные результаты представляют собой ценный инструмент для региональных и муниципальных органов власти при формировании инвестиционной политики и разработке стратегий развития, способствуя более эффективному использованию ресурсов и обеспечивая устойчивое экономическое развитие муниципальных образований Республики Дагестан.

Литература

1. *Абусалимова А.А.* Управление экономикой муниципальных образований Республики Дагестан // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – 2016. – № 4 (20). – С. 14–17.
2. *Алибеков М.М.* Инвестиционная политика региона и механизм ее реализации, на примере Республики Дагестан // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2021. – № 12 (134). – С. 126–132.
3. *Алиев М.А.* Взаимодействие экономики и территории как фактор эффективного развития муниципальных образований // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2015. – № 1 (51). – С. 68–72.
4. *Багдугева Е.И., Ниналалова Ф.И.* Проблемы и пути активизации инвестиционной деятельности в муниципальных образованиях Республики Дагестан // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 12-2 (53). – С. 258–260.
5. *Бардовский В.П., Шапорова О.А.* Управление формированием рыночной инфраструктуры и инвестиционной привлекательности муниципальных образований // Научные Записки ОрелГИЭТ. – 2018. – № 3 (27). – С. 19–24.
6. *Белозор А.Ф.* Актуальные проблемы формирования инвестиционной привлекательности муниципальных образований // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – № 10-1 (56). – С. 46–49.
7. *Шабанова М.М., Ахмедова Ж.А., Айдаева С.А., Куришева Н.М., Абдулаева Л.Л.* Пути совершенствования инвестиционной деятельности в регионе: монография. – Махачкала: Формат, 2023. – 101 с.
8. *Шуваев Д.И.* Факторы обеспечения стабильности и формирование позитивного имиджа Северо-Кавказского федерального округа // Общество: политика, экономика, право. – 2019. – № 8 (73). – С. 59–62.
9. *Шулимова А.А., Шулимова Е.А.* Экономическая целесообразность повышения инвестиционной привлекательности муниципального образования // Вестник Академии знаний. – 2022. – № 52 (5). – С. 339–348.
10. Инвестиционный потенциал Республики Дагестан. – URL: <http://dagestaninvest.ru/analytics/ratingdata/> (дата обращения 15.09.2023).

ВНЕДРЕНИЕ ИНТЕГРИРОВАННЫХ ЦИФРОВЫХ СИСТЕМ БЕЗОПАСНОСТИ В ГОРОДСКУЮ СРЕДУ

Алхасов Запир Мухтарович

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия

Закиров Аяз Маратович

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы внедрения интегрированных цифровых систем безопасности в городскую среду; определены передовые технологии и интегрированные стратегии для повышения безопасности и защиты городской среды.

Ключевые слова: интегрированные цифровые системы, передовые технологии, безопасность, городская среда.

Процесс внедрения интегрированных интеллектуальных цифровых систем безопасности для городского развития включает в себя использование передовых технологий и интегрированных стратегий для повышения безопасности и защиты городской среды [1, 2]. Этот многогранный процесс включает в себя создание всеобъемлющей структуры, объединяющей различные взаимосвязанные системы, анализ данных и совместные подходы для эффективного решения разнообразных проблем безопасности в городах [3, 4]. Следуя этому процессу, города могут систематически усиливать меры безопасности и создавать более безопасную городскую среду для жителей и предприятий [5, 6].

Подходящие цифровые технологии:

1. Видеонаблюдение и аналитика на основе компьютерного зрения. Камеры высокого разрешения, видеоаналитика и технологии компьютерного зрения могут использоваться для мониторинга и анализа городских территорий в режиме реального времени. Эти технологии позволяют обнаруживать подозрительные действия, управлять толпой и отслеживать трафик, предоставляя ценную информацию для принятия упреждающих мер безопасности.

2. Датчики Интернета вещей (IoT). Датчики IoT могут быть интегрированы в городскую инфраструктуру, включая уличные фонари, здания и транспортные системы, для сбора данных в режиме реального времени об условиях окружающей среды, схемах движения и потенциальных угрозах безопасности [7–12]. Эти данные могут быть проанализированы для выявления аномалий, включения сигналов тревоги и облегчения быстрого реагирования на инциденты безопасности.

3. Биометрические системы. Биометрические технологии, такие как распознавание лиц, сканеры отпечатков пальцев и сканирование радужной оболочки глаза, могут улучшить процессы контроля доступа и идентификации. Эти системы могут быть интегрированы в пункты входа, станции общественного транспорта [13–15] и критически важную инфраструктуру, обеспечивая безопасный и эффективный мониторинг и аутентификацию.

4. Искусственный интеллект (ИИ) и машинное обучение. Алгоритмы ИИ и машинного обучения могут анализировать огромные объемы данных, собранных из различных источников, для выявления закономерностей, аномалий и потенциальных угроз безопасности. Эти технологии могут помочь в прогнозной аналитике, поведенческом анализе и интеллектуальном принятии решений для повышения эффективности систем безопасности.

Тенденция интегрированных интеллектуальных систем безопасности для городского развития сосредоточена на использовании передовых технологий и комплексных стратегий для повышения безопасности и защиты городской среды [16–18]. Эта тенденция охватывает взаимосвязанные системы, которые используют анализ данных и совместные подходы для решения различных проблем безопасности в городах. В этом контексте важно учитывать угрозы и возможности, связанные с развитием этих систем для населения, бизнеса и городских властей.

Тенденция внедрения интегрированных интеллектуальных систем безопасности в городской среде стала перспективным решением для повышения безопасности и защиты в городах. Внедряя передовые технологии и интегрируя различные компоненты, города могут создать комплексную и взаимосвязанную инфраструктуру безопасности. Рассмотрим три конкретных возможности и угрозы, связанные с этой тенденцией городского развития.

Возможности.

1. Снижение уровня преступности и оптимизация реагирования. Внедрение интегрированных интеллектуальных систем безопасности дает возможность значительно улучшить смягчение угроз в режиме реального времени и оптимизацию реагирования. Используя искусственный интеллект и алгоритмы машинного обучения, города могут отслеживать и анализировать данные из нескольких источников, что позволяет своевременно обнаруживать потенциальные угрозы или инциденты. Это позволяет немедленно генерировать предупреждения и уведомления в соответствующие органы, способствуя быстрому реагированию и вмешательству. Используя эти технологии, города могут сократить время реагирования, свести к минимуму влияние инцидентов безопасности и повысить общественную безопасность.

2. Принятие решений на основе данных и оптимизация ресурсов. Интегрированные интеллектуальные системы безопасности дают возможность принимать решения на основе данных и оптимизировать ресурсы [19, 20]. Расширенная аналитика может выявлять закономерности, тенденции и аномалии в данных, собранных из различных источников. Используя эту информацию, города могут принимать обоснованные решения относительно распределения ресурсов, развертывания персонала службы безопасности и реализации превентивных мер. Такой целенаправленный подход повышает эффективность, оптимизирует использование ресурсов и максимально повышает эффективность управления безопасностью в городах.

3. Межинституциональное партнерство для инноваций в области безопасности. Тенденция к внедрению интегрированных интеллектуальных систем безопасности способствует сотрудничеству в области инноваций в области безопасности. Он поощряет сотрудничество между технологическими компаниями, государственными учреждениями, правоохранительными органами и другими заинтересованными сторонами. Работая вместе, эти организации могут обмениваться опытом, ресурсами и идеями для разработки и развертывания передовых технологий и решений. Совместные партнерства облегчают обмен знаниями, продвигают инновации и ускоряют разработку и внедрение передовых систем безопасности, принося пользу городам и их жителям [21, 22].

Угрозы.

1. Нарушения конфиденциальности и этические проблемы. Внедрение интегрированных интеллектуальных систем безопасности вызывает опасения по поводу нарушений конфиденциальности и этических соображений. Камеры наблюдения, технология распознавания лиц и анализ данных могут нарушать права людей на неприкосновенность частной жизни, если они не реализованы и не регулируются должным образом. Ненадлежащее обращение с личными данными может привести к нарушению конфиденциальности, злоупотреблениям слежки и потенциальному профилированию или дискриминации. Города должны создать надежные системы конфиденциальности, прозрачные политики управления данными и этические принципы для защиты частной жизни людей при использовании передовых технологий безопасности.

2. Уязвимости кибербезопасности и утечки данных. Интегрированные интеллектуальные системы безопасности уязвимы для угроз кибербезопасности и утечки данных. Благодаря взаимосвязанным сетям и зависимости от цифровых технологий эти системы становятся потенциальными целями для киберпреступников. Злоумышленники могут использовать уязвимости в системе, что приведет к несанкционированному доступу, утечке данных или сбоям в критических операциях безопасности. Города должны уделять первоочередное внимание мерам кибербезопасности, включая регулярные проверки систем, мониторинг сети и обучение сотрудников, чтобы снизить эти риски и обеспечить целостность и конфиденциальность инфраструктуры безопасности.

3. Технологическая зависимость и проблемы обслуживания. Тенденция внедрения интегрированных интеллектуальных систем безопасности создает проблемы, связанные с технологической зависимостью и обслуживанием. Поскольку технологии быстро развиваются, существует риск потенциального технологического устаревания. Обновление и обслуживание сложной инфраструктуры с несколькими интегрированными компонентами может потребовать много ресурсов и времени. Кроме того, масштабируемость системы для соответствия будущим усовершенствованиям может представлять проблемы. Города должны планировать долгосрочную масштабируемость, устанавливать партнерские отношения с поставщиками технологий и выделять ресурсы для текущего обслуживания системы, чтобы обеспечить эффективность и долговечность инфраструктуры безопасности.

Внедрение интегрированных интеллектуальных систем безопасности в городских условиях открывает широкие возможности для снижения угроз в режиме реального времени, принятия решений на основе данных и налаживания партнерских отношений. Однако города должны устранять угрозы, связанные с нарушением конфиденциальности, уязвимостями кибербезопасности и технологической зависимостью. Активно устраняя эти угрозы и используя возможности, города могут реализовать весь потенциал интегрированных интеллектуальных систем безопасности, создавая более безопасную городскую среду для своего города.

Благодарности: Исследование выполнено за счет средств субсидии, выделенной Казанскому федеральному университету для выполнения проекта № FZSM-2023-0022 «Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии» в рамках государственного задания.

Литература

1. *Глебова И.С.* Оценка процесса цифровизации в субъектах Российской Федерации / И.С. Глебова, Я.А. Анишева // Казанский экономический вестник. – 2020. – № 4 (48). – С. 42–50.
2. *Клычова Г.С.* Государственные программы формирования и внедрения цифровой экономики / Г.С. Клычова, К.Д. Козлова // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. – 2022. – № 9 (537). – С. 2–12.
3. *Парфенова К.А.* Развитие цифровой экономики России / К.А. Парфенова, Р.И. Нуриева, П.В. Гурьева // Приоритетные направления развития учетно-аналитических систем и процессов хозяйствующих субъектов в информационном обществе: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина (Краснодар, 23 декабря 2022 года). – Краснодар: Новация, 2023. – С. 121–126.
4. *Глебова И.С.* Управление инвестиционной привлекательностью территории: города-миллионники и регионы Российской Федерации / И.С. Глебова, С.С. Берман. – Казань: Рокета Союз, 2018. – 213 с.
6. *Гатина Ф.Ф.* Особенности региональной социальной политики государства на примере Республики Татарстан / Ф.Ф. Гатина, Э.Н. Фахретдинова, А.М. Хамидуллина // Актуальные проблемы бухгалтерского учета и аудита в условиях стратегического развития экономики: сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (Казань, 27 марта 2019 года). – Казань: Казанский государственный аграрный университет, 2019. – С. 15–21.
7. *Zakirova A.R.* Analysis and evaluation of the quality of life of the labor force of the regions of Russia / A.R. Zakirova, G.S. Klychova, Zh. Zhaxylykova // XV International scientific conference "Interagromash-2022": collection of materials of the 15th International scientific conference (Rostov-on-Don, 02–04 марта 2022), 2023. – P. 2632–2641.
8. *Субаева А.К.* Зелёные и Бережливые технологии в сельском хозяйстве в РТ / А.К. Субаева, Р.И. Нуриева, А.Э. Махмутова, Д.А. Филипова // Развитие бухгалтерского учета и аудита в условиях цифровой экономики: сборник научных трудов по материалам Меж-

- дународной научно-практической конференции посвященной 100-летию Казанского государственного аграрного университета (Казань, 24–25 мая 2022 года). – Казань: Казанский государственный аграрный университет, 2023. – С. 464–471.
9. *Субаева А.К.* Рейтинг регионов зеленой экономики в России / А.К. Субаева, Э.Н. Фахретдинова, Р.Р. Гатауллин, Н.И. Калимуллин // Развитие бухгалтерского учета и аудита в условиях цифровой экономики: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции посвященной 100-летию Казанского государственного аграрного университета (Казань, 24–25 мая 2022 года). – Казань: Казанский государственный аграрный университет, 2023. – С. 472–480.
 10. *Нуриева И.Р.* Экологический учет и реформирование традиционной системы учета на предприятии / Р.И. Нуриева, Э.Н. Фахретдинова, А.Н. Валиева, Р. Уллах // Профессия бухгалтера – важнейший инструмент эффективного управления сельскохозяйственным производством: сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.П. Петрова (Казань, 19 мая 2020 года). – Казань: Казанский государственный аграрный университет, 2020. – С. 280–285.
 11. *Клычова Г.С.* Основные направления экологического консалтинга / Г.С. Клычова, А.Р. Закирова // Профессия бухгалтера – важнейший инструмент эффективного управления сельскохозяйственным производством: сборник научных трудов по материалам V Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.П. Петрова (Казань, 25 апреля 2017 года). – Казань: Центр инновационных технологий, 2017. – С. 120–124.
 12. *Субаева А.К.* Развитие циркулярной экономики в сельском хозяйстве Республики Татарстан / А.К. Субаева, Ф.Н. Авхадиев, Р.И. Нуриева // Развитие бухгалтерского учета и аудита в условиях цифровой экономики: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции посвященной 100-летию Казанского государственного аграрного университета (Казань, 24–25 мая 2022 года). – Казань: Казанский государственный аграрный университет, 2023. – С. 497–505.
 13. *Клычева Г.С.* Формирование информации об экологическом воздействии организации для отражения в социальной отчетности с применением IT-технологий / Г.С. Клычова, А.Р. Закирова, А.Р. Юсупова, Э.Р. Камилова // Вестник Казанского государственного аграрного университета. – 2018. – № 3 (50). – С. 122–128.
 14. *Zakirova A.R.* Study of attitudes of Kazan residents to the perspective of refusing the use of a personal car as a means of transportation in the city / A. Zakirova, G.S. Klychova, Sh. Khusainov // E3s web of conferences: Topical problems of green architecture, civil and environmental engineering (TPACEE-2021). – Moscow: EDP Sciences, 2021. – № 11007.
 15. *Klychova G.S.* Social and economic prospects for the development of public transport / G.S. Klychova, A.R. Zakirova, Sh.G. Khusainov // The European proceedings of social & behavioural sciences epsbs. – Nizhny Novgorod: European Publisher, 2022. – P. 772–783.
 16. *Klychova G.S.* Development of recommendations to popularize the idea of using public transport services by city residents / G. Klychova, A. Zakirova, B. Aidsova / X International scientific siberian transport forum – TransSiberia 2022. – Novosibirsk: Elsevier B.V., 2022. – P. 377–385.
 17. *Воробьев А.А.* Анализ и оценка качества жизни регионов РФ: современное состояние и тенденции / А. А. Воробьев, И. С. Глебова, А. М. Закиров // Экономика и предпринимательство. – 2021. – № 1 (126). – С. 366–369.
 18. *Glebova I.S.* Realization of the housing policy on the city's level / I.S. Glebova, R.R. Khabibrakhmanova, A. M. Khamidulina, R.R. Sadyrtidinov // Social sciences and interdisciplinary behavior: 4th international congress on interdisciplinary behavior and social science (ICIBSOS 2015). – London: Taylor & Francis Group, 2016. – P. 177–182.

19. *Klychova G.S.* Economic and legal aspects of accessibility of housing in the region / G.S. Klychova, A.R. Zakirova, A. Nigmatzyanov / XV International Scientific conference “Interagromash-2022”. – Springer: Springer, 2023. – P. 2750–2758.
20. *Глебова И.С.* Анализ и оценка инвестиционного потенциала субъектов Приволжского Федерального округа Российской Федерации / И.С. Глебова, Д.В. Роднянский // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – № 11-9. – С. 2016–2020.
21. *Глебова И.С.* Оценка комфортности и привлекательности жизнедеятельности в городе (на примере г. Казани) // *Современные проблемы науки и образования*. – 2013. – № 5. – С. 380–389.
22. *Ефлова М.Ю.* Функционирование малого предпринимательства в регионах России в контексте цифровизации общества / М.Ю. Ефлова, О.А. Максимова, И.С. Глебова, А.И. Дудочников // *Экономика и предпринимательство*. – 2021. – № 1 (126). – С. 536–540.
23. *Кашичкин Е.С.* Принципы классификации социально-экономических систем и современные трансформационные процессы в мире / Е.С. Кашичкин, Э.Ф. Амирова, Г.С. Клычова // *Развитие бухгалтерского учета и аудита в условиях цифровой экономики: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции посвященной 100-летию Казанского государственного аграрного университета (Казань, 24–25 мая 2022)*. – Казань: Казанский государственный аграрный университет, 2022. – С. 122–128.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОРОДСКИХ СИСТЕМ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ГОРОЖАН

**Глебова Ирина Станиславовна,
Закиров Аяз Маратович**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы цифровизации городских систем и качества жизни горожан. Определены области, в которых наблюдается положительное влияние цифровой трансформации городских систем на качество жизни населения, а также потенциальные негативные последствия цифровизации городских систем для качества жизни горожан.

Ключевые слова: цифровизация, городские системы, качество жизни горожан, «умный город».

Если еще несколько лет назад внимание исследователей было сосредоточено на изучении вызовов, связанных с «урбанистической эпохой» градостроительства, то сегодня акцент градостроительства сместился в сторону «цифровой экономики». Этим сдвигом занимаются не только международные организации и национальные ассоциации, но и правительства развитых стран. Например, США внедрили программу «Повестка дня цифровой экономики», Сингапур разработал «Умную нацию», а различные программы цифровизации были реализованы в таких странах, как Испания («Стратегия умной Испании»), Германия, Канада, Япония, Великобритания, Китай и др. другие.

Эксперты считают, что сейчас мы переживаем третью цифровую революцию, которая включает в себя интеграцию социальных сетей, мобильности, больших данных и облачных технологий. Концепция «умного города» возникла в результате сочетания двух основных тенденций: «урбанизации» и «цифровой революции».

В России в 2018 году утвержден национальный проект «Цифровая экономика», открывающий путь к реализации процессов, направленных на цифровизацию городов по всей стране. Минстрой России предложил стандарт «Умный город» для городов с населением более 100 000 человек. Основу для цифровизации городов в России составляют несколько факторов, в том числе сильная мотивация правительства и региональных властей содействовать импортозамещению и повышению качества жизни населения [1, 2]. Кроме того, во многих

регионах широкое покрытие широкополосным интернетом, разработка законодательства, связанного с цифровизацией, и развитие современных технологий [3–5].

Несмотря на то, что внедрение цифровизации имеет множество положительных аспектов, существуют и проблемы, такие как цифровое неравенство между регионами [6, 7]. Этот разрыв характеризуется неравномерностью развития инфраструктуры в отдельных городах и районах, а также низким качеством данных, собираемых на муниципальном уровне. Одной из основных причин этого является разница в финансировании цифровых проектов на разных уровнях – федеральном, региональном и местном.

Цифровизация городов приводит к жесткой конкуренции за инвестиции, жителей, бизнес и туристов. Эта конкуренция приводит к концентрации прибыльной экономической деятельности и жизненно важных ресурсов развития в определенных местах [8, 9]. Повышение эффективности и прозрачности управления городской средой является важнейшей задачей правительства России, особенно с учетом того, что более 70 % населения страны проживает в городах. Внедрение цифровых технологий является ключом к достижению этой цели. Эти технологии охватывают автоматизированные интеллектуальные системы, которые контролируют и управляют различными аспектами жизни города, в том числе ЖКХ, общественным транспортом, дорожным движением, образованием, здравоохранением, общественной безопасностью, энерго- и водоснабжением, экологией и туризмом [10–16].

Для успешной цифровизации необходимо эффективное взаимодействие государства, регионов и городов при реализации соответствующих программ с использованием цифровых платформ. Все участники процесса играют существенную роль во влиянии на функционирование научных кластеров и других точек цифровой трансформации. Они способствуют созданию нормативно-правовой базы, финансовых и бюджетных механизмов, инвестиционных программ цифровизации [14–15].

Для обеспечения максимальной эффективности внедрения «умных систем» в российских городах необходимо учитывать интересы всех заинтересованных сторон, в том числе населения муниципальных образований, органов местного самоуправления, бизнес-сообщества и других [12–14]. Этого можно достичь с помощью различных средств, таких как организация конференций, создание онлайн-платформ и поощрение широкой общественной дискуссии.

В научной литературе существует множество определений «умного города». Рассмотрим пример: «Умный город» – это город, информационное пространство которого приспособлено для удовлетворения потребностей горожан и общества, обеспечивая их качественной и достоверной информацией. Это город, в котором разрабатываются и применяются информационные и телекоммуникационные технологии, создающие новую технологическую основу для экономического развития.

В России 1112 городов, из них 91 % с населением не более 200 000 человек (1016 городов), в том числе 800 городов с населением не более 25 000 человек. Эти города имеют разное историческое и экономическое происхождение. Проект цифровизации «Умный город», реализуемый в рамках национальных проектов «Жилье и городская среда» и «Цифровая экономика», охватывает многочисленные российские города с населением более 100 000 человек, каждый из которых разрабатывает свою уникальную дорожную карту цифровой трансформации города.

Проект «Умный город» включает в себя несколько подпрограмм, в том числе городское управление, «умное» жилищно-коммунальное хозяйство, инновации для городской среды, «умный городской транспорт», интеллектуальные системы общественной и экологической безопасности, инфраструктуру сетей связи, туризм и услуги. Кроме того, важным аспектом создания «умного города», который часто упускается из виду, является наличие нового цифрового аналога муниципалитета. Этот аналог синхронизирует и связывает различные внутригородские структуры, такие как водоснабжение, электроснабжение, газоснабжение, транспортные заторы и службы здравоохранения, способствуя эффективному обмену информацией.

В большинстве регионов России существует значительный спрос на цифровизацию на региональном и муниципальном уровнях, существует федеральная поддержка региональных и муниципальных цифровых инициатив. Например, в Республике Татарстан реализуется масштабная государственная программа «Цифровой Татарстан» с 2022 по 2025 годы. Кроме того, в столице-миллионнике Казани действует собственная муниципальная программа «Цифровой муниципалитет Республики Татарстан». г. Казани на 2020–2024 годы». Многие региональные и муниципальные цифровые программы по всей России уделяют большое внимание реализации проекта «Умный город» в конкретных регионах и городах.

Эти программы и проекты направлены на использование современных цифровых технологий на благо страны, регионов и городов, поскольку городское население играет ключевую роль в экономическом росте [15]. Концепция устойчивого развития, ориентированная на создание безопасных и комфортных условий для людей при минимизации негативного воздействия на экосистемы и оптимизации использования природных ресурсов, стала доминирующей тенденцией в развитии городов. Это соответствует 11-й цели Организации Объединенных Наций, которая направлена на то, чтобы сделать города и населенные пункты открытыми, безопасными, устойчивыми и инклюзивными. Для достижения этой цели необходимо найти баланс между развитием инфраструктуры и сохранением экосистем при обеспечении благополучия и комфорта горожан.

Устойчивое развитие российских городов в первую очередь направлено на стабильное повышение качества городской жизни. Современные технологии, непосредственно связанные с повышением качества жизни человека, включая поступательное создание «умных» городов, планируется интегрировать в национальные, региональные и муниципальные программы и проекты цифровизации.

Цифровизация городских систем потенциально может повлиять на различные аспекты качества жизни, включая уровень доходов населения, развитие потребительского рынка, обеспеченность и качество жилья, доступ к основным материальным благам, стандарты здравоохранения и образования, экологическую обстановку, динамику рынка труда и миграционная привлекательность. Современные исследователи рассматривают качество городской жизни как системную единицу, состоящую из взаимосвязанных компонентов, таких как качество городской образовательной системы, системы здравоохранения, рынка общественного питания, жилищных условий, городской среды, рекреационных возможностей, системы социальной защиты, стандартов благоустройства города. Рассмотрим связь между качеством жизни и «умным городом» более подробно.

Положительное влияние цифровой трансформации городских систем на качество жизни населения можно наблюдать в следующих областях:

1. Доступ к цифровым технологиям, гаджетам, интернету, «умным» квартирам и домам, позволяющим людям выполнять необходимые задачи и заниматься досугом. Это способствует возникновению и росту «цифрового благополучия» у населения.
2. Трансформация компетенций, навыков, традиций и образа жизни населения посредством непрерывного обучения в режиме реального времени и онлайн.
3. Изменения условий труда и использование цифровых технологий в производстве, бизнесе, менеджменте, маркетинге и аналитике, ведущие к изменению человеческого капитала и расширению удаленной работы, фриланса, участия в гиг-экономике и краудсорсинга.
4. Цифровая трансформация социальных услуг (например, «умное» здравоохранение, открытое образование, эффективное жилищно-коммунальное хозяйство, экологически чистое медиапотребление, беспилотный транспорт, усовершенствованная экологическая защита городов) и финансовых услуг (например, интернет-финансы, безналичные расчеты), электронный банкинг, краудфандинговые платформы) способствует социальной и финансовой интеграции, повышению доступности услуг и удобства для населения.
5. Использование цифровых технологий для купли-продажи товаров и услуг населением, а также доступ к качественным государственным электронным услугам.

6. Использование преимуществ информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) для повышения безопасности и благополучия населения. Создание комфортных условий позволяет привлечь в населенные пункты квалифицированных специалистов и инвесторов, тем самым повышая потенциал городских территорий и городских агломераций.

Однако важно признать, что цифровая трансформация может иметь как положительные, так и отрицательные последствия. Потенциальные негативные последствия цифровизации городских систем для качества жизни населения включают:

1. Преобразования на рынке труда, приводящие к вытеснению неквалифицированных работников и рабочих в сокращающиеся традиционные профессии, что может привести к несоответствию между развивающимся рынком труда и индивидуальной интеграцией. Решение этой проблемы требует реализации программ повышения квалификации, переподготовки и непрерывного профессионального развития с учетом особенностей различных отраслей и регионов.

2. Увеличение разрыва между высокотехнологичной квалифицированной рабочей силой и низкоквалифицированной рабочей силой. Риск потери работы из-за устаревания технологий и растущего неравенства среди населения подчеркивает необходимость реформирования институтов, регулирующих в первую очередь структурную безработицу и социальное неравенство.

3. Недостаточное развитие цифровой культуры и появление новых, спонтанных традиций и социальных практик. Это создает проблемы, связанные с цифровым доверием и согласованием формальных институтов с неформальными.

4. Изменения в рыночных монополиях и рыночных силах, приводящие к различиям в заработной плате и доходах в разных регионах. Эта социальная поляризация внутри сообществ потенциально может привести к усилению политической нестабильности.

5. Внедрение новых форм инвестирования, капитализирующих социальную сферу конкретных территорий и стран, тем самым увеличивая технологическую и социально-экономическую зависимость от развитых цифровых наций и монополий.

6. Политические риски, связанные с использованием новых ИКТ при оказании государственных услуг населению, которые требуют дальнейшего изучения.

7. Появление «киберугроз» со стороны продвинутых цифровых технологий, таких как киберзапугивание, шпионаж, дезинформация или взлом. Это требует решения проблем кибербезопасности на индивидуальном, общегородском и системном уровнях.

8. Отсутствие необходимой нормативно-правовой базы, регулирующей процессы цифровой трансформации и кибербезопасности, в том числе отраслевого регулирования использования систем Интернета вещей (IoT), нормативного обеспечения Индустрии 4.0 (четвертой промышленной революции, характеризующейся широкой интеграцией межмашинного взаимодействия). машинная связь и IoT для автоматизации, улучшения связи и самоконтроля), законодательная поддержка и регулирование платформенных решений (включая облачные платформы и коммерческие платформы для сбора, обработки, хранения и передачи данных), а также установление национальных стандартов для крупных масштабная обработка данных.

Принимая во внимание эти негативные последствия, важно не упускать из виду риски, связанные с игнорированием необходимости цифровой трансформации городских систем. Отказ от цифровизации может привести к серьезным последствиям, включая потерю конкурентоспособности крупных городских агломераций, регионов и даже целых стран.

Стоит подчеркнуть, что на положительное и отрицательное влияние умных городов на благосостояние их жителей влияют не только усилия городских властей, имеющих ограничения в ресурсах, финансовых возможностях, доступе к информации и управленческих полномочиях, но и инициативами и программами поддержки, реализуемыми региональными и федеральными властями.

Анализ показывает, что взаимосвязь между цифровизацией городских систем и качеством жизни горожан многогранна, приводя как к благоприятным, так и к неблагоприятным исходам. На наш взгляд, будет ли конфликтное столкновение или гармоничный баланс меж-

ду концепцией «умный город» и общим качеством жизни в агломерациях, в первую очередь, зависит от эффективности государственного и муниципального управления в обеспечении цифровой трансформации национальных, региональные и муниципальные социально-экономические системы. Хорошо подготовленные государственные служащие, обладающие качественным образованием в области цифровой экономики и цифрового управления в рамках высшего образования, будут способствовать грамотной организации процессов, разработке и реализации многочисленных проектов, гармонизирующих цифровую трансформацию городской экономики с первостепенной задачей властей является улучшение качества жизни граждан.

Таким образом, национальная и региональная цифровая инфраструктура, а также цифровизация городов будут развиваться быстрее при адекватной поддержке со стороны государства и грамотном государственном и муниципальном управлении. Внедрение цифровых технологий во все сферы общественной жизни – это не вопрос выбора, а необходимость в современном мире. Это подчеркивает исключительную важность продолжения взаимосвязанного процесса цифровой трансформации национальной экономики, региональных экономик и городских систем.

Благодарности: Исследование выполнено за счет средств субсидии, выделенной Казанскому федеральному университету для выполнения проекта № FZSM-2023-0022 «Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии» в рамках государственного задания.

Литература

1. *Zakirova A.R., Klychova G.S., Zhaxylykova Zh.* Analysis and evaluation of the quality of life of the labor force of the regions of Russia // XV International Scientific Conference "Interagro-mash-2022": collection of materials of the 15th International Scientific Conference (Rostov-on-Don, 2022), 2023. – P. 2632–2641.
2. *Воробьев А.А.* Анализ и оценка качества жизни регионов РФ: современное состояние и тенденции / А.А. Воробьев, И.С. Глебова, А.М. Закиров // Экономика и предпринимательство. – 2021. – № 1 (126). – С. 366–369.
3. *Глебова И.С.* Оценка процесса цифровизации в субъектах Российской Федерации / И.С. Глебова, Я.А. Анишева // Казанский экономический вестник. – 2020. – № 4 (48). – С. 42–50.
4. *Клычова Г.С.* Государственные программы формирования и внедрения цифровой экономики / Г.С. Клычова, К.Д. Козлова // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. – 2022. – № 9 (537). – С. 2–12.
5. *Глебова И.С.* Управление инвестиционной привлекательностью территории: города-миллионники и регионы Российской Федерации / И.С. Глебова, С.С. Берман. – Казань: Рокета Союз, 2018. – 213 с.
6. *Клычова Г.С.* Формирование информации об экологическом воздействии организации для отражения в социальной отчётности с применением IT-технологий / Г.С. Клычова, А.Р. Закирова, А.Р. Юсупова, Э.Р. Камилова // Вестник Казанского государственного аграрного университета. – 2018. – Т. 13. – № 3 (50). – С. 122–128.
7. *Zakirova A.* Study of attitudes of Kazan residents to the perspective of refusing the use of a personal car as a means of transportation in the city / A. Zakirova, G. S. Klychova, Sh. Khusainov [et al.] // E3s web of conferences: Topical problems of green architecture, civil and environmental engineering (TPACEE-2021) (Moscow, 28–30 апреля 2021 года). – № 11007.
8. *Klychova G.S.* Social and economic prospects for the development of public transport / G.S. Klychova, A.R. Zakirova, Sh.G. Khusainov // The European proceedings of social & behavioural sciences epsbs (Nizhny Novgorod, 19–23 апреля 2021), 2022. – P. 772–783.

9. *Klychova G.S.* Development of recommendations to popularize the idea of using public transport services by city residents / G. Klychova, A. Zakirova, B. Aidosova / X International Scientific Siberian Transport Forum – TransSiberia 2022 (Novosibirsk, 2022). – P. 377–385.
10. *Закирова А.Р.* Оценка доступности жилья в регионе / А.Р. Закирова, А.М. Закиров // Профессия бухгалтера – важнейший инструмент эффективного управления сельскохозяйственным производством: сборник научных трудов по материалам X Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.П. Петрова (Казань, 15–16 марта 2022 года). – Казань: Казанский государственный аграрный университет, 2022. – С. 109–117.
11. *Glebova I.S.* Realization of the housing policy on the city's level / I.S. Glebova, R.R. Khabibrakhmanova, A.M. Khamidulina, R.R. Sadyrtidinov // Social sciences and interdisciplinary behavior: 4th International Congress on interdisciplinary behavior and social science, ICIBSOS 2015 (Kazan, October 2015). – London: Taylor & Francis Group, 2016. – P. 177–182.
12. *Klychova G.S.* Economic and legal aspects of accessibility of housing in the region / G.S. Klychova, A.R. Zakirova, A. Nigmatzyanov / XV International scientific conference “Interagromash-2022”. – Springer: Springer, 2023. – P. 2750–2758.
13. *Глебова И.С.* Анализ и оценка инвестиционного потенциала субъектов Приволжского Федерального округа Российской Федерации / И.С. Глебова, Д.В. Роднянский // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 11-9. – С. 2016–2020.
14. *Глебова И.С.* Оценка комфортности и привлекательности жизнедеятельности в городе (на примере г. Казани) // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 5. – С. 380–387.
15. *Ефлова М.Ю.* Функционирование малого предпринимательства в регионах России в контексте цифровизации общества / М.Ю. Ефлова, О.А. Максимова, И.С. Глебова, А.И. Дудочников // Экономика и предпринимательство. – 2021. – № 1 (126). – С. 536–540.
16. *Кашичкин Е.С.* Принципы классификации социально-экономических систем и современные трансформационные процессы в мире / Е.С. Кашичкин, Э.Ф. Амирова, Г.С. Клычова // Развитие бухгалтерского учета и аудита в условиях цифровой экономики: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции посвященной 100-летию Казанского государственного аграрного университета (Казань, 24–25 мая 2022 года). – Казань: Казанский государственный аграрный университет, 2022. – С. 122–128.

МОЛОДЕЖНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК ДРАЙВЕР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Исаев Мурад Гусейнович

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия

Султанов Гарун Султанахмедович

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия

Аннотация. В статье проведен анализ текущих перспектив развития молодежного предпринимательства, а также изучена его ключевая роль в экономическом развитии. Раскрыты разнообразные направления молодежного предпринимательства в контексте малого бизнеса, включая создание инновационных стартапов, разработку новых продуктов и услуг, проведение глубоких маркетинговых исследований. Обозначена важность проектной работы в молодежном предпринимательстве, поскольку она играет ключевую роль в содействии креативности и инновациям среди молодых предпринимателей. Рассмотрены основные направления государственной поддержки молодежного предпринимательства в Республике Дагестан. В заключении отмечено, что молодежное предпринимательство представляет собой важный стимул экономическо-

го развития, и очень важным является обеспечение этому сектору поддержки со стороны государства, бизнес-сообщества и образовательных учреждений.

Ключевые слова: молодежное предпринимательство, проектная деятельность, малый бизнес, драйвер, стартапы, экономический рост.

Введение.

Молодежное предпринимательство сегодня – это не просто ключевой фактор развития малого бизнеса, а настоящий двигатель инноваций и новаторства. Молодые предприниматели владеют не только энергией, но и способностью придумывать нестандартные идеи и стремлением к яркому успеху, что помогает им создавать и воплощать в жизнь уникальные бизнес-проекты.

Сегодня молодежное предпринимательство переживает настоящий бум, и множество студентов мечтают о запуске своих собственных предприятий. Однако, далеко не все из них обладают необходимым опытом и экспертизой, чтобы успешно управлять бизнесом. Именно здесь командные проекты студентов вступают в игру, предоставляя им возможность приобрести практические навыки, необходимые для успешного предпринимательства, и содействуя установлению контактов с профессиональными бизнес-кругами и потенциальными инвесторами.

Более того, малые бизнесы являются ключевым двигателем экономического роста и создания новых рабочих мест во многих странах. Поэтому развитие молодежного предпринимательства и активная поддержка командных проектов студентов могут оказать значительное воздействие на уровень экономического развития. Не стоит забывать и о том, что современные технологии и процессы глобализации открывают новые перспективы для молодежного предпринимательства, и именно командные проекты студентов могут стать ключевым инструментом для использования этих возможностей.

Молодежное предпринимательство, воплощаемое молодыми людьми в возрасте от 18 до 35 лет, дарит обществу не только новые бизнес-проекты, но и рабочие места, внедряет инновации, усиливает конкуренцию и поднимает качество жизни. Это также способствует развитию лидерских качеств и приобретению ценного опыта в сфере предпринимательства среди молодежи.

Молодежное студенческое предпринимательство представляет собой уникальную сферу активности, выделяющуюся специфичными знаниями, интересами и потенциалом студентов, полученными в учебных заведениях. Этот вид предпринимательства позволяет молодежи воплотить свои академические знания в жизнь, создавая и развивая собственные проекты в реальной бизнес-среде. Этот опыт может оказать мощное влияние на их карьерный рост и развитие как специалистов в своей области, а также способствовать инновациям и экономическому прогрессу [1].

Молодежное предпринимательство представляет собой ключевой мотор экономического роста и создания новых рабочих мест. Оно способствует созданию инновационных продуктов и услуг, способных изменить структуру отраслей. Кроме того, оно содействует уменьшению безработицы среди молодежи, улучшению качества жизни и поддержанию социальной стабильности. Молодые предприниматели обладают гибкостью и способностью адаптироваться к изменениям на рынке [2].

Тем не менее, молодежное предпринимательство сопровождается своими трудностями и ограничениями. Молодые предприниматели сталкиваются с вызовами, такими как отсутствие опыта, нехватка финансовых ресурсов и ограниченный доступ к кредитам. Они также могут иметь недостаток знаний в области бизнеса и правовых аспектов, что может стать преградой на пути к успеху и вызвать неудачи.

Исследования, проведенные учеными, такими как Богомолов С.В., Газитдинов А.М., Жидкова Э.В., Масленников Д.Ю., Миргород Т.П., Мухорьянова О.А., Семенова Ю.А., Шаталова О.И., Шайхутдинова Г.Ф., Яппарова Д.И., играют важную роль в развитии молодежного предпринимательства. Однако, быстро меняющийся мир требует постоянного обновле-

ния теоретических и практических решений, учитывая современные условия и факторы, влияющие на молодежное предпринимательство и экономику в целом.

Для успешного развития молодежного предпринимательства необходимо создать благоприятные условия, которые бы способствовали его росту. Кроме предоставления доступа к кредитам и финансовым ресурсам, молодым предпринимателям необходима поддержка со стороны государства и бизнес-сообщества, включая консультации и обучение. Это поможет им накопить необходимые знания и опыт для успешного развития своего бизнеса.

Для стимулирования развития молодежного предпринимательства государство может разрабатывать специальные программы и инструменты, такие как гранты, субсидии и налоговые льготы. Также важна менторская поддержка со стороны опытных бизнес-практиков, которые помогут молодежи разрабатывать стратегии развития бизнеса, осваивать навыки маркетинга и продаж, а также находить новые пути к успеху.

Молодежное предпринимательство привносит свежие идеи и инновационные продукты в экономику, являясь двигателем инновационного развития. Молодые предприниматели способны перевернуть отрасль, представив на рынок новаторские решения и тем самым способствовать ее росту и возникновению новых секторов.

Создание новых рабочих мест – еще один значимый элемент молодежного предпринимательства. Особенно это актуально в малом и среднем бизнесе, где молодые предприниматели выступают источником рабочих мест для сверстников. Это снижает уровень безработицы и способствует увеличению числа трудоустроенных молодых людей.

Важно подчеркнуть, что активное внимание к молодым предпринимателям со стороны государства и частных организаций проявляется в создании специальных программ поддержки. Эти программы включают в себя не только финансовую поддержку, но и обучение, консультации и возможности для молодых предпринимателей представить свои проекты на мировой арене. Их инновационный подход и свежие идеи могут внести существенный вклад в экономику и способствовать созданию новых рабочих мест.

Однако успешное молодежное предпринимательство требует не только финансовой поддержки, но и постоянного обновления знаний и навыков. Современный бизнес динамичен и требует постоянного развития. Молодежь должна активно искать возможности для реализации своих идей и стремиться к постоянному росту.

Проектная деятельность играет ключевую роль в стимулировании развития молодежного предпринимательства. Она не только позволяет молодым людям обучаться в командной среде, но и способствует развитию лидерских качеств, улучшению навыков коммуникации и управления конфликтами. Командная работа объединяет различные знания и опыт, что может привести к появлению новых идей и инноваций.

Проекты, созданные студентами в рамках проектной деятельности, могут стать основой для стартапов и инновационных компаний. Многие проекты, созданные студентами, могут быть коммерчески успешными, и некоторые из них могут стать основой для создания собственного бизнеса. Например, успешные проекты и компании, такие как Facebook, ВКонтакте, Twitter, Instagram, Telegram, Dropbox, Google и Microsoft, были созданы студентами во время их учебы [9, 10].

Для того чтобы проектная деятельность стала действительно эффективным инструментом поддержки молодежного предпринимательства, необходима активная поддержка университетов, колледжей и других организаций. Это включает в себя организацию мероприятий, программ и конкурсов, направленных на поддержку студенческих стартапов и инновационных проектов. Кроме того, доступность ресурсов и инфраструктуры, таких как коворкинги, инкубаторы и акселераторы, играет важную роль в успешном развитии молодежного предпринимательства. Это может помочь студентам сократить издержки на начальный этап, получить доступ к необходимым ресурсам и экспертной поддержке, а также создать сеть контактов, что может быть полезным в дальнейшем [6].

Кроме того, студенческое предпринимательство может включать в себя совместную работу с другими студентами, сотрудничество с университетами, инвесторами, бизнес-

инкубаторами и другими организациями, направленными на поддержку предпринимательской деятельности.

Командные проекты студентов – это важный катализатор развития молодежного бизнеса. Такие проекты могут включать создание и реализацию бизнес-идей, разработку новых продуктов и услуг, проведение маркетинговых исследований и других активностей, связанных с предпринимательством. Командные проекты студентов могут стать эффективной площадкой для приобретения опыта и навыков, необходимых для успешного запуска и развития собственного бизнеса. Еще одним важным преимуществом командных проектов студентов является возможность установить связи и контакты с другими предпринимателями и бизнес-экспертами. Наконец, командные проекты студентов могут стать основой для создания собственного стартапа [10].

Также в рамках исследования рассматриваются различные направления студенческого предпринимательства, такие как стартапы, маркетинговые исследования и другие. В целом, исследование направлено на выявление возможностей, которые могут быть использованы студентами и молодыми предпринимателями для создания и управления успешным бизнесом в рамках молодежных инициатив и проектов.

Например, в Республике Дагестан Центром поддержки предпринимательства РД ежегодно проводится ряд мероприятий по поддержке молодежного предпринимательства в Республике Дагестан [12]:

1. Региональный конкурс «Молодой предприниматель», цель конкурса – создание и развитие устойчивого сообщества молодых предпринимателей, заинтересованных в ведении предпринимательской деятельности на территории республики.

К участию приглашаются граждане РФ, постоянно проживающие и осуществляющие предпринимательскую деятельность на территории Дагестана, в возрасте от 14 до 35 лет включительно на момент подачи заявки.

2. «Азбука предпринимательства» – традиционно программа пользуется большим спросом у начинающих предпринимателей и тех, кто только задумывается о своем деле. Обучение проходят более 30 человек. Главная задача проекта – помочь просчитать, проанализировать бизнес-идею, трансформировать её в детальный бизнес-план.

Образовательная поддержка в центрах «Мой бизнес» Республики Дагестан бесплатна для жителей региона благодаря реализации национального проекта «Малое и среднее предпринимательство», инициированного Президентом РФ.

3. «Фабрика – дети» – это образовательный проект для детей и подростков от 14 до 17 лет по развитию предпринимательского мышления и финансовой грамотности, включенный в перечень рекомендованных программ в рамках реализации национального проекта по развитию малого и среднего предпринимательства.

В рамках реализации Регионального проекта «Создание условий для легкого старта и комфортного ведения бизнеса» Национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» проводятся мероприятия по вовлечению молодежи в предпринимательскую деятельность.

По итогам 2022 года проведены:

- обучающие мастер-классы в городах Махачкала и Буйнакс. Участие на мастер-классах приняли более 400 человек;
- обучающие модули по программе АО «Корпорация МСП» – Азбука предпринимательства – 201 физлиц; «Школа предпринимательства» – 25 СМСП;
- обучающие однодневные модули – 115 физлицам; 15 СМСП;
- реализована образовательная программа для детей 14-17 лет в районах Дагестана и проведение олимпиады по основам предпринимательской деятельности;
- обучающая программа «Социальное предпринимательство»;
- мастер-классы для школьников – 306 физлиц.

В 2022 году оказаны консультационные услуги по вопросам начала ведения бизнеса, ведению бухгалтерской и налоговой отчетности, маркетингу и продажам, и другим актуальным направлениям – 965 физлиц и 218 СМСП.

Также ГАУ РД «ЦПП РД» оказывает такие услуги как: популяризация продукции и услуг СМСП и самозанятых граждан, размещение продукции СМСП и самозанятых граждан на электронных торговых площадках (Озон и Вайлдбериз), проведение анализа потенциала СМСП и экспресс-оценки индекса технологической готовности, а также конкурс «Молодой предприниматель».

С начала года предоставлено информационно-консультационных и образовательных услуг на единой площадке центра «Мой бизнес» 139 физическим лицам и 112 субъектам малого и среднего предпринимательства.

Также в рамках реализации национального проекта МСП Агентством по предпринимательству и инвестициям Республики Дагестан реализуется мера государственной поддержки в форме предоставления грантов до 500 тыс. рублей для молодых предпринимателей до 25 лет (включительно).

Грант предоставляется на развитие бизнеса. Сумма гранта составляет от 100 до 500 тысяч рублей. При этом обязательным условием является обеспечение софинансирования со стороны предпринимателя в размере не менее 25 % от стоимости проекта.

На 2023 год ГАУ РД «ЦПП РД» оказывает ряд мер государственной поддержки для бизнеса [11].

Такие как:

- регистрация бизнеса;
- открытие расчётных счетов;
- разработка фирменного стиля предприятия;
- консультация по мерам финансовой поддержки;
- консультации, а по вопросам имущественной поддержки;
- популяризация продуктов и услуг малого и среднего предпринимательства и у самозанятых;
- организация и проведении программы обучения АО Корпорации МСП «Азбука предпринимательства» и «Школа предпринимательства»;
- консультации по вопросам бухгалтерского учёта;
- размещение продукции СМСП на ОЗОН и Wildberries;
- услуги по проведению обучающих мероприятий на тему: Основы 223-ФЗ и 44-ФЗ;
- маркетинговые услуги. Создание логобуков;
- оказание консультационных услуг по вопросам начала ведения бизнеса;
- услуги по составлению бизнес-планов.

Участия СМСП на выставочно-ярмарочных мероприятиях таких как:

- Международная выставка обуви и изделий из кожи. «Обувь. Мир кожи – Весна – 2023»;
- всероссийская ярмарка продуктов питания и напитков «Мир Вкуса – 2023»;
- выставка «Отдых Medical Tourism SPA i Health»;
- обувная выставка «Измайлово Шуз»;
- выставка «Золотая осень – 2023»;
- фестиваль народных мастеров и художников России – 2023;
- выставка народных промыслов России «ЛАДЬЯ. Зимняя сказка – 2023».

Из сказанного выше очевидно, что успех молодежного предпринимательства неотделим от активной поддержки, предоставляемой как государственными структурами, так и образовательными учреждениями. Современные университеты и колледжи сыграли ключевую роль, предоставляя студентам доступ к необходимым ресурсам и инфраструктуре для запуска и развития своих бизнес-проектов. Совместно с этим, государственные органы имеют возможность активно вмешиваться, обеспечивая студентам финансовую и организационную поддержку, что способствует общему успеху молодежного предпринимательства.

Молодежное предпринимательство сыграло важную роль в развитии предпринимательской культуры, стимулируя появление новых бизнес-идей и создание рабочих мест. Однако для успешной реализации студенческих предпринимательских проектов студентам необходимо не только знания, но и практические навыки, а также поддержка со стороны учебных заведений и государственных инстанций.

Важно подчеркнуть, что выбор источника финансирования и поддержки должен быть адаптирован к индивидуальным потребностям и возможностям каждого студента-предпринимателя. Студенты могут успешно комбинировать различные источники финансирования, чтобы достичь своих целей.

В проблемах, которые могут возникнуть при развитии молодежного предпринимательства [3], важно учитывать такие моменты, как:

- сложности с конкуренцией, которые могут возникнуть из-за наличия на рынке большого числа квалифицированных специалистов, предпочитающих найм опытных работников.
- отсутствие практико-ориентированного образования в образовательных учреждениях, которые чаще всего не готовят студентов к предпринимательской деятельности, уделяя больше внимания теоретическим знаниям, чем практическим навыкам.
- отсутствие мотивации у молодежи из-за страха перед рисками, бюрократическими трудностями и непониманием возможности государственной поддержки.
- недостаточно информированность молодежи о возможностях государственной поддержки при открытии собственного бизнеса.

Молодежное предпринимательство имеет огромный потенциал для стимулирования инноваций, увеличения конкуренции и развития экономики. Успешные молодые предприниматели становятся лидерами рынка и примером для других молодых людей, создавая тем самым мультипликационный эффект и способствуя формированию предпринимательской культуры в обществе. Эта культура, в свою очередь, играет ключевую роль в обеспечении экономического роста [8].

Для развития молодежного предпринимательства и решения вышеуказанных проблем, можно предложить следующие меры:

- проведение регулярных образовательных программ, направленных на формирование предпринимательских навыков и мотивации среди молодежи;
- создание и развитие инфраструктуры для поддержки молодежного предпринимательства на региональном и местном уровнях;
- вовлечение учебных заведений и бизнес-структур в процессы поддержки и обучения молодежи;
- создание экспертных и консультационных органов по развитию молодежного предпринимательства при государственных и региональных администрациях.
- финансирование мероприятий, направленных на развитие молодежного предпринимательства в рамках как региональных, так и муниципальных программ поддержки малого и среднего предпринимательства.

Поэтому молодежное предпринимательство имеет большой потенциал для экономического роста и развития предпринимательской культуры. Важно, чтобы государство, образовательные учреждения и бизнес-сообщество сотрудничали для создания благоприятной среды, в которой молодые предприниматели могли бы успешно развиваться и внести свой вклад в экономику и общество.

Следует также активно информировать молодежь о возможностях государственной поддержки и стимулировать их активность и интерес к предпринимательству. Это можно сделать через проведение информационных кампаний, обучающих мероприятий и создание платформ для обмена опытом между молодыми предпринимателями и опытными бизнесменами.

Все эти меры в совокупности могут способствовать более успешному развитию молодежного предпринимательства, стимулированию инноваций, увеличению числа рабочих мест и обогащению экономической сферы.

Заключение.

В целом молодежное предпринимательство является важным драйвером экономического роста региона, так как позволяет молодым людям реализовать свои идеи, получить опыт ведения бизнеса и создавать рабочие места.

В заключение, молодежное предпринимательство является важным элементом развития экономики, так как позволяет молодым людям воплощать свои идеи в жизнь и создавать новые рабочие места. Однако, для его успешной реализации необходимо обеспечить поддержку и содействие со стороны государства, бизнес-сообщества и образовательных учреждений. Современный мир меняется с невероятной скоростью, и именно молодежь, имеющая свежий взгляд на вещи, может быть тем двигателем, который будет способен создавать новые и инновационные решения для развития бизнеса и экономики в целом.

Литература

1. *Валинурова Л.С., Газитдинов А.М.* Развитие студенческого инновационного предпринимательства в вузе // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2019. – № 5 (149). – С. 117–121.
2. *Масленникова А.Ю., Масленников Д.Ю.* Молодежное предпринимательство как драйвер экономического роста // Муниципалитет: экономика и управление. – 2022. – № 1 (38). – С. 87–94.
3. *Миргород Т.П.* Молодежное предпринимательство: проблемы и возможные пути решения / Молодёжь Сибири – науке России: материалы международной научно-практической конференции. – Красноярск: Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, 2022. – С. 42–46.
4. *Семенова Ю.А.* Реализация предпринимательского потенциала студенческой молодежи: региональный аспект // ЦИТИСЭ. – 2018. – № 4 (17). – С. 7–19.
5. *Смирнова С.Б., Богомолов С.В.* Роль университетов в развитии предпринимательского потенциала студенческой молодежи // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2022. – № 4. – С. 117–122.
6. *Шайхутдинова Г.Ф., Жидкова Э.В.* Актуальные вопросы молодежного предпринимательства на современном этапе // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. – С. 355–371.
7. *Шаталова О.И., Шалашаа З.И., Мухорьянова О.А., Калюгина С.Н.* Драйверы развития молодежного предпринимательства в период кризиса // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 3 (116). – С. 605–608.
8. *Яппарова Д.И.* / Центры предпринимательства и стартап-студии при университетах как драйверы развития человеческого потенциала регионов в условиях цифровизации экономики / Уфимский гуманитарный научный форум: молодежный научный форум к 70-летию Дегтярева Александра Николаевича. – Уфа: ИСИ РБ, 2022. – С. 235–238.
9. Пять гениальных студентов, перевернувших мир. – URL: https://www.startup.org.ua/2013/01/blog-post_25.html (дата обращения: 31.10.2023).
10. 6 известных компаний, созданных студентами. – URL: https://ru.espresso.tv/news/2017/11/17/6_yzvestnykh_kompanyu_sozdannyykh_studentamy (дата обращения: 31.10.2023).
11. Центр поддержки предпринимательства Республики Дагестан. – URL: <https://cppdag.ru/> (дата обращения: 31.10.2023).
12. Агентство по предпринимательству и инвестициям Республики Дагестан. – URL: <http://dagestaninvest.ru> (дата обращения: 31.10.2023).

УМНЫЕ ГОРОДА КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

Климов Александр Александрович,

Берман Светлана Сергеевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Понятие «умные устойчивые города» используется для описания городов, в которых широко применяются передовые информационно-коммуникационные технологии, однако оно может иметь разные интерпретации. Цель исследования – анализ концепции умных устойчивых городов, возникшей в результате глобальных тенденций, таких как устойчивое развитие, урбанизация и развитие информационно-коммуникационных технологий. Авторы стремятся понять, как эти факторы объединяются в концепции «умные устойчивые города», которая часто ассоциируется с применением передовых ИКТ в городской инфраструктуре. В статье представлен обзор подходов современных исследователей концепции «умных устойчивых городов».

Ключевые слова: умные устойчивые города, устойчивое развитие, информационно-коммуникационные технологии, городская устойчивость, IoT, большие данные, системные эффекты.

Концепция умных устойчивых городов возникла в результате трех важных глобальных тенденций, действующих во всем мире, а именно распространения устойчивого развития, распространения урбанизации и развития Информационно-Коммуникационных Технологий [4, с. 184]. Как отмечают Хойер и Вангель (Höjer, M. and Wangel, S.), взаимосвязанное развитие устойчивого развития, урбанизации и ИКТ в обозримом прошлом объединилось в рамках так называемых «умных устойчивых городов». Соответственно, умные устойчивые города – это новый техногенный феномен, который взял своё начало с середины 2010–х годов [1, с. 235]. Идея заключается в использовании ИКТ, как технологии глобальных вычислений, для перехода к необходимому устойчивому развитию во всё более урбанизированном мире. Таким образом, развитие «умных устойчивых городов» привлекает всё большее внимание во всем мире со стороны научно-исследовательских институтов, университетов, правительств, директивных органов и компаний в области ИКТ. В результате, распространение ИКТ даёт многообещающий ответ на неизбежные вызовы к устойчивому развитию и урбанизации.

Термин «умный устойчивый город», хоть и не всегда принимается в прямом смысле своего значения, он часто используется для описания города, в котором повсеместно присутствуют и массово используются передовые ИКТ. Современные технологии, как правило, функционируют в сочетании с различными городскими системами, с которыми они сложным образом взаимосвязаны. Что позволяет городу контролировать и координировать использование доступных ресурсов, использовать их рационально и безопасно, повышая тем самым устойчивость и эффективность экономических и социальных показателей. Теория ИКТ сегодня применена практически ко всем технологическим решениям и, следовательно, к сферам жизни общества. В сфере городского планирования и развития концепция ИКТ относится к набору городских технологий, инфраструктур, приложений, сервисов и возможностей вычислительной аналитики, используемых для зондирования, сбора, анализа, синтеза, манипулирования, интеллектуального анализа, моделирования, управления, создания сетей, обмена городскими данными с целью мониторинга, понимания, руководства и планирования современных городов с целью достижения конкретных целей. Это предполагает различные способы решения широкого спектра проблем, влияющих на долгосрочное функционирование и эффективность города. На техническом уровне городские ИКТ включают аппаратную и программную инфраструктуру. Первое включает в себя датчики и компьютеры (например, RFID, GPS, инфракрасные датчики, интеллектуальные датчики, носимые компьютеры, терминалы и умные мобильные телефоны), интернет-инфраструктуру, сети беспроводной связи, телекоммуникационные системы, плат-

формы облачных вычислений и инфраструктуру промежуточного программного обеспечения. Последнее включает в себя все виды программных приложений, работающих в этих аппаратных системах, включая использование методов анализа больших данных (например, интеллектуальный анализ данных, машинное обучение и обработка естественного языка), методы интеграции баз данных, методы моделирования, форматы визуализации, методы работы в режиме реального времени, а также коммуникацию и создание сетевых протоколов. Об ИКТ в городах лучше всего говорить в зависимости от контекста использования, например, «умный транспорт», «умная энергетика», «умная окружающая среда», «умное здравоохранение», «умное образование», «умное планирование», «умные парки» и многое другое. Умный устойчивый город – это новый техногенный феномен. Таким образом, как предполагают Ривера, Эрикссон и Вангель (Rivera M.B., Eriksson E. and Wangel J.) этот термин получил широкое распространение, вошёл в общественное сознание в результате нескольких взаимосвязанных социальных, городских и технологических сдвигов [13, с. 320].

Концепция возникла на основе различных разработок, а именно: «устойчивые города», «умные города», ИКТ, «устойчивое городское развитие», вопросы устойчивости и охраны окружающей среды, а также урбанизация и рост городов. Концепции устойчивости и устойчивое развитие применялись к городскому планированию и дизайну с начала 1990-х годов, что привело к появлению понятий городской устойчивости и устойчивого городского развития. Устойчивость городов означает желаемое состояние, в котором городское общество стремится содействовать экологической интеграции, экономическому развитию и социальному равенству в рамках устойчивого развития городских форм как долгосрочных целей в рамках стратегического процесса устойчивого городского развития в качестве желаемой траектории. Таким образом, она стремится создать здоровую, пригодную для жизни и процветающую среду проживания человека с минимальным потреблением ресурсов и минимальным воздействием на окружающую среду (токсичные отходы, загрязнение воздуха и воды, опасные химические вещества и т. д.). Это предполагает укрепление связей между технологическими инновациями, научными и социальными исследованиями, институционализированной практикой, разработкой политики и планированием, имеющими отношение к устойчивому развитию городов.

Для достижения этой долгосрочной цели требуется стратегия городского развития, которая облегчает и вносит свой вклад в разработку, внедрение, оценку и совершенствование городской инфраструктуры. Создаются системы и другие практические мероприятия, способствующие устойчивому развитию городов с точки зрения восполнения ресурсов, снижения энергопотребления, уменьшения уровня загрязнения и отходов, а также улучшения социальной справедливости, стабильности и безопасности.

Сочетание понятий «умные города» и «устойчивые города», для которых доступно множество определений, до некоторых пор не было достаточно изучено, что представляет собой некоторую концептуальную сложность. Международный Союз Электросвязи даёт всеобъемлющее определение, основанное на анализе около 120 определений: «Умный устойчивый город» — это инновационный город, который использует ИКТ и другие средства повышения качества жизни, эффективности функционирования городов и услуг, а также конкурентоспособности, обеспечивая при этом удовлетворение потребностей нынешнего и будущих поколений, которые касаются экономических, социальных и экологических аспектов. Другое определение, предложенное Хойером и Вангелем (Höjer M. and Wangel S.), разработано дедуктивно и основано на концепции устойчивого развития. Утверждается, что «умный устойчивый город» — это город, который удовлетворяет потребности своих нынешних жителей, не ставя под угрозу способность других людей или будущих поколений удовлетворять свои потребности [7, с. 335]. Таким образом, не затрагиваются никакие экологические ограничения, особенно там, где поддерживаются ИКТ. В результате это влечёт за собой раскрытие и использование потенциала ИКТ в области глобальных вычислений в качестве стимулирующей, интегрирующей и определяющей технологии для достижения экологических, со-

циальных и экономических целей устойчивого развития благодаря лежащим в их основе трансформационным, содержательным и сообразующим эффектам.

С другой формулировкой термина, предложенной Бибри и Кругсти (Bibri S.E. and Krogstie J.), можно всецело согласиться, так как определена она, как динамичное, сложное взаимодействие между научными инновациями, технологическими инновациями, экологическими инновациями, инновациями в городском проектировании и планировании, институциональные инновации и инновации в политике. При этом, «умные устойчивые города» представляют собой сложные социально-технические системы всех видов инновационных систем и включают в себя их неотъемлемую часть. Такие системы сосредоточены на создании, распространении и использовании знаний и технологий, при этом они бывают, как правило, различных типов (вариантов инновационных моделей), включая национальные, региональные, отраслевые, технологические и инновационные [3, с. 221].

Растущая конвергенция городских ИКТ с различными формами глобальных вычислений (например, IoT) все чаще рассматривается как способ дальнейшего удовлетворения и активизации прикладного спроса на разнообразные решения для обеспечения устойчивости городов, которые могут предложить новые и будущие ИКТ. Возможность компьютеризации всех городских систем и, следовательно, возможность аналитического осмысления информации о том, как улучшить вклад ИКТ в различные аспекты устойчивого развития, свидетельствует о том, насколько велико влияние ИКТ в разработке инновационных решений и сложных подходов для «умных устойчивых городов» будущего. Таким образом, потенциал мониторинга, понимания, анализа и планирования городов с помощью передовых ИКТ вполне может быть использован для устойчивого городского развития. Действительно, умные города и устойчивые города, участвующие в новом переходе в области ИКТ, становятся умнее в достижении требуемого уровня устойчивости [14, с. 919]. Распространение Интернета вещей, как вычислительной парадигмы и аналитики больших данных, как аналитического тренда, всё больше стимулирует разработку различных моделей умных устойчивых городов в качестве городских инициатив и начинаний. Предвещающая мощное технологическое изменение, характеризующееся постоянно растущим внедрением ИКТ в городские системы, Интернет Вещей, как социально прорывная технология, приведёт к радикальной трансформации техногенной городской экосистемы во всей её сложности и разнообразии. Фактически Батти и др. (Batty et al.) было высказано предположение, что по мере того, как ИКТ становятся всепроникающими, то есть проникают в инфраструктуру, сооружения, ресурсы, архитектурные проекты, экосистемные услуги, административные службы и объекты для граждан, мы можем говорить о том, что города становятся умнее [2, с. 483].

Прогнозируется, что объем цифровых данных, предоставляемых IoT, будет расти в геометрической прогрессии. Несмотря на недавний рост исследований Интернета вещей и связанных с ним приложений по обработке больших данных в области городского развития, как пишут в своей работе Дерен, Цзяньцзюнь и Юань (DeRen L., JianJun C. and Yuan Y., основная часть работ, как правило, связана в основном с экономическим ростом и качеством жизни в сфере умных городов. При этом, как добавляют Джи и др. (Ji C., Li Y., Qiu W., Awada U. and Li K.), остаётся целый ряд важных вопросов, которые касаются того, каким образом Интернет Вещей и связанные с ним приложения больших данных могут улучшить экологическую составляющую устойчивости в сфере умных устойчивых городов, что на сегодняшний день практически не изучено. Таким образом, основной исследовательский вопрос, требующий решения, звучит так: «Как и в какой степени расширение информационного ландшафта умных устойчивых городов с помощью сенсорных приложений Интернета вещей для обработки больших данных может способствовать повышению экологической устойчивости?». Более того, стоит отметить, что большинство определений «умных городов» не учитывают экологическую устойчивость, или мало говорят об экологических показателях городов [5, с. 5].

Термин «большие данные» используется для описания роста, распространения, неоднородности, сложности, доступности, постоянства, изменчивости и использования данных во многих прикладных областях. Эти характерные особенности позволяют обрабатывать

большие объёмы данных, превосходящие вычислительные и аналитические возможности стандартных программных приложений и традиционной инфраструктуры баз данных. Традиционные аналитические системы не являются подходящими для обработки больших данных [8, с. 406]. Это подразумевает, что большие данные предполагают использование инструментов (классификацию, кластеризацию, регрессию и другие алгоритмы), методов (интеллектуальный анализ данных, машинное обучение, статистический анализ и т. д.) и технологий (например, Hadoop, Spark, HBase, MongoDB и т. д.), которые работают за пределами подходов к анализу данных, и используются для извлечения полезных знаний из больших массивов данных для своевременного и точного принятия решений. Общей нитью, проходящей через большинство определений больших данных, является то, что связанные с ними информационные ресурсы отличаются большим объёмом, разнообразием и высокой скоростью работы и, следовательно, требуют экономически эффективных, инновационных форм обработки, анализа и управления данными. Хотя не существует канонического или окончательного определения больших данных в контексте умных устойчивых городов, этот термин может использоваться для описания колоссального объёма городских данных, как правило, в той степени, в какой их обработка, анализ, управление и коммуникация сопряжена со значительными вычислительными, аналитическими, логистическими и координационными проблемами. Важно отметить, что такие данные неизменно помечаются пространственными и временными метками, в основном передаются потоком с различных типов датчиков и в основном генерируются автоматически и рутинно. Несмотря на отсутствие согласия относительно определения больших данных, по-видимому, существует консенсус в отношении того, что большие данные приведут, в свете прогнозируемых достижений и инноваций, к огромным возможностям в ближайшие годы.

В дополнение к сказанному, Фан и Биффет (Fan W. and Bifet A.) заявляют, что большие данные часто характеризуются рядом недостатков. Основными из них, которые определены как наиболее согласованные, являются объём, разнообразие и скорость. Дополнительные критерии включают достоверность, валидность, ценность и изменчивость, как заявляют Хан, Уддин и Гупта (Khan M., Uddin M.F. and Gupta N.). Акцент здесь делается на основных характеристиках больших данных, а именно на огромном объёме данных, скорости, с которой данные могут быть проанализированы, а также в широком разнообразии типов данных. Аналитика больших данных включает в себя широкий спектр датчиков [9, с. 3].

Чтобы получить более глубокое представление о взаимосвязи между Интернетом Вещей, большими данными и датчиками можно ознакомиться с недавним исследованием, проведённым Кьюин и др. (Qin Yongrui Sheng Quan Z. et al.), где они рассматривают современные исследовательские усилия в области Интернета вещей с точки зрения, ориентированной на данные, включая обработку потоков данных, обработку сложных событий, и поиск в Интернете вещей. Интернет Вещей имеет дело с бесчисленным количеством физических и виртуальных объектов и, таким образом, задействует множество датчиков из-за масштабов своего повсеместного распространения, и, следовательно, объём генерируемых данных огромен, а процессы и платформы, участвующие в обработке этих данных, сложны. Интернет вещей, который «развивается во все более сложную сеть (сенсорных) устройств и физических объектов, по оценкам, включает в себя все виды повседневных объектов, включая людей, дороги, приборы, товары, машины, животные, растения, почва и воздух» [11, с. 139]. Фундаментальные централизованные платформы обработки данных и архитектуры интеллектуального анализа данных на сегодня остаются непригодными для вычислительной и аналитической поддержки до тех пор, пока в целях безопасности данных информация не будет храниться на распределённых сайтах в условиях технологии блокчейн. Следовательно, необходимы дополнительные исследования в области связанные с этим приложения для работы с большими данными крайне необходимы, и как только эта новая технология будет успешно внедрена с точки зрения приложений для работы с большими данными, преимущества и возможности станут огромными в контексте умных устойчивых городов будущего.

Платформы обработки данных являются ключевым компонентом ИКТ, как инфраструктуры «умных» устойчивых городов, так как это касается приложений для работы с большими данными. К числу ведущих платформ для хранения и обработки больших объёмов данных относятся Hadoop MapReduce, IBM Infosphere Streams, Stratosphere, Spark и NoSQL– система управления базами данных. Являясь экосистемами, они ведут аналитику больших данных, относящихся к широкому спектру крупномасштабных приложений, предназначенных для различных целей, связанных с процессом устойчивого развития, таких как управление, контроль, оптимизация, оценка и усовершенствования, связанные с экологической устойчивостью, охватывая, таким образом, различные области городского хозяйства. Таким образом, они являются необходимой основой для приложений, ориентированных на данные, в контексте «умных» устойчивых городов.

Феномен больших данных связан с движением за программное обеспечение с открытым исходным кодом. Ведётся также разработка и совершенствование программного обеспечения, которое должно быть сформировано в виде платформы, разработанной специально для управления и обработки непрерывных потоков данных в режиме реального времени.

Сенсорная потоковая технология играет важную стимулирующую роль в обработке данных с поддержкой Интернета вещей с точки зрения сбора и измерения данных по городским районам перед их анализом. Большие городские данные все чаще ассоциируются исключительно с данными, получаемыми как в обычном режиме, так и автоматически, особенно с учётом того, что обычные наборы данных, как правило, дополняются непрерывным зондированием. В течение последующих 10 лет большая часть данных, использующихся при мониторинге, анализе и планировании систем умных устойчивых городов, будут поступать из цифрового сектора в форме наблюдений, перемещений и транзакций, связанных с процессами функционирования и организации городской жизни.

В результате, можно наблюдать чёткую тенденцию к тому, что умные устойчивые города представляют собой достаточно выраженную структурную форму для достижения устойчивого развития в городской среде, но, при этом, требующую системного подхода, внимания к сложностям и балансировки интересов различных сторон. В долгосрочной перспективе эти усилия способствуют улучшению качества жизни жителей и созданию более устойчивых и инновационных городов.

Литература

1. Ahvenniemi H., Huovila A., Pinto–Seppä I., Airaksinen M. What are the differences between sustainable and smart cities? // *Cities*. – 2017. – Volume 60. – P. 234–245.
2. Batty M., Axhausen K.W., Giannotti F., Pozdnoukhov A., Bazzani A., Wachowicz M., Ouzounis G., Portugali Y. Smart cities of the future // *The European physical journal*. – 2012. – Volume 214. – P. 481–518.
3. Bibri S.E., Krogstie J.A. On the social shaping dimensions of smart sustainable cities: a study in science, technology, and society // *Sustainable Cities and Society*. – 2016. – Volume 29. – P. 219–246.
4. Bibri S.E., Krogstie J.A. Smart sustainable cities of the future: an extensive interdisciplinary literature review // *Sustainable Cities and Society*. – 2017. – Volume 31. – P. 183–212.
5. DeRen L., JianJun C., Yuan Y. Big data in smart cities // *Science China Information Sciences*. – 2015. – Volume 58. – P. 1–12.
6. Höjer M., Wangel S. Smart sustainable cities: definition and challenges // *ICT innovations for sustainability*. – Berlin: Springer–verlag, 2013. – P. 333–349.
7. Katal A., Wazid M., Goudar R. Big data: issues, challenges, tools and good practices // *Proceedings of 6th International conference on contemporary computing (IC3)*. – Noida: IEEE, 2013. – P. 404–409.

8. Khan M., Uddin M.F., Gupta N. Seven V's of big data understanding: big data to extract value // American society for engineering education (ASEE Zone 1). – Bridgeport: IEEE, 2014. – P. 1–5.
9. MacLean D., Arnaud B.S. ICTs, innovation and the challenge of climate change. – URL: https://www.iisd.org/system/files/publications/ict_innovation_climate.pdf (дата обращения 25.05.2023).
10. Shahrokni H., Årman L., Lazarevic D., Nilsson A., Brandt N. Implementing smart urban metabolism in the Stockholm Royal Seaport: smart city SRS // Journal of Industrial Ecology. – 2015. – Volume 19. – Issue 5. – P. 917–929.
11. Piro G., Cianci I., Grieco L.A., Boggia G., Camarda P. Information centric services in smart cities // The journal of systems and software. – 2014. – Volume 88. – P. 169–188.
12. Rivera M.B., Eriksson E., Wangel J. ICT practices in smart sustainable cities—in the intersection of technological solutions and practices of everyday life // 29th International conference on informatics for environmental protection (EnviroInfo 2015). – Bridgeport: Atlantis Press, 2015. – P. 317–324.
13. Shahrokni H., Årman L., Lazarevic D., Nilsson A., Brandt N. Implementing smart urban metabolism in the Stockholm Royal Seaport: smart city SRS // Journal of Industrial Ecology. – 2015. – Volume 19. – Issue 5. – P. 917–929.
14. Three key issues to tackle before smart cities become a reality. – URL: <https://www.information-age.com/three-key-issues-to-tackle-before-smart-cities-become-reality-18882/> (дата обращения: 20.09.2023).
15. Wicked problems of smart cities. – URL: <https://www.mdpi.com/2624-6511/2/4/31> (дата обращения: 20.09.2023).
16. World economic forum, cities and urbanization // Smart city planning must work for both private business and public citizens. – URL: <https://www.weforum.org/agenda/2022/11/smart-city-internet-infrastructure/> (дата обращения: 20.09.2023).
17. Key challenges of smart cities & how to overcome them. – URL: <https://ubidots.com/blog/the-key-challenges-for-smart-cities/> (дата обращения: 20.09.2023).
18. Gudra un droša pilsēta – Jelgava. – URL: <https://smartcity.lv/gudra-un-drosa-pilseta-jelgava/> (дата обращения: 20.09.2023).
19. Экспертно-аналитический доклад: «Приоритетные направления внедрения технологий умного города в российских городах. Пространственное развитие». – URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/bdc/bdc711b002e9651fb2763d98c7f7daa6.pdf> (дата обращения: 20.09.2023).

РОЛЬ ТОРОВ И ОЭЗОВ В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Макаров Михаил Александрович

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье – с опорой на работы российских исследователей – уточняется суть инновационной экономики, раскрывается роль ТОРов и ОЭЗов в ее формировании в регионах Российской Федерации, механизмы, специфика и противоречия их влияния на данный процесс.

Ключевые слова: инновационная экономика, территории опережающего развития, особые экономические зоны.

В ситуации глобальных вызовов, с которыми столкнулась Россия, важным является нахождение резервов повышения инновационности ее экономики. Значимой составляющей движения в данном направлении призвано стать развитие созданных в РФ особых экономических зон (ОЭЗов) и Территорий опережающего развития (ТОРов). Цель данной статьи –

определить роль ТОРов и ОЭЗов в становлении и совершенствовании инновационной экономики регионов.

Прежде всего, обозначим, однако, суть самого термина «инновационная экономика», тем более что в отечественной науке не сложилось четкого и единого его понимания. Среди выделяемых исследователями (в первую очередь Ю.А. Корчагиным [1] и др.) характеристик такого рода экономики ведущими являются следующие:

- высокая доля предприятий, выпускающих инновационную (в том числе высокотехнологичную) продукцию;
- избыточность инноваций;
- высокие требования к квалификации работников и соответственно повышающийся уровень их образования и компетентности [2], рост значимости научно-исследовательских групп на производстве и в учреждениях образования; «капитализация человеческого фактора» [3, с. 3];
- наличие благоприятных условий для развития в стране/регионе предпринимательства;
- инициация новых рынков и их разнообразие [1, с. 403];
- действие принципа замещения капитала, когда на разных этапах создания и движения инновационного продукта сменяют друг друга различные инвесторы – начиная от государственных и заканчивая представителями малого, среднего и крупного бизнеса;
- создание инновационной инфраструктуры, обеспечивающей организационно-производственную адаптивность.

В данной статье – с опорой на работы экономистов и на самостоятельное изучение законодательных документов – представим *динамику формирования в России ОЭЗов, ТОРов (ТОСЭРов) и их место в инновационном развитии регионов Российской Федерации*. Они должны способствовать:

- созданию льготных и одновременно конкурентных условий для расширения бизнеса;
- возникновению в субъектах РФ новых точек роста, стимулируя тем самым пространственное развитие страны.

И те, и другие демонстрируют внедрение в отечественную экономическую практику *современных управленческих технологий*, которые по-разному проявили себя в мире. В одних случаях подобные попытки обернулись неудачей и даже провалом. В других – как, например, в Сингапуре или Китае – стали мощным толчком для дальнейшего прогресса экономики [4, с. 4]. Обобщая работы отечественных ученых, представим далее специфику применения и развития данных технологий в российских регионах.

Своеобразным предшественником ОЭЗов выступили в нашей стране так называемые свободные экономические зоны – СЭЗы. Они появились в 1990-е гг., когда ни законодательство, ни регулирующие деятельность таких зон механизмы и принципы, не были разработаны. Поэтому на тот момент ожидаемого повышения инновационной активности в результате их возникновения не произошло, а резиденты просто имели возможность использовать налоговые послабления в своих целях. Это стало причиной определения рядом российских ученых такого рода опыта как «неудачный» [5, с. 92–93].

22 июля 2005 г. был принят закон РФ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (№ 116-ФЗ) [6]. Статьей 3 Закона специально прописывается, что эти зоны «создаются в целях развития обрабатывающих отраслей экономики, высокотехнологичных отраслей экономики, развития туризма, санаторно-курортной сферы, портовой и транспортной инфраструктур, разработки технологий и коммерциализации их результатов, производства новых видов продукции». Тем самым, подчеркивается, в том числе, направленность ОЭЗов на становление высокотехнологичных производств и создание новых продуктов.

Согласно данному закону на территории страны могут создаваться особые экономические зоны четырех типов (Статья 4, п. 1):

- промышленно-производственного;
- технико-внедренческого;
- туристско-рекреационного типа;

– портовые ОЭЗы.

Важно, что на этот раз в документе были четко прописаны условия прекращения деятельности таких экономических зон (Статья 6) в случае, если реально на данной территории не происходит производственной активности.

Федеральным законом «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» от 29 декабря 2014 г. (№ 473-ФЗ) [7] ознаменовано появление в стране новой формы регуляции и активизации производственного процесса в регионах – в основном на тех их территориях, которые нуждаются в особой поддержке со стороны государства. В частности, такими территориями выступают моногорода. С возникновением ТОСЭров в них создаются льготные налоговые условия и условия по аренде земли, определяются правовые и экономические правила деятельности резидентов. Как результат, за восьмилетний период ТОСЭРы в целом показали свою продуктивность. Данный тезис подтверждает уже то, что: во-первых, на начало 2019 г. таких ТОСЭРов стало в Российской Федерации уже 99; во-вторых, сами регионы теперь стараются подать в федеральный центр заявки на их организацию.

Специфика ТОСЭров заключается в том, что они создаются специально для привлечения инвестиций на территории, особо в них нуждающиеся. В результате их создания происходит оживление экономики и предпринимательской активности населения. А предпринимательство в свою очередь выступает одной из основ и условий инновационного развития. Важно и то, что появление ТОСЭров обычно сопровождается повышением в соответствующих населенных пунктах качества жизни, что становится не только показателем, но и дополнительным стимулом роста инновационности экономики города, региона.

И все же на практике имеют место и противоречия. Во-первых, многие резиденты ТОСЭРов выстраивают свою деятельность преимущественно вокруг производства, связанного с неглубокой (первоначальной) переработкой сырья с целью его дальнейшей отправки на экспорт. Во-вторых, авторы исследований, как и руководители ряда градообразующих предприятий моногородов, отмечают складывающееся (в связи с их появлением на территории) неравенство резидентов и нерезидентов. Поскольку на последних, соответственно, падает вся тяжесть налогового бремени. И все же в целом это не снижает значимости и эффективности данной формы организации производственной деятельности и ее вклада в развитие экономики территории, в привлечение в нее инвестиций, а также в повышение уровня и качества жизни населения.

Некоторые ученые концентрируют внимание на отдельных аспектах проблемы роли ОЭЗов [8] и ТОСЭРов [9], собственно, в развитии инновационной экономики. Так Е.В. Сумина [9], делает акцент на *методологии и механизмах управления деятельностью территорий опережающего развития*, отмечая недостаточное использование потенциала модели ТОРов в повышении инновационности регионов. Она предлагает собственные методы и инструментарий совершенствования этого управления – с опорой на использование преимуществ субъектов РФ. То есть, она подчеркивает важность дальнейшей технологической специализации ТОРов, создаваемых на конкретных территориях. Ею также определяются составляющие преимуществ такого рода форм организации экономической деятельности, среди которых:

- создаваемый в ТОСЭРах высокий уровень концентрации инновационной инфраструктуры;
- насыщение территории объектами инновационной деятельности – что стимулирует их взаимодействие и формирование кластерных кооперативных связей;
- сосредоточение на ней кадрового потенциала с высоким уровнем компетенций в научно-технологической, предпринимательской, управленческой сферах.

В связи с этим Е.В. Суминой делаются выводы о важности соблюдения следующих принципов управления инновационной деятельностью ТОСЭРов:

- ориентир на опережающее развитие;
- организация взаимовыгодного сотрудничества резидентов при выборе направлений инновационного и технологического роста;

- установка на создание и внедрение новейших продуктов, которые способны обеспечить технологическую трансформацию территории и региона в целом;
- ориентация на высокий уровень компетенции участников ТОРов, начиная от специалистов в области научно-технических разработок, предпринимателей и кончая управленцами.

На основе теории управления знанием автор также разрабатывает «механизм управления инновационной деятельностью» ТОСЭРов. Он сочетает организационно-административные и экономические методы, которые дополняются мерами государственной поддержки такого рода функций территорий опережающего социально-экономического развития.

Итак, важной движущей силой инновационного развития в РФ выступили в последние годы особые экономические зоны (ОЭЗы) и в особенности территории опережающего экономического роста (ТОРы или ТОСЭРы). При этом специфика ОЭЗов в том, что они направлены непосредственно на становление высокотехнологических производств, а ТОСЭРы создаются на проблемных по ряду параметров территориях страны с тем, чтобы сформировать в них новые точки роста и способствовать повышению качества жизни населения. Большинство российских авторов в конечном счете сходятся в позитивной оценке роли ТОСЭРов в инновационном процессе, отмечая способствующую этому концентрацию в них инновационной инфраструктуры, кадрового потенциала с высоким уровнем компетенций, становление кластерных кооперативных связей, а также влияние управленческих механизмов стимулирования инновационной деятельности субъектов экономического развития. Все это не отменяет, однако, противоречий, возникающих в ходе реализации данного проекта.

Литература

1. Корчагин Ю.А. Современная экономика России. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 543 с.
2. Курегян С.В., Елкина О.С., Елкин С.Е. Инновационная экономика и экономика инноваций // Экономическая наука сегодня. – 2018. – № 3. – С. 100–107.
3. Саксельцев И.Г. Человеческий потенциал современного российского общества (социологический анализ): автореф. дис. ... канд. соц. Наук / И.Г. Саксельцев. – Саратов, 2006. – 20 с.
4. Зельднер А.Г. Территории опережающего развития: состояние и стимулы привлечения инвестиций // Вопросы экономики и права. – 2016. – № 6. – С. 3–9.
5. Рубцов Г.Г., Литвиненко А.Н. Территории опережающего социально-экономического развития в системе свободных экономических зон РФ: реалии и перспективы // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». – 2019. – № 2. – С. 91–97.
6. Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». – URL: <https://base.garant.ru/12141177/> (дата обращения: 26.09.2023).
7. Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). – URL: <https://base.garant.ru/70831204/> (дата обращения: 26.09.2023).
8. Клим И.В. Роль особых экономических зон в инновационном развитии мировой и российской экономики: автореф. дис. ... канд. экон. наук / И.В. Клим. – М., 2010. – 24 с.
9. Сумина Е.В. Методология и инструментарий управления инновационной деятельностью территорий опережающего развития: автореф. дис... доктора экон. наук / Е.В. Сумина. – Красноярск, 2022. – 45 с.

ИСТОРИЯ И КРИТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

**Насибулина Алия Сердаровна,
Межведилова Сабина Арифовна**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматривается история возникновения и развития Государственно-частного партнерства (ГЧП). Проанализированы основные формы ГЧП, их преимущества и недостатки, а также критика, которую этот механизм партнерства получил со стороны общественности и экспертов.

Ключевые слова: Государственно-частное партнерство, история, преимущества, недостатки.

Государственно-частное партнерство (ГЧП) — это сотрудничество между государством и частным сектором в реализации определенных проектов. Оно представляет собой механизм, который позволяет государству и коммерческим организациям объединить усилия, опыт и ресурсы для достижения общих целей. Данное сотрудничество выражается в концессионном соглашении, партнерстве по проектам, финансовых инструментах, в том числе в облигациях. ГЧП является одним из наиболее широко распространенных способов взаимодействия в мире, который применяется в различных отраслях экономики. Однако нужно понимать, что на практике ГЧП сталкивается с большим количеством препятствий, которые необходимо предвидеть и эффективно устранять для получения положительных результатов от партнерства.

История ГЧП начинается с США, где в начале 20-го века были представлены первые проекты по строительству дорог, в рамках которых частные компании объединились с государством ради воплощения проектов. Несмотря на это, ГЧП стало широко распространяться только в 80-е годы предыдущего столетия, тогда многие страны столкнулись с ограничением финансирования государственных проектов, что привело их к потребности в привлечении частного капитала.

Начало истории развития ГЧП в России связано со временем, когда страна стояла на пороге экономических реформ. В 1990-х годах государство принимало законы, открывающие потенциал для сотрудничества государства и делового сектора в различных сферах экономики. Одним из первых проектов ГЧП в России стала совместная деятельность в секторе энергетики и связи. Позже в 1993 году было подписано первое соглашение об участии государства и частного сектора в строительстве и эксплуатации сетей связи. Вслед за этим в 1995 году было создано первое концессионное общество под названием «Санкт-Петербургский аэропорт», которое было образовано для того, чтобы управлять аэропортом «Пулково».

Одним из ключевых моментов, обеспечивающих успешное существование ГЧП в России, стало принятие в 2015 году Федерального закона "О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации", который регулирует отношения между государством и деловым сектором при реализации программ ГЧП. В настоящее время ГЧП в России продолжает развиваться не менее активно, чем в прошлом. Оно с успехом реализуется в различных отраслях экономики, что подтверждается многими крупными проектами, включая строительство Центра высокоскоростного сообщения «Сколково-Шереметьево».

В наши дни ГЧП широко используется в различных отраслях экономики, таких как транспорт, энергетика, здравоохранение, образование, культура и т. д. Серьезными преимуществами в выборе ГЧП являются: увеличение эффективности проектов, ускорение их реализации, улучшение качества предоставляемых услуг и снижение затрат на их создание. Кроме того, ГЧП является возможностью более эффективного использования ресурсов так, как государство часто не обладает достаточными финансами, ресурсами и опытом для вы-

полнения крупных проектов, а частные компании могут предоставить необходимые ресурсы и экспертизу. В свою очередь, государство предоставляет частным компаниям доступ к новым рынкам и проектам, которые становятся дополнительным источником доходов.

Конечно, помимо очевидных достоинств ГЧП обладает и рядом недостатков, а также не редко бывает подвержено критике со стороны общественности и экспертов. Одна из основных отрицательных черт ГЧП выражена в повышенном риске, которому подвержен частный сектор, особенно в ситуациях, когда проект не оправдывает ожиданий и требует дополнительных вложений. Кроме того, минусы сотрудничества могут всплыть позже и проявляться в ухудшении качества услуг, снижении их доступности для населения.

Одной из форм ГЧП является концессионное соглашение, которое представляет собой договор между государством и частной компанией о предоставлении последней права осуществления определенного вида деятельности на определенный срок. Например, концессионное соглашение может заключаться на строительство и эксплуатацию дорог, аэропортов, энергетических объектов и т. д. Как основное преимущество концессионных соглашений выделяют возможность привлечения частного капитала для реализации крупных инфраструктурных проектов, а вот серьезным недостатком становится длительный срок, на который чаще всего заключаются такие проекты. Он может достигать 30–50 лет, что означает, что государство теряет контроль над деятельностью в данной сфере на длительный период времени. Во-вторых, такой вид сотрудничества может привести к монополизации рынка, что и становится причиной ухудшения качества услуг для населения. В-третьих, требуется строгий контроль со стороны государства, чтобы избежать коррупции и неэффективного использования бюджетных средств.

Ещё одной проблемой ГЧП может стать несоответствие интересов государства и частных компаний. Например, частные компании могут стремиться получить максимальную прибыль, тогда как интересы государства могут заключаться в обеспечении доступности и качественных услуг для населения. Поэтому, для успешной реализации проектов ГЧП, важно соблюдать баланс между интересами государства и частного сектора.

Ввиду возможности возникновения подобных проблем во время реализации сотрудничества некоторые эксперты говорят о том, что ГЧП является неэффективным механизмом сотрудничества. Этот довод подкреплен и рядом таких причин, как использование частными компаниями их экономического и политического веса, ради получения выгодных условий. Кроме того, некоторые эксперты утверждают, что ГЧП неэффективно использует налоговые средства, так как государство часто предоставляет частным компаниям слишком большие льготы и субсидии, которые не всегда оправдываются реальными результатами проектов.

Несмотря на всё это, ГЧП до сих пор продолжает стабильно развиваться, активно применяясь во многих странах мира. Однако, его эффективное применение требует составления четких правил и последующего их соблюдения, а также строгого контроля со стороны государства.

Таблица 1

Недостатки ГЧП и пути их преодоления

Недостатки ГЧП	Меры по их предотвращению
Риск монополизации рынка и ограничения конкуренции, связанный с реализацией проектов ГЧП	Введение механизмов ограничения монополизации рынка и поддержки конкуренции в проектах ГЧП. Например, установление квот на долю рынка, разработка мер по обеспечению свободного доступа к средствам производства, установление системы контроля за действиями участников рынка, проведение антимонопольной политики

Недостатки ГЧП	Меры по их предотвращению
Несправедливое распределение доходов и неравенство в сфере доступа к услугам	Введение механизмов социальной ответственности корпораций и обеспечения социальной справедливости. Например, установление МРОТ и других социальных гарантий, введение механизмов контроля за соответствием проектов ГЧП социальным целям и потребностям населения
ГЧП затрудняет контроль со стороны государственных структур и экономическую прозрачность	Установление механизмов контроля и прозрачности деятельности ГЧП. Например, установление механизмов публичной отчетности о деятельности ГЧП, усиление роли государства в контроле деятельности ГЧП, введение механизмов аудита и мониторинга деятельности ГЧП
Проблемы, возникающие в случае, если частный финансист отказывается от финансирования проекта	Разработка механизмов обеспечения финансовой устойчивости проектов ГЧП и снижение рисков на этапе финансирования. Например, проведение дополнительного мониторинга финансового состояния партнера, использование гарантийного фонда для обеспечения финансовой устойчивости проекта
В условиях неудачных партнерских отношений или низкой эффективности, проекты ГЧП могут стать не рентабельными и привести к потерям для обоих партнеров	Разработка механизмов оценки потенциальной эффективности и рентабельности проектов ГЧП на этапе их планирования и реализации. Например, проведение анализа рынка и разработка оптимальной стратегии партнерства, введение механизмов контроля прогресса проекта и его эффекта на окружающую среду и население
ГЧП организованы без должной прозрачности, эффективности и контроля, ввиду чего статус ГЧП становится механизмом уклонения от налогов и скрытой собственности	Продвижение механизмов прозрачности и наблюдения за деятельностью ГЧП. Например, проведение прозрачных тендерных процедур и открытых конкурсов на выбор партнеров, введение механизмов мониторинга за налоговыми платежами и деятельностью ГЧП, установление механизмов правового контроля за статусом ГЧП и их собственностью

В заключение ГЧП — это сложный и многогранный механизм, который требует строгого контроля и соблюдения принципов конкуренции и прозрачности для обеспечения максимальной эффективности. Несмотря на то, что ГЧП имеет свои недостатки и критику, он продолжает оставаться одним из наиболее популярных механизмов сотрудничества в различных отраслях экономики.

Литература

1. Абдуллаева А.С., Шагеева Г.Р. Совершенствование механизмов государственно-частного партнерства при реализации инфраструктуры на базе платформенной экономики // Russian Economic Bulletin. – 2023. – Т. 6. – № 2. – С. 277–281.

2. *Шагеева Г.Р., Абдуллаева А.С.* Институты поддержки и формы государственно-частного партнерства в Российской Федерации: современное состояние // Наука Красноярья. – 2023. – Т. 12. – № 1. – С. 21–39.
3. *Мирзоев Р.И.* Государственно-частное партнерство: теория и практика. – М.: Юрайт, 2016. – 284 с.
4. *Чернова Е.В.* Государственно-частное партнерство: проблемы и перспективы развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2018. – № 25 (2). – С. 216–225.

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Панасюк Михаил Валентинович

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В работе дается определение городского пространства, рассматриваются его основные элементы. Предлагается трактовка понятия пространственного развития города как процесса эволюции пространственной организации территориальной общности населения. Обосновывается роль городской агломерации как перспективного объекта пространственного развития. Рассматривается влияние процессов цифровизации общества на пространственное развитие города, анализируются возможности использования геоинформационных технологий и пространственных данных в стратегическом планировании пространственного развития. Приводится перечень основных проблем пространственного развития города, для решения которого могут быть использованы цифровые технологии.

Ключевые слова: городское пространство, пространственное развитие, цифровая трансформация общества, цифровые технологии и пространственное развитие города

Городское пространство представляет собой часть географического пространства, являющегося формой существования пространственных (географических) объектов и явлений в пределах ойкумены. Оно возникает как единство городских пространственных объектов и территориальной общности населения города (городского социума). Пространственные объекты города, являющиеся частью его территории, включают природные, искусственные и иные объекты, местоположение которых является основой их системообразующих связей. Они характеризуются пространственными координатами, отражающими их положение в городском пространстве.

Элементами городского пространства и объектами территориального планирования и пространственного развития города являются внутригородская территория и место.

Термин «территория» является одним из центральных в решении задач пространственного развития и в общем плане определяется как наименование любой части поверхности суши. В советской и российской научной литературе понятие территории часто используется как синоним понятия пространства. Территория играет роль пространственной основы жизни жителя города и городской общности населения в целом. Она характеризуется строгой позиционностью (включая координатную привязку) и наличием системы функций, отражающих основные аспекты деятельности населения в ее пределах.

Место также является частью городского пространства, где могут находиться, проживать и/или вести различные виды деятельности жители города. В отличие от территории понимание места соотносится преимущественно с восприятием части пространства, которая может не иметь строгой координатной привязки, характеризуясь общим представлением о местоположении и выраженной функцией.

Главная с точки зрения пространственного развития особенность городского пространства заключается в его выраженной неоднородности, что проявляется в дифференциации

функций территорий и мест внутри города. Происходит усиление дифференциации городского пространства [3] при концентрации большей части функций в пределах небольшой части территорий города, что свидетельствует о прогрессирующем росте его неоднородности.

Пространственное развитие, представляя собой процесс видоизменения, эволюции территориальной организации общества, включает развитие расселения и территориальной организации экономики. В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года под термином «пространственное развитие» понимается совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития [1].

Пространственное развитие города представляет собой объективный процесс эволюции пространственной организации его территориальной общности населения. Оно осуществляется на основе целенаправленной деятельности по изменению организации городского пространства, сопровождающейся, как правило, усложнением его структуры и системы функций. Главной целью пространственного развития города является создание комфортного для проживания и ведения различных видов деятельности пространства, эффективность которого измеряется характеристиками плотности, доступности, связности, коммуникативности, однородности/неоднородности и др.

Проблемы стратегического планирования пространственного развития городских территорий в настоящее время находятся в начальной стадии решения, что, в частности, проявляется в практическом отсутствии подобных стратегий как отдельных документов, а не разделов стратегий социально-экономического развития. Это, в том числе, препятствует выбору долгосрочных управленческих решений по повышению качества городской среды, включая разработку оптимального варианта развития и размещения производительных сил, создание эффективной системы транспортных коммуникаций, развитие городской экосистемы, системы общественных пространств и др.

Развитие городов в условиях современных процессов урбанизации ведет к их укрупнению и возникновению городских агломераций, в рамках территорий которых разрабатываются и осуществляются ряд стратегических решений по пространственному развитию городских округов. По определению Г.М. Лаппо агломерацией является «... компактная территориальная группировка городских и сельских поселений, объединенных в динамичную систему многообразными связями» [9, с. 6]. Агломерации являются основой структуры сетей расселения развитых стран, играя главную роль в их экономике и являясь центрами управления пространством и концентрации экономического потенциала территории страны [7, 10]. Управление процессами их формирования и развития становится ключевым направлением пространственного развития территорий стран и регионов, позволяющим решать задачи повышения качества жизни населения, повышения конкурентоспособности территорий, оптимизации территориальной организации производительных сил, систем расселения и др., что, в частности, отражается в основных положениях современной Стратегии пространственного развития Российской Федерации [1].

Цифровизация общества в основном заключается во внедрении цифровых технологий в различные сферы его жизни, включая экономику, науку, образование, здравоохранение и государственное управление [2]. Основным преимуществом применения цифровых технологий в решении задач развития территорий являются их главные отличительные особенности, включая [4–6]:

- высокую скорость сбора, хранения и обработки цифровых данных при сохранении их точности;
- высокую скорость поиска релевантной информации по заданным критериям с соблюдением стандарта информационной безопасности;
- адаптивность цифровых технологий в работе с широким диапазоном типов информации по запросу пользователей;
- возможность построения многоуровневых сетевых компьютерных систем управления, обеспечивающих обмен данными между цифровыми устройствами и др.

Цифровая трансформация в контексте пространственного развития городов и городских агломераций основывается на расширении применения геоинформационных технологий в сферах городского планирования и управления развитием города. Эти технологии основаны на цифровой трансформации, цифровом формате пространственных данных, содержащих сведения о местоположении и свойствах пространственных объектов. Ключевым звеном цифровизации пространственного развития должны стать муниципальные геоинформационные системы, обеспечивающие сбор, хранение и обработку пространственных данных, предоставляя развитый инструментарий, информационное и технологическое обеспечение решения задач управления развитием города.

Переход на цифровые пространственные данные и геоинформационные технологии позволит существенно продвинуться в решении ряда проблем стратегического планирования пространственного развития городов и управления их развитием. На начальном уровне они включают проблемы обеспечения пространственными данными, в т. ч.:

- системности, точности и детальности картографического обеспечения принятия решений;
- несоответствия сведений о границах земельных участков;
- различий в содержании позиций ведомственных документов, касающихся одного и того же вопроса получения и использования пространственных данных, их слабая взаимосвязь;
- недостаточности сведений о состоянии и качестве городской среды и др.

Процессы цифровизации общества позволяют на новом уровне решать сложные стратегические проблемы социально-экономического и пространственного развития городов и городских агломераций за счет:

- повышения качества жизни на основе роста производительности труда, что способствует увеличению объемов производства, росту валового территориального продукта и среднедушевых денежных доходов населения;
- повышения качества человеческого капитала на основе ускорения развития систем образования и здравоохранения в рамках их цифровизации;
- совершенствования городской инфраструктуры, улучшение ее функционирования, приводящие к созданию лучшей среды жизнедеятельности населения, увеличению возможностей удовлетворения личных потребностей;
- улучшения инвестиционного и предпринимательского климата, роста инвестиционной привлекательности территорий города и городской агломерации на основе развития цифровых технологий в экономике и управлении;
- улучшения качества бытового обслуживания населения и сферы производственных услуг за счет повышения качества и ускорения обработки данных;
- повышение эффективности системы муниципального управления в плане решения задач развития города на основе применения цифровых, в том числе геоинформационных, технологий и систем и т. д.

Следует учесть, что цифровизация общества, формируя в основном сильные стороны внутренней и благоприятные возможности внешней среды города и городской агломерации, в определенных ситуациях может привести к появлению угроз и вызовов пространственному развитию. Они включают рост социальной дифференциации по возможностям получения и использования информации, проблемы информационной безопасности, обеспечения конфиденциальности, целостности, доступности данных [8]. Их необходимо учитывать при планировании пространственного развития города, проводя оценку соответствующих рисков и разрабатывая меры по защите от возможных угроз.

Литература

1. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. – URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 19.10.2023).

2. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002> (дата обращения: 20.10.2023).
3. *Махрова А.Г.* География, градостроительство, архитектура: синтез наук и практик / отв. ред. А.Г. Махрова. – Смоленск: Ойкумена, 2013. – 296 с.
4. *Главацкий В.Б., Ковалева Е.Б.* Инновационная деятельность как основа стратегического развития пространственно-отраслевой структуры региона // *Управленческий учет*. – 2021. – № 5-1. – С. 181–187.
5. *Глезман Л.В.* Приоритеты пространственно-отраслевого развития регионов в условиях цифровизации экономики // *Вопросы инновационной экономики*. – 2021. – Т. 11. – № 2. – С. 581–596.
6. *Зверева А.А., Беляева Ж.С., Сохаг К.* Влияние цифровизации экономики на благосостояние в развитых и развивающихся странах // *Экономика региона*. – 2019. – Т. 15. – № 4. – С. 1050–1062.
7. *Мавлютов Р.Р.* Пространственное развитие крупных городов России в период постиндустриального перехода. – Волгоград: ВолгГАСУ, 2015. – 161 с.
8. *Макарова О.С., Притыко Е.А.* Особенности пространственного развития территорий в условиях цифровизации // *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. – 2023. – № 3 (75). – № 7502.
9. *Лаппо Г.М.* Городские агломерации СССР – России: особенности динамики в XX веке // *Удобное пространство для города. Российское экспертное обозрение*. – 2007. – № 4-5. – С. 6–9.
10. *Любовный В.Я.* Проблемы развития агломераций в России. – М.: Изд-во Красанд, 2009. – 188 с.

ГЕОИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СИСТЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

**Пудовик Елена Михайловна,
Безменов Владимир Михайлович,
Панасюк Михаил Валентинович,
Сабирзянов Алмаз Мансурович**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы разработки геоинформационного обеспечения для решения задач управления регионом. Показаны возможности региональной геоинформационной системы как основного звена геоинформационного обеспечения разработки и реализации управленческих решений, основанных на обработке пространственных данных. Дается характеристика целей и задач разработки региональной геоинформационной системы, ожидаемого социального и экономического эффекта от ее применения в практике регионального управления.

Ключевые слова: геоинформационное обеспечение, пространственные данные, региональные геоинформационные системы, система регионального управления

Повышение эффективности работы органов регионального управления во многом зависит от качества и оперативности предоставления информации о состоянии и тенденциях развития территориальной системы. Решение проблем информационного обеспечения регионального и муниципального управления в настоящее время во многом обусловлено развивающимися информационными технологиями, компьютерными информационными системами. Особую роль в этом процессе играют геоинформационные технологии, ядром которых являются геоинформационные системы (ГИС). В настоящее время они используются на всех

уровнях территориальной иерархии государственного управления – федеральном, региональном и муниципальном, различающиеся масштабами территории, объемами и сложностью информации, необходимой для организации управления.

Геоинформационная система, включая технические и программные средства, технологическое, организационно-методическое и информационное обеспечение, предназначенное для сбора, хранения, обработки и отображения пространственных данных [3], в перспективе является хранилищем системы знаний о пространственных объектах и явлениях, которые интегрируют фактографическую и процедурную части знаний, позволяя выполнять функции интерпретации и анализа пространственной информации для целей выбора оптимальных управленческих решений.

Современные ГИС предоставляют возможности развитого информационного обеспечения процесса управления в контексте работы с пространственными данными, создавая объективную основу для особого типа инструментария для решения управленческих задач – геоинформационного обеспечения систем государственного и муниципального управления. Геоинформационное обеспечение органов государственного и муниципального управления России в настоящее время представлено совокупностью независимых и не объединённых в одну структуру систем [5], что требует их вертикальной систематизации и интеграции на общенациональном уровне.

Фундамент развития системы геоинформационного обеспечения государственного и муниципального управления формируют положения Федерального закона «О геодезии, картографии и пространственных данных и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2015 г. № 431-ФЗ и постановления Правительства Российской Федерации от 01.12.2021 № 2148 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Национальная система пространственных данных» [1, 2], в которых определяются понятия пространственного объекта и пространственных данных, изложены главные особенности структуры и функций Национальной системы пространственных данных (НСПД), программа ее реализации.

Функции НСПД, включающие поиск, сбор, создание, хранение, обработку, предоставление и распространение пространственных данных; ведение государственных и иных информационных ресурсов; информационное взаимодействие, включая обмен сведениями государственных и иных информационных систем, государственных и иных информационных ресурсов; предоставление государственных и муниципальных услуг, связанных с использованием пространственных данных и др. [1], позволяют значительно расширить возможности сбора, хранения и обработки пространственной информации, используемой в процессе управления регионом и муниципальным образованием.

Геоинформационное обеспечение системы регионального управления представляет собой комплекс современных технических, программных, информационных и организационных средств и технологий, применение которых обеспечивает необходимый потенциал эффективного управления территориальной системой региона. Его ядром являются региональная и связанные с ней муниципальные ГИС.

Региональная ГИС относится к классу геоинформационных систем органов государственной власти (ГИС ОГВ), являясь особым типом ГИС по признакам пространственного охвата, проблемной ориентации и уровня управления. Она включает систему баз пространственных данных по территории субъекта Российской Федерации, его муниципальных образований, а также природных и экономических районов.

Основным назначением региональной геоинформационной системы (РГИС) является повышение эффективности и качества управленческих решений, создание информационной базы мониторинга кризисных и чрезвычайных ситуаций [4].

РГИС разрабатывается в целях обеспечения сбора, ведения, актуализации и обработки информации в электронном виде, необходимой для принятия управленческих решений в области пространственного и социально-экономического развития региона, анализа и прогнозирования его состояния. Она представляет собой совокупность геодезических, картографи-

ческих, топографических, гидрографических, аэро-, космосъемочных материалов и данных, а также атрибутивных данных, полученных в результате осуществления геодезических, картографических и геоинформационных работ, организованных органами исполнительной власти региона, органами местного самоуправления и подведомственными им государственными и муниципальными учреждениями и другими юридическими лицами.

Главной целью развития геоинформационного обеспечения регионального управления на базе РГИС является создание цифровой среды и инструментария, создающих возможности использования пространственных данных органами управления, предприятиями и организациями различных ведомств в целях решения задач оперативного анализа, мониторинга, территориального планирования и прогнозирования, а также организации эффективного документооборота в сфере работы с пространственными данными.

В этом плане РГИС позволяет обеспечить:

- повышение качества и эффективности управленческих решений органов государственного и муниципального управления и органов местного самоуправления в рамках решения ведомственных и межведомственных задач в области пространственного развития на основе цифровых пространственных данных;
- совершенствование межведомственного взаимодействия в регионе для решения задач, требующих комплексного анализа пространственных данных территории региона;
- повышение инвестиционной привлекательности региона за счет предоставления актуальных и достоверных пространственных данных и метаданных, сведений о пространственных объектах, находящихся на его территории, высокого качества пространственных данных;
- оперативное распространение и предоставление пространственных данных и метаданных, сведений о состоянии и динамики пространственных объектов, находящихся на территории региона, из единого источника.

В настоящее время Республика Татарстан, в отличие от других субъектов РФ, не располагает единой региональной геоинформационной системой, способствующей решению ряда острых проблем цифровизации и геоинформационного обеспечения работы органов государственной власти и местного самоуправления, предприятий и организаций на основе единой РГИС.

В разработанном авторами проекте РГИС Республики Татарстан региональная ГИС создается и будет развиваться на серверных ресурсах, к которым будут иметь доступ по высокоскоростным и защищенным каналам связи региональные органы государственной власти и местного самоуправления. В рамках создания РГИС предусматривается:

- разработка и реализация программного обеспечения и информационной основы (цифровая картографическая основа, базы данных) РГИС на основе интеграции ведомственных и оперативных пространственных данных;
- создание методической базы и пакета программ анализа пространственных данных, расширяющего базовые функции РГИС Республики Татарстан, направленные на повышение качества и оперативности управленческих решений;
- разработка проекта и создание подсистемы РГИС Республики Татарстан по обеспечению оперативного доступа к документации по Национальной системе пространственных данных, Единому государственному реестру налогоплательщиков, системе высокоточного позиционирования Республики Татарстан и по прочим нормативным документам в области национальной и региональных систем пространственных данных.

Предварительная оценка социальной и экономической эффективности РГИС Республики Татарстан показывает, что на ее основе достигается:

- увеличение оперативности удовлетворения запросов по получению пространственных данных в 10–15 раз;
- увеличение скорости документооборота в сфере пространственных данных в 5–10 раз;
- повышение комплексности предоставляемых по запросам юридических и физических лиц пространственных данных;

– создание базовых условий, обеспечивающих свободный доступ республиканских органов исполнительной власти, органов местного самоуправления Республики Татарстан, организаций и граждан к открытым пространственным данным.

– общее сокращение себестоимости работ в сфере пространственных данных в 3–5 раз.

– рост оборота земель на 15–20 %, что эквивалентно увеличению доходов сельскохозяйственных предприятий на 25–30 млн рублей в год.

– повышение базы налогообложения по учету объектов недвижимости на 5–10 %.

– снижение затрат бюджетных средств за счёт исключения дублирования работ, а также ликвидации ремонтных работ при строительстве объектов инженерных коммуникаций и объектов инфраструктуры на 10–15 %.

Это свидетельствует о необходимости создания развитой системы геоинформационного обеспечения регионального и муниципального управления на основе современных технологий сбора, хранения, обработки и анализа пространственных данных, используемых для создания информационного инструментария и среды региональных геоинформационных систем.

Литература

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 01.12.2021 г. № 2148 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Национальная система пространственных данных"». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112070014> (дата обращения 20.10.2023).
2. Федеральный закон «О геодезии, картографии и пространственных данных и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2015 г. № 431-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191496/ (дата обращения 20.10.2023).
3. Биденко С.И., Якушев Д.И. Геоинформационные управляющие системы и технологии. – СПб: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2014. – 248 с.
4. Гришко А.К. Геоинформационные системы управления многоуровневыми пространственно-распределенными объектами / А.К. Гришко, С.А. Бростилов, М.В. Бойцова // Труды международного симпозиума «Надежность и качество». – 2018. – Т. 2. – С. 312–315.
5. Чернов И.В., Осипов Г.К. Концепция геоинформационного обеспечения // Информация и космос. – 2022. – № 3. – С. 120–124.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ СОВМЕСТНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

Усманов Инсаф Фанилевич

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В последние десятилетия экономика совместного потребления, также известная как экономика совместного использования или экономика платформ, стала значительной силой, преобразующей современную экономическую и социальную сферы. Этот тренд особенно заметен в городских средах, где высокая плотность населения, разнообразие потребностей и доступность новых информационно-коммуникационных технологий способствуют развитию и расширению практик совместного потребления.

Целью исследования является осмысление главных тенденций, факторов и преимуществ, связанных с проникновением и распространением этой экономической парадигмы в городских средах. В ходе исследования рассмотрено влияние экономики совместного потребления на организацию городской жизни, включая изменения в поведении потребителей, модели потребления, предпринимательской активности и социокультурной сфере. Исследо-

вана роль городов как катализаторов и активных участников в развитии экономики совместного потребления, а также возможности, проблемы и вызовы, с которыми они сталкиваются.

Ключевые слова. экономика совместного потребления, город, муниципальное образование, временный доступ.

Экономика совместного потребления – это современная тенденция XXI века, которая основана на применении новых технологий. Ее распространение по всему миру происходит с впечатляющей скоростью, переходя из цифрового пространства в физический городской мир [1]. Хотя в разных цивилизациях на протяжении веков наблюдались разные формы кооперации в производстве и потреблении товаров, в настоящее время совместное использование становится скорее удобством, чем механизмом выживания [2].

Сложность понимания экономики совместного потребления заключается в расхождении трактования терминов, которые используются для определения и описания данной экономики. Это расхождение может привести к упрощению, когда термины используются взаимозаменяемо, или к непониманию, когда компании могут обозначаться разными терминами в зависимости от характера их деятельности: совместное потребление [6]; коллаборативная экономика [7]; пиринговая экономика [8]; экономика замкнутого цикла [9]; экономика доступа [10] или гиг-экономика [11]. Термин «экономика совместного потребления» (ЭСП) стал очень широко использоваться как лучший термин, описывающий эту модель. Однако это не означает, что все обсуждения вокруг точного определения понятия прекратились.

Комментируя этот вопрос, Теффер утверждает, что «экономика совместного потребления» скорее общий термин, объединяющий различные аспекты, такие как «поведение, выгода, бизнес-модель, структура рынка и статус участия в процессе обмена» [12].

Хотя главной характеристикой экономики совместного использования является новая роль потребителей, чье поведение трансформируется от «обладания» к «использованию» в результате технического прогресса, проявляющегося в постоянно растущей цифровизации экономики [13]. Переход от «Поколения Я» к «Поколению Мы», для которого совместное использование, участие и сотрудничество становятся основополагающими ценностями, возможен благодаря наличию инфраструктуры для участия и «погружения» ее пользователей в инновационные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), в частности социальные сети и мобильные устройства [14].

Новое положение потребителей в экономике совместного потребления подчеркивается Френкенем и Шором, которые определяют данную экономику как «потребители, предоставляющие друг другу временный доступ к недоиспользуемым физическим активам (простаивающим мощностям), возможно, за деньги» [15]. Этот аспект подчеркивает и Сундарараджан, который видит одну из основных характеристик экономики совместного потребления в создании новых возможностей, связанных с обменом, начиная от обмена активами и навыками и заканчивая разделением времени и денег [13].

Экономика совместного потребления уже оказывает значительное влияние на социально-экономическую сферу крупных городов. Очевидно, что прагматический характер совместного использования, присущий человеческой природе, играет важную роль в этом процессе. Изменения, связанные с экономикой совместного потребления, проявляются в организации нашей повседневной жизни и формировании структуры городов [16].

Можно заметить, что именно крупные города являются главными реципиентами стартапов экономики совместного потребления, поскольку они создают благоприятные условия для их местного развития, что объясняется большей плотностью населения и интенсивностью социальных взаимодействий. Граждане не только создают повышенный спрос как отдельные индивидуумы и группы, но и проявляют разнообразные структурные потребности, что способствует развитию совместной деятельности. Города являются местами, где накапливаются ресурсы и где создается особая инновационная экономическая и социокультурная среда, которая стимулирует инновационную активность, включая совместную деятельность.

Города, как естественная среда для обмена, благоприятствуют этим процессам и в экономическом смысле, что отражается в поведении бизнеса. Совместные компании используют социально-экономические выгоды, предлагаемые городами, опираясь на различные категории ресурсов, сосредоточенных в городах. Это ресурсы в виде человеческого капитала, обладающего талантами и навыками, и хорошей инфраструктуры, включая ИКТ и научно-исследовательские и образовательные учреждения.

«Популярность смартфонов» в городах и «более низкая стоимость передачи данных» вместе с «высокой плотностью населения» являются решающими факторами для совместного использования городских ресурсов [17]. Города являются источником высокого потенциала спроса, что приводит к значительному увеличению общего спроса на практики совместного использования и расширению спектра потребностей. От продуктов питания и инструментов до автомобилей и жилья, все больше ресурсов используется в совместном режиме. Совместные компании имеют возможность стремительно расти в городах, благодаря достижению критической массы, которая легче достигается в плотно населенных районах и способствует успешным взаимодействиям и связям.

Города продолжают подвергаться влиянию экономики совместного использования, поскольку множество поставщиков услуг и производителей предлагают новые услуги с возможностью совместного доступа. Внедрение принципов совместного использования, особенно в виде пиринговой архитектуры, открывает новые перспективы для развития и роста таких услуг. Эта модель имеет важное значение для различных участников, так как она способствует дальнейшему развитию и может решать множество проблем [18].

Совместная экономика играет важную роль в создании устойчивых сообществ и городов благодаря тому, что ее основная идея идеально вписывается в три измерения устойчивых городов: экономика, окружающая среда и общество [20]. Экономика совместного потребления имеет потенциал для создания новых деловых предприятий и форм дохода. С экологической точки зрения совместное использование экономики помогает бороться с изменением климата за счет объединения ресурсов, которые в противном случае дублировали бы действия, изменяющие климат, например, совместное использование автомобилей. Наконец, с социальной точки зрения, экономика совместного потребления способствует созданию новых социальных связей и помогает в создании сообществ [23].

Городские власти, выступающие за развитие города, более содержательно вовлечены в конфликты, возникающие на городской арене. Во многих городах власти осознают, что новые пиринговые мероприятия имеют огромную социальную поддержку, поскольку возникает новый вид предпринимательства для различных групп людей, в результате чего граждане получают как заработок, так и сбережения денег, и новую форму социализации. Эта часть местного общества, которая в большей степени относится к более молодому поколению. Также должно приниматься во внимание мнение общества не только с точки зрения удовлетворения потребностей, что является основной целью развития города, но и с точки зрения права голоса тех, кто рассматривает экономику совместного потребления как вклад в улучшение жизни. Предпринимательский и цифровой характер экономики совместного использования представляет собой решающую силу для улучшения условий жизни многих граждан, включая группы людей, находящиеся в неблагоприятном положении [24]. Инклюзивный характер воздействия экономики совместного использования с социальной точки зрения ослабляется исключением других групп граждан, технологически не способных следовать правилам цифрового рынка шеринговых услуг.

Совместные компании меняют не только современную жизнь в городах, но и будущее городов, способствуя необратимым и революционным изменениям, и поэтому должны быть целенаправленно включены в модель развития умных городов. Тем не менее, влияние совместной экономики должно учитываться на местном уровне и регулироваться городскими властями, которые представляют «общие интересы города». Это необходимо для более высокой доступности ресурсов и улучшения условий жизни, для обеспечения экологически чистого, устойчивого, умного развития, связывающего все заинтересованные стороны города

и усиливающего участия общества в результате доступа к недостаточно используемым активам или услугам. Исследование показывает, что расширение услуг совместного использования, с присущей сложностью взаимодействий, превращает города в большее количество пространств для совместного использования с растущей одноранговой архитектурой.

Несмотря на то, что трудно предвидеть долгосрочные тенденции на рынке, вполне вероятно, что экономика совместного потребления будет наращивать свое экономическое воздействие в различных сегментах городского рынка и усиливать свое местное социальное влияние. Одно можно сказать наверняка: экономика совместного потребления находится на пути к преобразованию городов по всему миру. Это преобразование должно быть включено в стратегии городов и должно оставаться под постоянным наблюдением муниципальных органов власти.

Роль муниципалитетов в управлении экономикой совместного потребления становится все более важной для городской политики и планирования, поскольку при правильном управлении экономика совместного потребления может оказать преобразующее воздействие на города и их экономическое процветание, социальную жизнеспособность и качество окружающей среды. Совместная экономика может также продвигать более инновационные и совместные способы управления переходом к устойчивости городов, которые выходят за рамки традиционных подходов к регулированию управления. Учитывая быстрое развитие ЭСП, можно предполагать, что адаптация структур управления и нормативно-правовой базы важна для градостроителей и политиков. Муниципалитетам важно более активно и стратегически управлять экономикой совместного потребления, а не давать «разовые ответы каждой новой фирме экономики совместного потребления, которая нарушает существующие схемы регулирования».

Хотя очевидно, что муниципалитеты больше не могут игнорировать рост и последствия экономики совместного потребления [22], их механизмы управления еще недостаточно хорошо изучены, и «политика точечного реагирования не является наилучшей» [23].

Балкли и Кёрн определили различные роли муниципалитетов в экономике совместного потребления: самоуправление, управление на основе полномочий, управление на основе предоставления и управление на основе предоставления возможностей. Под самоуправлением понимается способность муниципалитетов управлять своей собственной деятельностью. Управление властью предполагает использование традиционных форм власти. Управление положением – это «формирование практики посредством предоставления определенных форм услуг и ресурсов». Управление через предоставление возможностей относится к роли муниципалитетов в «содействии, координации и поощрении действий посредством партнерства с агентствами частного и добровольного секторов, а также к различным формам участия сообщества». Управление через предоставление возможностей и самоуправление стали двумя наиболее распространенными способами, в то время как в целом произошел переход от прямого предоставления услуг к предоставлению возможностей в различных областях государственной политики.

Эти исследования вдохновили новые исследования муниципального управления в экономике совместного потребления. Одним из первых исследований по анализу ролей муниципального управления в экономике совместного потребления была работа Сулкаоски и Звольска. Они определили четыре основные роли, которые должен взять на себя муниципалитет при участии в экономике совместного потребления: «город как регулирующий орган, город как фактор реализации, город как поставщик и город как потребитель» [25].

Много примеров того, как муниципалитеты поддерживают бизнес-модели экономики совместного потребления путем предоставления услуг, но они также могут намеренно или ненамеренно игнорировать предпринимателей. Муниципалитеты могут отказать им в финансовых ресурсах или прекратить поддержку существующей инфраструктуры. Например, в Берлине, Лондоне и Торонто муниципалитеты в основном предоставляют помещения или инфраструктуру предпринимателям поисковых систем, в то время как предоставление финансирования или данных происходит намного реже.

Муниципалитеты могут развивать и укреплять свою роль посредством режима управления и другими способами. Например, они могут решить субсидировать расходы на аренду своих помещений, в которых они размещают стартапы экономики совместного потребления, которые апробируют или тестируют новые концепции. Муниципалитеты также могут искать способы наложить требования на владельцев собственности или вести с ними переговоры о способах планирования инициатив совместного использования экономики на первых этажах новых домов, что изучают Гетеборг и Амстердам. Другой способ взаимодействия муниципалитетов с оптимизаторами поисковых систем — предоставление цифровой инфраструктуры, например, путем предоставления бесплатного беспроводного доступа в Интернет в общественных местах, что позволяет общаться и осуществлять транзакции на платформах обмена.

В процессе обзора литературы нам часто встречались дискуссии о стандартизации и сертификации услуг совместного использования. Так, например, в Лондоне отраслевая ассоциация *Sharing Economy UK* в партнерстве с бизнес-школой *SAID* Оксфордского университета создала *TrustSeal* для сертификации шеринг-специалистов, которые «действуют добросовестно и поддерживают профессиональные стандарты». В ноябре 2017 года город Сеул сертифицировал 97 шеринг-специалистов и групп в соответствии со своими стандартами [17]. Центр *Mowat* при Университете Торонто подготовил исследование для Канадской ассоциации стандартов, в котором были определены передовые методы обмена информацией и десять основных принципов [26]. В этой структуре схемы добровольной сертификации муниципалитетов включены в роль коммуникатора. Однако потенциально он может быть выделен в качестве еще одной роли «аудитора/сертифицирующего органа» в рамках регулирующего механизма управления. На наш взгляд, эта область также нуждается в дальнейших исследованиях.

Литература

1. *Berg J.S.* Sharing cities: a case for truly smart and sustainable cities // *New Political Science*. – 2017. – Volume 39. – Issue 3. – P. 417–419.
2. *Albinsson P.A., Perera B.Y.* The rise of the sharing economy: exploring the challenges and opportunities of collaborative consumption. – Westport: Praeger, 2018. – 320 p.
3. *Belk R.*, (2010). Sharing // *Journal of consumer research*. – 2010. – Volume 36. – Issue 5. – P. 715–734.
4. *Geissdoerfer M., Savaget P., Bocken N.M.P., Hultink E.J.* The circular economy – a new sustainability paradigm? // *Journal of Cleaner Production*. – 2017. – Volume 143. – P. 757–768.
5. *Sutherland W., Jarrahi M.H.* The sharing economy and digital platforms: a review and research agenda // *International Journal of Information Management*. – 2018. – Volume 43. – P. 328–341.
6. *Botsman R., Rogers R.* What's mine is yours: how collaborative consumption is changing the way you live. – New York: Harper, 2011. – 280 p.
7. *Aluchna M., Rok B.* Sustainable business models: the case of collaborative economy. – Berlin: Springer, 2018. – P. 41–62.
8. *Brescia R.H.* Regulating the sharing economy: new and old insights into an oversight regime for the peer-to-peer economy // *Nebraska law review*. – 2016. – Volume 95. – Issue 1. – P. 87–145.
9. *Andersen M.S.* An introductory note on the environmental economics of the circular economy // *Sustainable Science*. – 2016. – Volume 2. – Issue 1. – P. 133–140.
10. *Denning S.* An economy of access is opening for business: five strategies for success // *Strategy & Leadership*. – 2014. – Volume 42. – Issue 4. – P. 14–21.
11. *Friedman G.* Workers without employers: shadow corporations and the rise of gig economy // *Review of Keynesian economics*. – 2014. – Volume 2. – Issue 2. – P. 171–188.
12. *Teffe P.* The “sharing economy” lacks a common definition. – URL: <https://euobserver.com/business/137286> (date of the application: 20.10.2023).

13. *Sundararajan A.* The sharing economy. The end of employment and the rise of crowd-based capitalism. – Cambridge: The MIT Press, 2016. – 256 p.
14. *Botsman R.* The sharing economy: dictionary of commonly used terms. – URL: <https://www.sharenl.nl/nieuws/2015/10/23/rachelbotsman/the-sharing-economy-dictionary-of-commonly-used-terms> (date of the application: 20.10.2023).
15. *Frenken K., Schor J.* Putting the sharing economy into perspective // Environmental innovation and societal transitions. – 2017. – Volume 23. – P. 3–10.
16. *Dodwell B.* Uber and Airbnb are not the real sharing economy – think MTR, recycling and generosity instead. – URL: <https://www.scmp.com/comment/insight-opinion/article/2145653/uber-and-airbnb-are-not-real-sharingeconomy-think-mtr> (date of the application: 20.10.2023).
17. World Economic Forum. Collaboration in cities: from sharing to “sharing economy”. – URL: <https://www.weforum.org/publications/collaboration-in-cities-from-sharing-to-sharing-economy/> (date of the application: 20.10.2023).
18. *Zwolska L., Lehner M., Palgan Y.V., Mont O., Plepys A.* Urban sharing in smart cities: the cases of Berlin and London // Local Environment. The International Journal of Justice and Sustainability. – 2018. – P. 1–18.
19. *Gorenflo N., Liewellyn T., Kandasamy A., Sutton M.* Sharing cities: activating the urban commons. – URL: <https://www.shareable.net/sharing-cities/> (date of the application: 20.10.2023).
20. *Akande A., Cabral P., Gomes P., Casteleyn S.* The Lisbon ranking for smart sustainable cities in Europe // Sustainable Cities and Society. – 2019. – Volume 44. – № 475e487.
21. *Vith S., Höllerer, M.A.* “Turning the sharing economy into a fair economy”: Strategic issue work in the Vienna City Administration // Research in the sociology of organizations. – 2020. – Volume 66. – P. 187–213.
22. *Maginn P.J., Burton P., Legacy C.* Disruptive urbanism? Implications of the “sharing economy” for cities, regions, and urban policy // Urban Policy and Research. – 2018. – Volume 36. – Issue 4. – P. 393–398.
23. *Bulkeley H., Kern K.* Local government and the governing of climate change in Germany and the UK // Urban Studies. – 2006. – Volume 43. – Issue 12. – P. 2237–2259.
24. *Sulkakoski S.* The role of municipality in the sharing economy: governance approaches in Malmö and Gothenburg. – URL: <http://lup.lub.lu.se/studentpapers/record/8962451> (date of the application: 20.10.2023).
25. *Kiran A., Michael C.U.* Maximizing the gains from sharing: an analysis of national and international best practices. – URL: <https://munkschool.utoronto.ca/mowatcentre/maximizing-the-gains-from-sharing/> (date of the application: 20.10.2023).
26. *Wachsmuth D., Weisler A.* Airbnb and the rent gap: gentrification through the sharing economy // Environment and Planning. – 2018. – Volume 50. – Issue 3. – P. 1147–1170.

СЕКЦИЯ «ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ МИГРАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ»

ЕВРАЗИЙСКАЯ МИГРАЦИОННАЯ СИСТЕМА: ТРАЕКТОРИИ И ТЕНДЕНЦИИ

**Багаутдинов Денис Рамилевич,
Миронов Данил Даниярович**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Данная статья является попыткой исследования сложной и динамичной миграционной системы в Евразийском регионе. Статья анализирует исторические факторы, определившие формирование этой системы, и обозначает ее ключевые траектории. В основе исследования лежит анализ современных миграционных тенденций, включая трудовую миграцию, демографические и социокультурные аспекты. Статья также обсуждает влияние интеграционных объединений, таких как Евразийский экономический союз (далее ЕАЭС), на миграцию в регионе. В заключении статьи рассматриваются проблемы миграции и важность их понимания для разработки эффективных стратегий управления миграцией и устойчивого развития ЕАЭС.

Ключевые слова: миграция, трудовая миграция, ЕАЭС, миграционная система.

Миграция играет важную роль в современном мире, оказывая существенное влияние на социальные, экономические и политические процессы в различных регионах. По глобальным оценкам, в 2020 году в мире насчитывалось около 281 миллиона международных мигрантов, что соответствует 3,6 % населения мира [7]. В контексте Евразии, где сходятся разные культуры, истории и географические особенности, миграционные явления становятся особенно интересными и сложными для анализа. Настоящая статья посвящена изучению траекторий и тенденций в Евразийской миграционной системе с учетом современных вызовов и динамических факторов.

История Евразии богата примерами миграционных потоков и контактов между народами. Сильное влияние оказывали такие факторы, как завоевания, империи, торговля и культурный обмен. Однако современная миграционная система в этом регионе сформировалась под воздействием событий XX и XXI веков. Середина XX века является периодом интенсивного переселения, особенно после Второй мировой войны и распада Советского Союза. Миллионы людей переселились в новые государства, и это оказало значительное влияние на демографическую ситуацию.

Существование устойчивых долгосрочных связей между странами бывшего Советского Союза привело к формированию уникальной миграционной системы. Термин «миграционная система» используется для описания стабильных миграционных потоков между двумя или более государствами, которые возникли благодаря историческим, культурным, торговым и другим тесным связям между странами, откуда приходят мигранты, и странами, принимающими их [3, с. 39]. Используя теоретические концепции, разработанные западными исследователями и характеризующие миграционные системы, а также основываясь на анализе миграционных процессов на постсоветском пространстве, российский исследователь И.В. Ивахнюк в 2003 году ввел понятие «Евразийской миграционной системы». Данная система доказала свою важность для лучшего понимания специфики происходящих на постсоветском пространстве миграционных процессов и для развития сотрудничества в области управления миграцией [4, с. 21].

Современная Евразийская миграционная система характеризуется интенсивными экономическими миграционными потоками. Рабочая сила активно перемещается в поисках лучших возможностей занятости и экономического развития. Однако, помимо экономиче-

ских факторов, в системе присутствуют и другие детерминанты миграции. Политическая нестабильность и конфликты в регионе также играют существенную роль в структуре миграционных потоков. Граждане вынуждены покидать свои родные страны из-за политических неурядиц, нарушений прав человека и гуманитарных кризисов. Страны постсоветского пространства активно принимают значительное количество международных мигрантов. Например, в 2019 году Россия занимала четвертое место в мире по численности мигрантов, их количество составило 11,6 миллионов человек. Это свидетельствует о высокой миграционной активности и важности этой страны как центра притяжения для мигрантов, искавших новые экономические и социальные возможности.

Трудовая миграция в рамках Евразийской миграционной системы носит устойчивый характер: принимающими государствами в ней служат Россия и Казахстан, государства-исхода представлены республиками Центральной Азии. Систему отличают масштабные потоки образовательной миграции, центром притяжения которой также является Россия. Географическая близость и наличие общих границ также содействует достаточно быстрому и безопасному перемещению в страну назначения и обратно, и благоприятствует сезонной миграции [6, с. 188]. На сегодняшний день бывшие советские республики вовлечены в активное взаимодействие в области выстраивания многостороннего и двустороннего сотрудничества в управлении миграционными процессами и противодействия нелегальной миграции с целью усиления позитивной роли, которую международная миграция может сыграть в экономическом развитии постсоветского региона и укреплении интеграционных тенденций.

Интеграционные объединения играют важную роль в международной миграции, обеспечивая основу и механизмы для регулирования миграционных процессов, содействия сотрудничеству между странами и управлению миграционными вызовами. Некоторые интеграционные объединения, такие как Европейский союз (ЕС) и Евразийский экономический союз (ЕАЭС), работают над созданием общего рынка труда, который позволяет гражданам стран-членов свободно перемещаться и искать работу в других странах-членах. Это содействует экономическому развитию и мобильности рабочей силы. Интеграционные объединения разрабатывают общие нормы и правила в области миграции, включая правила визового режима, процедуры получения видов на жительство и трудоустройства для иностранцев. Это способствует упрощению и стандартизации процедур для мигрантов. Интеграционные объединения позволяют странам-членам совместно управлять миграционными вызовами. Это может включать в себя обмен информацией о миграционных трендах, согласование политики в области беженцев и борьбу с незаконной миграцией. Интеграционные объединения могут разрабатывать программы и политики по интеграции мигрантов в общество, включая образование, языковое обучение и доступ к социальным услугам. Это помогает мигрантам успешно адаптироваться в новых странах. Интеграционные объединения могут выступать в качестве платформы для сотрудничества между странами в решении глобальных миграционных проблем, таких как борьба с трафиком людей, защита прав беженцев и обеспечение гуманитарной помощи. Упрощение процедур для мигрантов, работающих в странах-членах интеграционных объединений, может способствовать увеличению иностранных инвестиций и экономическому росту в регионе. Интеграционные объединения, такие как ЕАЭС, ЕС и другие, имеют различные уровни воздействия и специфику действия в сфере миграции в зависимости от своих целей и задач. Однако в целом они играют важную роль в формировании миграционных политик и регулировании движения людей внутри своих территорий.

Страны, входящие в состав ЕАЭС, являются частью сложной миграционной системы, которая сформировалась на территории постсоветского пространства. Это означает, что исторические, социокультурные, экономические и демографические факторы, которые сказались на ее развитии и формировании, оказывают влияние на структуру и направления миграционных потоков между государствами-членами Евразийского экономического союза. Таким образом, исторический опыт совместного сосуществования в рамках единого политического образования не только создал общие культурные, политические и экономические связи, способствовавшие формированию устойчивых миграционных отношений между страна

-ми, но также способствовал созданию безвизового режима въезда, что положительно сказалось на миграционной мобильности населения [2, с. 152].

Поскольку ЕАЭС в первую очередь ориентирована на экономическую интеграцию и функционирование единого рынка труда и занятости, сотрудничество между государствами сосредотачивается на управлении международной трудовой миграцией. Таким образом, благодаря интеграционному процессу на евразийском экономическом пространстве были устранены основные преграды, мешавшие доступу мигрантов из стран-членов ЕАЭС на национальные рынки труда, и обеспечена их социальная защита. Эти изменения естественным образом повлияли на миграционные процессы и структуру миграционных потоков в страны, которые выступают в роли основных мест назначения мигрантов [1, с. 209].

В Евразийском экономическом союзе наблюдаются различные миграционные тенденции и траектории, которые отражают динамику перемещения населения между странами-членами. Вот некоторые из ключевых миграционных тенденций и траекторий в ЕАЭС:

- доминирование трудовых миграционных потоков над долгосрочными, что соответствует распределению миграционных потоков по целям въезда на всем постсоветском пространстве;

- неравномерность распределения как временных трудовых, так и долгосрочных миграционных потоков – основная их часть направлена в Россию, в то время как миграционный обмен между остальными странами незначителен или практически отсутствует. При этом постепенно повышается миграционная привлекательность Казахстана;

- наиболее масштабные потоки трудовой миграции в основные страны-реципиенты – Россию и Казахстан направляются из-за пределов миграционной подсистемы ЕАЭС, но в рамках постсоветского пространства, а именно из Узбекистана и Таджикистана.

- основным донором трудовой миграции внутри ЕАЭС выступает Кыргызстан;

- помимо трудовой миграции, на территории ЕАЭС развития получила и образовательная миграция – ее центром притяжения выступает Россия;

- общность языка межнационального общения и исторически сложившиеся тесные экономические, культурные, политические и, соответственно, миграционные связи увеличивают возможности для миграции и положительно влияют на динамику и интенсивность миграционного обмена между странами – участницами ЕАЭС.

- взаимная заинтересованность в миграции и эффективном ее регулировании принимающих и отправляющих стран – участниц ЕАЭС базируется на неравномерности их социально-экономического и демографических тенденций [1, 218].

Трудовая миграция характеризуется разнообразием влияния: положительными и отрицательными факторами воздействия на социально-экономическое развитие России и ЕАЭС в целом. В процессе евразийской интеграции государственная миграционная политика нуждается в совершенствовании, как в части управления миграционными процессами и региональными рынками труда [5, с. 13]. Сегодня в сфере миграции в рамках ЕАЭС существуют также ряд проблем, которые ограничивают возможности максимально эффективного использования уже сформировавшихся миграционных связей в евразийском пространстве. Среди этих проблем, по мнению автора, наиболее актуальными:

- недостаток инфраструктурных и информационных ресурсов для организации организованного набора трудовых мигрантов и начала процесса трудоустройства еще на территории страны отправления;

- недостаток совместных программ обучения языкам, профессиональной подготовки и повышения квалификации, адаптированных к потребностям рынков труда в странах-членах ЕАЭС;

Эти проблемы представляют собой значительные вызовы для миграционной системы в регионе и требуют совместных усилий со стороны стран-членов ЕАЭС для их решения и оптимизации использования миграционного потенциала региона. В целом же, евразийская миграционная система остается динамичной и многогранной. Траектории и тенденции миграции в этом регионе продолжают изменяться под воздействием различных факторов. По-

нимание этих динамик и вызовов является важным шагом к разработке эффективных стратегий управления миграцией и содействия устойчивому развитию региона.

Литература

1. Гаева А.С. Миграционные процессы на евразийском пространстве // Россия и современный мир. – 2019. – № 1 (102). – С. 207–222.
2. Давлетгильдеев Р.Ш., Сычева О.В. Международноправовое сотрудничество в области трудовой миграции: от ЕврАзЭС к Евразийскому экономическому союзу // Журнал российского права. – 2015. – № 6 (222). – С. 143–153.
3. Ивахнюк И.В. Евразийская миграционная система // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2007. – № 3. – С. 37–56.
4. Ивахнюк И.В. Евразийская миграционная система: теория и политика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2008. – № 2. – С. 21–28.
5. Ландо Б.С., Головина Е.Е. Особенности миграционных процессов на пространстве Евразийского экономического союза // Российский экономический интернет-журнал. – 2021. – № 2. – С. 1–18.
6. Погорельская А.М. Трудовая миграция на евразийском пространстве в XX – начале XXI вв // Современная Европа. – 2020. – № 2. – С. 188–195.
7. World Migration Report 2022. International Organization for Migration (IOM), Geneva. – URL: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022> (дата обращения: 19.09.23).

«КУЛЬТУРНЫЙ КОД МИГРАНТА» ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Зайнуллин Ленар Ильдусович

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Глобальные миграционные процессы актуализируют необходимость осознания и формирования новых парадигм взаимодействия различных культур. Выдвижение которых возможно на основе изучения и обобщения имеющегося положительного опыта. Для Российской Федерации проблема сохранения национальной культуры, в условиях растущей миграции, имеет чрезвычайно важное значение. Значимая роль отводится культурной политике региона, актуализации состояния культурного пространства, являющегося совокупностью непосредственных взаимодействий субъектов культурного процесса.

Ключевые слова: мигрант, евразийское пространство, социокультурное пространство, «культурный код мигранта».

Глобальные миграционные процессы являются одним из факторов роста культурного многообразия в мире, что обуславливает необходимость осознания и формирования новых парадигм взаимодействия различных культур. Выдвижение новых парадигм взаимодействия народов возможно на основе изучения и обобщения имеющегося положительного опыта. Антрополог К. Оберг одним из первых применил определение «культурного шока» к миграционным процессам и дал его симптоматику, которая так же взаимосвязана с концепцией Д.Б. Мамфорда [5].

На территории Российской Федерации проживают более 190 различных этносов. Изучение историко-культурологических аспектов миграции в контексте развития социума РФ имеет, на наш взгляд, огромное значение для успешного социально-экономического и духовного прогресса всей страны и ее отдельных регионов.

Региональная политика в отношении миграции еще не сформировалась окончательно и не стала предметом комплексного историко-культурологического анализа. Ускоряющийся

демографический спад в РФ, изменение количественного и качественного состава мигрантов из стран СНГ лишь усилит актуальность и значение изучения и обобщения регионального опыта по регулированию данного феномена.

Страны постсоветского пространства принимают значительное количество международных мигрантов. В 2019 г. Россия была на четвёртом месте в мире по этому показателю (11,6 млн человек), все остальные представители Евразийского экономического союза находятся дальше второго десятка, а также Россия является лидером по количеству соотечественников, проживающих за границей [4, с. 188]. В начале 2000-х гг. ситуация с миграцией была более сложная и носила в основном направлена на регулирование вынужденной миграции и противодействие нелегальной иммиграции в страну [4, с. 191].

Говоря о культурном коде в целом и мигранта, в частности, необходимо определить данное понятие. Культурный код – ключ к пониманию данного типа культуры; уникальные культурные особенности, доставшиеся народам от предков; это закодированная в некой форме информация, позволяющая идентифицировать культуру [2, с. 188]. В русле данной проблематики также работал Р. Тафт [6] – ученый-антрополог один из немногих, кто при изучении аккультурации мигрантов с культурным шоком. Стоит выделить дополнительно вопросы адаптации к культурным изменениям.

Психологическая адаптация относится к совокупности внутренних психологических последствий. В основе психологической адаптации главным образом лежат аффективные реакции, связанные с ощущением благополучия или удовлетворенности. Психологические аспекты связаны с ощущением личной культурной идентичности, варианты самоутвердиться в своей деятельности или работе. Психологическая адаптация происходит на грани, когда проявляется пик стресса. Стоит отметить, что пик стресса помогает многому научиться, иметь возможность получить достаточный опыт решения проблем. Иными словами, это уровни коммуникации-«общий язык» с принимающим населением, непосредственное знание языка и особенностей новой культуры. Важными факторами, влияющими на процесс социокультурной адаптации, являются: понимание мигрантом местной культуры и исторические контакты народов между собой, в том числе в религиозной сфере.

Возможности преодоления стресса и культурного шока определяются следующими факторами:

Мотивация. Мотивация, которая относится к личностным особенностям, оказывается очень важным фактором успешной адаптации у добровольных мигрантов. Исследования, проведенные в Германии, показали, что те, кто в качестве причин перемещения в другую культуру, указывают на возможности профессионального роста, будущее детей, стремление более полно реализовать себя. Стоит отметить, что не достигли своей цели мигранты, которые опирались только на советы друзей и знакомых, попадая в незнакомые группы мигрантов.

Ожидания тесно связаны с мотивацией. Неблагоприятно влияют на процесс адаптации иммигрантов как завышенные, так и заниженные ожидания. Человек должен осознавать последствия своим действиям, хотя психологически это достаточно сложно. В исследовании Е.А. Бауэр «Научно-практические основы психолого-педагогического сопровождения социально-психологической адаптации подростков-мигрантов» доказывает психологическую особенность, где будущий мигрант идеализирует принимающую сторону. Но при отъезде из страны обратно, представляют все в негативном свете. Этот тренд сохраняется исходя из ожиданий и мотивации человека [1, с. 37].

Социальная поддержка среди мигрантов – один из основных факторов, который имеет одновременно положительные и отрицательные последствия. Так происходит по причине того, что данный фактор позволяет мигранту чувствовать себя не одиноким, а также ощущать признаки близкой для него культуры (язык, традиции, социальные нормы). Но, с другой стороны, приводит его в анклав мигрантов, который практически не имеет контактов с коренным населением. Нельзя допустить, что мигрант замыкается только в собственной культуре и ему тяжело выйти из зоны комфорта.

Важное влияние на процесс адаптации оказывают взаимоотношения с представителями доминирующей культурной группы. Так, наличие знакомых и друзей среди местного населения сокращает количество психологических проблем у иммигрантов.

Образование является существенным фактором привлечения молодежи. Наибольшую популярность из стран – участниц ЕАЭС российское образование имеет в Казахстане. Контингент обучающихся в вузах России из Казахстана увеличился за 12 лет (2006/2007 – 2017/2018 уч. гг.) в 3,4 раза – с 12,3 до 41,3 тыс. студентов, а численность студентов из других стран участниц ЕАЭС, в сравнении с Казахстаном, невелика и в сумме составляет 14,7 тыс. человек [3, с. 260]. Образование помогает не только выучить язык, а в повседневной и бытовой сфере ознакомиться с культурой принимаемой страны.

Если в зарубежных исследованиях преобладает социально-психологический подход к изучению миграционных отношений, то в отечественных исследованиях благодаря работам С.М. Широкогорова, Ю.В. Бромляя, Ю.В. Арутюнян, сложилась традиция комплексного изучения: с позиций антропологии, политической социологии и социальной психологии (Институтом социально-политических исследований РАН, Институтом этнологии, антропологии РАН, Институтом социологии РАН. В работах А.Г. Здравомыслова, Г.В. Ключкова, А.Р. Тагирова, З. В. Сикевич межэтнические отношения рассматриваются в контексте их возможной конфликтности, которая обостряется в процессе социальных изменений в социокультурном пространстве. Социокультурное пространство стремится выработать единый язык, а именно – язык официальных структур. В таких условиях, крайне важная роль отводится культурной политике региона, что помогает формировать такой единый язык. Актуальное состояние культурного пространства является совокупностью непосредственных взаимодействий субъектов культурного процесса. Изучение современных проблем культурного развития дает возможность говорить о том, что духовная жизнь существует, а также развивается во всем многообразии.

Литература

1. *Бауэр Е.А.* Научно-практические основы психолого-педагогического сопровождения социально-психологической адаптации подростков-мигрантов: автореф. дис. ... д-р псих. наук / Е.А. Бауэр. – Нижний Новгород, 2012. – 37 с.
2. *Кононенко Б.И.* Большой толковый словарь по культурологии. – М.: Вече, 2003. – 512 с.
3. *Лебедева Т.В.* Особенности миграции молодежи на евразийском пространстве / Т.В. Лебедева, А.А. Субботин // *Философия хозяйства*. – 2021. – № 6 (138). – С. 243–265.
4. *Погорельская А.М.* Трудовая миграция на евразийском пространстве в XX – начале XXI вв // *Современная Европа*. – 2020. – № 2 (95). – С. 188–195.
5. *Mumford D.B.* The measurement of culture shock // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. – 1998. – Volume 33. – P. 149–154.
6. *Taft R.* Coping with unfamiliar cultures. – Ann Arbor: Academic Press, 1977. – 162 p.

АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ И РАЗВИТИЯ РЫНКОВ ТРУДА СТРАН ЕАЭС И СНГ

Заляев Рустем Ильхамович

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Задача углубленной социально-экономической интеграции стран ЕАЭС и СНГ предполагает разработку и внедрение инструментов интеграции. Одним из инструментов, способствующий созданию общего интегрированного рынка труда стран ЕАЭС и СНГ, является механизм адаптации и интеграции трудовых мигрантов в принимающее общество. Обосновывается, что механизм адаптации и интеграции мигрантов обладает мно-

гофункциональным потенциалом. Эффективное использование и интеграция трудовых ресурсов стран ЕАЭС и СНГ требует дальнейшего развития и расширения функций механизмов адаптации и интеграции мигрантов. Предлагаются направления деятельности, механизмы для дальнейшего эффективного осуществления процессов адаптации и интеграции трудовых мигрантов в принимающее общество в условиях экономических интеграционных процессов стран ЕАЭС и СНГ

Ключевые слова: миграция, трудовые мигранты, адаптация и интеграция трудовых мигрантов, социально-экономическая интеграция стран ЕАЭС и СНГ.

Трудовые ресурсы являются одним из важнейших условий социально-экономического развития стран ЕАЭС и СНГ. Создание общего рынка труда стран ЕАЭС и СНГ, его эффективное управление и распределение исходя из задач экономики стран будет способствовать раскрытию общего потенциала трудовых ресурсов, усилению интеграционных связей и тем самым развитию экономик и более углубленной социально-экономической интеграции стран ЕАЭС и СНГ.

Задача углубленной социально-экономической интеграции стран ЕАЭС и СНГ предполагает разработку и внедрение инструментов интеграции. Одним из инструментов, направленный на создания общего интегрированного рынка труда стран ЕАЭС и СНГ является механизм адаптации и интеграции трудовых мигрантов в принимающее общество.

Одним из основных трудовых рынков для граждан стран ЕАЭС и СНГ остается Россия. В России сегодня создана и действует система адаптации и интеграция трудовых мигрантов. Работа по адаптации мигрантов в принимающее общество является одним из важных направлений деятельности миграционной политики России. В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденной 31 октября 2018 г. Президентом РФ отмечается, что одной из задач миграционной политики России является «создание условий для адаптации к правовым, социально-экономическим, культурным и иным условиям жизни в Российской Федерации иностранных граждан, испытывающих сложности в адаптации, обусловленные особенностями их культуры и привычного жизненного уклада, а также иными факторами» (п. 21) [1].

Механизм адаптации и интеграции мигрантов обладает многофункциональным потенциалом, и может быть использован для решения ряда задач. Например, для получения Россией большего экономического эффекта от миграционных процессов механизм адаптации и интеграции мигрантов может быть направлен на успешную адаптацию трудоспособных, квалифицированных мигрантов в стране. Также механизм адаптации и интеграции мигрантов обладает значительным потенциалом и в деле предотвращения таких опасных для безопасности обществ явлений как мигрантофобия, ксенофобия, распространение идеологий экстремизма и терроризма среди мигрантов.

Эффективное использование и интеграция трудовых ресурсов стран ЕАЭС и СНГ требует дальнейшего развития и расширения функций механизма адаптации и интеграции мигрантов. Хотелось бы остановиться более подробно на потенциале применения механизма адаптации и интеграции мигрантов на пути предотвращения распространения идеологий экстремизма и терроризма среди мигрантов, что является, в свою очередь, важнейшим условием политической и социально-экономической стабильности в пространстве стран ЕАЭС и СНГ.

Эксперты больше указывают на опасность проявлений экстремизма и терроризма в России, как и для любого другого принимающего мигрантов государства, со стороны незаконной миграции. Каналы незаконной миграции могут использовать в своих целях международные экстремистские и террористические организации. Директор ФСБ России А.В. Бортников, выступая на одном из совещаний, отметил: «Пройдя в лагерях психологическую обработку и террористическую подготовку и получив боевой опыт в «горячих точках», бандиты, используя незаконную миграцию, расползаются по намеченным регионам. Их цель – со-

здание законспирированных ячеек, вербовка боевиков, подрыв внутренней безопасности и территориальной целостности стран оседания» [2].

Незаконные мигранты, находясь в стране на нелегальном положении, оказываются в уязвимом правовом положении, не имеют возможности законно работать, испытывают экономические и социально-бытовые трудности, что подталкивает их к противоправной деятельности. Зачастую незаконные мигранты пополняют ряды этнической и трансграничной организованной преступности, становятся привлекательным объектом для вербовщиков международных экстремистских и террористических организаций, тем самым создают базу для формирования экстремистских и террористических организаций, что является непосредственной угрозой для национальной безопасности стран ЕАЭС и СНГ.

Незаконная миграция негативно воздействует на рынок труда, порождая на рынке труда избыток рабочей силы, способствует развитию теневой экономики, которая часто использует труд незаконных мигрантов, коррупции, что также может привести к росту социальной напряженности в обществе, обострению межнациональных, и межрелигиозных отношений, провоцированию экстремистских настроений и ксенофобии.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации незаконная миграция рассматривается как одна из угроз национальной безопасности России (п. 22) [3]. В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденной 31 октября 2018 г. Президентом РФ также подчеркивается, что одной из задач миграционной политики РФ является «дальнейшее развитие механизмов и средств профилактики, предупреждения, выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства Российской Федерации» [1].

Эффективность действия механизмов адаптации и интеграции мигрантов против формирования незаконной миграции обусловлено тем, что их действие направлено на предотвращение и устранение причин, обстоятельств, способствующих нарушению мигрантами миграционного законодательства.

Также надо понимать, что не только незаконная, но и законная миграция в определенных случаях может представлять опасность проявлений идеологий экстремизма и терроризма. Во-первых, прибывающие в Россию на законных основаниях мигранты могут изначально являться сторонниками международных экстремистских и террористических организаций. Во-вторых, мигранты могут попасть под влияние идеологий экстремизма и терроризма уже на территории России. Второму могут способствовать воздействие на мигрантов ряда факторов, среди которых религиозность на фоне скудных, искаженных знаний об основах исламской религии, низкий уровень образования, неустроенность на новом месте, бедственное экономическое положение, недоброжелательное отношение к мигрантам местного населения и т. д. и здесь механизмы социально-экономической и культурной адаптации и интеграции мигрантов выступают действенным средством профилактики этих негативных факторов.

На что надо обратить внимание при разработке механизмов адаптации и интеграции мигрантов в российское общество?

Существуют разные практики к решению миграционных проблем. Например, мультикультурализм как подход к решению вопросов миграции исходит из того, что различные этнические и религиозные сообщества могут жить бок о бок на одной территории, сохраняя свою культуру, и не ставя задачи обязательной взаимной интеграции культур. Однако опыт применения этого подхода к решению миграционных проблем рядом стран Европы показал, что автономные, ничем не связанные между собой культуры, в большей степени подвержены таким негативным в обществе явлениям как непонимание между этническими и религиозными группами, формирование предубеждений к представителям других культур, которые в определенных случаях могут перейти в такие крайние формы нетерпимости как ксенофобия и экстремизм.

Видится, что для предотвращения таких опасных явлений и минимизации негативных последствий миграционных процессов требуется разработка и применение в миграционной политике такой модели взаимодействия мигрантов и принимающего общества, которая мог-

ла бы обеспечить высокую степень интеграции и сплочения культур, формирование добрососедских, основанных на взаимоуважении отношений между культурами, с тем, чтобы новые культуры мигрантов могли влиться в сложившуюся веками единую общероссийскую культуру, стать одним целым с ним. При этом речь не идет об ассимиляции культур мигрантов. В такой многонациональной стране как Россия, применение механизмов ассимиляции культур невозможно и не продуктивно. Принимающее общество должно создавать все условия для сохранения и развития культур мигрантов. В свою очередь мигранты должны быть заинтересованы и готовы принять и добросовестно исполнять российские законы и многовековые общероссийские традиции и ценности, основанные на взаимоуважении культур. Для этого очень важно, чтобы мигранты были уверены, что они будут обладать одинаковыми с гражданами принимающего общества правами и обязанностями, иметь равный доступ к закону, принятию публичных решений. Общероссийские традиции и ценности должны быть понятны мигрантам и отражать и их мировоззрение. Другими словами, принимающее общество должно стать и обществом для мигрантов.

Какие направления деятельности, механизмы необходимы для эффективного осуществления процессов адаптации и интеграции мигрантов?

Эксперты отмечают, что для эффективного осуществления в России адаптации и интеграции мигрантов требуется применение комплекса мер, включающих правовые, организационные, экономические и другие механизмы [4, с. 6; 5, с. 15].

Что касается правовых мер, то сегодня российское законодательство содержит определенные механизмы по адаптации и интеграции мигрантов. Например, Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» содержит требования о владении мигрантами русского языка, знании истории России, основ российского законодательства (ст. 15.1) [6]. Мигрантам также вверяется в обязанность иметь полис медицинского страхования, что, несомненно, будет являться важным условием для доступа к медицинским услугам (п. 10, ст. 13) [6].

Эксперты также говорят о необходимости дальнейшей работы и по программному обеспечению адаптации и интеграции мигрантов, включающие не только перечень конкретных мероприятий, но и порядок их осуществления, объем необходимых для этого материально-финансовых ресурсов [7, с. 10].

Для успешной адаптации и интеграции мигрантов, для формирования атмосферы толерантного, доброжелательного отношения между мигрантами и принимающим обществом очень важно привлечение государством в этот процесс широкой общественности, СМИ, общественных организаций, организаций науки, образования, гражданского общества и самих мигрантов. В этой связи можно отметить положительный опыт выделения федеральных грантов, создания механизмов оказания субъектами Российской Федерации финансовой помощи социально ориентированным некоммерческим организациям, которые реализуют собственные проекты, направленные на социальную адаптацию и интеграцию трудовых мигрантов [8].

Для эффективного процесса адаптации и интеграции мигрантов в России органам государственной власти и органам местного самоуправления очень важно активно привлекать в этот процесс национально-культурные организации, диаспоры мигрантов, объединения национально-культурных организаций. Национально-культурные организации диаспор в России имеют большой потенциал для адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество.

Одним из важных направлений деятельности по эффективному процессу адаптации и интеграции мигрантов в России является межгосударственное сотрудничество в рамках стран ЕАЭС и СНГ, выстраивание взаимодействия между органами и ведомствами Российской Федерации и стран доноров мигрантов, в том числе по созданию в этих странах системы домиграционной подготовки потенциальных мигрантов, включающая не только профессиональную подготовку специалистов для России, но и обучение русскому языку, истории России, российским традициям.

Домиграционная работа с потенциальными мигрантами в странах донорах мигрантов позволяет проводить селективный отбор мигрантов с более качественным профессиональным потенциалом, что будет способствовать развитию социально-экономической системы стран ЕАЭС и СНГ.

При разработке программ и механизмов адаптации и интеграции мигрантов в России также следует учитывать положительный опыт по адаптации и интеграции мигрантов в других странах. Например, в перечне мероприятий нового Национального плана интеграции Германии, наряду с мероприятиями федерального правительства и земель, на муниципальном уровне важное место отводится работе по вовлечению «людей с миграционным фоном» [9] в сферу управления и в процесс подготовки и принятия решений. Данный опыт, на наш взгляд, может быть применим в России на муниципальном уровне с целью усиления процесса интеграции мигрантов [10].

Большим потенциалом для эффективного осуществления адаптации и интеграции мигрантов обладает система образования. Например, И.А. Головизнина считает, что «достижение цели интеграции мигрантов должно осуществляться в сфере образования путем решения трех основных задач:

- реализации специальных программ обучения для детей иммигрантов, характеризующихся углубленным изучением русского языка и русской культуры и основ права Российской Федерации;
- реализации среднего специального образования для граждан разных возрастных групп, с параллельным изучением русского языка, русской культуры и основ права Российской Федерации;
- реализации обязательных интеграционных образовательных программ для граждан разных возрастных групп, направленных на изучение русского языка, русской культуры и основ права Российской Федерации» [11].

Например, имеется определенный опыт реализации специальных программ обучения для детей мигрантов. В городе Москва работает сеть одногодичных «Школ русского языка» – базовых центров социально-культурной адаптации мигрантов. Эти школы «решают следующие задачи:

- интенсивное обучение государственному (русскому) языку;
- знакомство детей мигрантов с основами русской культуры, историей народов России, основами российского законодательства, что способствует формированию у них российской идентичности;
- социально-психологическая поддержка детей мигрантов с учетом целесообразности работы с семьей в целом;
- информационная работа с родителями детей мигрантов, способствующая их активному участию в работе московских школ» [11, с. 29].

На наш взгляд, применение предложенных направлений деятельности, механизмов по адаптации и интеграции мигрантов будет способствовать более мягкому вхождению мигрантов и членов их семей в принимающее общество, эффективной коммуникации, налаживанию толерантных, дружественных, основанных на взаимоуважении отношений между мигрантами и принимающим обществом, мирному сосуществованию различных культур и тем самым дальнейшей более углубленной социально-экономической и социально-культурной интеграции стран ЕАЭС и СНГ.

Литература

1. Указ Президента РФ от 31.10.2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы».
2. Егоров И. Цель террористов – Европа // Российская Газета. 2015. 29 июля. – URL: <http://www.rg.ru/2015/07/29/ekstremizm-site.html> (дата обращения: 11.09.2023).
3. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" // Справочно-правовая система "КонсультантПлюс"

4. *Андриченко Л.В.* Правовые механизмы социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации // Журнал российского права. – 2015. – № 10. – С. 5–18.
5. *Мишунина А.А.* Принимающее общество и мигранты: правовые практики экономической и социально-культурной адаптации в современных условиях // Российская юстиция. – 2017. – № 9. – С. 13–16.
6. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».
7. *Андриченко Л.В.* Правовые механизмы социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации // Журнал российского права. – 2015. – № 10. – С. 13–16.
8. См., напр.: Грант Президента РФ: «Апробация и тиражирование модели комплексного подхода к социальной адаптации и интеграции трудовых мигрантов». Протокол заседания Координационного комитета по проведению конкурсов на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества от 22 ноября 2017 года № 3. Фонд президентских грантов. – URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--plai/public/home/documents4> (дата обращения: 11.09.2023).
9. В 2005 году тема миграции и интеграции в Германии была добавлена в программу обследования микропереписей. С тех пор стало возможным проводить различие между населением Германии с «миграционным фоном» (или миграционным прошлым) и населением без «миграционного фона». Население с миграционным фоном включает в себя всех лиц, которые не имеют немецкого гражданства по рождению или имеют хотя бы одного родителя, к которому это относится. Согласно этому определению, следующие группы имеют миграционный фон: иностранцы, натурализованные лица, (поздние) эмигранты, люди, получившие немецкое гражданство благодаря усыновлению немецких родителей, и дети из этих четырех групп. Эта категория дополняет прежнее различие между немцами и иностранцами, которое считалось все менее значимым из-за большого числа (поздних) эмигрантов и натурализованных людей. Используемое здесь выделение населения с миграционным прошлым учитывает стремление не только взглянуть на миграцию и интеграцию самих иммигрантов, то есть на реальных мигрантов, но и включить в анализ миграции и интеграции их потомков, родившихся в Германии. См.: Statistisches Bundesamt (Федеральное статистическое ведомство Германии). – URL: <https://www.destatis.de/Methoden> (дата обращения: 11.09.2023).
10. National Action Plan on Integration Abridged press version (Национальный план действий по интеграции. Сокращенная версия для печати). – URL: https://www.bundesregierung.de/-Content/DE/_Anlagen/IB/2012-01-31-nap-kurzfassung-presse-englisch.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 11.09.2023).
11. *Головизнина И.А.* Роль образовательной системы в предупреждении преступлений, совершаемых иммигрантами // Миграционное право. – 2011. – № 2. – С. 28–30.

ЕВРАЗИЙСКАЯ МИГРАЦИОННАЯ СИСТЕМА: НОВЫЕ ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ивахнюк Ирина Валентиновна

*Глобальная ассоциация экспертов по миграционной политике
(Global Migration Policy Associates), Москва, Россия*

Аннотация. События последних лет, прежде всего беспрецедентные ограничения на межгосударственные перемещения, введенные в связи с COVID-19, и проведение Россией специальной военной операции на Украине, оказали влияние на миграционные процессы в Евразийской миграционной системе (ЕАМС). Если снятие «ковидных ограничений» и быстрое восстановление после этого масштабов трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию и Казахстан подтвердили устойчивость миграционных взаимосвязей в реги-

оне, то новые политические и экономические реалии в России, связанные с введением западных санкций, проведением СВО и соответствующей мобилизацией экономики, ослаблением курса рубля и т. д. имеют своим результатом сокращение потоков трудовой миграции в Россию и общее изменение миграционных векторов как внутри постсоветского региона, так и вовне его. Миграционные потоки диверсифицируются, ЕАМС становится более открытой миграционной системой, и все большую роль в происходящих изменениях играют политические факторы.

Ключевые слова: международная миграция, Евразийская миграционная система, Центрально-Азиатская миграционная подсистема, факторы миграции.

За годы своего существования ЕАМС менялась, причем менялись и содержание миграционных процессов (от постоянной миграции к временной трудовой, от этнически детерминированной к экономически обусловленной), и их масштаб, и – отчасти – направления. Тем не менее, структура ЕАМС сохраняет относительное постоянство: Россия и Казахстан являются основными притягивающими мигрантов странами, при этом Казахстан выступает центром миграционной подсистемы в Центральной Азии; другие страны СНГ являются странами выезда мигрантов. К настоящему времени среди стран происхождения мигрантов по масштабам трудовой миграции доминируют три страны Центральной Азии – Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан. Их доля в трудовой миграции в Россию составляет более 90 % [1, с. 56].

При этом ЕАМС не является замкнутой системой, она развивается во взаимодействии с разными другими странами и регионами. Одной из наиболее характерных черт нынешнего этапа развития ЕАМС является диверсификация векторов трудовой миграции, прежде всего из стран-доноров. В то же время в России, напротив, географическое разнообразие стран, откуда мигранты прибывают, сокращается. Что за этим стоит?

Прежде всего, следует отметить, что действие тех факторов – исторических, демографических, экономических, политических, географических – на которых сформировалась и функционирует ЕАМС (подробнее см.: [2]), сохраняется. Некоторые из этих факторов (например, распространение русского языка в постсоветском регионе) сокращают свою роль, другие, наоборот, усиливаются (например, укрепление миграционных социальных сетей, ставших важнейшими проводниками и посредниками для мигрантов, а также заключение региональных интеграционных соглашений, важнейшее из которых – Евразийский экономический союз – установил зону свободного, ничем не ограниченного трудоустройства в рамках 5 стран-участниц – Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России).

Миграция с целью трудоустройства по-прежнему является наиболее многочисленной категорией перемещений людей в рамках ЕАМС. Обращает на себя внимание, насколько быстро восстановился масштаб трудовой миграции в Россию из стран Центральной Азии, как только сняты были ограничения на движение транспорта между государствами и трансграничные перемещения людей, связанные с противодействием пандемии COVID-19. В 2022 г. число фактов регистрации граждан Узбекистана в России по месту пребывания с указанной целью приезда «работа» составило почти 6 миллионов, Таджикистана – 3,5 миллиона, Кыргызстана – почти 1 миллион [3]. Понятно, что за этими цифрами может частично скрываться двойной или тройной счет, т. к. один и тот же человек может въезжать и регистрироваться в России неоднократно, но увеличение этих цифр более чем вдвое по сравнению с «доковидным» 2019 годом позволяет судить о динамике процесса, даже если предположить, что процент регистрирующихся по месту пребывания иностранных граждан увеличился.

Однако российская экономика переживает не лучшие времена, что связано с введенными западными странами санкциями и ослаблением курса национальной валюты. Трудовые мигранты чувствительны к экономической конъюнктуре в стране пребывания. Неудивительно, что в первой половине 2023 г. количество регистраций граждан СНГ по месту пребывания в России с указанной целью въезда «работа» снизилось примерно на 40 % по сравнению

с первой половиной 2022 г. Нельзя не отметить, что в наименьшей степени это коснулось мигрантов из стран-членов ЕАМС – Казахстана, Армении, Кыргызстана, Беларуси, приток из которых сократился не более чем на 15 % [3]. Преимущества свободного трудоустройства имеют значение!

Экономическая неопределенность в России явилась триггером для усиления формировавшегося в последние годы тренда на диверсификацию миграционных векторов в странах происхождения. Этот тренд задан государственной политикой стран: их курс на «многовекторность» включает в себя укрепление политических и экономических связей с другими странами, помимо России, и стремление диверсифицировать направления потоков трудовой миграции вполне укладывается в эту политику. В последние годы Узбекистан заключил соглашения о трудовой миграции с Южной Кореей, Саудовской Аравией, Великобританией, Израилем, готовится соглашение с Японией. В Южной Корее граждане Узбекистана вошли уже в пятерку самых многочисленных групп иностранных граждан [4]. Кыргызстан направляет своих граждан на работу в Южную Корею, Турцию, Германию, страны Персидского залива. В 2022 г. правительство Кыргызстана подписало соглашение с международной рекрутинговой компанией AGRI-HR о направлении кыргызских граждан на сельскохозяйственные работы в Великобританию. Таджикские мигранты при поддержке государства также осваивают новые миграционные направления [5].

Тренд на диверсификацию миграционных потоков из стран Центральной Азии поддерживается и «внешними игроками». Новая, пересмотренная в 2019 г. Стратегия действий ЕС в Центральной Азии [6] в качестве одной из всеобъемлющих целей указывает на необходимость «наращивать сотрудничество в сфере миграции». И если в прежней Стратегии ЕС (2007 г.) миграция в регионе увязывалась исключительно с вопросами безопасности, то теперь идея состоит в том, чтобы создать условия для диверсификации направлений трудовой миграции из стран Центральной Азии. Речь идет о содействии трудоустройства граждан стран региона в других государствах, помимо России. За этими усилиями может стоять расширение арсенала механизмов реализации стратегической цели ослабить Россию по самым разным направлениям – в частности, лишить ее необходимых ей дополнительных трудовых ресурсов.

Вообще, последние два года довольно отчетливо изменили «иерархию» факторов миграционного взаимодействия, действующих в ЕАМС. Это может быть временным явлением, характерным для периода политической турбулентности, но факт остается фактом: на первое место вышли факторы политические, которые существенно изменили направления и масштабы миграционных потоков. Другие факторы, определяющие существование постсоветского пространства как миграционной системы остались; они имеют объективный характер и являются долговременными. Демографический дисбаланс, различия в уровнях заработной платы и размерах рынков труда, географическая близость, общий рынок труда ЕАЭС, сформировавшиеся миграционные социальные сети и т. д. – все это привело к тому, что внутререгиональные потоки трудовой миграции стали важным ресурсом развития региона и фактором интеграции стран ЕАМС. Однако на данном этапе определяющими оказались политические факторы, связанные с проведением Россией СВО на Украине и введением западных санкций против России.

Прежде всего это касается многочисленных потоков вынужденных мигрантов и беженцев из Украины в ответ на проведение военных действий. Россия столкнулась с потоком беженцев из Украины раньше – еще с 2014 года, но после открытого военного столкновения их масштабы существенно выросли. Заключение западных экспертов, что «почти треть населения Украины оказались вынужденными переселенцами» [7], может быть, и является преувеличением (и точные цифры едва ли существуют), но реальность такова, что Украина в 2022–2023 гг. испытала беспрецедентную вынужденную эмиграцию своих жителей, связанную с военными действиями. По оценкам УВКБ ООН, после начала СВО 5,8 млн граждан Украины мигрировали в страны ЕС, около 3 млн въехали в Россию [8]. В реальности эти цифры наверняка выше, потому что не все мигранты регистрировались как беженцы или ли-

ца, ищущие убежища, многие прибегали к помощи родных и друзей, проживающих в странах въезда. Для России такая ситуация типична: в стране проживает 3-миллионная украинская диаспора.

В ответ на проведение СВО резко возросла миграция из России. По итогам 2022 г. Россия имела отрицательный миграционный баланс – впервые с 1970-х гг. Это была и паническая миграция, основанная на страхе, и миграция, связанная с неприятием проведения СВО, и стремление избежать мобилизации. Это была также вынужденная миграция, связанная с осложнением или невозможностью работать в России из-за введенных санкций (например, санкции против российских банков сделали невозможным получение заработной платы от зарубежных работодателей). Вынужденная релокация была также связана с ограничением доступа России к интернет-ресурсам, необходимым для работы, или перемещением в другие страны международных и иностранных компаний вместе с российским персоналом. Например, только Казахстан в 2022 г. принял порядка 250 международных компаний, которые переехали из России вместе с сотрудниками [9]. Количественно оценить этот всплеск эмиграции из России сложно, потому что мало кто официально зафиксировал свой отъезд, кто-то уже вернулся, но оценки достигают 1 млн чел. выехавших.

Заметим, что значительная часть выехавших из России уехали в страны Евразийского экономического союза, въезд куда беспрепятственен и возможен даже по внутреннему российскому паспорту. То есть ЕАЭС с его принципом свободы передвижения людей и рабочей силы проявил свое значение для людей, живущих в его странах-членах, в условиях чрезвычайной миграционной ситуации. Миграционные потоки из России были направлены также в безвизовые для российских граждан Турцию, Сербию, Израиль, ОАЭ, в какой-то части – в страны ЕС, хотя последние выставили барьеры для граждан России.

К числу усиливших свое действие в ЕАМС политических факторов можно отнести и внутривнутриполитические процессы в странах системы. Страны происхождения настойчиво нацеливают свою экономическую политику на то, чтобы перейти от стратегии роста, основанной на экспорте сырьевых товаров и трудовых ресурсов, к структурному реформированию экономики с целью устойчивого развития. Это указывается во всех без исключения планах стратегического развития стран Центральной Азии. За этим стоит понимание правительствами государств уязвимости своего положения, когда они сильно зависят от трудовой миграции своих граждан в Россию и получаемых денежных переводов. Еще 10–15 лет назад центрально-азиатские страны на государственном уровне активно участвовали в обсуждении с Российской Федерацией возможностей и условий трудоустройства своих граждан, тем самым фактически подталкивая их к трудовой миграции в Россию. Сейчас ситуация изменилась. Массовый отъезд лиц трудоспособного возраста в Россию воспринимается как потенциальный вызов для развития экономики. Об этом свидетельствуют недавние политические шаги правительств центрально-азиатских государств. В Узбекистане, например, с апреля 2023 г. реализуется Государственная программа содействия трудоустройству молодежи [10], целью которой фактически является сократить отток молодого трудоспособного населения за рубеж. В Кыргызской Республике принят в 2023 г. Закон о молодежи [11], нацеленный на всемерное содействие трудоустройству и вовлечению в предпринимательство молодых специалистов.

С другой стороны, в России активно проводится политика, нацеленная на преодоление дефицита трудовых ресурсов, особенно в рабочих профессиях, за счет собственных внутренних ресурсов. Реализуется программа перераспределения трудовых ресурсов по территории страны, действуют региональные программы повышения мобильности трудовых ресурсов. Дефицит квалифицированных кадров рабочих профессий стимулировал развитие среднего профессионального образования: в 2020 г. около 60 % выпускников 9-х классов сделали выбор в пользу колледжей (в начале 2000-х гг. их было 10–15 %) [12]. Вопрос о дефиците кадров в экономике и реальных способах его преодоления поднят на самый высокий национальный уровень – на заседание Президиума Государственного Совета в сентябре 2023 года [13].

Эти меры, осуществляемые как в странах происхождения, так и в принимающих странах ЕАМС, совершенно естественны: трудовая миграция является далеко не главным, а дополнительным средством решения проблем на рынке труда для обеих групп стран. Однако в существующих обстоятельствах очевидно, что ресурс трудовой миграции в регионе сохраняет и свой потенциал, и свою востребованность. В России переносится упор на привлечение дополнительной рабочей силы из стран СНГ в формате «целевого набора» в строительство, агропромышленный комплекс, легкую промышленность. Казахстан, вынося на первый план преодоление дефицита кадров за счет реформирования системы образования, тем не менее, придает важное значение привлечению иностранных работников, прежде всего высококвалифицированных специалистов и квалифицированных рабочих, на основе квот для разных категорий вакансий, оставляя двери открытыми также для сезонных сельскохозяйственных и строительных рабочих из соседних стран – Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана. В странах происхождения, прежде всего в государствах Центральной Азии, возможность «делегирования» части трудовых ресурсов на зарубежные рынки труда будет сохранять актуальность до тех пор, пока высокие темпы прироста численности трудоспособного населения не будут сопровождаться соответствующим развитием национальных рынков труда, созданием достаточного числа рабочих мест и повышением заработных плат.

На нынешнем этапе Евразийская миграционная система переживает период трансформации. Сохраняя в целом свою структуру, ЕАМС становится более открытой системой, увеличиваются миграционные потоки, направленные вовне постсоветского региона. Есть все основания считать, что Россия останется центром притяжения мигрантов в ЕАМС еще в течение какого-то времени, но масштабы миграции в Россию из стран СНГ могут снизиться. Перспектива расширения Евразийского экономического союза, в том числе за счет государств вне постсоветского пространства, может существенно повлиять на структуру ЕАМС. Переформатирование ЕАМС возможно также в результате масштабных геополитических и геоэкономических сдвигов, которые неизбежно произойдут в мире в ближайшие десятилетия. Поэтому перспективы развития ЕАМС важно оценивать, исходя из общемирового контекста политических трансформаций и глобальных миграционных трендов (см.: [14]). Среди этих трендов – изменение векторов и структуры миграционных потоков, рост доли гуманитарных и вынужденных категорий мигрантов, формирование разнонаправленных трендов в международной трудовой миграции, выстраивание новых миграционных коридоров в сторону новых центров экономического роста.

Литература

1. *Флоринская Ю.Ф.* Социология и статистика не показывают негативных трендов в трудовой миграции // *Экономическое развитие России.* – 2022. – Т. 29. – № 6. – С. 55–59.
2. *Ивахнюк И.В.* Европейская миграционная система: теория и практика. – М.: МАКС-Пресс, 2008. – 192 с.
3. ГУВМ МВД России. Статистические сведения по миграционной ситуации. – URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 21.09.2023).
4. Number of foreign citizens living in South Korea in 2022 by citizenship. – URL: <https://www.statista.com/statistics/934118/number-immigrants-living-south-korea-by-country-of-origin/> (дата обращения: 22.09.2023).
5. Europe-Central Asia Monitoring, Tajik labour migrants looking for greener pastures, 5 January 2023. – URL: <https://eucentralasia.eu/tajik-labour-migrants-looking-for-greener-pastures> (дата обращения: 19.09.2023).
6. The EU's New Central Asia Strategy. 2019. – URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/633162/EPRS_BRI\(2019\)633162_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/633162/EPRS_BRI(2019)633162_EN.pdf) (дата обращения: 22.09.2023).
7. ICMPD Migration Outlook 2023. Eastern Europe and Central Asia. Six migration issues to look out for in 2023. – URL: https://www.icmpd.org/file/download/58952/file/ICMPD_Migration_Outlook_2023.pdf (дата обращения: 16.09.2023).

8. UNHCR. Operational Data Portal. Ukraine Refugee Situation. – URL: Situation Ukraine Refugee Situation (unhcr.org) (дата обращения: 19.09.2023).
9. Казахстан ведет работу по релокации более 250 компаний, ушедших из России. Ведомости, 25 августа 2022 г. – URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2022/08/26/937732-relokatsii-bolee-250-kompanii?ysclid=lmx8yysux9524589924> (дата обращения 23.09.2023).
10. О дополнительных мерах по содействию занятости и обеспечению постоянной работой молодежи. Указ Президента Республика Узбекистан от 26.04.2023. – URL: <https://president.uz/ru/lists/view/6219> (дата обращения: 22.09.2023).
11. Закон Кыргызской Республики от 4 августа 2023 года № 157 О молодежи. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37751960 (дата обращения: 22.09.2023).
12. Мальцева В.А., Шабалин А.И. Не-обходной маневр, или бум спроса на среднее профессиональное образование в России // Вопросы образования. – 2021. – № 2. – С. 10–42.
13. Расширенное заседание Президиума Государственного Совета 21 сентября 2023 года «О развитии рынка труда в Российской Федерации». – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72319> (дата обращения: 24.09.2023).
14. Ивахнюк И. Проблемы миграции / Международные отношения: грани настоящего и будущего / под ред. И.С. Иванова, И.Н. Тимофеева, Е.О. Карпинской, Е.А. Солодухиной, С.М. Гавриловой; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2023. – С. 234–265.

МИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН В ОТРАЖЕНИИ СМИ

Игонин Денис Иванович

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В работе используется метод контент-анализа республиканских СМИ, который продуктивен для политических исследований общей социально-политической обстановки в регионе, в том числе миграционной политики. В рамках исследования был проведен анализ содержания публикаций в республиканских СМИ по теме миграционной политики в условиях РТ. Выявлена относительная частота упоминаемости миграционной темы в СМИ; определена тональность публикаций о миграции в РТ, а также соотношение групп «позитивно» и «негативно» окрашенных материалов; представлено соотношение рестриктивных, аккомодационных и промотивных по направленности публикаций; выделены факторы, способствующие реализации миграционной политики в условиях Республики Татарстан и их отражение в СМИ.

Ключевые слова: миграция, миграционная политика, СМИ, демография, дискурс.

На политическую жизнь в ее современном состоянии значительное влияние оказывают средства массовой информации, которые, с одной стороны, стараются оценить происходящие миграционные процессы, а с другой – пытаются воздействовать как на органы власти, так и на общественные круги, в связи с миграционной ситуацией. СМИ составляют значимый элемент информационной среды по отношению к миграционной политике, образуя соответствующее дискурсивное пространство.

В работе используется метод контент-анализа республиканских СМИ. Метод контент-анализа необходим для политических исследований общей социально-политической обстановки в регионе, в том числе миграционной политики.

Анализ республиканских СМИ предпринят с ноября 2018 года до сентября 2023 года. Начало хронологического отсчета определяется Указом Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». Для этого были выбраны республиканские интернет-СМИ и прочие пе-

риодические издания: сайты Tatar-inform.ru, Tatcenter.ru, Business-online, 116.ru, Kazan24.ru, kasanfirst.ru, «Время и Деньги. Сайт Юрия Алаева», а также газеты «Вечерняя Казань», «Республика Татарстан», «Казанские ведомости», «АиФ-Казань», realnoevremya.ru. Общее количество публикаций за исследуемый период – 107.

Исследование проводилось методом качественного контент-анализ как приема прикладного политологического исследования миграционной политики в Республики Татарстан. В отличие от количественного (частотного) вида контент-анализа, качественный вид методики ориентирован не на непосредственное количественное измерение элементов информационного массива, а на учет сочетания качественных и количественных показателей, характерных для этих элементов [1, с. 35]

Цель: провести анализ содержания публикаций в республиканских СМИ по теме миграционной политики в условиях РТ.

Задачи исследования:

1. Выявление относительной частоты упоминаемости в СМИ темы миграции.
2. Определение тональности публикаций о миграции в РТ, соотношение групп «позитивно» и «негативно» окрашенных материалов.
3. Определение соотношения рестриктивных, аккомодационных и промотивных по направленности материалов.
4. На основании предложенных факторов выделить формы их реализации в миграционной политике, осуществляемые применительно к условиям РТ.

В категорию «миграция» как единицу анализа включены государственная миграционная политика, миграционная политика, мигранты, вынужденные мигранты, субъекты миграции, беженцы. Был определен объем и выделена периодичность публикации по данной группе. Наибольшее число материалов приходится на 2019 год – 40 %. Это связано с изменениями российского миграционного законодательства, с момента вступления в силу Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, и вызвавшего поворот миграционной политики в сторону расширения приема мигрантов. В последующие годы заметна устойчивость интереса к тематике миграции в Республике Татарстан. Основная масса публикаций в республиканских СМИ приходится на интернет-издания: Tatar-inform.ru (64 %), Tatcenter.ru (16 %), kasanfirst.ru (1 %), Business-online.ru (1 %), Kazan24.ru и 116.ru (2 %). А также: «Республика Татарстан» (8 %), «Вечерняя Казань» (5 %), «Казанские ведомости» (1 %), realnoevremya.ru (1 %), «АиФ-Казань» (1 %).

Второй уровень анализа потребовал определения тональности публикации. Были выделены группы публикаций «положительного» и «негативного» отношения к мигрантам. В подавляющем большинстве публикаций отмечается проблема нелегальной миграции – 50 % от общего числа публикаций. «Негативное» отношение к мигрантам логично разделить на две группы.

Первую группу представляют публикации, связанные с мигрантами как источниками ухудшения криминогенной ситуации в Республике Татарстане [2]. В статьях данной направленности описываются рейды МВД по задержанию нелегальных мигрантов.

Вторую группу составляют публикации, посвященные проблеме нелегальной миграции [3]. Она определяется как «зло», наносящее урон, положению в сфере занятости для постоянного населения.

«Позитивное» отношение к миграции чаще всего выражается в связи с ухудшающейся демографической ситуацией и положением на рынке труда. «В 2022 году характерный для российского рынка труда дефицит только усилился. В сфере «рабочих специальностей» традиционно высока доля иностранных работников, потребность в которых сейчас стала еще больше. На фоне нехватки кадров зарплаты курьеров, водителей, ремонтников, кладовщиков, грузчиков и строителей начали расти. Дополнительную привлекательность для иностранцев российский рынок получил за счет укрепления курса рубля, благодаря чему заработки в пересчете на иностранные валюты значительно возросли», – комментирует данные показатели президент FinExpertiza Елена Трубникова [4].

Следующий этап анализа строился на выделении «аккомодационного» и рестриктивного дискурсов. Государство как центральный институт миграционной политики производит отбор с тем или иным набором обязательных требований по отношению к мигрантам по шкале «рестрикция-промотивность». Четкое выделение признаков такого разделения в республиканских СМИ затруднено тем, что большая часть публикаций носит описательный характер и избегает полярных оценочных выводов о миграционной политике согласно указанной шкале. Из общего объема публикаций (107) было отобрано 9, в которых, наряду с мнением журналистов, публикуются по большей части интервью официальных лиц. В целом, как в республиканских, так и центральных СМИ деятельность республиканских властей однозначно оценивается как «позитивная».

«Аккомодационный дискурс» государственной миграционной политики предполагает активное стимулирование миграционных процессов и характеризуется «открытостью» границ, мерами по максимальному привлечению мигрантов в Республику Татарстан. «Проблема обозначена, она связана с оплатой труда и с большим опытом тех, работавших на многих наших объектах. Есть необходимость увеличить количество тех трудовых мигрантов, работавших здесь до пандемии, для заполнения строительного рынка», – рассказала руководитель пресс-службы главы региона Лилия Галимова [5].

Рестрикционный фланг в дискурсивном поле предполагает отказ от стимулирования потоков мигрантов (сдерживание), когда государство вводит жесткие ограничения в передвижении людей. Этот дискурс в чистом виде выражен слабо.

Следует отметить, что в подавляющем большинстве случаев, в чистом виде, ни один из указанных «полярных» подходов не встречается. Из выделенных 9 публикаций в 7 наблюдается избирательный подход. Государство как центральный институт миграционной политики применяет «селективный» подход применительно к требованиям в каждом регионе. Это также прослеживается в высказываниях официальных лиц.

Большинство публикаций отходит от полярных значений дискурсивной шкалы и акцентируют фактически аккомодационный подход – привлечение трудовых мигрантов строительных профессий на законных основаниях.

На последующем этапе проводилась содержательная интерпретация результатов анализа текстового материала. Он был построен на оценке таких характеристик текстового материала, которые позволят выделить факторы миграционной политики в условиях РТ. Из общего объема публикаций (107) были выделены 60, где анализируются качественные значения миграционной политики в Республике Татарстан. Это было сделано на основании содержательных интерпретаций государственной миграционной политики.

Применив ранжирование (на основании частоты упоминаемости), было установлено, что ведущим фактором является институциональный, это прослеживается в 48 % публикаций. Поскольку институциональный фактор является своеобразным «ядром» и обеспечивает устойчивые легитимные формально-нормативные основания проведения миграционной политики. Они представляют собой совокупность концептуальной и организационно-управленческой составляющей компоненты в регулировании миграционных процессов.

Отличительной особенностью ряда публикаций является констатация фактов тесного сотрудничества региональных властей и общественных объединений. В публикациях отражается деятельность общественных организаций по адаптации мигрантов в Республику Татарстан. Актуальной сферой деятельности подобных организация является их «посредническая» деятельность между мигрантами с одной стороны и региональными органами власти на муниципальном, региональном уровнях с другой.

Экономический фактор занимает второе место по числу публикаций – 30 %. Особенно это касается привлечения специалистов строительных профессий для общего благоустройства г. Казани и городов республиканского значения, метрополитена в г. Казани, строительство трассы М-12 (Москва-Казань-Екатеринбург).

В публикациях показывается негативное влияние демографической ситуации на состояние рынка труда в Республике Татарстан. Поэтому в экономическом факторе объясняется

«аккомодационный подход», предполагающий активное стимулирование миграционных процессов, и меры по максимальному привлечению мигрантов в регионы с нехваткой «рабочих рук». Так, руководитель пресс-службы Раиса Татарстана Лилия Галимова сообщила, что в республике планируется привлечь на строительство больше трудовых мигрантов. По ее словам, проблема связана с оплатой труда и оттоком наиболее опытных рабочих не только в Татарстане, но и в России [6].

Четвертым по значимости в республиканских СМИ выделяется социокультурный фактор. Он представляет собой систему интеграции мигрантов в культуру «принимающего» общества. Мигранты формируют свою «субкультуру» применительно к базовой культуре общества, которая обеспечивает воспроизводство и изменение социальной жизни мигрантов как социальной группы. Одним из индикаторов успешной миграционной политики государства является интеграция мигрантов в местное сообщество, как плавное, постепенное принятие культуры «принимающего» общества. В публикациях отмечается, что Татарстан является тем регионом, где исторически сложившееся мирное сосуществование двух религий обуславливает толерантное отношение к представителям других национальностей [7]. Но полной интеграции мигрантов в жизнь общества практически нет. Они обычно проживают локально, группами и общаются только внутри их. То есть, наблюдается альтернативный вариант адаптации мигрантов – локализация или анклавизация, т. е. выстраивание внутри новой, но чужой социально-культурной среды обитания своей собственной, более привычной и психологически комфортной.

Глобалистический фактор представлен публикациями о встречах республиканских властей и международных организаций в области миграции, оценками последних миграционной ситуации в Татарстане. «Татарстан остается для мигрантов привлекательным регионом с точки зрения работы и проживания, – отметил Фарид Мухаметшин, открывая заседание. – Большое количество иностранных граждан, прибывающих в республику, останавливаются в Казани, остальные для проживания и заработка выбирают такие города, как Набережные Челны, Альметьевск и Елабуга. Наша задача – проанализировать миграционный поток, выяснить, как приезжие адаптируются в Татарстане, чем занимаются. Обстановка в мире обязывает держать вопросы межэтнических и межконфессиональных отношений на постоянном контроле [8].

Республиканские СМИ не делают акцента на теме этноконфликтного напряжения в Республике Татарстан, поэтому она представлена незначительно – 1,5 % от анализируемого объема публикаций. Это связано с пропагандой существующей в республике толерантности и «мирного существования народов». Последующие – информационный и природный – также практически не представлены – всего по одной публикации. Это отражает смысловое содержание аккомодационного дискурса.

Качественный контент-анализ республиканских средств массовой информации дает основания выделить следующее:

Во-первых, в республиканских периодических изданиях явным образом отображается официальный контекст миграционной политики в условиях Татарстана. Эта политика конструируется в рамках медийного дискурса как позитивная, на опыт которой должны опираться другие регионы. Территориальные органы миграционной службы по РТ на постоянной основе сотрудничают с республиканскими СМИ и обосновывают предпринимаемые конкретные меры.

Во-вторых, показательным является то, что наибольшее количество публикаций связывается с изменениями российского миграционного законодательства. Определение тональности публикаций о миграции в РТ, не свидетельствует о безусловном преобладании «негативно» окрашенных материалов. В то же время большинство публикаций отходят от полярных значений шкалы «рестриктивный фланг» – «промотивный фланг», и придерживаются амкомодационного дискурса с элементами избирательного подхода – привлечение трудовых мигрантов строительных профессий на законных основаниях.

В-третьих, применив ранжирование по критерию упоминаемости в республиканских СМИ факторов миграционной политики автором установлено, что ведущим является институциональный фактор – как целенаправленная деятельность региональных органов власти в деле контроля миграционных потоков и селективных мер. Экономический фактор занимает второе место и по смыслу направлен на привлечение необходимых для республики работников строительных специальностей. На следующем месте с точки зрения интереса, вызванного в СМИ, стоит демографический фактор как восполнение со стороны миграции тенденций естественной убыли населения Татарстана.

В-четвертых, рассматривая социокультурную составляющую СМИ отмечают межкультурную стабильность и толерантность в республике, но при сохранении мигрантами «субкультурных» характеристик.

Литература

1. *Боришполец К.* Методы политических исследований. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 35 с.
2. Новостной ресурс «Реальное время». – URL: <https://realnoevremya.ru/articles/183732-prestupnost-sredi-inostrancev-v-tatarstane-vyroslo-na-chetvert> (дата обращения: 27.09.2023).
3. Новостной ресурс «Бизнес Online». – URL: <https://kam.business-gazeta.ru/news/605668> (дата обращения: 27.09.2023).
4. Новостной ресурс «KazanFirst». – URL: <https://kazanfirst.ru/articles/610787> (дата обращения: 28.09.2023).
5. Новостной ресурс «Аргументы и факты. KazanAif.ru». – URL: https://kazan.aif.ru/society/details/tatarstanskije_vlasti_planiruyut_uvelichit_kolichestvo_trudovyh_migrantov (дата обращения: 28.09.2023).
6. Новостной ресурс «KazanFirst». – URL: <https://kazanfirst.ru/news/573086> (дата обращения: 28.09.2023).
7. Новостной ресурс «KazanFirst». – URL: <https://kazanfirst.ru/articles/599428> (дата обращения: 28.09.2023).
8. Новостной ресурс «Республика Татарстан». – URL: <https://rt-online.ru/migrantov-priobshhat-k-traditsiyam/> (дата обращения: 28.09.2023).

ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИОННОГО ПРИРОСТА НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ: СПЛАЙН-АНАЛИЗ

Ильясов Руслан Хизраилевич

Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, Грозный, Россия

Аннотация. В статье выполнен анализ факторов и тенденций миграционного прироста населения на примере трудоизбыточного и трудодефицитного регионов. Среди факторов миграционного прироста наиболее значимым оказался показатель напряжённости на рынке труда. При этом выявлены заметные различия в корреляции миграционного прироста населения с показателем напряжённости на рынке труда в Чеченской Республике и в Республике Татарстан. Предложенный в исследовании метод сплайн-анализа взаимосвязей обнаружил свои преимущества перед методами классической эконометрики. Сплайн-анализ оказался эффективным при выявлении «латентных» корреляций между тенденциями процессов, при анализе трансформации связи под воздействием «событийных составляющих» динамики.

Ключевые слова: Миграция, рынок труда, тенденции, моделирование, сплайны, анализ.

Факторами миграционного прироста в современном обществе могут служить изменения в экономических, экологических, политических и социальных тенденциях, создавая потоки населения между регионами. Исторически считается, что относительное экономическое процветание региона оказывает основное влияние на положительный миграционный прирост

населения. Эффективное управление миграционными потоками между регионами, в первую очередь, служит инструментом достижения сбалансированности рынков труда. Миграция влияет также на динамику и структуру демографических показателей. Таким образом, при поиске факторов миграционного прироста населения в регионах следует искать корреляцию с динамикой показателей уровня жизни населения и напряженности на рынке труда [1, 2].

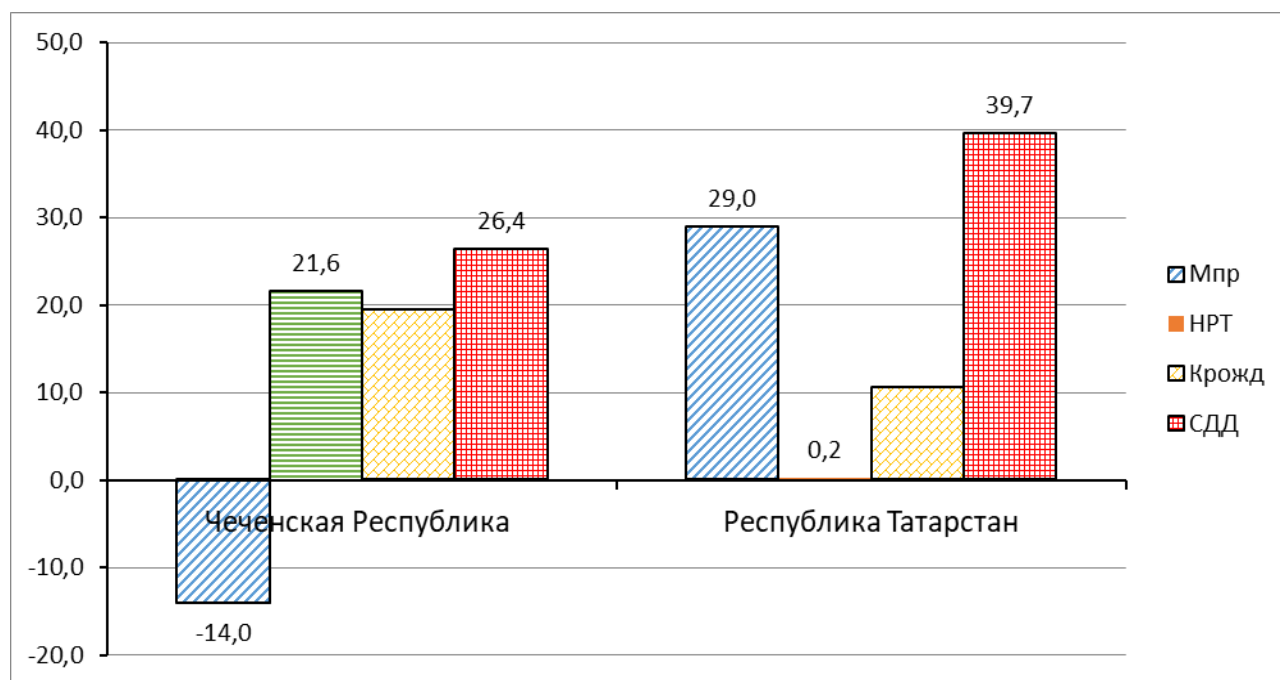

Рис. 1. Факторы миграционного прироста населения в Чеченской Республике и в Республике Татарстан

По данным за 2021 г. сальдо миграции в Чеченской Республике отрицательное – на каждые 10 тыс. человек миграционное снижение населения составило 14 человек, когда в Республике Татарстан миграционный прирост составил 29 продецимилле (рис. 1). В качестве факторов миграционного прироста рассмотрим показатели напряженности на рынке труда, рождаемости и среднедушевых доходов населения. Позитивно Чеченская Республика выделяется по величине общего коэффициента рождаемости – на каждые 1000 человек в 2021 г. здесь родилось 19 человек, почти в 2 раза превышая рождаемость в Республике Татарстан. Однако, в контексте изучения миграционных потоков высокая рождаемость может коррелировать отрицательно с динамикой миграционного прироста, генерируя более интенсивное естественное пополнение трудовых ресурсов. Высокая скорость пополнения трудовых ресурсов, в свою очередь, повышает напряженность на рынке труда и вызывает отток населения из региона в поисках работы. Данные Росстата подтверждают – показатель напряженности на рынке труда в Чеченской Республике многократно превышает значения в Республике Татарстан. Здесь в 2021 г. на каждую заявленную вакансию приходится более 20 безработных, когда в Республике Татарстан этот показатель равен 0,2, что говорит о заметном дефиците рабочей силы. Это определяет направление миграционных потоков из регионов с более высокой напряженностью на рынке труда в регионы, в которых давление на рынок труда естественного пополнения рабочей силы слабее. Более низкие значения среднедушевых доходов населения в Чеченской Республике также можно объяснить высокой напряженностью на рынке труда.

Для более аргументированного определения наиболее существенного фактора оценим корреляцию значений миграционного прироста населения со значениями напряженности на рынке труда, рождаемости и среднедушевых доходов по данным с 2010 по 2011 гг. [3].

Корреляция значений миграционного прироста населения
со значениями напряжённости на рынке труда, рождаемости
и среднедушевых доходов населения по данным с 2010 по 2011 годы

	Количество безработных на 1 вакансию	Число родившихся на 1 000 человек населения	Среднедушевые денежные доходы населения, рублей в месяц
Чеченская Республика, Мпр, продецимилле	–0.75	–0.76	0.84
Республика Татарстан, Мпр, продецимилле	–0.10	0.10	–0.23

Результаты расчётов оказываются противоречивыми, не позволяя однозначно интерпретировать возможные корреляции между процессами. Значения коэффициентов корреляции между исследуемыми показателями в Республике Татарстан оказались близкими к нулю, что должно свидетельствовать об отсутствии взаимной связи. В Чеченской Республике сальдо миграции тесно коррелирует со всеми тремя факторами – напряжённостью на рынке труда, рождаемостью и среднедушевыми доходами. Среди факторов выделяется напряжённость на рынке труда, с которым сальдо миграции коррелирует отрицательно и в Чеченской Республике, и в Республике Татарстан. Это позволяет нам выделить фактор, оказывающий основное влияние на динамику миграционного прироста населения – соотношение количества безработных и объявленных вакансий [4].

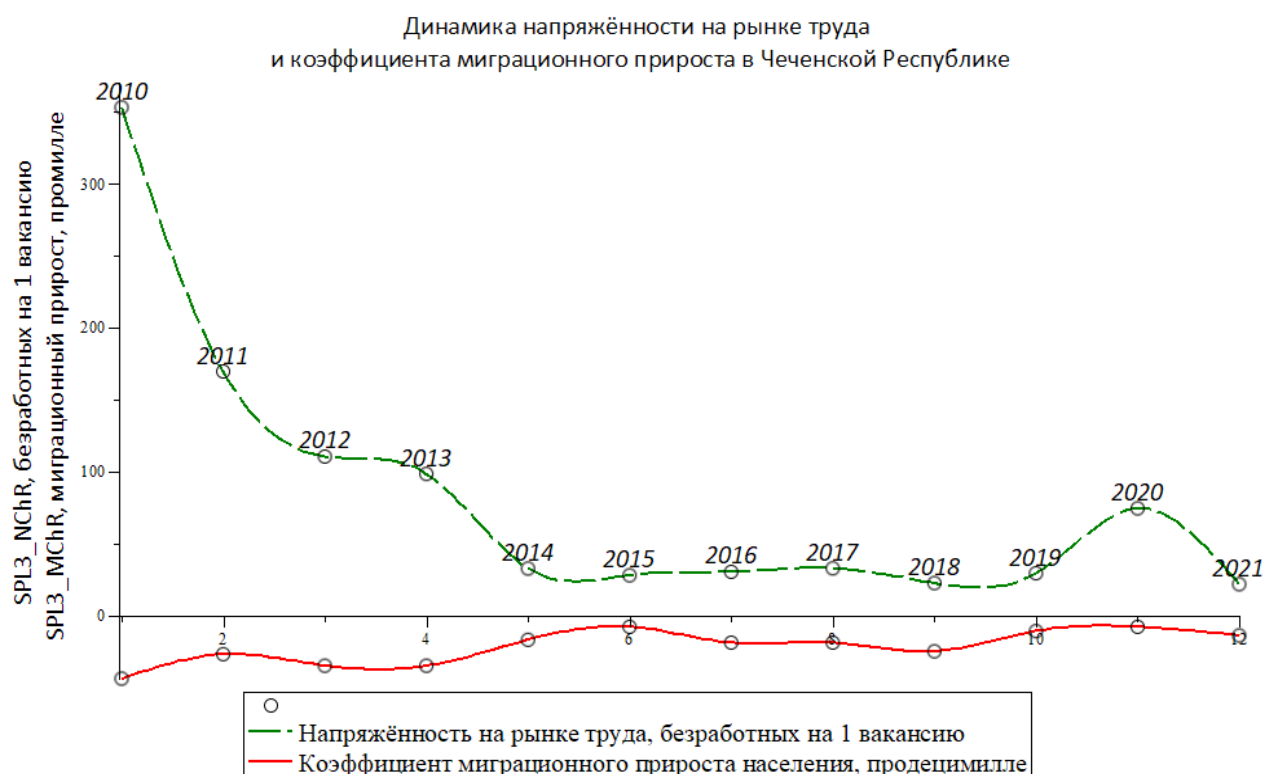

Рис. 2. Динамика напряжённости на рынке труда и коэффициента миграционного прироста в Чеченской Республике

Одной из причин неоднозначности результатов анализа можно назвать неспособность методов классической эконометрики наблюдать динамические изменения взаимосвязей. Очевидно, что степень взаимного воздействия процессов может изменяться с течением времени, усиливаясь или ослабляясь в различные периоды времени. Это может происходить под кратковременным воздействием «событийных составляющих» динамики или последовательных изменений конъюнктуры. Например, распространение Covid-19 в 2020 году послужило «событийным составляющим» динамики, сдерживавшим трудовую миграцию населения, несмотря на существенное повышение напряжённости на региональных рынках труда [5, 6].

Недостатком коэффициента корреляции является то, что он даёт лишь обобщённую или усреднённую внутри всего исследуемого интервала времени оценку тесноты связи. Он не позволяет наблюдать локальные изменения связи на фоне внезапных или последовательных изменений конъюнктуры. Сглаженные реакции демонстрируют и регрессионные модели классической эконометрики. Решением может служить принципиально новый в эконометрике подход, предлагающий метод динамического изучения взаимосвязей сплайн-моделированием динамики [7, 8]. Структурно-вариативная динамика потоков миграции заметно ограничивает релевантность моделей регрессии задачам наблюдения последовательных изменений связи. Модели «сглаженной» динамики становятся источником накопления ошибок обработки данных, причиной неэффективности решений при управлении потоками в экономических системах с переменной структурой. Обращение к сплайн-моделям реализует новое требование к методологии моделирования динамики, концептуально отличающее её от традиционных методов – все изменения в экономической динамике описываются аналитической моделью без искажений. Сплайн-моделированием достигается непрерывное и последовательное описание темпоральной эволюции взаимосвязей между процессами [9].

Рис. 3. Динамика напряжённости на рынке труда
и коэффициента миграционного прироста в Республике Татарстан

Построенные интерполированием кубическими сплайнами модели демонстрируют происходившие с течением времени изменения связи – с 2010 г. колебания напряжённости на рынке труда и коэффициента миграционного прироста в Чеченской Республике асинхронные, изменяющиеся в широком диапазоне значений (рис. 2). В этом интервале можно предположить наличие тесной обратной связи между показателями. С 2014 по 2019 гг. изменения происходят в относительно небольшом диапазоне, что затрудняет определение направления и тесноты связи. Заметные изменения в направлении связи проявились в 2020 и 2021 годах, когда изменения двух процессов синхронизировались.

В Республике Татарстан динамика напряжённости на рынке труда и коэффициента миграционного прироста кардинально отличаются от процессов в Чеченской Республике. Во-первых, сохраняется положительное сальдо миграции на протяжении всего исследуемого интервала времени (рис. 3). Во-вторых, существенно низкая напряжённость на рынке труда, которая должна служить фактором механического пополнения трудовых ресурсов за счёт миграционного прироста населения. При этом качественный анализ кривых затруднён малыми колебаниями абсолютных значений напряжённости на рынке труда при существенных изменениях в динамике миграционного прироста. Вспомним и результаты количественного анализа – коэффициент корреляции между показателями был близок к нулю, не обнаруживая наличие связи. Решением ограниченности методов корреляционно-регрессионного анализа становится анализ тенденций – поиск корреляций в колебаниях скорости изменений миграционного прироста и напряжённости на рынке труда. Дифференцируемость сплайн-моделей, кривые которых проходят через узловые точки процессов с нулевой погрешностью, становится для анализа тенденций их важным свойством. Известная в физике интерпретация первой производной аналитической модели движения как скорости движения, в экономике находит описание как мгновенная скорость изменений процесса [10].

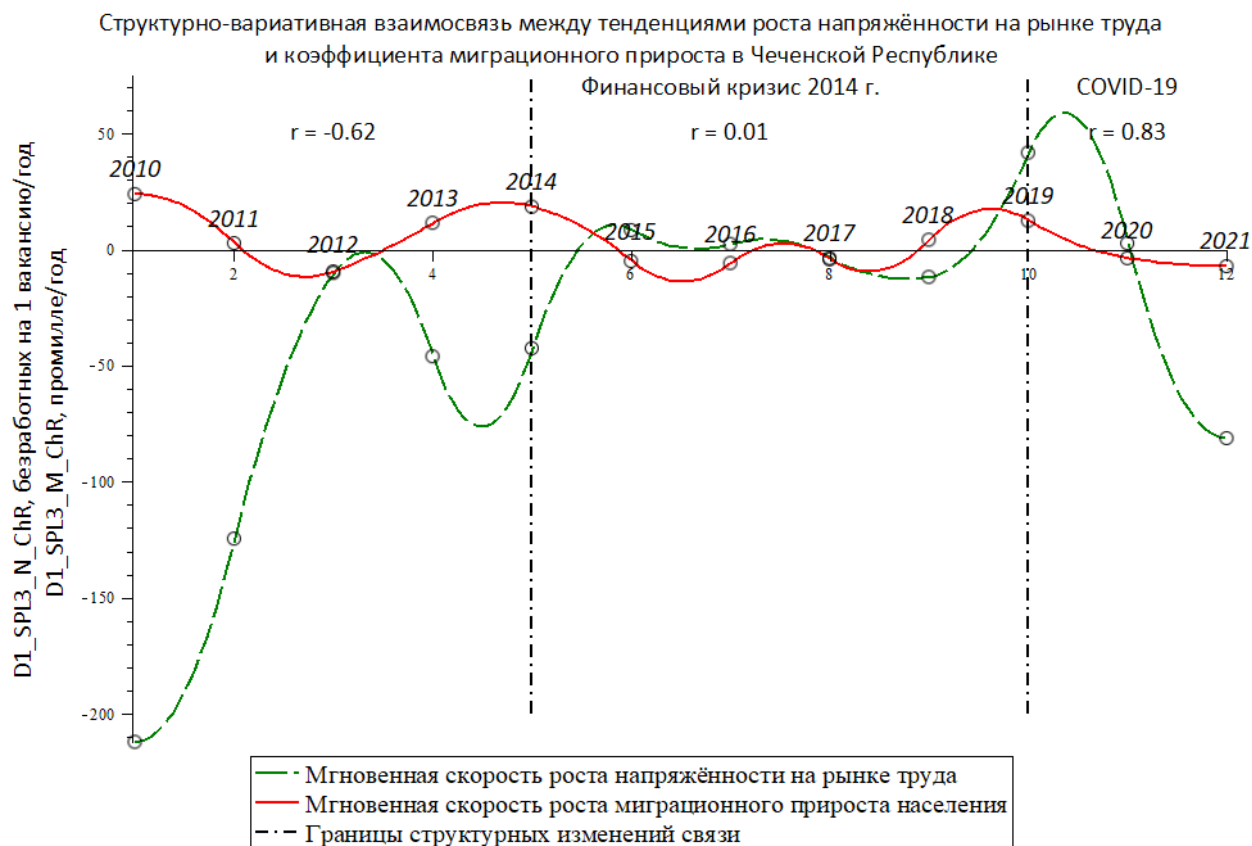

Рис. 4. Структурно-вариативная взаимосвязь между тенденциями роста напряжённости на рынке труда и коэффициента миграционного прироста в Чеченской Республике

Дифференцированием построенных кубическими сплайнами моделей динамики мы получили модели тенденций – мгновенной скорости роста напряжённости на рынке труда и миграционного прироста населения в Чеченской Республике. Кривые первой производной не только более «рельефно» описывают даже малые изменения в динамике показателей, но и однозначно определяют направления изменения по знаку производной. При «чтении» графиков следует помнить также, что в точках пересечения кривых первой производной с осью абсцисс определяются экстремумы – точки, в которых скорость роста максимальная или минимальная. Как видно на рисунке 4, в корреляции тенденций происходили структурные изменения на фоне «событийных составляющих» динамики. В исследуемом интервале времени можно выделить два события, которые могли привести к существенным изменениям экономической конъюнктуры – экономический кризис 2014 г. и начало пандемии Covid-19. Их воздействие разбивает выбранный для исследования временной интервал на три отрезка – с 2010 по 2014 гг., с 2014 по 2019 гг. и с 2019 по 2021 гг. Как показал анализ, внутри этих отрезков корреляция процессов заметно различалась [11]. С 2010 по 2014 гг. мы наблюдаем отрицательную корреляцию между изменениями напряжённости на рынке труда и отрицательным сальдо миграции в Чеченской Республике. Быстрое снижение напряжённости на рынке труда в этот период привело к заметному снижению отрицательного сальдо миграции. С 2014 г. корреляция между тенденциями напряжённости на рынке труда и миграционного прироста практически не проявляется. Это можно объяснить ослаблением рыночных механизмов саморегулирования в условиях усиления внешнеэкономических ограничений. Нехарактерное для рынка поведение процессов наблюдаем с началом пандемии Covid-19 – в этот период процессы начинают коррелировать положительно. Это показывает, что с увеличением напряжённости на рынке труда миграционный отток населения из Чеченской Республики замедлился. Очевидно, это было следствием введённых ограничений на перемещение населения в условиях пандемии.

Рис. 5. Структурно-вариативная взаимосвязь между тенденциями роста напряжённости на рынке труда и коэффициента миграционного прироста в Республике Татарстан

Анализ кривых скорости на рисунке 5 выявляет заметные различия в корреляции тенденций напряжённости на рынке труда и миграционного прироста населения в Чеченской Республике и Республике Татарстан. В первую очередь, это сохранение в Республике Татарстан обратной связи между процессами и в те периоды, когда экономическая конъюнктура подвергалась воздействию «событийных составляющих» динамики – в 2014 и 2020 гг. Начиная с 2010 г. корреляция между процессами отрицательная, более тесная по сравнению с Чеченской Республикой. С началом экономического кризиса в 2014 г. корреляция между напряжённостью на рынке труда и миграционным приростом населения стала менее тесной, но знак коэффициента корреляции сохранился отрицательным. В период распространения пандемии Covid-19, напротив, обратная взаимосвязь между процессами стала почти функциональной.

Выполненный анализ позволяет сделать ряд выводов как о факторах и тенденциях миграционного прироста населения в регионах, так и об аналитическом потенциале предложенного метода сплайн-анализа. Следует отметить, наиболее существенным фактором миграционного прироста населения оказались изменения напряженности на рынке труда. При этом в трудоизбыточных регионах на фоне проявления «событийных составляющих» динамики происходят существенные изменения в параметрах связи, например, корреляция исчезает или меняется направление связи. Так, в Чеченской Республике сальдо миграции сохраняется отрицательным на всем исследуемом интервале времени, однако его корреляция с колебаниями напряженности на рынке труда заметно меняется в периоды кризисов. Объяснением можно считать недостаточная эффективность или недостаточный «потенциал» рыночных механизмов саморегулирования экономики трудоизбыточного региона. В Республике Татарстан сохраняется положительное сальдо миграции на протяжении всего исследуемого интервала времени. Тенденции миграционного прироста отрицательно коррелируют с колебаниями напряженности на рынке труда, в условиях кризисов меняя лишь тесноту связи, но не направление.

Предложенный метод выявил и несколько достоинств сплайн-анализа взаимосвязей. Во-первых, сплайн-анализ оказался эффективным при выявлении «латентных» корреляций между процессами [12]. Если между абсолютными значениями динамики миграционного прироста и напряжённости на рынке труда в Республике Татарстан корреляция не обнаруживается ($r = -0.1$), то корреляция тенденций (скорости роста) оказывается намного заметнее ($r = -0.77$). Сравнение тенденций (скорости роста) оказывается возможным благодаря точности и плавности интерполяционного поведения кубических сплайнов, а также благодаря их дифференцируемости. Возможность генерирования дополнительных точек процесса снимает ограниченность методов классической эконометрики, позволяя оценивать корреляцию внутри временных отрезков различной длины. Точность, плавность, непрерывность, дифференцируемость и кусочно-вариативная структура сплайн-моделей оказались свойствами, полезными при поиске корреляций между тенденциями процессов.

Литература

1. *Пруель Н.А.* Миграция в современной России: масштабы, основные направления и проблемы / Н.А. Пруель, Л.Н. Липатова, В.Н. Градусова // Регионология. – 2020. – Т. 28. – № 1 (110). – С. 133–158.
2. *Потемкина О.Ю.* Многоуровневое управление миграцией в Европейском Союзе // Современная Европа. – 2020. – № 2 (95). – С. 100–110.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели 2022. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 15.09.2023).
4. *Ильясов Р.Х.* Демографические тенденции как фактор напряжённости на рынке труда в Чеченской Республике / Р.Х. Ильясов, З.В. Алиев, М.А. Хамзаева, Т.Р. Ильясов // Вектор экономики. – 2020. – № 10 (52). – С. 30–35.
5. *Кулькова И.А.* Влияние пандемии коронавируса на демографические процессы в России // Human Progress. – 2020. – Т. 6. – № 1. – С. 5–15.

6. Денисенко М.Б. Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии / М.Б. Денисенко, В.И. Мукомель // Демографическое обозрение. – 2020. – Т. 7. – № 3. – С. 84–107.
7. Ильясов Р.Х. Новая эконометрия / И.Г. Винтизенко, Р.Х. Ильясов. – Ставрополь: Агрус, 2018. – 478 с.
8. Ilyasov R.H. About the Method of analysis of economic correlations by differentiation of spline models // Modern Applied Science. – 2014. – Volume 8. – Issue 5. – P. 197–203.
9. Ilyasov R.Kh. Methods of "new econometrics" in study of interrelations with variable structure / R.Kh. Pyasov, V.S. Yakovenko, T.D. Malyutina, D.D. Tkachenko, E.M. Magomadov // The European proceedings of social & behavioural sciences EpSBS Conference: SCTCGM 2018 – Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism. – 2019. – P. 497–504.
10. Ильясов Р.Х. О многоаспектной роли производных в анализе и моделировании экономических потоков // Современные наукоёмкие технологии. Региональное приложение. – 2019. – № 4 (60). – С. 36–42.
11. Ильясов Р.Х. Сплайн-моделирование и анализ взаимосвязей в экономике при возможном наличии точек переключения регрессии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2018. – Т. 11. – № 4. – С. 165–175.
12. Ильясов Р.Х. «Латентные» корреляции потоков в экономике: сплайн-анализ // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2021. – № 1 (127). – С. 35–41.

СЕКЦИЯ «ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖЛИЧНОСТНОГО ДОВЕРИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ»

БАЛКАРСКИЙ НАРОД В ПОИСКАХ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

**Геграев Хаким Камилевич,
Геграев Ильяс Хакимович**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается сложный и противоречивый процесс поиска немногочисленным балкарским народом своей социально-культурной идентичности в условиях цифровой глобализации и многонационального российского общества, направленного на сохранение своего демографического потенциала, историко-культурного наследия и достижение того уровня качества жизни, который мотивировал бы новые поколения оставаться, по крайней мере в значительной своей части, жить и работать на своей исторической родине.

Ключевые слова: балкарский народ; социально-культурная идентичность; Кабардино-Балкарская Республика; депортация; реабилитация; постперестроечные годы; меморативные практики.

Проблемы поиска и обретения качественно новой социально-культурной идентичности в постсоветские десятилетия приобрели особо актуальный и интенсивный характер для всех народов многонациональной Российской Федерации. Такого рода поиски, по мысли тех, кто их генерировал (представители научной и творческой интеллигенции, активисты общественных движений), в результате должны были повысить уровень политической субъектности этнических общностей и, одновременно, противостоять глобальным ассимиляционным трендам. Последнее особенно справедливо для коренных малочисленных народов России численностью до 50 тыс. человек, а также, в значительной мере, и для более крупных народов, имеющих численность от ста до нескольких сот тысяч человек, к каковым относятся и балкарцы.

Балкарцы – один из коренных, титульных, наряду с кабардинцами, этносов Кабардино-Балкарской Республики, населяющих, преимущественно, ее горную часть, вследствие чего исторически основой его жизнеобеспечения было занятие отгонным скотоводством. Балкарцы (балкаро-карачаевцы), в процессе и в результате своей этнической истории, сформировали многослойную культурную идентичность как представители кавказского типа европеоидной расы, говорящие на одном из тюркских языков, являющиеся одним из самых высокогорных тюркских народов; прошедшие, в области духовной культуры, через этапы тенгрианства, с элементами общекавказского язычества, христианства и, наконец, ислама. Наиболее близкими к ним по языку являются другие тюркские народы Северного Кавказа – карачаевцы, кумыки и ногайцы.

По данным последней Всероссийской переписи населения 2020 (2021 г.) балкарцев в Российской Федерации насчитывается 125 044 чел., в том числе мужчин – 59 956 чел. (48 %), женщин – 65 088 (52 %). При этом численность городского населения составила 52 391 чел. (42 %), а сельского – 72 653 (58 %) [1]. В самой Кабардино-Балкарской Республике (КБР) на момент переписи 2020 г. насчитывалось 120898 чел. балкарского населения, или, без малого, 97% всех проживающих в Российской Федерации балкарцев, которые на данный момент являются третьим по численности этносом в КБР [2]. Как видно, при том, что в послевоенные десятилетия, точнее – после возвращения народа из мест насильственной депортации (1944–1957 гг.), – в балкарской среде довольно активно протекали процессы ур-

банизации, тем не менее и в настоящее время сельское население продолжает преобладать внутри данной этнической общности. По данным переписи 2020 г., 98 728 (82 %) как городских, так и сельских балкарцев, проживающих в КБР, указали, что владеют родным языком, а 95 869 чел. (79 %) используют его в повседневной жизни [2].

При том, что, как было показано выше, абсолютное большинство балкарцев проживает на территории Кабардино-Балкарии, а более половины – в сельской местности, в постперестроечные десятилетия наиболее трудоспособную их часть, т. е. молодежь, затронули довольно активные миграционные процессы, связанные с выездом на учебу и работу в другие регионы Российской Федерации, прежде всего в столичные и промышленно развитые, в которых существует более высокий спрос на рабочую силу и соответствующий уровень оплаты труда. в том числе за работу вахтовым методом в регионах с суровыми климатическими условиями – Западная и Восточная Сибирь, Дальний Восток. Последнее особенно было характерным для мужчин из горных районов Кабардино-Балкарии, в которых проблема полной занятости стояла наиболее остро, особенно с учетом того, что прекратили свою работу такие крупные предприятия, как Тырныаузский вольфрамо-молибденовый комбинат, являвшийся градообразующим для самого высокогорного города России Тырныауза, и упадком сферы туризма в периоды общественно-политической нестабильности и проведения контртеррористических операций в северокавказском регионе, в том числе в КБР (1990–2000 гг.). Здесь также надо отметить падение массового спроса на предметы домашнего рукоделия из шерсти, являвшихся традиционным занятием балкарцев, во многом ориентированным на туристов и частных заказчиков из других регионов бывшего СССР.

В целом по КБР, в течение постперестроечных десятилетий, миграционное сальдо было отрицательным, тогда как среди титульных народов сохранялся пусть и небольшой, но естественный прирост населения. Так, по данным за 2022 г., в республику прибыло 10 901 чел., выбыло – 14 154 чел., миграционный отток составил 3 253 чел. [3]. Тогда как соотношение рождаемости и смертности за 2022 г. в КБР составило, соответственно, 10 072 и 7 891 чел., с приростом населения – чел. [4]. Здесь, однако, надо отметить, что для титульных народов Кабардино-Балкарии миграция далеко не всегда сопряжена с переездом на постоянное местожительства. Как правило, представители коренных народов КБР продолжают сохранять тесную связь со своей малой родиной и периодически возвращаются в места постоянного проживания. В постковидные годы даже наметилась тенденция возвращения части ранее выехавших граждан в КБР, с целью продолжения учебы и применения своих трудовых навыков на родной земле. Это связано, по нашему мнению, во-первых с общей социально-экономической и политической турбулентностью, влияющей на психологическое самочувствие представителей многочисленных народов, проживающих за пределами своего родного региона; во-вторых, с открывшимися, в связи со стабилизацией ситуации в 2010-е годы, и оживлением некоторых отраслей экономики (туризм, аграрный сектор, перерабатывающая промышленность), возможностями для самореализации на малой родине. Вышеобозначенные тренды относятся, в том числе, и к балкарской части населения КБР.

Тринадцатилетнее пребывание балкарцев (1944–1957), как и ряда других народов Советского Союза, в местах спецпоселений в Казахстане и Средней Азии нанесло существенный урон, с учетом еще и потерь на фронтах Великой Отечественной войны, их численности и духовно-культурному наследию. Поэтому, после восстановления автономии балкарцев в составе единой Кабардино-Балкарии (на тот момент – КБАССР) и возвращения их на родину, перед народом стояли многообразные задачи, начиная с обустройства быта и заканчивая восстановлением своего демографического потенциала. Достаточно сказать, что довоенную численность (ок. 50 тыс. чел.) балкарцам удалось восстановить к середине 1960-х годов. При этом в горной части Кабардино-Балкарии многие старинные балкарские села, имевшиеся на момент депортации, не были восстановлены, а значительная часть народа постепенно заселила ряд равнинных и предгорных сел, а также столицу республики – город Нальчик. За период с 1959 по 1989 годы, согласно материалам послевоенных всесоюзных переписей населения, численность балкарцев выросла с 42 408 чел. до 85 126 чел. [5], что означало до-

вольно высокие темпы ежегодного прироста населения – около 1,7 %. По некоторым оценкам, на рубеже 60–70-х годов XX в., среди народов России (в то время – РСФСР), балкарцы имели одни из самых высоких показателей детности (среднее число детей на одну женщину фертильного возраста). В постперестроечные годы и в первые два десятилетия XXI века, т. е. между переписями 1989 и 2020 (2021) годов, в силу целого комплекса причин (увеличение доли городского населения, системный кризис, истощенность традиционной модели демографического поведения) темпы прироста населения у балкарцев снизились до 0,9–1,0 % в среднем за год. В современном общественном сознании балкарцев тема воспроизводства населения, укрепления институтов брака и семьи является одной из самых актуальных, начиная даже с обсуждения различных аспектов свадебной церемонии в ее современных формах, с точки зрения их соответствия традиционным нормам.

Решив, в целом, задачу восстановления и прироста численности населения в послевоенный и последепортационный периоды, балкарский народ одновременно решал проблему формирования широкого слоя национальной интеллигенции, призванной сохранять, развивать и транслировать из поколения в поколение историко-культурное наследие. В 1959 г. в Нальчике состоялась Научная сессия по проблемам происхождения балкарского и карачаевского народов, на которой впервые были рассмотрены сложившиеся к тому времени теории и подходы по вопросам этногенеза и ранней этнической истории карачаево-балкарцев [6], что дало толчок дальнейшему развитию карачаево-балкароведения. С конца 1950-х по 1980-е годы сформировалась целая плеяда представителей балкарской научно-педагогической и творческой интеллигенции, среди которых известные ученые, актеры, художники, музыканты. За указанные годы балкарцы вошли в число наиболее образованных народов СССР, в том числе по удельному весу лиц с высшим образованием [7, с. 213–214]. Мы полагаем, что, как и в случае с естественным приростом населения, здесь немаловажную роль сыграли компенсаторные механизмы, вызванные стремлением людей, прошедших через ущемление прав в период депортации, обрести социальные и духовные блага, ставшие более доступными в период «оттепели» и в последующие десятилетия.

С конца 1980-х годов начинается новый этап интенсивных поисков балкарским народом своей социально-культурной идентичности, охвативший и другие народы бывшего СССР, но у каждого из них, кроме общих, были и свои побудительные мотивы такого поиска. В представлениях балкарцев они во многом были связаны с людскими потерями, утратой этнотерриториального статуса (существование «балкарских районов» до депортации), значительной части материальной и духовной культуры. Эти поиски способствовали появлению к концу перестроечного периода и в последующие десятилетия ряда национальных общественных организаций балкарского народа («Ныгъыш», «Тере», «Женщины Балкарии», «Лига возрождения Балкарии», «Совет старейшин балкарского народа») и даже таких формирований, как Национальный Совет балкарского народа, Государственный Совет Балкарии, претендовавших на реализацию властных полномочий в проекте под названием «Республика Балкария», попытка создания которой наиболее активно предпринималась в 1990-е годы через решения съездов балкарского народа и проведение референдума. Лидеры балкарского общественного движения считали, что после возвращения балкарцев на родину не была осуществлена полная территориальная, политическая, экономическая и культурная реабилитация, которая могла быть осуществлена только либо на полностью паритетных началах в рамках единой Кабардино-Балкарии, либо путем создания Республики Балкария в составе Российской Федерации. Данный проект, не будучи реализованным тогда в силу различных объективных и субъективных обстоятельств, тем не менее периодически актуализировался в сознании части балкарского социума и в 2000-е годы, когда в КБР обострился также и земельный вопрос, особенно в связи с принятием республиканского закона о межселенных территориях, который, по мнению лидеров балкарских общественников, лишал местное самоуправление его экономической базы и наносил урон благосостоянию народа, особенно той его части, которая проживала в горных районах, где проблема малоземелья стоит наиболее остро.

В 1990–2000-е годы вопросы политической субъектности балкарского народа тесно переплетались с земельным вопросом и меморативными практиками, которые нередко принимали остродискуссионный характер с представителями кабардинского национального движения. Исторические споры между представителями двух титульных народов КБР затрагивали и продолжают затрагивать, особенно в медиапространстве, широкий круг вопросов – начиная от времени заселения предками балкарцев и кабардинцев нынешней территории республики до, уже упомянутых, проблем социально-политической реабилитации балкарского народа. При том, что уровень культуры ведения дискуссии часто оставляет желать лучшего, благодаря накопленному многовековому опыту совместного проживания двух народов на данной территории, тесного переплетения родственных, соседских, деловых связей, в основном удавалось не доводить острые споры до остроконфликтных стадий, не считая кратковременных противостояний 2008 и 2018 годов в районе селений Кенделен и Заюково, вызванных именно разным отношением балкарской и кабардинской общественности к меморативным практикам, связанным с т.н. Канжальской битвой.

В результате, в течение 1990–2000-х годов балкарскому общественному мнению и его лидерам удалось добиться, путем сложного диалога с федеральными и региональными органами власти, определенных успехов в появлении некоторых административно-политических и социально-культурных институций, которые работали на развитие и укрепление национальной идентичности в условиях трансформаций и даже потрясений, через которые проходили и другие северокавказские сообщества. В частности, в эти годы были созданы вышеупомянутые общественные организации балкарского народа, которые ставили своей целью добиваться полной и всеобъемлющей реабилитации балкарского народа, сохранение его языка и историко-культурного наследия; основан Государственный фольклорно-этнографический ансамбль «Балкария», тогда как в прежние десятилетия существовал только один взрослый государственный ансамбль национального танца – «Кабардинка»; на базе балкарской труппы бывшего Кабардино-Балкарского государственного драматического театра был создан Балкарский государственный драматический театр имени К.Ш. Кулиева; после распада Союза писателей Кабардино-Балкарии оформился Союз балкарских писателей (в настоящее время – балкарская секция воссозданного Союза писателей Кабардино-Балкарии); восстановлены два из четырех муниципальных района, существовавших до депортации, и населенных в основном балкарцами (Чегемский и Эльбрусский).

В 1994 году состоялась первая в своем роде Всероссийская конференция, посвященная 50-летию депортации балкарского народа, а в 2014 г. первая, после научной сессии 1959 г., международная научная конференция по проблемам происхождения и этнической истории карачаево-балкарцев. Последняя прошла в г. Москве, в здании Российской Академии наук. Ей предшествовало издание крупной коллективной монографии «Карачаевцы. Балкарцы» [8]. В 1997 г. в Нальчике состоялось перезахоронение праха основоположника балкарской письменной литературы Кязима Мечиева, перевезенного из Казахстана, где в 1945 г., на спецпоселении, закончился его земной путь. Этот, во многом символический шаг, имел большое значение для укрепления идентичности балкарского народа. В 2007 г. в Нальчике состоялось открытие Мемориала жертвам репрессий балкарского народа в 1944–1967 годы, в залах которого размещена постоянная экспозиция, рассказывающая об истории депортации и последующем культурном возрождении народа на своей родине.

В настоящее время довольно активную просветительскую и проектную деятельность осуществляют ряд некоммерческих общественных организаций балкаро-карачаевского народа, ставящих своей целью сохранение и популяризацию историко-культурного наследия. Среди них стоит отметить Фонд поддержки развития карачаево-балкарской молодежи «Эльбрусоид»; Фонд помощи сохранению памятников истории и культуры «Сто шагов к Кайсыну»; Фонд культуры имени Кязима Мечиева. Фонд «АССИЯ» [9]. В рассматриваемый период новым явлением в балкарской среде стали фамильные (родовые) сходы и создание родовых объединений, в том числе с официальной регистрацией как некоммерческих организаций, а также общественных формирований по возрождению родовых сел. Надо от-

метить, что все указанные структуры активно присутствуют в интернет-пространстве, имеют свои порталы, сайты, аккаунты в социальных сетях и мессенджерах, ведут работу по оцифровке историко-культурного наследия народа. Кроме того, в социальных медиа присутствует немало аккаунтов, не связанных с какими-либо НКО, на страницах которых оживленно обсуждаются вопросы политики, исторического прошлого, современного состояния обычаев и традиций. Особенно в молодежной среде получает развитие предпринимательская деятельность в сфере традиционных хозяйственных занятий (прежде всего скотоводство и производство молочной продукции), ремесел (изготовление холодного оружия, ювелирных изделий, обработка дерева, пошив национальной стилизованной одежды), туризма (горный туризм, экстремальные виды спорта). Среди такого рода предпринимательских групп также создаются аккаунты в мессенджерах для обмена информацией и координации деятельности. В настоящее время завершена работа над новыми школьными учебниками по истории и культуре народов КБР, а также по родному языку и литературе, которые должны отвечать актуальным федеральным образовательным стандартам. Они находятся в поле пристального общественного внимания и им предстоит пройти федеральную экспертизу.

Здесь мы обозначили только часть примеров, демонстрирующих сложный и противоречивый процесс поиска немногочисленным балкарским народом своей социально-культурной идентичности в условиях цифровой глобализации и многонационального российского общества, направленного на сохранение своего демографического потенциала, историко-культурного наследия и достижение того уровня качества жизни, который мотивировал бы новые поколения оставаться, по-крайней мере в значительной своей части, жить и работать на своей исторической родине.

Литература

1. Росстат – Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 17.10.2023).
2. Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу – Всероссийская перепись населения 2020 года. – URL: <https://26.rosstat.gov.ru/folder/77775> (дата обращения: 17.10.2023).
3. Основные потоки миграции населения Кабардино-Балкарской Республики за 2022 год. – URL: [https://26.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Основные%20потоки%20миграции%20населения%20Кабардино-Балкарской%20Республики%20за%20%202022%20год\(1\).pdf](https://26.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Основные%20потоки%20миграции%20населения%20Кабардино-Балкарской%20Республики%20за%20%202022%20год(1).pdf) (дата обращения: 18.10.2023).
4. Рождаемость и смертность населения КБР за 2013–2022 гг. – URL: <https://26.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Рождаемость%20и%20смертность%20населения%20КБР%20за%202013-2022гг..pdf> (дата обращения: 18.10.2023).
5. Итоги переписей. – URL: <https://www.statmuseum.ru/ru/results/1959/> (дата обращения: 21.10.2023).
6. Материалы Научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22–26 июня 1959 г.) – Search RSL. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/-01006172739> (дата обращения: 19.10.2023).
7. *Сабанчиев Х.-М.А.* Балкарцы: выселение и возвращение. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 440 с.
8. *Каракатов М.Д., Сабанчиев Х.-М.А.* Карачаевцы. Балкарцы. – М.: Наука, 2014. – 815 с.
9. Фонд содействия развитию карачаево-балкарской молодежи «Эльбрусойд». – URL: <https://www.elbrusoid.org/> (дата обращения: 21.10.2023).
10. Фонд «АССИЯ». – URL: <http://assia.info/> (дата обращения: 21.10.2023).
11. Фонд помощи сохранению памятников истории и культуры. – URL: <https://m.ok.ru/profile/559982929282/statuses/68216665361282> (дата обращения: 21.10.2023).
12. Фонд Культуры имени Кязима Мечева | ВКонтакте. – URL: <https://vk.com/club211647909> (дата обращения: 21.10.2023).

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АУДИТ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Гимаев Ильдар Закиевич

*Институт стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан,
Уфа, Россия.*

Аннотация. В статье изучается суть и природа интеграционных процессов на примере мировых конгломераций. Статья позволяет лучше понять социально-историческую значимость интеграционных процессов и факторы, влияющие на их возникновение и характеризующие их развитие. Интеграционные процессы анализируются как социальное явление, в целях изучения которого предпринимается естественно-научный подход. Даны определения понятий «интеграция», «конгломерация» и «конвергенция», характеризующие как сам интеграционный процесс, так и его результат. Интеграционные процессы рассмотрены как неотъемлемая часть и следствие мировых глобализационных процессов.

Ключевые слова: социально-политический аудит, интеграция, конвергенция, конгломерация, евразийское пространство, глобализация, эволюция.

Термин «интеграция» (от лат. *integratio* – восстановление целостности, воссоединение) приобрел широкое применение в разных областях науки и знаний: биологии, физике, химии, экономике, политической науке, информационной, социальной, культурной сферах и т. д. [1]. В зависимости от контекста выделяют различные виды интеграции: экономическую, социальную, политическую, экологическую, информационную и пр. Профессор А.А. Челядинский определяет интеграцию как добровольный, объективный, осознанный и направленный процесс сближения, взаимоприспособления и сращивания национальных политических и финансовых систем, обладающий потенциалом регулирования и развития, основанный на интересе самостоятельных субъектов [2]. В социально-политическом плане интеграционные процессы рассматриваются как взаимодействие различных стран-участниц процесса и их объединение в единое целое [3]. Номенклатура интеграционных процессов разнится в зависимости от объекта взаимодействия: будь то национальные экономики и хозяйствующие субъекты, политические структуры и национальные политические системы, окружающая среда и социальные институты. Предметом нашего исследования являются субъекты международного права и экономической деятельности – государства, федеративные субъекты, международные правительственные и неправительственные организации, т. е. объекты социальной и политической интеграции [4]. Социальная интеграция – процесс установления оптимальных связей между относительно самостоятельными социальными институтами. Политическая интеграция – это процесс взаимного сближения или проникновения политических структур, направленный в сторону сотрудничества [5].

Социально-политические интеграционные процессы по своим характеристикам, структуре и динамике можно сравнить с природными процессами или явлениями, изучением которых занимаются естественные науки, такие как химия, физика или биология. Современный уровень развития науки невозможен без серьезного исследовательского фундамента, основанного на тесном взаимодействии общественных, естественных и технических наук [6]. Естественные науки, как современные научные направления, объединённые в единую систему естествознания, изучают состав и строение предметов и явлений, свойства, процессы и закономерности их взаимодействия. Естественно-научный подход позволяет конструктивно описать социально-политические интеграционные процессы как социальное явление.

Интеграционные процессы как часть эволюции. Среди ученых-исследователей нет однозначного мнения относительно того, являются ли интеграционные процессы движущей силой глобализации или же это следствие эволюционных процессов [7]. На наш взгляд интеграционные процессы являются неотъемлемой частью эволюции человечества. Универсальная социальная концепция «органицизм», получившая свое распространение в XIX веке, рас-

смачивает «мир как органическое целое, подчиняемое определенным закономерностям самоорганизации», а общественную систему как «целостный социальный организм» [8]. О целостности социальность организмов как о совокупность социальных общностей писал немецкий социолог Ф. Тённес: *«Все виды общности теснейшим образом связаны между собой как во времени, так и в пространстве, а стало быть, и в человеческой культуре и ее истории в целом, и во всех отдельных ее феноменах и их развитии. Всюду, где человеческие воли органически связывают людей друг с другом и находятся друг к другу в отношении утверждения, наличествует общность того или иного вида...»* [9]. Только целостные организмы способны на эволюцию; и будь то биологические организмы или социальные общности в своем эволюционном движении они проходят путь от синкретичной простоты до сложноорганизованной структуры. Социально-политические интеграционные процессы, направленные на объединение участников в конгломерацию¹ стран и государств, т. е. в целостный организм по какому-либо признаку: торговля, экономика, безопасность и etc., являются активным актором эволюции.

Эволюционные процессы могут осуществляться разными способами, такими как дивергенция, конвергенция и параллелизм. Интеграционные процессы носят объединяющий характер и по сути своей конвергенциальны². В социальных науках и академических дисциплинах «конвергенция» и «интеграция» употребляются как синонимы и лишь немногие эксперты различают эти понятия. Между тем конвергенция – это процесс, тогда как интеграция – возможный результат этого процесса. Несовершенство терминов, применяемых в политической риторике и социальных дисциплинах, проявляется в том, что «интеграцией» обозначают действие или процесс сближения, в то время как он является конечным результатом (союз, объединение или сообщество стран-участниц). С точки зрения естественных наук правильно обозначать процесс объединения (сближения) понятием «конвергенция». Также для обозначения уже свершившегося процесса объединения стран-участниц употребляют термин «конгломерация». Для упрощения понимания материала остановимся на устоявшихся в обращении понятиях.

В биологии условием конвергенции является одинаковость условий среды обитания, в которой происходит приспособление и внешнее сходство организмов. Для социально-политической интеграции существенно важно «одинаковость условий среды». Это могут быть территориальные, социально-экономические, военно-политические, культурно-исторические условия. Союз Независимых Государств, образовавшийся в следствии распада СССР, объединил страны, разные по культурно-этническим признакам, но имеющие одинаковые «условия среды» – совместное историческое и социально-экономическое прошлое. Однако, расхождение в социально-политическом устройстве государств, режимов и форм правления, т. е. тех самых «одинаковых условий», необходимых для успешной и действенной интеграции в единый союз, стали непреодолимым препятствием для дальнейшего эффективного функционирования СНГ. Примером интеграции стран в единый союз по принципу «одинаковости условий» является Европейский союз – экономическое и политическое объединение 27 европейских государств. Предпосылками для объединения послужили послевоенный рост внутренних экономик и понимание необходимости создания единой системы противодействия будущим политическим и экономическим угрозам. Единые или «одинаковые» социальные, политические и экономические условия служат одним из основных условий мировых социально-политических интеграционных процессов.

¹ Конгломерация – англ. conglomeration. Соединение отдельных предметов в одно целое при сохранении их свойств и характеристик. Антинази А. Энциклопедия социологии / Рос. социол. энциклопедия. 2009. URL: <https://rus-sociologia.slovaronline.com/> (дата обращения: 21.09.2023).

² Конвергенция – сближение; приобретение сходных или совпадающих признаков, свойств, показателей, явлений в различных областях жизнедеятельности человека в результате контактов, а также при сходных природных или экономических условиях развития. Научно-аналитический журнал «Информационное общество» 1999. Вып. 5. URL: <http://infosoc.iis.ru/old/content/1999/199905/199905.ru.html> (дата обращения: 21.09.2023).

Одна из задач интеграционного процесса в природе – создание гомогенной системы. В естественных науках гомогенная система – это однородная система химический состав и физические свойства которой во всех частях одинаковы или меняются непрерывно. В гомогенной системе из двух и более химических компонентов каждый компонент распределён в массе другого в виде молекул, атомов, ионов [10]. Фундаментальной задачей, лежащей в основе мировых интеграционных процессов, является создание такой гомогенной среды, которая по сути своей способствовала бы развитию отношений между странами-участницами, упрощала взаимодействие их структур и выстраивала единые правила существования. Классическим примером такой среды является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) – международная организация, созданная для укрепления стабильности и безопасности на широком пространстве, объединяющим государства-участников, развитие экономического сотрудничества, энергетического партнерства, научного и культурного взаимодействия. Общая территория социально-политического конгломерата составляет 65 % территории Евразии и включает две самые динамично развивающиеся экономики в мире – Китай и Индия.

Особенностью современных конгломераций является то, что интеграционный процесс стран-участниц в своем начале имея узконаправленную специализацию со временем расширяется как количественно, так и качественно. Первоначально интеграционные процессы строятся на основе взаимодействия стран-участниц по достаточно узким направлениям, например, таким как унификация торгово-экономических процессов, введение единых таможенных тарифов, культурного обмена, обеспечение информационной безопасности, интеллектуально-технологического взаимодействия, туристической направленности, военно-технического сотрудничества и пр. По мере глобализации мировых процессов функции интеграционных союзов существенно расширяются: от зоны преференциальной торговли до экономических, политических и социально-культурных конгломераций, от соглашения о внедрении единых таможенных стандартов до ассоциации свободной торговли. Примером такой эволюции является Евразийский экономический союз (ЕАЭС), поэтапно прошедший путь от соглашения о создании Содружества Независимых Государств и углубления интеграции в экономической и гуманитарной областях до создания Единого экономического пространства на территории Европы и Азии. Сегодня на внешний рынок государств Союза приходится около 40 % всего объема торговли государств Центральной Азии [11]. В Азиатско-Тихоокеанском регионе таким интеграционным объединением (конгломерацией) является Ассоциация стран Юго-Восточной Азии. В целях формирования таможенного союза и ввода льготных тарифов пятью странами-участницами, за более чем пять десятилетий АСЕАН увеличила свое членство до 10 стран, а также существенно расширила сферу своих интересов: от вопросов экологии, сокращения уровня бедности и повышения уровня образования до улучшения экономики государств – членов ассоциации и обеспечения мира и стабильности в регионе [12].

Факторами, оказывающими воздействие на количественное (увеличение стран-участниц) и качественное (увеличение сферы интересов и зон взаимодействия) расширение интеграционных процессов, служат изменение структуры и качества мировых угроз, глобализационные процессы в целом и трансрегионализация в частности. Термин трансрегионализация в большей степени употребляется в экономических науках и характеризует кардинальное переформатирование глобального экономического пространства [13]. В плане расширения интеграционных процессов трансрегионализация означает переход на новый более масштабный этап глобализации. Активное развитие межрегиональных отношений, политических процессов и транснациональных экономик приводит к интенсификации глобализации, распространению интеграционных процессов на более высокий уровень международного взаимодействия [14]. Интеграционные процессы на евразийском пространстве приобрели глобальную мировую тенденцию в период с 90-х годов XX столетия. В первую очередь, это связано с динамично развивающимися региональными экономиками, приобретенной политической независимостью развивающихся стран, развитием регионального сотрудничества.

В настоящее время продолжается формирование масштабных трансрегиональных объединений разной степени конвергенции, опирающихся на собственные политико-институциональные и социально-экономические модели развития и сотрудничества, а всё усложняющаяся трансрегиональная архитектура мира фактически приводит к полицентрализации международных отношений [15]. Примером такой трансрегиональной конвергенции является «Организация международного сотрудничества «Шелковый путь», объединившая «Экономический пояс «Шелковый путь» – трансрегиональное всестороннее экономическое партнерство стран АСЕАН, Австралии, Японии, Китая, Индии, Республики Корея, Новой Зеландии и «Морской шелковый путь XXI века». По состоянию на 2022 год в рамках партнёрства и реализации программного документа Стратегия «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса «Шелкового пути» и «Морского шелкового пути XXI века» 148 стран и 31 международная организация подписали соглашение о сотрудничестве. Факторами, послужившими началом интеграционного процесса, стали динамичный рост экономики Китайской Народной Республики и необходимость создания единой гомогенной среды на евразийском пространстве и в азиатско-тихоокеанском регионе. Особенность этой трансрегиональной конгломерации заключается в создании новой стратегической модели геополитического взаимодействия стран-участниц и механизмов экономического развития. В настоящее время Китай прекратил инвестиции в Россию через проект «Один пояс, один путь» [16].

Выводы. Социально-политические мировые интеграционные процессы, как и естественные физические процессы, заложены самой природой, историей, естественным ходом развития человечества. Интеграционные процессы, являясь неотъемлемой частью глобализации, выполняют две важные социально-исторические задачи. В ходе исторического развития в результате интеграционных процессов устанавливаются торгово-экономические связи, происходит обмен технологиями, средствами производства, достижениями культуры и науки, что способствует переходу к более развитым формам общественного хозяйствования и организации производства, ускорению общественно-исторических процессов и смене исторических формаций. В социально-политическом плане важность интеграционных процессов выражается в обеспечении суверенитета, территориальной целостности, военной безопасности и отстаивании собственных интересов стран-участниц (Организация Договора о коллективной безопасности ОДКБ).

Литература

1. Большой российский энциклопедический словарь. – М.: Большая российская энциклопедия. – 2003. – С. 581.
2. Челядинский А.А. Понятие интеграции в международных отношениях: теоретический аспект // Журнал международного права и международных отношений. – 2009. – № 1. – С. 29–34.
3. Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение: монография / под общ. ред. Г.И. Осадчей. – М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. – 374 с.
4. Международное право / отв. ред. Г.В. Игнатенко и О.В. Тиунов. – 5-е изд., перераб. И доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. – С. 47–51.
5. Бахлова О.В. Политическое измерение интеграционных систем: опыт европейского союза и Содружества независимых государств // Вестник Мордовского университета. – 2010. – № 3. – С. 104–108.
6. Бушуев Н.Н., Бушуева В.В., Черногорцева Г.В., Иванова А.С. Особенности процессов интеграции и дифференциации в экологии // Гуманитарный вестник. – 2017. – №. 8 (58). – С. 97–105.
7. Андропова И.В. Эволюция интеграционных процессов на постсоветском пространстве // Вестник РУДН, серия Экономика. – 2012. – № 5. – С. 72–81.

8. *Антюшев И.И.* «Социальный организм»: от истоков к современности // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. – 2020. – № 1 (4). – С. 94–99.
9. *Гимаев И.З.* Социально–политический аудит современного российского общества (по Фердинанду Тённесу) / Третьи декабрьские социально–политические чтения «Как живешь, Россия?». Вызовы пандемии, парламентские выборы и стратегическая повестка дня для общества и государства: материалы науч-практ. конф. (Москва, 24 декабря 2021) / отв. ред. В.К. Левашов. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – 193 с.
10. *Карякин Н.И., Быстров К.Н., Киреев П.С.* Краткий справочник по физике. – 2-е изд. – М.: Высшая школа, 1964. – С. 143–576.
11. *Рафалюк Е.В., Залоило М.В., Власова Н.В.* Понятия, виды и формы евразийского и латиноамериканского интеграционных объединений (сравнительно-правовой анализ) // Журнал российского права. – 2016. – № 1 (229). – С. 154–168.
12. *Костюнина Г.М.* АСЕАН: достижение целей устойчивого развития и экологическое сотрудничество // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – № 3 (8). – С. 45–60.
13. *Хейфец Б.Е.* Трансрегионализация глобального экономического пространства // Общество и экономика. – 2016. – № 6. – С. 19–42.
14. *Гранин Ю.Д.* Государство модерна. Национальный и социальный векторы эволюции: монография. – М.: Академический проект. – 2021. – 371 с.
15. *Кузнецов Д.А.* Соотношение трансрегионализации и глобализации в мировой политике // Вестник МГИМО-Университета. – 2021. – Т. 14. – № 5. – С. 65–80.
16. *Бурнашева А.* Китай прекратил инвестиции в Россию через проект «Один пояс, один путь». – URL: <https://www.mk.ru/economics/2022/07/25/kitay> (дата обращения: 25.07.2022).

ДЕЛИБЕРАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ ВКЛЮЧЕНИЯ ГРАЖДАН В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

**Зарипова Айгуль Раисовна,
Авзалова Эльмира Илгизовна,
Закиров Айдар Робертович**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Проблема выстраивания диалога общества и государства приобретает особое значение в условиях растущего общественного запроса на реформирование сложившихся институтов и процедур представительной демократии. Делиберативные практики рассматриваются как эффективный способ включения граждан в процесс обсуждения и принятия решений по спорным общественным проблемам. В данной статье раскрываются особенности делиберативных процедур, позволяющие не только легитимизировать государственные решения, но обеспечивать социальный консенсус. Также внимание уделяется тенденциям цифровизации и развития интернет-пространства, которые создают широчайший спектр возможностей для формирования новых моделей и дизайнов делиберации.

Ключевые слова: делиберация, политическая коммуникация, политическое участие интернет-политика.

Проблема коммуникации общества и государства находится в центре внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей. Научное сообщество и практикующие политики отмечают снижение уровня доверия общества к политическим институтам, а также проблемы с поддержанием связи политической элиты и граждан, чье участие в политическом процессе приняло эпизодический характер в условиях распространения абсентеистских настроений [6, с. 5].

Общественный запрос на переосмысление сложившихся институтов и процедур представительной демократии, поиск альтернативных способов включения широких слоев общества в процесс принятия решений стал реакцией на вышеперечисленные проблемы. Именно участие граждан в процессе обсуждения и принятия решений по общественно-значимым вопросам – важный атрибут эффективного государственного управления. Поддержание партнерских отношений общества и государства служит основой для последующего экономического и политического развития, что невозможно без своевременного реагирования на общественные запросы. Поэтому поиск наиболее эффективных форм диалога находится в числе главных проблем в развитии политической коммуникации.

Представление о делиберации как совокупности процедур, позволяющей гражданам, сообществам самим стать ключевыми акторами в принятии решений, хорошо вписывается в потребности общественных групп, которые стремятся напрямую отстаивать свои интересы [2, с. 9]. Делиберация, опирающаяся на процедуры группового обсуждения актуальных значимых вопросов, расширяет политические возможности граждан. Делиберация позволяет не только легитимизировать государственные решения, но достигнуть консенсуса по наиболее актуальным вопросам общественного развития. Такие принципы делиберации, как открытость, готовность воспринимать аргументы других, направленность на достижение общественного блага и коллективное принятие решений, способны послужить основой для выстраивания гражданского диалога [5, с. 346].

Главная идея делиберативной демократии заключается в том, что обсуждение граждан должно завершиться созданием пакета рекомендаций, который будет в последующем реализовываться государственными органами.

Современные делиберативные практики строятся на основе принципов прозрачности, представительности и ротации. К участию в делиберативных мероприятиях приглашаются отобранные с помощью гражданской лотереи люди. Отсутствие должного уровня компетентности в обсуждаемых проблемах должно компенсироваться включением в делиберативный процесс представителей экспертного, академического сообщества, на которых возлагается задача консультации участников делиберации. Государственные служащие, выступающие в качестве заказчиков и нередко в качестве организаторов делиберативного процесса, берут на себя обязательство также предоставить участникам необходимые аналитические материалы для формирования представления о проблеме [4].

Делиберация как длительный и структурированный процесс включает в себя несколько этапов и процедур. Инициирование мероприятия, рассылка приглашений, формирование списка участников происходит в рамках организационного этапа. Следующим является этап проведения делиберации, который в зависимости от выбранной модели включает в себя знакомство участников с правилами делиберации, их консультация с экспертами по теме мероприятия, обсуждение проблемы, а также поиск компромиссных вариантов и разработка рекомендаций по итогам работы. Завершающий этап направлен на публичное представление результатов делиберации и оценку органами государственной власти перспектив реализации предложенных проектов на практике.

Делиберация не ставит под сомнение сложившиеся процедуры представительной демократии, а скорее дополняет их в соответствии с современными требованиями. Так, участие в политике обычного гражданина, ранее носившее эпизодический характер и сводившееся зачастую только к голосованию на выборах, может быть дополнено путем прямого вовлечения граждан в политический процесс [3, с. 413]. Исследователи отмечают, что участие в такого рода практиках способствует развитию политической осведомленности и компетентности не только участников процесса, но и наблюдателей, тем самым поддерживается формирование гражданской политической культуры [8, с. 340].

Привлечение к делиберативному процессу представителей различных социальных групп, с одной стороны, приводит к налаживанию межгрупповой коммуникации [11], с другой, выстраиванию диалога между гражданами и политиками. Инклюзивный и интегративный характер делиберации проявляется в том, что представители разных групп могут об-

щаться друг с другом, обмениваться мнениями и пытаться найти компромисс, точки соприкосновения.

Также стоит указать, что современные тенденции информатизации и цифровизации создали основу для активного вовлечения граждан в общественно-политическую деятельность, предложив новую платформу для выражения их позиции по актуальным проблемам [9]. В настоящее время перспективным направлением институционализации форм участия граждан в принятии важных политико-управленческих решений является выдвижение и развитие концепций электронной «сетевой» или «онлайн» политики. Использование ресурсов сети Интернет в политической практике последних лет даёт основание говорить о возможности превращения сетевых коммуникаций в доминирующие каналы политического диалога. Сегодня мы можем наблюдать «использование инновационных методик встраивания растущей активности граждан в конструктивную совместную деятельность с органами власти» [1, с. 113].

Правительства и парламенты многих стран расширяют возможности использования информационных технологий в своей деятельности для обеспечения прозрачности своих акций, предоставления информации для бизнес-структур, граждан и учёта общественного мнения по многим социально значимым вопросам. Использование возможностей сети Интернет в политике способствует эволюции традиционной модели политического участия. Линейная консультативная модель политического участия граждан сменяется интерактивной моделью, обеспечивающей широкие возможности гражданского влияния на процесс принятия политических решений. Всё большее количество стран, активно внедряющих интернет-технологии в процесс своей деятельности, стремятся организовать модели интернет-участия именно по такому принципу. Реализация такой модели на практике приводит к расширению возможности для участия граждан в повседневной политике: законодательные инициативы, участие в обсуждении проектов местных бюджетов, порталы для участия в принятии повседневных управленческих решений. Кроме того, данная модель предполагает смену парадигмы в отношении между правительством и гражданином, когда гражданин перестаёт рассматриваться лишь как клиент или потребитель определённых услуг, решений со стороны власти. Эти платформы направлены на то, чтобы их пользователи имели право голоса при решении важных проблем и чувствовали свою причастность и ответственность за них.

С точки зрения внедрения делиберации в качестве практики включения граждан в процесс принятия решений, интернет-пространство создает широчайший спектр возможностей. Позволяя сочетать делиберативные мероприятия с онлайн обсуждением, интернет-коммуникация способна обеспечить пространство для открытого и равного диалога и создать условия для формирования горизонтальных связей между представителями сообществ.

Этот формат получил широкое распространение в период пандемии коронавируса, когда введённые правительствами ограничения вынудили организаторов делиберации отказаться от очных встреч в пользу дистанционного формата работы [7]. Так, в 2020 г. в онлайн формате была проведена Гражданская панель по обсуждению проблемы реконструкции оперного театра в Штутгарте [10].

Отсутствие необходимости финансирования проезда к месту проведения мероприятия, оплаты проживания участников стали главными аргументами в пользу сохранения онлайн формата делиберации уже после снятия всех ограничений. Поэтому именно онлайн форма делиберации или комбинированный дизайн, где обучающий и информационные этапы проводятся дистанционно, а на очном этапе проходит обсуждения и разработка проектов, встречаются все чаще.

Таким образом, делиберативные практики способны стать практическим воплощением запрашиваемого обществом диалога. Это возможно благодаря тому, что делиберация представляется всем ее участникам как совокупность понятных правил и прозрачных процедур разработки и принятия согласованных решений. Такой инструмент способен дополнить и повысить эффективность сложившихся институтов политического участия и политической коммуникации. А позволяющие распространение механизмы интернет-политики позволяют упростить и повысить доступность делиберативных процедур, обеспечив их повсеместное применение.

Литература

1. *Итигуридзе Л.А.* Инновационные формы диалога между властью и обществом // *Власть*. – 2015. – № 9. – С. 112–116.
2. *Ковальчук С.К.* Становление модели делиберативной демократии в современной политической теории // *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*. – 2019. – № 2. – С. 3–15.
3. *Хелд Д.* Модели демократии. – М.: «Дело» РАНХиГС, 2014. – 554 с.
4. *Chwalisz C., Cesnulaitytė I.* What is a ‘successful’ representative deliberative process for public decision making? / *Innovative Citizen Participation and New Democratic Institutions: Catching the Deliberative Wave*. – URL: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/339306daen/1/3/4/-index.html?itemId=/content/publication/339306da-en&csp_=07698b7c924c319dbb92a6500-bf563da&itemIGO=oecd&itemContentType=book# (дата обращения 1.09.2023).
5. *Cohen J.* Deliberation and democratic legitimacy / *Debates in contemporary political philosophy. An anthology*. – London: Routledge, 2003. – P. 342–361.
6. *Dryzek J.S.* Deliberative democracy and beyond. Liberals, critics, contestations. – N.Y.: Oxford univ. press. – 195 p.
7. *Elstub S., Thompson R., Escobar O.* The resilience of pandemic digital deliberation: an analysis of online synchronous forums // *Javnost – The Public*. – 2021. – Volume 28. – Issue 3. – P. 237–255.
8. *Fung A.* Recipes for public spheres: eight institutional design choices and their consequences // *The journal of political philosophy*. – 2003. – Volume 11. – Issue 3. – P. 338–367.
9. *Levy P.* Cyberdemocratie. – Paris: Odile Jacob, 2002. – 288 p.
10. Sanierung Opernhaus Stuttgart Bürgerforum. Beteiligungsportal Baden-Wuerttemberg. – URL: <https://beteiligungsportal.baden-wuerttemberg.de/de/mitmachen/lp-16/sanierung-opernhaus-stuttgart/buergerforum/> (дата обращения: 01.09.2023).
11. *Ugarizza J.E., Caluawerts D.* Democratic deliberation in deeply divided societies: from conflict to common ground. – London: Palgrave Macmillan, 2014. – 225 p.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ САМОПОНИМАНИЯ ЛИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ КЫРГЫЗСТАНА

**Мырзабек Камчыбек уулу,
Гулгакы Союзбек кызы**

*Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына,
Бишкек, Кыргызстан*

Аннотация: В данной статье на основе анализа социально-психологической самоидентификации населения Кыргызстана представлена теоретико-методологическая модель формирования самопонимания личности, характер баланса между личной и социальной идентичностями в этнокультурных условиях Кыргызской Республики. В рамках исследования проводился опрос представителей разных поколений, включая людей, социализация которых началась еще в советский период развития Кыргызстана, а также нынешнего поколения молодых людей, которые родились после распада Советского Союза. Процесс формирования этнической идентичности еще не завершен и находится в динамике.

Ключевые слова: самопознание, самопоиск, саморазвитие, личность, социализация, идентичность.

Перейдем к результатам проведенного исследования. Охарактеризуем в начале результаты диагностики самопонимания личной идентичности у представителей кыргызского этноса по четырем его структурным показателям: «Я – Рефлексивное», «Я – Реальное», «Я – Действующее» и «Я – Идеальное» [1].

В исследовании использовался адаптированный и модифицированный на русский язык опросник «Личной и социальной идентичности» ОЛСИ (FPSI-K). Автор и разработчик опросника FPSI-K (Fragebogen zur Personalen und Sozialen Identität – Kurzform für Erwachsene, 2004): проф. др. У. Шмидт-Дентер (Психологический институт университета г. Кельна, Германия) [2].

В исследовании изучалась в целом структурная модель самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана. Исследование проводилось в Кыргызстане, в городах и селах. Всего в исследовании приняли участие 315 представителей титульного этноса Кыргызстана, средний возраст участников исследования составил 39 лет и 1 месяц, в исследовании приняли участие кыргызы от 17 до 81 лет (в последующем выборка исследования была разделена на три возрастные группы: 1 группа: 109 человек от 17 – до 25 лет, 2 группа: 106 человек от 30 – до 49 лет, 3 группа: 100 человек от 50 лет и старше [3].

Перейдем к рассмотрению структуры самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана с учетом трех выделенных возрастных групп.

Из-за большого числа количественных данных для выявления структуры самопонимания личной и социальной идентичности был применен факторный анализ, смысл которого заключается в том, чтобы полученное в ходе исследования количество переменных представить меньшим числом других переменных, называемых факторами. Факторы выступают как более фундаментальные переменные, характеризующие изучаемый предмет. При проведении факторного анализа исходные переменные объединяются в группы, каждая из которых представляет собой некий фактор.

Для статистической обработки по факторному анализу использовался пакет статистических программ SPSS 23.0 [4].

Обработка велась методом главных компонент, была выбрана процедура вращения Varimax с нормализацией по Кайзеру, рассматривались факторы с собственными значениями, большими единицы. Вращение в случае 59 переменных (7 переменных «Я – Рефлексивное», 7 переменных «Я – Реальное», 3 переменных «Я – Действующее», 22 переменных «Я – Идеальное» самопонимания личной идентичности и 4 переменных «Чувство принадлежности к группе», 16 переменных «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности) потребовало 25 итераций у первой группы кыргызского этноса.

В соответствии с большим количеством выявленных значимых различий самопонимания личной и социальной идентичности в зависимости от опыта проживания в Кыргызстане в советский период факторный анализ применялся к каждой возрастной группе кыргызского этноса.

В результате факторного анализа первой группы кыргызского этноса было образовано девятнадцать новых факторов, которые объясняют в совокупности более 77,27 % суммарной дисперсии, что является хорошим результатом. Нами анализировались первые 12 факторов, информативность которых превышала или была равна 3,04 % в суммарной дисперсии.

Положительный полюс фактора интерпретируется, исходя из положительных полюсов переменных, имеющих наибольшие положительные нагрузки, и отрицательных полюсов переменных, имеющих наибольшие по модулю отрицательные нагрузки. Соответственно, отрицательному полюсу фактора соответствуют отрицательные полюса переменных с максимальными положительными нагрузками и положительные полюса переменных с наибольшими по модулю отрицательными нагрузками [4].

Подведем итоги проделанной работы и перечислим латентные факторы, обнаруженные в результате анализа опросника ОЛСИ в порядке убывания их значимости для структуры самопонимания личной и социальной идентичности молодого поколения от 17 до 25-и лет титульного этноса Кыргызстана:

1. Общие ценности (прежде всего, социальная справедливость и безопасность);
2. Симпатия к чужим странам ближнего зарубежья (пограничным с Кыргызстаном странам);
3. Позитивная самооценка;

4. Самовнимание;
5. Ценность семьи и нации более важна, чем религия;
6. Симпатия к чужим странам дальнего зарубежья, прежде всего к США;
7. Богатство на основе авторитета и совместного развития;
8. Свобода;
9. Социальные способности препятствуют диффузному стилю идентичности;
10. Изменчивая жизнь;
11. Духовная жизнь;
12. Информационный стиль идентичности.

Вращение в случае 59 переменных (7 переменных «Я – Рефлексивное», 7 переменных «Я – Реальное», 3 переменных «Я – Действующее», 22 переменных «Я – Идеальное» самопонимания личной идентичности и 4 переменных «Чувство принадлежности к группе», 16 переменных «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности) потребовало 35 итераций у второй группы кыргызского этноса.

В результате факторного анализа второй группы кыргызского этноса было образовано семнадцать новых факторов, которые объясняют в совокупности более 73,77 % суммарной дисперсии, что является хорошим результатом. Нами анализировались первые 12 факторов, информативность которых превышала или была равна 3,14 % в суммарной дисперсии.

Подведем итоги проделанной работы и перечислим латентные факторы, обнаруженные в результате анализа опросника ОЛСИ в порядке убывания их значимости для структуры самопонимания личной и социальной идентичности среднего поколения от 30 до 49-и лет титульного этноса Кыргызстана:

1. Общие и этнические ценности (прежде всего, национальной безопасности);
2. Симпатия к чужим странам, прежде всего дальнего зарубежья;
3. Симпатия к чужим странам ближнего зарубежья, прежде всего, к Узбекистану;
4. Самовнимание к себе как гражданину Кыргызстана;
5. Умение контролировать эмоции, препятствующее возникновению депрессивной симптоматики;
6. Совместное развитие на основе зрелой любви и богатства;
7. Диффузный стиль идентичности в сочетании с профессиональными амбициями;
8. Ксенофобия;
9. Внутренняя гармония и удовольствие;
10. Авторитет и симпатия к Казахстану препятствуют заниженной самооценке;
11. Изменчивая духовная жизнь;
12. Отношение с симпатией к Кыргызстану как к стране, так и к своей нации.

Вращение в случае 59 переменных (7 переменных «Я – Рефлексивное», 7 переменных «Я – Реальное», 3 переменных «Я – Действующее», 22 переменных «Я – Идеальное» самопонимания личной идентичности и 4 переменных «Чувство принадлежности к группе», 16 переменных «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности) потребовало 21 итерации у третьей группы кыргызского этноса.

В результате факторного анализа второй группы кыргызского этноса было образовано семнадцать новых факторов, которые объясняют в совокупности более 75,93 % суммарной дисперсии, что является хорошим результатом. Нами анализировались первые 12 факторов, информативность которых превышала или была равна 3,04 % в суммарной дисперсии.

Подведем итоги проделанной работы и перечислим латентные факторы, обнаруженные в результате анализа опросника ОЛСИ в порядке убывания их значимости для структуры самопонимания личной и социальной идентичности старшего поколения от 50 лет и выше (81 год) титульного этноса Кыргызстана:

1. Общие и этнические ценности (прежде всего, самоуважения, мира во всем мире, совместного развития, основания семьи и национальной безопасности);
2. Симпатия к чужим странам, прежде всего ближнего зарубежья;
3. Симпатия к чужим странам дальнего зарубежья, прежде всего, к Франции;

4. Профессиональные амбиции и связанные с ними стили идентичности;
5. Общие ценности важнее религии;
6. Самовнимание;
7. Идентификация со страной на основе, прежде всего, духовной, а не социально-политической;
8. Самокритика с тенденцией к ксенофилии;
9. Национальная гордость;
10. Снижение ценности работы;
11. Социальные способности, придающие авторитет;
12. Высокая самооценка, препятствующая появлению депрессивной симптоматики.

Вращение в случае 59 переменных (7 переменных «Я – Рефлексивное», 7 переменных «Я – Реальное», 3 переменных «Я – Действующее», 22 переменных «Я – Идеальное» самопонимания личной идентичности и 4 переменных «Чувство принадлежности к группе», 16 переменных «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности) потребовало 17 итерации всего кыргызского этноса выборки исследования в целом.

В результате факторного анализа второй группы кыргызского этноса было образовано шестнадцать новых факторов, которые объясняют в совокупности более 64,81 % суммарной дисперсии, что является хорошим результатом. Нами анализировались первые 7 факторов, информативность которых превышала или была равна 3,06 % в суммарной дисперсии.

1. Общие и этнические ценности (прежде всего, самоуважение и национальная безопасность);
2. Симпатия к чужим странам, прежде всего ближнего зарубежья;
3. Симпатия к чужим странам дальнего зарубежья;
4. Умение настоять на своем, позитивная самооценка и умение контролировать эмоции противостоят депрессии;
5. Самовнимание;
6. Ориентированный на нормы стиль идентичности, связанный с профессиональными амбициями;
7. Изменчивая жизнь.

Таким образом, результаты проведенного факторного анализа позволяют нам сделать вывод о том, что структура самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана многогранна и включает в себя все показатели как самопонимания личной самоидентичности: «Я – Рефлексивное», «Я – Реальное», «Я – Действующее», «Я – Идеальное», так и все показатели самопонимания социальной идентичности: «Чувства принадлежности к группе» и «Установки в отношении чужих групп». Первым самым информативным фактором структуры самопонимания личной и социальной идентичности кыргызского этноса вне зависимости от возраста группы является важный показатель «Я – Идеального» самопонимания личной идентичности, а именно показатель общих и этнических ценностей, среди которых ценность национальной безопасности самая важная.

Обращает на себя внимание в структуре самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана, изученной нами в ходе проведенного исследования, вторым и третьим по важности факторами является «Симпатия к чужим странам» показателя «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности. При этом отчетливо выделяется в структуре самопонимания личной и социальной идентичности симпатия к странам ближнего и дальнего зарубежья, отличающаяся по своей важности в структуре самопонимания личной и социальной идентичности у представителей разновозрастных групп кыргызского этноса.

Этот результат крайне интересен тем, что наряду с общечеловеческими и этническими ценностями, чаще всего объединяющими людей разных этносов, национальностей, в структуре самопонимания личной и социальной идентичности кыргызского народа также большое место занимает симпатия в отношении чужих групп, чужих стран, что свидетельствует

об открытости и готовности кыргызского этноса к взаимодействию с другими культурами, с представителями других этносов и наций.

Также следует, на наш взгляд, обратить внимание в структуре самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана умение настоять на своем, позитивная самооценка и умение контролировать эмоции противостоят депрессии (показатели «Я – Реального» самопонимания личной идентичности) также играют одну из ключевых ролей.

Возможно, именно советский и постсоветский период развития кыргызского общества привели к формированию у кыргызов умения отстаивать свое мнение, проявлять настойчивость, опираясь на позитивную самооценку и умение контролировать эмоции, что позволяет избежать возникновения депрессивной симптоматики все больше и больше присущей европейским странам и странам дальнего зарубежья, например, таким как США.

Интересным результатом является также представленность в структуре самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана самовнимания «Я – Рефлексивного» с этническими ценностями «богатства» и «совместного развития» «Я – идеального». Благодаря сформированности такого важного рефлексивного показателя самопонимания личной идентичности как самовнимание, богатство оценивается как ценность ниже совместного развития. Полученный результат еще раз подчеркивает открытость кыргызского народу к сотрудничеству, к кооперации, не теряя при этом внимательного, уважительного отношения к себе, к своим ценностям.

Последним фактором структуры самопонимания личной и социальной идентичности является ценность «изменчивая жизнь» показателя «Я – Идеальное» самопонимания личной идентичности. Результаты свидетельствуют о том, что кыргызское общество открыто для изменений, оно стремится, не теряя своих старых авторитетов изменить свою жизнь в Кыргызстане, то есть самопонимание личной и социальной идентичности кыргызов находится в движении, в динамике, в состоянии открытости новым экономическим, политическим, социальным изменениям[5].

Полученный результат можно интерпретировать с точки зрения, пережитого кыргызским обществом советского периода развития страны. Роль советского периода как видно из структуры самопонимания личной и социальной идентичности не является однозначной. С одной стороны, являясь, долгое время союзной республикой Кыргызстан на сегодняшний день готов к сотрудничеству с другими странами, к кооперации, к принятию общечеловеческих ценностей, наряду с этническими. С другой стороны, политическая пассивность, неоднозначность в отношении религии, не выраженность национальной гордости за свои достижения, за свой народ, являются, скорее всего, негативным последствием советского периода развития Кыргызстана.

Резюмируя, хотелось бы отметить, что формирование этнической идентичности, его структуры представляет собой длительный процесс, который, безусловно, за период начала новейшей истории Кыргызстана еще не завершен.

Литература

1. Камчыбек уулу М. Психологический анализ самопонимания личной и социальной идентичности в современном кыргызском обществе / Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. – 2021. – № 4 (108). – С. 120–125.
2. Камчыбек уулу М. Структурная модель изучения личной и социальной идентичности У. Шмидт-Дентера в современном обществе // Актуальные вопросы образования и науки. – 2021. – № 2 (72). – С. 108–110.
3. Камчыбек уулу М. Самопонимание личной и социальной идентичности кыргызов в зависимости от социально-демографического статуса // Издание Международного университета «Ала-Тоо». – 2022. – № 2. – С. 288–296.
4. Field A. Discovering Statistic using SPSS. – London: Sage 2005. – 423 p.
5. Камчыбек уулу М. Самопонимание личной и социальной идентичности в суверенном Кыргызстане 21 века: монография. – Бишкек: КГУ, 2023. – 378 с.

МЯГКАЯ СИЛА КАК ВАЖНЫЙ КОМПОНЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ НА ПРИМЕРЕ НОРВЕГИИ

Кузьминская Ирина Васильевна

*Северный (Арктический) Федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
Архангельск, Россия*

Научный руководитель: Зайков Константин Сергеевич

*Северный (Арктический) Федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
Архангельск, Россия*

Аннотация. В современных международных отношениях роль мягкой силы возрастает с каждым годом. Важно отметить, что во внешней политике государств она является важным инструментом для достижения национальных интересов и целей государства без применения насилия. Мягкая сила также есть вспомогательный инструмент в процессе формирования имиджевой привлекательности государства. Стоит подчеркнуть, что именно имиджевая привлекательность позволяет увеличить степень влияния того или иного государства на мировой арене в целом. В данной статье значение мягкой силы будет рассматриваться на примере Норвегии.

Ключевые слова: внешняя политика, «мягкая сила», Норвегия, международные отношения, имиджевая привлекательность.

Актуальность работы заключается в том, что в современном мире роль мягкой силы во внешней политике государств значительна. Стоит подчеркнуть, что ее значение увеличивается с каждым годом. Общество предпочитает решать конфликты и достигать собственных целей ненасильственным путем.

Предмет исследования данной статьи – это мягкая сила во внешней политике.

Объектом исследования является мягкая сила во внешней политике Норвегии.

Впервые определение мягкая сила было введено в 1990-е годы Дж. Наем. Этот термин подразумевает «мягкое влияние» одних групп социума на других. Согласно Дж. Наю можно дать следующее определение мягкой силы: «способность достигать необходимых результатов посредством притяжения, а не принуждения или платежей». Иными словами, мягкая сила – способ целенаправленного ненасильственного влияния для достижения определенных целей.

К инструментам мягкой силы можно отнести такие аспекты как образование, развитие научно-технологического прогресса, публичную дипломатию, внешнюю политику, спорт и туризм определенного государства.

Говоря о мягкой силе следует выделить несколько видов мягкой силы: политическая (сюда стоит отнести развитие различных политических институтов, а также упор на защиту человеческих прав и интересов), экономическая (к данному типу относится то насколько привлекательным является государство с инвестиционной и финансовой точки зрения), далее необходимо выделить гуманитарную мягкую силу (к ней относятся научно-техническая и образовательная привлекательность того или иного государства), культурную (привлекательность с точки зрения туризма, культурного наследия в целом, популяризация языка государства), а также дипломатическую (к этому виду можно отнести то насколько государство способно предотвращать угрозы и нейтрализовывать внешнюю агрессию).

Бесспорно, влияние мягкой силы на сегодняшний день становится только значительнее. Государства более склонны использовать более гуманные способы достижения своих интересов, поэтому военная мощь и насилие используются как крайняя мера.

Норвегия – относительно молодое государство. Несмотря на небольшой опыт независимости, эту страну можно назвать государством со стабильной парламентской демократией. Стоит также отметить, что во главе государства стоят социал-демократы. В Норвегии заложены традиции идти на компромисс в разрешении несогласованностей между группами, пред-

ставляющими различные интересы. Справедливо предположить, что такие традиции вполне могли образоваться в результате сложившегося прочного гражданского общества, а также и значимых и законных посреднических организаций между гражданами и государством.

Что касается административно-правового устройства страны, то ее можно разделить на несколько уровней: национальный уровень, окружной уровень и муниципальный уровень. К ключевым продуктам экспорта страны можно отнести: нефть, а также нефтепродукты, минеральное топливо, битуминозные вещества, рыба и ракообразные, моллюски, а также прочие водные беспозвоночные, алюминий, никель, суда и лодки.

Важно отметить, что в период с 2010 по 2013 год наблюдался экономический подъем. На это событие повлияло три основных фактора. К ним относят проведение грамотной финансовой политики, обусловленное устойчивыми государственными финансами страны; рост доходности добычи углеводородов, который сопровождался сильным спросом от нефтегазового сектора; повышение спроса на услуги и товары, стимулируемый высокой трудовой иммиграцией.

Не секрет, что уровень жизни в Норвегии является одним из наиболее высоких не только в Европе, но и в мире в целом. Страна занимает 23 место в мировом рейтинге по ВВП. Такой уровень жизни во многом обусловлен и развитой экономикой, которая основывается на продаже полезных ископаемых таких как газ, нефть и т. д. Норвегия занимает первые позиции в рейтингах европейских стран по добыче, а также по производству газа и нефти среди остальных североевропейских стран. Стоит отметить, что индикатором благосостояния может послужить наличие нефтяных фондов, которые предназначены для будущих поколений. Помимо богатого минерально-сырьевого потенциала в стране высоко развит торговый флот, что также помогает развивать экономику страны. Более того, необходимо подчеркнуть, что уровень инфляции в Норвегии также крайне низок. Он составляет всего 3 %. Здесь также стоит упомянуть и о том, что уровень безработицы не превышает и 4 %.

Помимо нефти и газа на территории Норвегии расположено огромное количество лесов, что делает развитие деревянной промышленности благоприятным на этой территории. Также добываются такие полезные ископаемые как: медь, мрамор, цинк, алюминий, магний, гранит и т. д. Стоит подчеркнуть, что техническое и химическое производство в стране также хорошо развиты. В отрасли машиностроения стоит выделить такую отрасль как судостроение. Так как рыбообрабатывающая промышленность составляет важный компонент экспорта страны, то обращается особое внимание на разработку судов для добычи рыбы.

Одним из ключевых инструментов мягкой силы – это образование. Именно развитие образования позволяет привлечь новые высококвалифицированные кадры. Также Норвегия активно участвует в стипендиальных программах и разыгрывает гранты для обучения своей стране с целью обмена и привлечения новых студентов из других стран. Это помогает обеспечить приток новых кадров с различными свежими идеями и помочь развить науку. Также привлечение кадров помогает развивать научно-технологический прогресс страны. Благодаря такому целенаправленному и грамотному развитию образовательной отрасли Норвегия смогла за сравнительно недолгий промежуток времени изменить основу своей экономики. Если раньше она по большому счету основывалась на ресурсном потенциале страны, то в последние годы она все больше ориентируется на высокие технологии. Компании Норвегии разрабатывают все более эффективные экологически безопасные, а также высокотехнологичные методы работы для того, чтобы повысить квалификационный потенциал и продуктивность производства в целом. Стоит отметить и то, что сотрудничество с зарубежными партнерами и также их непосредственный обмен позволил норвежским компаниям и образовательным учреждениям накопить колоссальный опыт в различных научных и образовательных сферах, что благоприятно сказалось на соответствующих отраслях. Как показывает практика, полученный опыт успешно применяется и используется в развитии научно-технического потенциала.

Говоря об инструментах «мягкой силы» стоит упомянуть и о том, что Норвегия принимает активное участие в мирных переговорах в таких странах как Филиппины, Колумбия,

Шри-Ланка, Гватемале, а также на территориях Балканского полуострова и Ближнего Востока. По словам норвежцев, такие миротворческие мотивы обусловлены их лютеранским прошлым. Посредничество Норвегии в ведении переговоров, а также помощь в решении затруднительных международных ситуациях обеспечил стране статус ценного и надежного игрока на мировой арене.

Также для формирования позитивного облика Норвегии в мире делается упор на развитие публичной дипломатии. Публичная дипломатия является важной отраслью государственной политике с целью разработки информационно-пропагандистской стратегии на долгосрочную перспективу. Как показывает практика, воздействие мягкой силы наиболее продуктивно в том случае, если используется формат диалога. В этом случае диалог используется как специальный инструмент для преодоления возможного барьера между взаимодействующими сторонами. Стоит отметить, что в диалоге культур и цивилизаций происходит коммуникация не между политическими системами и различными государствами, а между людьми непосредственно. Как правило, они относятся к самым разным национальностям, конфессиям, исповедуют разные религии и имеют также разное мировоззрение и системы ценностей. Именно поэтому очень важно учесть все особенности и постараться учесть в равной мере интересы каждого представителя, чтобы избежать конфликтов. Норвежское общество очень толерантно, поэтому проблемы с восприятием представителей других культур и взглядов не распространены.

Сильной стороной Норвегии является ее способность привлекать к мирным переговорам конфликтующие стороны, а также способствовать проведению этих мирных переговоров. Такие способности Норвегия ярко продемонстрировала после окончания «холодной войны» и взяла на себя ответственность стать посредником по делам о прекращении военных столкновений на Среднем Востоке.

К значимым достижениям норвежской дипломатии можно отнести содействие в разрешении израильско-палестинского конфликта. В то время как представители других стран предпочли дистанцироваться от Палестинской Освободительной Организации, норвежское представительство иностранных дел решило провести ряд неформальных встреч с лидерами палестинского движения. практически с самого момента основания Израиля, Норвежская Профсоюзная Конфедерация (The Norwegian Confederation of Trade Unions) близко взаимодействовала с Израильской организацией, Гистадрутом (Histadrut). Из-за этого Норвегия хорошо понимала происходящее лучше других и целиком была вовлечена в посредничество. В этой связи стоит отметить, что директор норвежского института FAFO предложил создать особый секретный канал на основе учебного заведения, чтобы создать переговорную площадку для представителей Израиля и Палестины соответственно. Перед тем как подписать мирное соглашение представители обеих сторон обменялись письмами о взаимном признании. Сделали они это при посредничестве норвежского министра иностранных дел Йохана Йоргена Хольста. Для регуляции отношений между Израилем и Палестиной в 1993 году в Осло была подписана «Декларация принципов о временных мерах по самоуправлению». Этот поступок продемонстрировал всему миру значимость «тайной дипломатии». В результате урегулирования конфликта мирным путем Норвегия смогла продемонстрировать свои миротворческие способности. Более того, страна зарекомендовала себя как «державу-посредницу» на мировой арене. Этот пример демонстрирует то, как мягкая сила одной страны может разрешить сложные национальные конфликты, сохранив множество человеческих жизней, предпочитая мирное решение (а именно выбрав формат переговоров в данной ситуации) насильственным методам.

Еще одним важным инструментом мягкой силы Норвегии является ее культура. В этой связи стоит отметить, что Норвегия – это одна из самых крупных экспортеров музыки стиля Блэк-метал. Многие солисты и группы в том числе родились именно в Норвегии. Среди самых известных групп можно выделить такие как: Darkthrone, Dimmu Borgir, Burzum и многие другие. Кроме того, Норвегия участвует в конкурсе «Евровидение». Всего стране удалось выиграть 3 раза, а именно в 1985 году, в 1995 году и в 2009 году.

Туризм – еще один инструмент мягкой силы. Норвегия может похвастаться своей привлекательностью для туристов ведь их ежегодное количество превышает 4,5 млн человек. Туризм как инструмент мягкой силы позволяет привлекать внимание других государств посредством демонстрации культурного достояния и ценностей своей страны. Туризм во многом влияет и на формирование имиджа страны на международной арене. Его формирование происходит на основании впечатлений туристов, посетивших страну, тем самым создавая так называемый «эмоциональный компонент мягкой силы».

Туристы едут в Норвегию по многим причинам. В стране хорошо развиты зимние виды спорта. Самыми популярными являются лыжи и сноубординг. В Норвегии сосредоточено огромное количество горнолыжных курортов, организовываются целые специальные туры по их посещению. Хайкинг еще одно занятие для туристов. Огромное количество фьордов позволяет ощутить природное и ландшафтное разнообразие страны. Помимо развитого сектора зимних видов спорта в Норвегии можно часто увидеть такие уникальные природные явления как северное сияние. Нередко устраиваются целые туристические туры в наиболее благоприятные места для того, чтобы увидеть наиболее красочные и живописные северные сияния.

Подводя итог, можно сказать, что Норвегия делает значительный упор на развитие своей мягкой силы. Она умело развивает отрасли, которые во многом влияют на улучшение ее политического имиджа на международной арене и тем самым создает благоприятные условия для достижения своих национальных интересов. Несмотря на то, что государство относительно молодое, оно смогло зарекомендовать себя как державу-миротворца, посредника по делам урегулирования конфликтов, а также как страну с высокими технологиями и высоким уровнем образования.

Литература

1. Горлова И.И., Бычкова О.И. Культура как «Мягкая сила»: инструменты и точки приложения // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 18. – С. 16–22.
2. Ефанова Е.В. Инструменты «мягкой силы» во внешней политике государства // Вестник РУДН. Политология. – 2018. – № 3. – С. 417–425.
3. Жильцов С.С. «Мягкая сила» в мировой политике // Современная Европа. – 2018. – № 2. – С. 152–156.
4. Ковба Д.М. Ресурсы и механизм реализации мягкой силы // Дискурс-Пи. – 2014. – № 1. – С. 136–137.
5. Макаревич Э.Ф. Структура и возможности «мягкой силы» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2017. – № 1 (778). – С. 27–37.
6. Степанова Я.В. Политика привлекательности Норвегии // Петрозаводский Государственный университет. – 2019. – № 5. – С. 299–310.
7. Туризм Норвегии. Официальный сайт: Travel247. Туризм и путешествие. – URL: <https://travel247.ru/255-turizm-norwegii> (дата обращения: 17.12.2022).
8. Хайрутдинова Е.Р. Норвегия – страна северной сказки и мягкой силы // Дискурс-Пи. – 2014. – № 2-3. – С. 196–201.

ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЭТНОПСИХОЛОГИИ КАК НАУКИ И ПРАКТИКИ

Сунарчина Мунира Мунировна

Академия маркетинга и социально-информационных технологий, Краснодар, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы становления такой науки как этнопсихология. Подчеркивается, что изучению проблем этнопсихологии в России уделялось недостаточно внимания. Лишь в начале 70-х гг. прошлого века появились научные

публикации по такой научной дисциплине как этнопсихология. В работе отмечается то, что в нынешних условиях востребованы знания этнопсихологии в связи с усложнением межнациональных отношений в условиях непрекращающихся межэтнических конфликтов в мире.

Ключевые слова: этнос, этнография, этнопсихология, национальный характер, межэтническое взаимодействие, культурно досуговая деятельность, этническое самосознание, иноэтнические особенности, этнокультурная толерантность.

Как было уже отмечено выше, что в нашей стране, особенно в советский период недостаточно уделялось внимание развитию этнопсихологических знаний, в рамках данного направления научных исследований был крайне мало. Традиционно, большинством ученых, рассматривалась этнопсихология как область знания на стыке таких дисциплин, как этнография и психология. При этом этнопсихологию и этнографию объединяет единый объект исследования, как этнос, этнические сообщества, однако предметом исследования этнографии является изучение быта и культуры народов, а этнопсихологии, в свою очередь, психика этнических сообществ, закономерности ее формирования и функционирования. В этой связи этнография всегда считала этнопсихологию одним из своих разделов в виде психологической этнографии.

Другая ситуация сложилась в зарубежной науке этнопсихология в середине XX века она получила значительное развитие, однако в связи с разобщенностью ученых появились две этнопсихологии: этнологическая (иначе, психологическая антропология) и психологическая (сравнительно-культурная (или кросс-культурная) психология). Сравнительно-культурные исследования проводятся в рамках разных отраслей психологии, например, общая психология изучает особенности восприятия, памяти, мышления у разных народов, а также психологические характеристики самих этих общностей.

Значительный вклад в развитие этнической психологии в нашей стране внесли такие ученые как Г. Шпет, Л. Выготский, А. Лурия, которые считали, что предметом исследования данной науки является изучение социально-исторического развития поведения этноса. Среди советских ученых, в частности, Б. Поршнев, активно разрабатывали теорию наций и национальных отношений, обращаясь к теоретической сущности и содержания национальной психологии как явления этнического сознания. В целом в приоритете у российских ученых стояли вопросы изучения механизмов общения вкупе с глубинными психическими процессами.

В настоящее время этнопсихология представляет собой междисциплинарную область знания, которую связывают несколько значимых научных дисциплин среди которых социология, психология, культурная антропология, лингвистика, биология, экология и пр.

Этнопсихология как междисциплинарная наука изучает закономерности развития и проявления национально-психологических особенностей людей как представителей конкретных этнических общностей и отличающих их друг от друга. Предметом этнопсихологии являются этнические особенности психики людей, национальный характер, своеобразие поведения, национального самосознания и этнических стереотипов представителей конкретных этнических общностей. Этнопсихология как междисциплинарная отрасль знаний в большей степени связывают с такими научными дисциплинами как социология, психология, культурная антропология, социальная психология, лингвистика, биология, экология, этнография в этой связи этнопсихология как наука пока не представляет собой единого целого ни по тематике, ни по методам исследования.

В настоящее время исследования в этнопсихологии включают в себя такие компоненты как национальное самосознание, национальный характер, национальный темперамент, национальный склад ума, национальные чувства и настроения, национальные интересы, ценностные ориентации и традиции. В этой связи в науке сложилось несколько направлений, включающие в себя сравнительные, культурологические исследования этнических особенностей когнитивных процессов, эмоций и ценностных ориентаций этносов, а также исследования этнического сознания и самосознания, этнических особенностей психики, национальные особенности мировосприятия, национального характера и менталитета.

Особый интерес в этнической психологии представляет понятие национальный характер хотя многие ученые считают данные понятия ненаучным, в большей части в этнопсихологии. В настоящее время чаще применяется термин национальная ментальность, национальный коммуникативный социотип, стереотип нации. Однако важно подчеркнуть, что теоретическую основу изучения проблемы национального характера заложил Дэвид Юм.

Например, в своей статье «Национальные характеры» он пишет, каждый народ характеризуется специфической манерой поведения и конкретными качествами, встречающимися чаще, чем у их соседей при этом предупреждал о негативных последствиях абсолютизации данной научной идеи. Так, например, В. Вундт в своей работе «*Volkerpsychologie*» подчеркивал наличие особого эмоционального психологического склада у каждого народа, национальной специфичности линии поведения и паттернов общения. В настоящее время рабочее понятие «национальный характер» достаточно широко учеными применяется в своих публикациях, в большей части, с отражением доминирующих подходов в своих исследованиях, так одни отдают предпочтение географическим факторам, другие – социально-психологическим, отражающим темперамент, поведение и мышление человека, соблюдение национальных традиций и обычаев, жизненные цели группы людей, при этом важно помнить, которые соответственно гораздо сложнее отслеживаются на уровне индивидов. В заключении, отметим, что в практической плоскости этими проблемами занимаются не только этнопсихологи, но и педагоги, социальные работники, работники образования и культуры. При этом деятельность этих специалистов будет действенной, только тогда если они будут разбираться в механизмах межгрупповых отношений, опираться на знания социально-психологических и культурных различий между представителями разных этносов. Только осознав эти психолого-культурные особенности взаимодействующих этносов, специалист-практик может предложить различные способы их решения. В этом смысле для нас было интересно рассмотреть в качестве примера гармоничного взаимодействия представителей разных этносов в сфере культурно-досуговой работы с такой аудиторией, как молодежь.

В учреждениях культуры молодежь посещают кружковые объединения, центры, клубы, фестивали и крупные мероприятия, что позволяет работникам сферы культуры охватить через досуговую деятельность достаточно большую аудиторию в целях удовлетворения не только этнокультурных потребностей молодежи, но и формирования личности, готовой к эффективному межкультурному взаимодействию, сохраняющей свою этническую идентичность и уважающей иноэтнические особенности других этносов. Данная работа предполагает знакомство с культурными особенностями, традициями и достижениями других этносов, воспитания дружеского отношения к людям разных национальностей. Все это имеет огромное воспитательное значение в формировании толерантной личности, которое дает возможность молодому человеку прикоснуться к неиссякаемому роднику народной мудрости, познанию отечественной истории, истории родного края, смысла национальной культуры, овладения навыками и умениями в различных видах народного ремесла. Целью этнокультурного воспитания в досуговых, культурных учреждениях является формирование этнического самосознания, адекватного отношения к себе как члену этноса, чувство гордости за свою нацию, положительное отношение к родному языку, истории и культуре своего народа, а также чувство уважения и толерантности к представителям других этносов. При этом этнокультурная толерантность понимается как признание равенства и уважения к культуре другого этноса, принятие многообразия человеческой культуры, норм и верований, отказ от доминирования и насилия.

Литература

1. Вундт В.М. Психология народов. – М.: Эксмо-Пресс, 2002. – 864 с.
2. Мажинский С. Становление этнопсихологии в контексте развития теорий «национального характера» и «национального духа» // Вестник Томского государственного университета. История. – 2022. – № 77. – С. 21–29.

3. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. – 320 с.
4. Усманова М.Н., Останов Ш.Ш., Бафаев М.М. К вопросу о зарождении этнопсихологии // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. – 2013. – № 1-1. – С. 68–72.
5. Юм Д. О национальных характерах. – 2-е, доп. и испр. – М.: Мысль, 1996. – 25 с.

GENDER COMPETENCE OF A YOUNG TEACHER

**Umarov Bakhridin Mengbaevich,
Egamberdieva Farida Uktamovna**

Oriental University of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Abstract. The article widely discusses the issues of gender competence of young teachers. The mechanisms of gender culture and psychology, as well as differentiation of male and female gender attitudes are analyzed. When realizing the gender approach in the educational activity of young teachers.

Key words: gender, gender competence, gender equality, education, teacher, educator.

There is no doubt that the main figure of gender mainstreaming in education is the teacher. Teachers, who are also bearers of gender culture and have their own gender attitudes, have a greater influence on the gender socialization of children. A teacher can encourage or reject the behavior of his students depending on his own gender stereotypes.

Modern education, more than ever before, needs professional teachers with detailed knowledge of gender psychology. A competent teacher should be able to effectively solve educational tasks taking into account the gender characteristics of students. One of the components of the general professional competence of a teacher is gender competence [3, 350 p.].

A lot of modern research in the field of pedagogy and psychology is aimed at studying the peculiarities of gender attitudes of teachers working in kindergartens and schools. As a result, scientists have convincingly proved that while doing educational work, teachers distinguish between masculine and feminine qualities in accordance with their own gender attitudes. Teachers sincerely believe that children of different genders should be educated with a different set of personal qualities and skills.

Boys, in their opinion, should be hardy and purposeful. Girls should be feminine, kind, soft, easy to establish communication with other people, to make contact [1, 2004].

O.B. Otvetchalova, studying the professional activities of preschool teachers, found that their ideas are characterized by pronounced gender differentiation of male and female roles. It is noted that gender attitudes of teachers are characterized by inconsistency. While verbally denying the existence of different approaches in educational activities in relation to boys and girls, in reality teachers demonstrated it in relation to children. Thus, a child's appearance, personal qualities and behavior are evaluated differently depending on his/her gender.

The teacher distributes tasks between boys and girls in a certain way, organizes different games for them, and applies different methods of punishment to them. Boys in preschool establishments have stricter requirements regarding hairstyle and behavior, while girls have stricter requirements regarding appearance and neatness. Teachers punish boys more often and more strictly. If a girl shows aggressiveness, such behavior is less welcomed than in boys [5, 290 p.].

It is obvious that the requirements of the teachers themselves in relation to the behavior of children are based on traditional ideas about masculinity or femininity in a given culture. Whether they realize this fact or not, most educators and teachers use exactly this approach in educating their students.

At the same time, researchers note that although modern teachers recognize the need for a gender approach in the upbringing of the younger generation, they do not have a sufficient level

of theoretical knowledge to implement such an approach in their own pedagogical activities. Only a teacher with gender competence is able to effectively apply the gender approach in the upbringing of children, to solve the problems of education and upbringing taking into account gender [4, 1971].

Gender competence of a teacher is the ability to understand the purpose of men and women in society, their status, functions and features of relationships. It is very important for a teacher to have the ability to critically evaluate his/her own professional activity from the position of his/her own gender. He should be informed that the concept of "gender" includes psychosocial and socio-cultural characteristics that refer to the male or female sex in a given culture [2, 275 p.].

Thus, a gender-oriented teacher should be clearly aware of his/her own gender identity. Fully understand the impact of their own gender attitudes on the child's socialization, formation of gender values and ideas. See the possibilities of gender approach in education to improve the quality of the educational process.

Gender competence of a teacher necessarily includes the following components:

- mastering the organizational aspects of leading children's activities;
- mastering psychological and pedagogical knowledge in the field of gender science;
- mastering didactic aspects of guiding children's activities taking into account the child's gender.

The main components of a teacher's gender competence are content, reflexive and organizational.

The content component includes the teacher's knowledge of gender pedagogy and psychology. The content component includes the teacher's knowledge of gender pedagogy and psychology, namely, ideas about gender features of all subjects of the educational process, and the ability to use the technology of gender analysis of educational information.

The reflexive component includes the teacher's personal attitude to various gender issues in society. It implies mandatory availability of own views on the issues of gender differentiation of men and women.

The organizational component includes the teacher's ideas about how to manage the process of gender socialization of an individual and skills to organize it. It also includes the ability to influence various gender aspects of education, to create the necessary pedagogical conditions, to teach various subjects using elements of gender approach, to build the educational process based on the idea of equality of people regardless of their sex [3, 350 p.].

The model of teacher's competence in the implementation of gender approach in educational activities assumes the content of the following components:

Theoretical competence – knowledge of differences in the psychophysiological development of boys and girls, peculiarities of age stages of child development, knowledge of methods of formation of feminine and masculine traits in children.

Diagnostic competence – the ability to correctly apply diagnostic techniques in organizing the process of gender socialization.

Personal competence – assessment of one's own personal qualities, identification of gender stereotypes in one's ideas, awareness of gender role.

Technological competence – skills of using gender approach in the organization of educational and upbringing activities.

A teacher can successfully implement a gender approach in education if a number of conditions are met:

- diagnostics of the child's gender-role development;
- organization of the educational process taking into account gender characteristics of pupils;
- analysis of educational programs from the point of view of gender approach;
- development of methods to ensure the process of gender education;
- development of recommendations for the family.

Understanding his own gender dominance and the dominance of his charges, a teacher can increase the effectiveness of pedagogical activity several times.

Gender dominance is a type of human behavior with predominance of masculinity or femininity qualities. Depending on the gender identity of students, a teacher can organize the educational process in different ways.

When organizing the learning process in a group of predominantly masculine learners, the following rules should be followed:

- it is important to emphasize visual information as the main focus of training;
- use abstract reasoning when explaining new material;
- at the end of the lesson it is necessary to make generalizations and conclusions;
- it is possible to use such forms of work as discussions and dialogues;
- make sure that the teacher's reasoning is logical and can be easily proved;
- delegate to students the responsibility for self-assessment of their own results.

When organizing the learning process in groups of students with feminine characteristics, it is important to follow the following strategy:

- use written calculations, examples and formulas more often;
- actively use pupils' verbal expressions;
- focus on collective forms of work in the classroom;
- give constant comments during the lessons and when assessing the pupils' learning activities;
- to use examples from life to consolidate new knowledge, influencing the emotional sphere.

Thus, the development and implementation of a holistic concept of gender education is an urgent task of modern pedagogy. It is necessary to define goals and objectives. It is important to outline the content, find effective ways of pedagogical activities to implement gender approach in education. To develop gender competence of all subjects of the educational process.

References

1. *Bem S.* Lenses of gender: transformation of views on the problem of gender inequality. – M.: Rosspen, 2004. – 314 p.
2. *Zherebkina I.A.* Introduction to gender studies. Part I: textbook. – Kharkiv: KCCI, 2012. – 275 p.
3. Gender pedagogy and gender education in the countries of the post-Soviet space: proceedings of the International summer school. – Ivanovo, 2012. – 350 p.
4. *Parygin G.S.* Fundamentals of socio-psychological theory. – M.: Gedanke, 1971. – 126 p.
5. *Petrova R.G.* Genderology and feminology: study guide. – 5th ed., reab. and supplement. – M.: URAIT, 2013. – 290 p.

СЕКЦИЯ «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЦЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА»

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТРУМЕНТОВ ИСЛАМСКОГО (ПАРТНЕРСКОГО) ФИНАНСИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Имамова Гульфия Рустямовна,
Харисова Фирдаус Ильясовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 04.08.2023 г. № 417-ФЗ (последняя редакция) стал действовать на территории Российской Федерации с 01 сентября 2023 г. Этот закон стал первым документом, отражающим правовую основу для развития исламского (партнерского) финансирования на нашей территории. Однако, наряду с принятием данного закона выявились и некоторые проблемы при его реализации.

Ключевые слова: закон о партнёрском финансировании, исламские финансы, мурабаха, мудароба, иджара, такаффуль, исламский банк.

В данной статье мы поставили цель изучить и раскрыть основные проблемные стороны реализации инструментов исламского(партнерского) финансирования в современных условиях на территории Российской Федерации

Исламские финансовые инструменты, такие как *мурабаха, мудароба, иджара, такаффуль и другие*, являющиеся аналогами кредитных операций, вкладов, инвестиционных и финансовых операций широко распространены в исламских странах. В России же многие инструменты исламского финансирования еще для многих являются непонятными, однако уже находят свое применение в разных исламских экономических отношениях между субъектами. Несмотря на сложность реализации этих инструментов на практике, некоторые финансовые компании уже работают с этими инструментами. Это: Финансовый Дом «Амаль», Сбербанк, Акбарс Банк, Финансовая компания «Мирас», Финансовая компания «Нур-финас» и др.

В связи с этим, указанная тема особенно актуальна на фоне развивающихся исламских финансов в России и проблемы, возникающие при их реализации вопросы требуют отдельного внимания для изучения

Основная часть.

Согласно принятому закону об исламском финансировании предоставлять партнерские услуги могут банки, финансовые организации, юридические лица, зарегистрированные в форме потребительского общества, фонда, автономной некоммерческой организации, хозяйственного общества или товарищества. Основное их отличие от традиционных состоит во внедрении схемы партнерского финансирования: клиент банка формально становится не вкладчиком, а бизнес-партнером организации. Банк отдает ему часть прибыли и разделяет риски. К примеру, так работает мудароба – исламский инвестиционный депозит. Банк вкладывает деньги клиента в халальные (разрешенные) активы, а прибыль от сделки распределяется в заранее оговоренных пропорциях. При этом сам банк тоже не инвестирует деньги под проценты, а покупает долю в финансируемом бизнесе, то есть тоже становится партнером [1].

Благодаря подобным продуктам в исламском банкинге представлена большая часть классических финансовых инструментов, доработанных так, чтобы они не были харамом.

Вместо обычного кредита можно взять *кард аль-хасан* – беспроцентную ссуду. Проценты заменяет *хиба* – добровольная надбавка, которую клиент в знак благодарности платит банку за понесенные расходы. Аналог традиционной рассрочки платежа – *бей-би-силаа*, возврат денег за товар или услугу частями.

Вместо ипотеки в исламском банкинге есть *мурабаха* – торговое соглашение, по которому банк покупает недвижимость для дальнейшей перепродажи клиенту. При этом в договоре прописывается фиксированное, заранее оговоренное вознаграждение за организацию и сопровождение сделки.

Иджара – аренда с правом выкупа (то есть лизинг). Кредитор ежегодно пересматривает арендную плату, ориентируясь на среднерыночные цены. Клиент же имеет право выкупа объекта в любое время по балансовой стоимости.

Есть в исламском банкинге и ценные бумаги (*сукук*), и инвестиционная деятельность при участии банка (*мудароба* и *мушарака*), и ряд других направлений [9].

Несмотря на высокий спрос на эти инструменты в исламском мире для мусульман России имеется ряд сложностей и при реализации данных инструментов, и при получении результатов от их использования. Так, до принятия закона, при *исламской ипотеке*, банк финансировал аффилированное лицо-посредника, которое выкупал недвижимость и {перепродавал его с наценкой клиенту. Таким образом, банк уходил от претензий регулятора, однако в связи с необходимостью работать с третьим аффилированным лицом, приходилось иметь дополнительные расходы на содержание этого самого третьего лица и на дополнительные налоги.

После принятия закона ситуация на рынке исламских финансов практически не изменилась. Традиционные банки пока не готовы работать с новыми партнерскими инструментами и финансировать физических и юридических лиц путем купли-продажи товаров (в том числе недвижимого имущества). И дело тут не только в том, что кредитные и финансовые организации не имеют регулятивные положения по реализации этого инструментария, но и в том, что ипотека в таком случае не является конкурентоспособным к традиционным ипотечным программам, в силу своей дороговизны. Отсутствие страхования при данной программе, дополнительные доходы банка, более подробная обработка платежеспособности заемщика (клиента), более высокие риски банка, высокий дисконт на недвижимое имущество при его оценке – все это влияет на ценообразование наценки при перепродаже недвижимого имущества. Кроме этого, хотя в новом законе о партнерском финансировании в ст. 2 п. 8–9 говорится о возможности использования средств материнского капитала и субсидии, выдаваемых многодетным семьям согласно Федеральному закону от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» для покрытия ипотеки, на практике же до сих пор нет определенного регламента более подробно описывающего этот механизм [5].

Финансовые организации привыкшие зарабатывать на процентах также с трудом могут представить, что заемщик может на добровольных началах оплачивать им вознаграждение наподобие *хиба* при выдаче беспроцентного займа *кард-аль хасан*, или получить справедливую прибыль при финансировании проектов по контрактам *мудароба* и *мушарака*. В силу этого, финансовые учреждения, готовы работать с инструментом *мудароба* – в качестве исламского депозита, являясь при этом *мударибом* (*управляющим на доверительной основе*), а не как *рабб-аль малл* (инвестор).

13 сентября 2023 года на своем сайте Минфин РФ опубликовал Информационное сообщение от 12 сентября 2023 г. № ИС-учет-45 о Бухгалтерском учете деятельности по партнерскому финансированию [6].

Согласно этому сообщению, бухгалтер деятельности по партнерскому финансированию ведется в соответствии с применимыми федеральными стандартами бухучета и положениями по бухучету, а также планом счетов бухучета. Однако известно, что в большинстве стран, где применяются инструменты исламского финансирования используются специальные стандарты бухучета, аудита и управления на основе шариата, такие как AAOIFI (Accounting

and Auditing Organization for Islamic Financial Institutions) и IFSB (Islamic Financial Services Board) [4].

Важно отметить, что при высоком спросе мусульманского(и не только) общества на эти инструменты само же население остается малограмотным в этом вопросе, представляя, что все эти инструменты могут служить только в благотворительном контексте, и удивляясь тому, что приходится оплачивать определенное вознаграждение за их использование. Все это говорит о необходимости повышения уровня финансовой грамотности, касаясь этих инструментов исламского финансирования, среди населения.

Следует учесть и фактор отсутствия квалифицированных кадров или их малочисленность как одну из проблем в развитии исламских финансов в России. Методология и разработка исламских финансовых продуктов – это сложный, многоступенчатый процесс, в котором задействованы авторитетные улемы и профессиональные мусульманские теологи. Каждый продукт должен быть разработан согласно Шариатским стандартам, общепринятым в мусульманском мире. Требуется время, чтобы обучить банковских специалистов работать с новыми инструментами исламского банкинга [2, 9].

Таким образом реализация инструментов исламского(партнерского) финансирования в исламской банковской системе на практике имеет определенные сложности в силу ряда факторов. Формы контрактов, практика управления фондами, правила бухгалтерского учета, расчеты прибылей и убытков, методы распределения прибыли, фактически строятся на принципах и правилах, принятых среди процентных банков. Сложность коррекционных механизмов по соответствию шариатским нормам таких контрактов обуславливается и тем, что в стране пока нет четко регулирующего положения о контролирующем и надзирающем органе по партнерскому(исламскому) финансированию. В ст. 12 ФЗ от 04.08.2023 г. № 417-ФЗ говорится об экспертном совете, однако нет прямых указаний-какие эксперты должны быть в составе этого совета и уровень их компетенции в исламском праве. Основной проблемой также остается не применение стандартов AAOIFI для целей бухгалтерского учета, аудита и управления совместно с традиционными стандартами бухучета. Также в НК РФ отсутствует четко регламентированный раздел или пункт, разъясняющий правила о формировании налоговой базы при работе с исламскими инструментами финансирования, так как в исламе налоги-также базируются на этических и религиозных принципах шариата.

Несмотря на определенные сложности интеграции исламских финансов в Россию, наличие законодательной базы уже является крупным шагом в развитии исламской экономики в стране. И даже несмотря на то, что возможно будут много ошибок и препятствий при реализации этих инструментов-страна решительно готова к новым экспериментам для развития экономики, основанной на справедливых и этических принципах ведения хозяйства. Ожидается что, благодаря развитию исламского банкинга в российский финансовый сектор будут поступать деньги не только физических, но и юридических лиц. Исламские инвесторы смогут беспрепятственно финансировать производственные, инфраструктурные проекты – важные для развития страны. В первую очередь халяльные инвестиции подразумевают под собой вклад в реальную экономику, социально полезную и значимую.

Литература

1. Беккин Р.И. Исламская экономическая модель и современность. – М.: ИД Марджани, 2009. – С. 72–80.
2. Калимуллина М.Э. Стандартизация исламских финансовых сделок // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 3 (76). – С. 122–126.
3. Усмани М.Т. Введение в исламские финансы / пер. с англ. «Ля Риб-Финанс». – М.: Исламская книга, 2016. – 160 с.
4. Шариатские стандарты AAOIFI, кн. в тв. переплете. – М.: Издательство «Исламская книга», 2022. – 920 с.

5. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 04.08.2023 г. № 417-ФЗ.
6. Информационное сообщение от 12 сентября 2023 г. № ИС-учет-45 «Бухгалтерский учет деятельности по партнерскому финансированию».
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022). Статья 1018. Обособление имущества, находящегося в доверительном управлении.
8. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 28.04.2023).
9. Интернет-ресурс «journal.tinkoff.ru». – URL: <https://journal.tinkoff.ru/guide/islamskii-bankin/> (дата обращения: 20.10.2023)
10. Интернет-ресурс «rg.ru». – URL: <https://rg.ru/2023/05/15/islamskuiu-ipoteku-zhdut-10-20-mln-rossijskih-musulman.html> (дата обращения: 19.10.2023)
11. Интернет-ресурс «kazan.cian.ru». – URL: <https://kazan.cian.ru/stati-islamskij-banking-chto-eto-takoe-i-kak-rabotaet-332691/> (дата обращения: 19.10.2023)
12. Интернет-ресурс «consultant.ru». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_453966/ (дата обращения: 19.10.2023).
13. Интернет-ресурс «cbr.ru». – URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=16931> (дата обращения: 20.10.2023).

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Низамова Лилия Равильевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В поле зрения находятся место и роль этнокультурных ценностей в формировании социальной идентичности личности, в социально-политических процессах и реализации принципа национальности в пространстве Евразии. Внимание сосредоточено на Российской Федерации как евразийском многонациональном и полиэтническом государстве – территории артикуляции множественных этнокультурных и языковых потребностей личности и интересов региональных сообществ, местного населения и приезжих. В работе используются конкретно-социологические данные исследования актуальной языковой повестки в шести республиках Волго-Уралья.

Ключевые слова: этнокультурные ценности, евразийское пространство, Российская Федерация, национальные республики, этничность, национализм, этнические меньшинства, родной язык

Ставший мейнстримом в исследованиях этничности и национализма модернистский подход (Э.Геллнер [1], Б.Андерсон [2] и др.) обосновывает современный характер национальных государств и актуальность процессов нациестроительства. Роль этнокультурного наследия при этом получает разноречивую оценку [3] – далеко не все исследователи готовы признать значимость примордиальных уз языка, религии и культуры в формировании современных наций. Многие ученые полагают, что домодерные этнические связи и лояльности будут размыты в условиях формирования новых политических сообществ наций, уступят свое место объединениям равноправных граждан, разделяющих общие гражданские идеалы и политические ценности. Однако оказалось, что этнокультурные установки и практики го-

раздо устойчивее, чем предполагалось; этнический национализм в XXI веке по-прежнему оказывается весомым фактором современной политики.

Успешность анализа актуальных этнополитических процессов зависит от выбора концептуальных рамок и теоретических подходов, тем не менее, в этом вопросе нет единодушия. Используемые аналитические инструменты многообразны. Среди них: концепции культурно нейтральной нации в противовес оцениваемой скептически идее многонациональной империи, дихотомия этнического и гражданского национализма, версии цивилизационного подхода, многочисленные авторские концепции, не укладывающиеся в общепринятые классификации и отличающиеся большей или меньшей включенностью в политический дискурс. Вниманию привлекают те из них, что сформулированы на основе анализа тенденций, обозначившихся на посткоммунистическом пространстве Евразии в конце XX века, как способные учесть значимые факты политической истории и современности новых государств, возникших после развала СССР.

Признанный социальный ученый Р.Брубейкер в работе о мифах и заблуждениях в исследовании национализма [4] обращается прежде всего к изменениям в странах Центральной и Восточной Европы (таких, как Венгрия, Чехия, Словакия, Румыния, возникших после распада социалистической Югославии и других), однако предложенные им концепции и классификации имеют объяснительную силу и в отношении современной Российской Федерации и стран СНГ. Он выделяет четыре типа национализма в посткоммунистических странах, не ориентированных на обретение «государственной независимости как таковой» [4; с. 156]: 1) «национализирующий» национализм новых независимых государств, 2) национализм «внешней исторической родины», 3) национализм национальных меньшинств, наконец, 4) протекционистский национально-популистский национализм, обращенный против разнообразных внешних угроз (иностранного капитала, транснациональных организаций, внешних культурных влияний, иммигрантов и пр.) [4]. Первый выдвигает требования от имени большинства – коренной нации, которой, как заявляется, прежним режимом был нанесен непоправимый ущерб [5], требующий компенсации (в России, например, предполагает сохранение «русской культурной доминанты»). Второй утверждает «право и даже обязанность государства наблюдать за условиями, в которых находятся «его» этнонациональные «соотечественники» [...] в других государствах» (норма «защиты прав и законных интересов российских граждан и соотечественников, проживающих за рубежом» закреплена в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года). Третий тип национализма отстаивает коллективные национальные права меньшинств (например, чеченцев/Чечни, татар/Татарстана, народа Саха/Якутии и пр). При всех имеющихся существенных различиях каждый из типов национализма есть проявление принципа национальности (он может трактоваться по-разному – в историко-территориальном или этнокультурном значении) и выражение весомости этнокультурных ценностей, воспроизводящихся и в контексте глобализации.

Материалы массовых статистических обследований (Всероссийские переписи населения и другие) и данные конкретно-социологических исследований свидетельствуют о воспроизводимости значимости этничности, религиозной самоидентификации и языковой приверженности народов России, как у этнокультурного большинства, так и статистических меньшинств, среди которых есть группы, насчитывающие миллионы человек и коренные малочисленные народы. Сохраняется востребованность изучения родных языков (хотя она может различаться в разных территориях и у разных народов и социальных групп). Не только старшие, но и молодежь (примечательно, что в городах) проявляет интерес к культурному наследию, реализуя его творчески с применением информационно-коммуникационных и цифровых технологий и в глобальной сети.

Как показало исследование актуальных вопросов языкового развития в шести республиках Поволжья и Приуралья (Башкортостане, Марий Эл, Мордовии, Татарстане, Удмуртии и Чувашии), во всех есть запрос на ревитализацию, сохранение, изучение и развитие титульного языка (языка (-ов) народа, давшего имя республике), а также условно «третьих» относи-

тельно немногочисленных языков республик (например, татарского в Удмуртии или чувашского в Татарстане), помимо общенационального государственного русского языка, весомое значение которого не оспаривается ни в прагматическом инструментальном, ни в символическом значениях. С точки зрения лидеров мнения республик Поволжья и Приуралья, языковая политика республик должна быть направлена прежде всего на сохранение, развитие и повышение престижа титульного языка и культуры, обучение и воспитание на титульном языке в детском саду и школе, а также сохранение всех языков республики. Языковая политика Российской Федерации, в первую очередь, должна быть нацелена на сохранение и приумножение языков, культуры и традиций всех народов России, включая русский народ, поощрение многокультурности, повышение имиджа родных языков.

Языковой репертуар личности в современном обществе заметно обогатился за счет обязательного изучения одного или нескольких иностранных языков, тем не менее, востребовано и изучение родного языка. Реализация этнокультурных ценностей и потребностей народов России в региональном и местном сообществах, формирование приверженности малой родине и территории проживания способствует воплощению важной конституционной нормы и одной из задач Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года – сохранению этнокультурного и языкового многообразия страны. Этническая и региональная идентичность, как правило, не только не вступают в конкуренцию с национальной солидарностью и лояльностью, но, напротив, дополняют ее, способствуя решению задачи упрочения общероссийского гражданского самосознания, укрепления духовной общности и политического единства.

Важным источником культурного многообразия России наряду с ее исторической многонациональностью стала иммиграция в страну: с конца 1990-х гг. нарастала трудовая миграция из стран ближнего и дальнего зарубежья, актуализировавшая задачи социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов, противодействия незаконной миграции, искоренения любых форм нетерпимости и дискриминации по признакам расовой, религиозной и национальной принадлежности [5]. По числу граждан, поставленных на миграционный учет в РФ за первое полугодие 2023 года, лидируют страны – члены Содружества Независимых Государств: Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, Казахстан, Беларусь, Армения, Азербайджан [6]. Пребывание в принимающем обществе предполагает освоение русского языка и социальных норм российской культуры, однако это не означает немедленной или неизбежной ассимиляции и отказа от собственных этнокультурных ценностей, тем более, что в России эти национальности тоже представлены и имеют свои этнокультурные объединения и организации, в той или иной степени участвующие в делах соотечественников. Социологические исследования свидетельствуют о том, что успешность адаптации и интеграции иностранных граждан в России в большой степени зависит от установок местного населения, его готовности к социальному включению мигрантов. Однако ученые выявляют высокий уровень нетерпимости и ксенофобии россиян по отношению к приезжим, что вызывает беспокойство. К тому же не совпадают взаимные ожидания сторон: так как среди преобладающих трудовых мигрантов большая часть не планирует оседать в России, они более нуждаются не в интеграции в российский социум, а в получении легального статуса и базовой социальной поддержки (например, медицинской помощи) [7]. Этнокультурные и религиозные потребности в таком контексте не выглядят первостепенными, тем не менее, они оказывают существенное влияние на социальное самочувствие и взаимодействие приезжих и местных.

Тенденции развития общества начала XXI столетия подтверждают тезис о современной природе процессов нациестроительства, несмотря на субъективную веру в их стародавний и даже древний характер. При этом этнокультурные ценности и символы, родной язык и религия предков подпитывают принцип национальности в его множественных проявлениях, по-прежнему выступают в качестве силы, мотивирующей социальные отношения, и актуализируются в меняющихся социальных условиях. Будущность Российской Федерации как многонационального и полиэтнического сообщества (единственного государства, сохранившегося как федерация после распада коммунистического блока) зависит от способности обеспе-

чить реализацию этнокультурных потребностей русского большинства, а также многочисленных титульных национальностей, коренных малочисленных народов, диаспорных групп и мигрантского населения и построения доверительных и взаимовыгодных отношений с соседними государствами евразийского континента.

Литература

1. Геллнер Э. Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1991. – 319 с.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: КАНОН – Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 287 с.
3. Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. – М.: Праксис, 2004. – 464 с.
4. Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма // *Ab Imperio*. Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. – 2000. – № 1. – С. 147–164.
5. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в ред. Указа Президента РФ от 06.12.2018 г. № 703. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201812070007?index=2> (дата обращения: 28.09.2023).
6. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – июнь 2023 года с распределением по странам и регионам / Министерство внутренних дел РФ. – URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/40034334/> (дата обращения: 28.09.2023).
7. Роткевич Е. Мигранты едут в Россию не за тем, за чем ехали раньше (интервью с проф. С. Абашиным). – URL: <https://gorod-812.ru/migrantyi-edut-v-rossiyu-ne-za-tem-za-chem-ehali-ranshe/> (дата обращения: 28.09.2023).

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ

Омуралиев Нурбек Ашимканович

Национальная академия наук Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызстан

Токоева Назира Байболотовна

Кыргызский национальный университет имени Жусуна Баласагына, Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. Данная статья посвящена анализу современных концептуальных подходов к социокультурной адаптации и интеграции в современном обществе. В работе проводится обзор основных теоретических концепций, таких как ассимиляционизм, интеграционизм, мультикультурализм и другие, а также раскрываются ключевые понятия и термины, используемые в исследовании. Методология исследования включает в себя как качественные, так и количественные методы анализа данных, а также стратегии выбора образцов и методов выборки для более полного и всестороннего исследования проблемы. Работа также рассматривает ограничения методологии и предлагает способы их учета в дальнейших исследованиях.

Ключевые слова: социокультурная адаптация, социокультурная интеграция, ассимиляционизм, интеграционизм, мультикультурализм, концептуальные парадигмы, методология исследования.

Современное общество сталкивается с вызовами и изменениями, связанными с миграцией и многообразием культурных групп. В процессе миграции и социокультурной адаптации индивидов и групп в новой социокультурной среде возникают важные вопросы, которые привлекают внимание социологов и исследователей социокультурной динамики. Один

из ключевых аспектов этого исследования – это разнообразие концептуальных парадигм, используемых для анализа и понимания процессов социокультурной адаптации и интеграции.

Исследование процессов социокультурной адаптации и интеграции является актуальной темой в современном мире. Растущая миграция и мобильность населения, а также увеличение числа культурных диаспор и меньшинств, делают эту тему особенно важной для понимания социокультурных изменений в современном обществе. Важно не только анализировать, как индивиды и группы приспосабливаются к новой культурной среде, но и какие факторы и механизмы лежат в основе этих процессов [1].

Социокультурная адаптация и интеграция представляют собой сложные и многогранные процессы, которые исследователи анализируют с помощью различных теоретических подходов. Важно рассмотреть несколько основных теоретических концепций, которые охватывают широкий спектр аспектов адаптации и интеграции:

1. **Ассимиляционизм.** Этот подход предполагает, что индивиды или группы стремятся полностью ассимилироваться в культуру большинства, отказываясь от своей культурной идентичности. Они принимают культурные нормы и ценности большинства и постепенно утрачивают свою собственную культуру. Ассимиляционизм подчеркивает важность однородности и однородности в обществе.

2. **Интеграционизм.** В этом подходе признается, что индивиды могут сохранять свою культурную идентичность, одновременно взаимодействуя и встраиваясь в культуру большинства. Интеграционизм подчеркивает возможность сосуществования и взаимодействия различных культур в обществе.

3. **Мультикультурализм.** Этот подход предполагает, что разнообразие культур является богатством общества, и должно активно поддерживаться и сохраняться. Мультикультурализм стремится к созданию многокультурного общества, где каждая культурная группа ценится и уважается.

4. **Транскультурация.** Этот подход подчеркивает, что процессы адаптации и интеграции не всегда ограничиваются чистой ассимиляцией или интеграцией. Вместо этого они могут привести к созданию новых культурных гибридов, которые сочетают элементы разных культур.

5. **Структурный функционализм.** Согласно этой теории, адаптация и интеграция рассматриваются как способы обеспечения стабильности и согласованности социальных систем. Структурные функционалисты анализируют, как эти процессы влияют на общественные институты и структуры.

6. **Конфликтологический подход.** Этот подход сосредотачивается на конфликтах, которые могут возникать в процессе адаптации и интеграции. Он исследует факторы неравенства, дискриминации и социальных непропорциональностей, которые могут вызвать социокультурные конфликты.

Для более глубокого понимания социокультурной адаптации и интеграции важно определить ряд ключевых понятий и терминов, используемых в исследовании. Эти понятия могут включать в себя:

Культурная идентичность. Определение себя и своей принадлежности к определенной культурной группе.

Мультикультурное общество. Общество, в котором существует разнообразие культурных групп и многокультурное взаимодействие.

Этническая группа. Группа людей, имеющая общие культурные, языковые и исторические характеристики.

Идентификация. Процесс определения себя и своей принадлежности к определенной группе.

Культурный плюрализм. Состояние, при котором различные культуры сосуществуют в обществе и сохраняют свою уникальность.

Социальная адаптация – это процесс и результат приспособления индивида или социальной группы к условиям культурной среды. Успешная социальная адаптация означает, что

человек или группа достигли соответствия новой культурной среде, принимая ее ценности, традиции, нормы и стандарты поведения как свои собственные. Это включает в себя не только адаптацию к материальным условиям, но и к социокультурным аспектам окружающей среды.

Инкультурация. Это процесс, при котором индивид внедряется в свою собственную культуру или общество, осваивая его ценности, нормы и обычаи. Инкультурация происходит внутри культурной среды, в которой индивид родился или вырос. Она включает в себя обучение и воспитание, при которых человек осваивает основы своей культуры.

Аккультурация. Это процесс, при котором индивид или социальная группа приспосабливаются к новой культурной среде, различной от их собственной. Это может включать в себя приобретение новых навыков, знаний и принятие новых ценностей, которые характерны для новой среды. Аккультурация может быть вызвана миграцией, перемещением или контактом с другими культурами.

Эти понятия имеют большое значение в антропологии, социологии и других областях наук о человеке, так как они помогают понять, как люди взаимодействуют с культурной средой и как этот процесс влияет на их идентичность и поведение.

В начале XX века антропологи, такие как Р. Редфилд, Р. Линтон и М. Херсковиц, стали изучать аккультурацию как процесс изменения ценностных систем и культурных моделей в результате длительного контакта групп с разными культурами. Это исследование обычно фокусировалось на группах и их изменениях в ответ на взаимодействие с другими культурами.

Позднее в XX веке исследователи начали уделять больше внимания психологическим аспектам аккультурации. Понятие «психологической аккультурации» относится к процессам изменения в личностной психологии индивидов в ответ на социокультурные изменения. Это включает в себя изменения в ценностных ориентациях, социальных установках и психологических стратегиях, которые могут происходить у индивидов в результате контакта с разными культурами.

В современном мире, особенно с увеличением глобализации и миграции, аккультурация и адаптация стали более актуальными и сложными проблемами. Люди сталкиваются с новыми формами культурного контакта, и это вносит изменения как на групповом, так и на индивидуальном уровне.

Исследования в области социокультурной интеграции и адаптации продолжают развиваться, и они имеют важное значение для понимания того, как разные культурные группы взаимодействуют друг с другом, как изменяются их ценности и идентичность, и какие стратегии адаптации они разрабатывают для успешного сосуществования в многокультурном мире.

Наиболее общее определение социальной адаптации нами было найдено у Л.В. Корель. Согласно исследователю, социальная адаптация «есть состояние приспособления или же процесс приспособливания социальной системы (личности, социальной группы, организации, общности, института, общества, цивилизации и т. д.) к внутренним и внешним изменениям, происходящий путем изменения как социальных стереотипов поведения, социальных практик, ценностей, способов информационно-интерпретативного отражения (конструирования, реконструирования) реальности, так и внутренней ее (системы) структуры и функций» [2].

В основе методологии и теории социальной адаптации и культурной интеграции лежат работы социолога И. Гофмана (1922–1982). Основные положения, от которых Гофман отталкивается в своей работе:

- социальное поведение людей создает социальные правила, социальную жизнь в целом;
- все явления, которыми занимается социология, должны объясняться в координатах социального взаимодействия как процесса социальной жизни, обуславливающего социокультурную интеграцию [3].

В современной коррекционной педагогике и психологии интеграция понимается, с одной стороны, как конечная цель деятельности специальных коррекционно-образовательных учреждений, обучения и воспитания детей, имеющих психофизические особенности здоровья.

Интеграция предполагает учет индивидуальных потребностей и специфических особенностей каждого ребенка с психофизическими особенностями здоровья. Образовательная программа и подход к воспитанию могут быть адаптированы, чтобы соответствовать этим потребностям. Учителя и специалисты в области коррекционной педагогики играют важную роль в интеграции, предоставляя необходимую поддержку и экспертизу, чтобы обеспечить успешное участие детей с психофизическими особенностями здоровья в образовательном процессе.

Интеграция в этом контексте способствует созданию более справедливого и инклюзивного общества, где каждый ребенок, независимо от своих особенностей, имеет возможность получить образование и развиваться наравне с другими.

Э. Дюркгейм отмечал, что основой интеграции человека в организации являются культурные составляющие, такие как представления трудового коллектива, верования, потребности, традиции группы.

Т. Парсонс называет интеграцию главной адаптивной характеристикой, «генеральной ценностью», особой моделью изменения, которая необходима организации, чтобы обеспечить свою жизнеспособность. Социокультурную интеграцию можно рассматривать как:

- понятие, которое характеризует процессы соединения разнородных взаимодействующих элементов в систему, в социальную общность;
- форму поддержания равновесия и устойчивости общественных отношений в организации;
- способность организации или ее подразделений к сопротивлению деструктивным факторам, к самосохранению в условиях возникновения внутренней и внешней напряженности.

Литература:

1. Берри Дж. Кросс-культурная психология. Исследования и применение. – Харьков: Гуманитарный центр, 2007. – 353 с.
2. Корель Л.В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. – Новосибирск: Наука, 2005. – 424 с.
3. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: Канон-пресс-Ц, 2000. – 302 с.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРОЦЕССОВ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ КАЙРЫЛМАН

Омуралиев Нурбек Ашимканович

Национальная академия наук Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызстан

Токоева Назира Байболотовна

Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына, Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. Адаптация и интеграция этнических кыргызов в Кыргызской Республике (КР) представляют собой важные аспекты социокультурных и правовых процессов в стране. Законодательные основы для этих процессов определяют правовой статус этнических кыргызов, их права и обязанности, а также обеспечивают им поддержку и защиту. Ключевые законы включают в себя закон о гражданстве, закон о гарантиях этническим кыргызам, закон о языках и другие. Эти законы создают основу для интеграции и адаптации этнических кыргызов, способствуют обеспечению их прав и улучшению условий жизни в Кыргызстане. Данная научная статья исследует законодательные основы и меры, направленные на адаптацию и интеграцию этнических кыргызов в Кыргызской Республике. Статья анализирует законы и нормативные акты, которые регулируют статус этнических кыргызов, их права, и процедуры приобретения гражданства в КР.

Ключевые слова: адаптация, интеграция, этнические кыргызы, законодательство, гражданство, культурное наследие, права человека, социальная поддержка, миграция, Кыргызстан.

Творение устойчивого и гармонического сообщества нередко зависит от успешной адаптации и интеграции этнических меньшинств, которые избрали новейшую страну в хорошем качестве своей исторической отчизны. Данный процесс имеет ключевое значение для обеспечения культурного контраста и социальной стабильности. В контексте Кыргызской Республики (КР), одной из прежних республик СССР, вопрос адаптации и интеграции этнических кыргызов занимает особое место.

Кыргызстан, как многонациональное правительство, приглашает этнических кыргызов, возвращающихся на свою историческую родину, к активному участию в социальной, культурной и экономической жизни страны. Эти процессы основываются на законодательных актах и мерах, которые определяют статус и права этнических кыргызов, предоставляют им социальную поддержку и подсобляют беречь их культурное наследие.

Цель данной научной статьи – провести анализ законодательных основ процессов адаптации и интеграции этнических кыргызов в Кыргызской Республике. По тексту статьи будет рассмотрено законодательство, регулирующее статус этнических кыргызов, их права и обязанности, также меры помощи, предоставляемые им в ходе адаптации и интеграции. Также пройдет анализ вызовов и перспектив этнических кыргызов в Кыргызстане и предложены советы по улучшению законодательной базы и мер помощи.

Исследование законодательных основ адаптации и интеграции этнических кыргызов имеет принципиальное значение, поскольку оно содействует созданию критерий для удачной социокультурной адаптации этнических меньшинств, также способствует укреплению социальной гармонии и культурного обилия в Кыргызской Республике.

Программа «Кайрылман» (что на кыргызском языке означает «Возвращение») была предпринята правительством Кыргызстана 19 октября 2006 года с целью оказания содействия этническим кыргызам, возвращающимся на историческую родину. Эта программка была направлена на творение социально-экономических критерий и правовой базы для этнических кыргызов, желающих возвратиться в Кыргызстан [1].

Законодательные базы процессов адаптации и интеграции этнических кыргызов в Кыргызской Республике (КР) содержат ряд законов, положений и нормативных актов, которые регулируют правовой статус этнических кыргызов, их права и обязанности, а также предоставляют им поддержку и охрану. Ниже представлены главные законодательные акты и законодательные базы, связанные с адаптацией и интеграцией этнических кыргызов в КР:

Закон о гражданстве Кыргызской Республики. Данный закон регулирует процедуры приобретения гражданства Кыргызстана. Этнические кыргызы, возвращающиеся на историческую отчизну, пользуются этим законом для получения кыргызского гражданства.

Закон о правовом положении зарубежных людей в Кыргызской Республике. Данный закон регулирует статус и права иностранных людей, включая этнических кыргызов, до получения гражданства КР.

Закон о гарантиях этническим кыргызам, переселяющимся в Кыргызскую Республику. Данный закон устанавливает гарантии и права, предоставляемые этническим кыргызам при их возвращении в КР, включая права на труд, образование и социальную поддержку.

Закон о языках. Закон определяет статус муниципальных и государственных языков в КР, что принципиально для адаптации этнических кыргызов в сообщество и обеспечения доступа к языковому образованию.

Закон о культурных ценностях. Закон определяет положение и охрану культурного наследия этнических групп, включая меры по сохранению и продвижению их культуры.

Закон о правах человека и гражданина. Закон устанавливает общие принципы и права человека и гражданина, включая равенство перед законом и недискриминацию на базе этнической принадлежности.

Закон о социальной поддержке. Закон регулирует меры социальной помощи и поддержки, предоставляемые народонаселению, включая этнических кыргызов, находящихся в тяжелых жизненных ситуациях.

Закон о передвижениях. Закон определяет порядок миграционных процедур, включая верховодила заезда и выезда, что важно для переселенцев.

Эти законы и нормативные акты обеспечивают правовую базу для адаптации и интеграции этнических кыргызов в Кыргызстане, также гарантируют их права и защиту. Дополнительные законодательные инициативы и конфигурации могут приниматься для улучшения условий и процессов адаптации этнических кыргызов на их исторической отчизне.

Кайрылман – этнический кыргыз, являющийся зарубежным гражданином либо личиком без гражданства, по собственной воле переселяющийся в Кыргызскую Республику и получивший статус кайрылмана [2].

Общественно-политические процессы, начатые с демократическими переменами в кыргызском сообществе в особенности с приобретением общественно-политического суверенитета, стало главным фактором необычного роста национального самосознания, для кыргызов живущих вне территории Кыргызстана послужило толчком развития чувства единой культуры, истории, языка с исторической Отчизной. Появился некоторый дискурс комфорта среди этнических кыргызов, имеющий отношение к делам, связанным с возникновением независимого Кыргызстана, то есть с наличием общественно-политической единицы на основе этнической принадлежности.

Но, как вы утверждаете, процесс адаптации этнических кыргызов, возвратившихся в страну, может не подходить ожиданиям или целям, установленным программой «Кайрылман». может быть, существует разрыв меж заявленными целями программки и реальной ситуацией на местах.

Такие различные дискурсы и суждения между о данном явлении могут являться вызваны несколькими факторами, включая:

Экономические факторы: возвращающиеся этнические кыргызы могут столкнуться с экономическими трудностями, в том числе недочет рабочих мест, ограниченные способности устройства на работу и жилищные вопросы. Такое может вызывать недовольство и различные точки зрения между.

Социокультурные различия: возвращающиеся этнические кыргызы могут столкнуться с культурными различиями и адаптационными трудностями, что также может вызывать различные точки зрения между.

Реализация программки: трудности могут появляться весьза недостаточной эффективности реализации программки «Кайрылман», включая недостаточное финансирование, бюрократические трудности либо коррупцию.

Общественно-политические причины: общественно-политические конфигурации и действия в большой стране также могут влиять на обсуждение и реализацию программки.

Для более четкого осознания ситуации и ее действенной оценки, может быть, будет нужно провести анализ и оценку программки «Кайрылман» с учетом факторов, упомянутых выше, также учитывая суждения и потребности возвращающихся этнических кыргызов и суждения разных публичных групп.

Законодательство в области иммиграции этнических кыргызов и предоставления им гарантий складывается из Конституции Кыргызской Республики, регулируется реальным Законом, другими нормативными законодательством Кыргызской Республики и международными уговорами, вступившими в установленном законом порядке в силу, соучастником которых является Кыргызская Республика [3].

Процесс адаптации этнических кыргызов, либо кайрылманов, в Кыргызстане представляет интерес как с практической, так и с теоретической точки зрения. Данный процесс возможно предметом исследования в разных областях гуманитарных и публичных наук, включая социологию, антропологию, этнологию, политологию и миграционные исследования. Догадка вашего исследования возможно сформулирована последующим образом:

Догадка: Процесс адаптации кайрылманов в Кыргызстане является многомерным и трудным явлением, влияющим как на самих кайрылманов, так и на общество в целом. Исследование этого процесса позволит превосходнее осознать факторы, содействующие либо затрудняющие удачную интеграцию этнических кыргызов в кыргызское сообщество, и может пролить свет на принципиальные вопросы по части передвижения и этнических отношений.

Это явление, когда возвращающиеся этнические кыргызы, или «кайрылманы», не интегрированы в кыргызское сообщество и сталкиваются с неувязками поляризации и депривации, является серьезной социальной и этнической неувязкой. Такое может творить напряженность между и усугублять этническую ситуацию. Вероятные причины и причины, способствующие этой дилемме, включают:

1. Культурные различия. Возвращающиеся кайрылманы могут хранить свои культурные особенности и традиции, что может творить культурные барьеры и затруднять интеграцию в кыргызское общество.

2. Экономические трудности. Недочет рабочих мест и экономические трудности приводят к социальной депривации и увеличению неравенства, что, в свою очередь, увеличивает задачи адаптации.

3. Образование и доступ к услугам. Ограниченный доступ к образованию и соц услугам также может оказать негативное воздействие на интеграцию возвращающихся кайрылманов.

4. Стереотипы и предвзятость. Стереотипы и предвзятость со стороны кыргызского общества могут творить барьеры для интеграции и содействовать поляризации.

5. Недочет действенных интеграционных программ. Неимение действенных программ и мер, направленных на интеграцию кайрылманов, может усугублять ситуацию.

Для решения этих заморочек нужна всеохватывающая стратегия, включающей в себя меры по социальной интеграции, образованию, творению рабочих мест, борьбе с дискриминацией и предвзятостью, а также улучшению доступа к социальным услугам. Важно также проводить диалог с сообществом и представителями кайрылманов для осознания их потребностей и заморочек и разработки более действенных программ помощи и интеграции.

Проблема интеграции кайрылманов и кризиса идентичности, сопряженный с этой неувязкой, представляют суровые вызовы для Кыргызстана. Несмотря на ожидания кайрылманов по самореализации и удачной интеграции, процесс этой интеграции может оказаться сложным и конфликтным [4].

Культурные различия меж кайрылманами и кыргызами Кыргызстана могут творить барьеры для интеграции. Такое может содержать различия в языке, традициях, обычаях и виде жизни.

Кайрылманы могут сталкиваться с экономическими и социальными трудностями при попытке интеграции, в том числе безработица либо жилищные трудности.

Стереотипы и предвзятость могут препятствовать настоящей интеграции. Такое может содержать стереотипы о кайрылманах как «чужих» либо «несопоставимых» с кыргызским обществом.

Для преодоления этой трудности может потребоваться пересмотр муниципальных программ и политические деятели, направленных на поддержку кайрылманов, но также на содействие их интеграции в кыргызское сообщество. Такое может содержать творение более доступных критерий для образования и устройства на работу, проведение информационных кампаний для понижения предвзятости и стереотипов, а также творенье диалоговых платформ для обсуждения и решения заморочек, связанных с этой интеграцией.

Между обитателей Кыргызстана относительно о кайрылманах есть разные дискурсы:

1. Религиозная сфера: Утверждение, что кайрылманы могут быть более религиозными, возможно связано с их исторической и культурной традицией. Но главное держать в голове, что религиозность является личным выбором, не следует считать, что все кайрылманы автоматически поддерживают конструктивные исламские течения.

2. Финансовая сфера: Ваше наблюдение о предприимчивости кайрылманов может иметь разные интерпретации. Вроде как, такое может содействовать их удачной адаптации

и экономической активности. Если посмотреть с другой стороны, это может вызвать обсуждения о неравенстве и социальной напряженности.

3. Культурные традиции: Различия в культурных традициях меж кайрылманами и кыргызами могут отражать обилие этнических групп и их уникальные обычаи. Такое может предоставить возможность для размена культурным опытом и богатства культурного обилия.

4. Роль в публичной жизни: Различные представления о власти и политическом участии между этническими группами имеют влияние на их роль в публичной и общественно-политической сферах. Принципиально содействовать включению абсолютно всех этнических групп в распоряжение и разработку политические деятели.

5. Самореализация: Ваше наблюдение о самореализации возможно результатом разных образовательных и экономических способностей. Такое может свидетельствовать о значимости обеспечения равных шансов для абсолютно всех этнических групп и борьбы с дискриминацией.

Исследование этих различий и их воздействия на сообщество возможно полезным для разработки более сбалансированных и инклюзивных политик, содействующих социокультурной гармонии и разнообразию в Кыргызстане.

Сообразно данным правительства, с две тысячи десятого по 2016 год кыргызское гражданство получили 24 362 иностранных гражданина кыргызского происхождения. В тот же период статус кайрылмана получили около 11 000 переселенцев. Основным условием получения статуса кайрылмана и гражданства КР, сообразно закону, является кыргызское происхождение заявителя. Сложность возникает у тех, у кого в документах указана другая национальность, отличающаяся от национальности ближайших родственников, либо же в смешанных семьях. По просьбе закона такие заявители обязаны обосновать свою кыргызскую национальность.

Кыргызстан разработал законодательство, направленное на охрану прав этнических меньшинств и гарантирование равенства перед законом для абсолютно всех людей независимо от их этнической принадлежности. Это содержит в себе законы о языке, культурном обилии и правах человека.

Политика правительства Кыргызстана также ориентирована на устранение неравенства и обеспечение одинаковых экономических способностей для абсолютно всех этнических групп. Это содержит в себе меры по содействию занятости и образованию, неподражаемо в местностях, в каком месте проживают этнические меньшинства. Кыргызстан устремляется к общественно-политической инклюзии представителей разных этнических групп. Это включает в себя их консульство в органах власти, включая в парламенте, чтоб обеспечить роль абсолютно всех людей в принятии решений, дотрагивающихся страны. Кыргызстан присваивает принципиальное значение сохранению и почтению культурного наследия абсолютно всех его этнических групп. Это значит поддержку культурных мероприятий, национальных праздников и образовательных программ, направленных на сохранение и продвижение этнических культур [5].

Кыргызстан устремляется к действенному управлению этнокультурным разнообразием, чтоб предупредить конфликты и содействовать гармоническому сосуществованию разных этнических групп.

В целом, сходственная политика содействует творенью более инклюзивного сообщества, в каком месте каждый гражданин, независимо от собственной этнической принадлежности, имеет одинаковые права и способности, а культурное обилие рассматривается как достояние и источник государственной гордыни.

Президент Кыргызстана Садыр Жапаров подписал Закон О внесении изменений в закон о муниципальных гарантиях этническим кыргызам, переселяющимся в Кыргызскую Республику. Об этом сообщает пресс-служба главы страны.

Важный документ принят Жогорку Кенешем 7 июня 2023 года для улучшения и упрощения процесса переселения и совершенствования законодательства республики

в вопросах оказания помощи этническим кыргызам, возвращающимся на историческую отчизну.

Это главное событие, связанное с переменами в законодательстве Кыргызстана, указывает на рвение правительства к улучшению процесса переселения этнических кыргызов и предоставлению им необходимой помощи при возвращении на историческую отчизну. Конфигурации в законе могут содержать более светлые и усовершенствованные верховодила и процедуры, которые облегчат процесс адаптации и интеграции этнических кыргызов в кыргызское сообщество.

Как обычно такие конфигурации в законодательстве содержат в себе улучшение условий для получения временного статуса «кайрылман» и обеспечение права на работу, образование и прочие социальные достоинства. Они также могут давать обеспечение более светлые правила и процедуры для переселения этнических кыргызов и решения связанных с этим вопросов.

Эти конфигурации могут содействовать более действенной адаптации и интеграции этнических кыргызов в Кыргызстан и обеспечению им наилучших критерий для возвращения на свою историческую отчизну.

Исследование выявило принципиальные нюансы, определяющие статус и правовое положение этнических кыргызов, их права и повинности, также меры, предоставляемые им в ходе адаптации и интеграции.

Литература

1. *Сатарбаев А.М.* Процесс адаптации этнических кыргызов (кайрылманов), возвратившихся на родину – в Кыргызскую Республику: проблемы, кризис идентичности и интеграции // Известия вузов (Кыргызстан). – 2015. – № 12. – С. 137–139.
2. Интернет-ресурс «kgembassy.tj». – URL: <http://www.kgembassy.tj/page-218.html#:~:text=> (дата обращения: 10.10.2023).
3. Закон Кыргызской Республики от 26 ноября 2007 года № 175 «О государственных гарантиях этническим кыргызам, возвращающимся на историческую родину».
4. Постановление Правительства КР от 19 октября 2006 г. № 737 «Государственная программа «Кайрылман» по оказанию содействия этническим кыргызам, возвращающимся на историческую родину на 2006–2008 годы».
5. *Мамбетсадыкова А.С.* Реализация этнической и языковой политики в Кыргызстане // Архонт. – 2022. – № 4 (31). – С. 52–55.

МОТИВАЦИЯ И ПОТЕНЦИАЛ ДОНОРСТВА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

**Савельева Жанна Владимировна,
Ишкинеева Фарида Фалесовна**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Проблема донорства чрезвычайно актуальна для российского здравоохранения. Дефицит доноров побуждает искать новых желающих помочь среди различных групп населения. Одним из наиболее перспективных групп населения является студенчество. Анализ данных социологических опросов студентов российских вузов показывает, что успешность рекрутинга доноров связана с разрешением противоречия между отношением студенческой молодежи к донорству, выражающимся в его положительной оценке, и реальным участием в практиках донорства, которое носит ограниченный характер.

Ключевые слова: донорство, студенческая молодежь, отношение к донорству, мотив донорства, барьер для донорства, страх донорства.

По данным Национального медицинского исследовательского центра гематологии, в России наблюдается дефицит доноров крови, для его восполнения необходимо в два раза увеличить число доноров [1]. Еще одним из препятствий является недостаток мотивации и понимания важности донорства. Исследования показывают, что основные мотивы принятия решения о донорстве связаны с группами следующих причин: спасение жизни, семейные ценности, формирование позитивной идентичности, религиозные убеждения, социальные обязательства [2]. При этом некоторые научные результаты свидетельствуют о росте мотивов, связанных с системой внутренних ценностей [3]. Так, согласно данным М. Hreńczuk, P. Gruszkiewicz, P. Małkowski, для студентов университетов мотивацией к донорству гемопоэтических стволовых клеток в 97,3 % случаев выступало желание помочь другому человеку [4].

Российские студенты в целом готовы участвовать в волонтерских практиках, однако, по данным Высшей школы экономики, они недостаточно информированы о практиках донорства в силу его недостаточной популярности, испытывают дефицит знаний и времени, в связи с чем исследователи предлагают сценарии «перезагрузки» практик и мотивации [5].

Для выявления потенциал донорства в молодежной среде, мотивов и факторов его определяющих, было инициировано эмпирическое социологическое исследование. Исследование проводилось в период с октября по ноябрь 2022 г. в городе Казани методом онлайн-анкетирования студентов вузов на основе квотной выборки под контролем признаков пола, образовательного статуса и места проживания. Объем выборки составил 1 135 человек.

Причины низкого уровня распространения донорства в российском обществе респонденты связывают, прежде всего, с недостаточным информированием населения (42,8 %). Данные сопоставимы с результатами исследования, полученными в рамках исследовательского проекта РНИМУ им. Н.И. Пирогова, в котором было выявлено, что основные причины неучастия студентов данного медицинского вуза в донорском движении – это незнание того, как и где стать донором (17,5 %), а также опасения за свое самочувствие (16 %), отсутствие свободного времени (14,4 %) и ряд других [6].

Второй по частоте вариант причин нераспространенности практик донорства в России – недоверие к системе здравоохранения (32,7 %). Как показали в дальнейшем ответы на открытые вопросы, это недоверие, в основном, связано с представлениями об опасности донорства для здоровья, например, в аспекте стерильности процедур: *«Донорство влечет риски для моего здоровья и здоровья реципиента, поэтому лично я сам заниматься этим не хочу»*. Опрошенные студенты (12,4 %) указали на психологический страх как возможную причину низкого уровня распространенности практик донорства в российском обществе: *«Собственный страх и здоровье подводит»*; *«Боюсь игл, так что не готов добровольно»*; *«Боюсь крови и любых мед. процедур»*; *«Боюсь, что это может сказаться на моем здоровье»*. Незначительная доля студентов (1,0 %) указала на нездоровье как фактор низкой распространенности практик донорства. Интересно, что ответ на данный вопрос имеет связь с гендером: юноши чаще выбрали вариант ответа об отсутствии вознаграждения, а девушки – психологический страх.

Респонденты сетуют также на проявления недружелюбного поведения со стороны сотрудников учреждений здравоохранения и медицинского персонала, а также значительные затраты времени на процедуры: *«Несколько суток в поликлинике надо провести, я к такому не готов»*; *«Я готова, но сдача анализов долгая процедура, и не хочется связываться с поликлиниками, где работают ужасно грубые люди»*.

Взаимосвязь переменных была выявлена при анализе ответов на вопрос о материальном положении анкетированных. Студенты с низким материальным статусом чаще в качестве причины указывали недоверие к системе здравоохранения – 41,0 %. Среди студентов со средним и высоким достатком доля выбравших данный вариант была ниже и составила 33,1 % и 33,5 % соответственно. Отсутствие материального вознаграждения в качестве причины недостаточной распространенности практик донорства в России был наименее популярным (его выбрали 4,2 % опрошенных).

Студенческая молодежь г. Казани в целом положительно относится к донорству: об этом заявили 71,8 % опрошенных, 25,6 % выразили нейтральное отношение, лишь 1,0 % выбрали вариант ответа «отрицательно», 1,6 % затруднились с ответом (рис. 1). Помимо отношения к донорству, интерес представляла личная готовность студентов к практике донорства. Несмотря на высокую долю респондентов, высказавших положительное отношение к донорству, о личной готовности заявило меньшее число опрошенных – 54,5 %. Таким образом, разрыв между теми, кто положительно относится к практике донорства (71,8 %), и теми, кто готов стать донором (54,5 %), составил 17,3 %.

В открытом вопросе по поводу оценок донорства чаще всего студенты давали положительные интерпретации данным практикам: *«Донорство – это один из вариантов самореализации»*; *«Это гуманизм»*; *«Это помогает людям, это очень полезно»*. Однако во многих ответах можно встретить тезисы о недостаточной мотивации для донорства при хорошем отношении: *«Готов стать донором, но нет времени и желания заняться этим всерьез»*; *«Готова сдать кровь, просто мне лень»*; *«Донорство – это издержки времени»*.

В интерпретациях студентов встретились рациональные мотивы, связанные с взаимопомощью и полезностью такого рода социального обмена: *«Пока я здорова и могу помочь другим, но может настать время, когда мне нужна будет помощь, хотелось бы ее получить»*. Эгоистический подход к донорству содержится в следующем суждении респондента: *«Позиция “думай о себе” имеет выигрышную стратегию для жизни в современных реалиях»*. Подобные высказывания встречались крайне редко, что можно интерпретировать как доминирование альтруистической интенции в отношении донорства. Однако следует учитывать социально-психологический эффект, связанный с желанием выглядеть благопристойно и соответствовать социально одобряемой норме.

Возможным сценарием интерпретации в открытом вопросе о донорстве выступила возмездность данной практики: *«Я готов быть донором крови только за достойное вознаграждение»*. Данные согласуются с выводами исследования А. Г. Орловцевой, согласно которым распространены социальные представления о том, что материальное вознаграждение – нормальное и даже необходимое условие донорства, и установки, что помогать нужно только близким людям [8]. Однако доля россиян, считающих, что вознаграждение за донорство необходимо, неуклонно снижается. Так, о необходимости денежного вознаграждения в 2008 году заявляли 74 % россиян, в 2013 году – 67 %, в 2018 – 50 % [9]. Таким образом, можно наблюдать изменение представлений в отношении донорства, что, возможно, связано с постепенным ростом информированности населения о соответствующих проблемах, нормализацией донорских практик и распространением альтруистических установок.

Потенциал донорства в молодежной среде достаточно высок, но при этом не реализован. Основное препятствие видится в недостаточной информированности студентов о сущности донорства, о его предназначении, пользе для общества. Молодые люди испытывают фрустрацию по поводу участия в донорстве: понимают необходимость донорства, осознают его как моральный долг, как сопричастность важному делу, эмпатию по отношению к пациентам, в то же время испытывают опасения о последствиях для своего здоровья, связанных с влиянием практик донорства. Барьером к распространению практик донорства выступает фактор институционального недоверия студентов к системе здравоохранения. Молодежь предъявляет претензии к деятельности государственных учреждений здравоохранения и медицинского персонала: недоброжелательное отношение к пациентам, длительное ожидание медицинских процедур и др.

Для реализации потенциала донорства российской молодежи и стабильного увеличения числа потенциальных доноров необходимо изменение общественного сознания по отношению к донорству, оптимизация механизмов информирования и привлечения к участию в донорстве.

Литература

1. Национальный медицинский исследовательский центр гематологии. – URL: <https://donor.blood.ru/questions/> (дата обращения: 25.04.2023).
2. *Karacan E., Cengiz Seval G., Aktan Z., Ayli M., Palabiyikoglu R.* Blood donors and factors impacting the blood donation decision: motives for donating blood in Turkish sample // *Transfus apher sci.* – 2013. – Volume 49. – Issue 3. – P. 468-473.
3. *La Casta A.H., Shaw B.E., Anthias C., Bruce J.G., Pastorek G., Billen A., O'Leary A., Switzer G.E.* Motives for joining an unrelated HSC donor registry: description, categorization, and association with donor availability // *Bone marrow transplant.* – 2019. – Volume 54. – Issue 3. – P. 425-431.
4. *Hreńczuk M., Gruszkiewicz P., Malkowski P.* Knowledge, opinions, and attitudes of students of Warsaw universities toward hematopoietic stem cell transplantation // *Transplant proc.* – 2021. – Volume 53. – Issue 6. – P. 1784–1791.
5. Эксперты НИУ ВШЭ создали рекомендации, как мотивировать студентов стать донорами. «Перезагрузка» практик добровольной сдачи крови. – URL: <https://iq.hse.ru/news/-829562401.html> (дата обращения: 23.04.2023).
6. *Ильенко Л.И., Мурадян Т.Г., Орлова Н.В., Нечмирь М.А., Некрасова А.М.* Донорство как компонент гуманистического воспитания студентов медицинских ВУЗов // *Кардиоваскулярная терапия и профилактика.* – 2022 – № 21 (S4). – С. 36–42.
7. *Абаева О.П., Романов С.В., Смирнова Г.Ю., Присяжная Н.В., Дубограй Е.В.* Участие религиозных организаций в формировании у населения отношения к трансплантации органов и тканей // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины.* – 2019. – № 27 (5). – С. 831–835.
8. *Орловецкая А.Г.* Донорство крови как социальная практика: российская специфика // *Журнал исследований социальной политики.* – 2017. – № 15 (1). – С. 7–20.
9. Донорство крови / База данных ФОМ. 18 января 2018 года. – URL: <https://bd.fom.ru/pdf/d02dk2018.pdf> (дата обращения 27.04.2023).

СЕКЦИЯ «ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: ВЫЗОВЫ, ПРОБЛЕМЫ, ВОЗМОЖНОСТИ»

СОЦИАЛЬНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ ЛЕСОМ: К ПРОБЛЕМЕ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ДЕТЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В ПРИЕМНЫХ СЕМЬЯХ

Абдрахманова Флорида Ривхатовна

Башкирский государственный педагогический университет им. Акмуллы, Уфа, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблема социального оздоровления межличностных отношений молодежи и детей, в том числе, находящихся в приемных семьях. Автор обращается к философии леса, и рассматривает онтологию леса с позиций социального измерения, а именно, в контексте перспективности зарубежных программ исцеления лесом для развития межличностных взаимодействий городской молодежи и детей. Формулируется вывод о возрождении отечественного социально-философского опыта исследования тесной взаимосвязи общества, человека и леса, его роли в гармонизации межличностного социального пространства молодых людей.

Ключевые слова: социальное бытие леса; городские леса, городская молодежь; межличностные отношения; дети, находящиеся в приемных семьях; социальное, духовное и физическое исцеление лесом; качество защиты детей.

Современное общество высоко индустриализировано, и достижения в области технологий повысили как стандарты, так и удобства жизни. Вызывают интерес рассуждения В.С. Степина о необходимости философского осмысления бытия в связи с тем, что старые ориентации техногенной цивилизации исчерпали свои ресурсы [6].

Эти изменения особенно очевидны в городских районах, которые в результате являются густонаселенными. Очередной вызов, поставленный историей перед человечеством – это вызов городской цивилизации. Город характеризуется как искусственно созданная, социально преобразованная и отличная от природной среда обитания людей [3]. Цель статьи – исследовать бытие леса, но не самого по себе, а в социально-онтологическом плане, то есть, в системе социальных ценностей и связей на примере программ исцеления лесом, реализуемых в аспекте проблем межличностных отношений молодежи, в том числе, детей, находящихся в приемных семьях. Городские районы характеризуются быстро меняющимися социальными структурами и практически отсутствующим чувством общности, что может привести к высокому уровню стресса. И наоборот, леса и растения имеют противоположный эффект и могут способствовать эмоциональному удовлетворению. Как известно, во время посещений лесов дети и молодежь с расстройством истощения успокаивались, сообщали о чувстве психологической стабильности, им было предложено задуматься о своей жизни и описывать свой опыт как восстановительный. Благосостояние и здоровье людей, прежде всего, молодежи, зависит от лесистости территории, в том числе, городской, поэтому необходимо лесу уделять особое внимание, как весомому фактору улучшения окружающей среды и здоровья людей [2, с. 435–443]. Нахождение рядом с городскими зелеными насаждениями оказывает положительное влияние на социальное здоровье молодежи. Зеленые насаждения являются мощными психологическими буферами против негативного воздействия на здоровье стрессовых жизненных событий [12, с. 1203–1210].

Учащиеся средних школ с неспособностью адаптироваться к школе показали снижение стресса, реактивных характеристик и деструктивного поведения после участия в программах с применением лесной экологии [1]. Прогулки по лесу могут быть физиологически и психологически расслабляющими для молодых женщин [11, с. 229]. Благодаря исследованиям эффектов социально-терапевтических мероприятий, сосредоточенных на лесных факторах (деревья, растения, цветы, ароматы, ландшафт), было подтверждено, что лесные мероприятия

оказывают положительное воздействие, такое как эмоциональное и физиологическое восстановление и содействие эмоциональной стабильности. Закономерно, что сохранение лесов Башкирии – важная составляющая национального проекта «Экология». Исследования ценности зеленых насаждений для детей определили, что доступ к городским зеленым насаждениям связан с повышением эмоционального счастья [8, с. 179–186], и эти пространства могут играть положительную роль в предоставлении детям и подросткам возможностей для формирования дружеских межличностных отношений, укрепления социального иммунитета.

Наиболее уязвимой социальной категорией детей и молодежи являются приемные, поскольку именно они сосредоточены в городах и подвергаются стрессу городской среды. Дети, находящиеся в приемных семьях, по сравнению с детьми, живущими в семье, демонстрируют больший риск социальной дезадаптации из-за высокого уровня стресса, вызванного экологическими конфликтами, такими, как разбитые семьи. Сегодня в Республике Башкортостан, как и в целом по России, каждый седьмой ребенок – сирота при живых родителях. Доля социального сиротства оставалась стабильно высокой – 73,8 % от общего количества детей-сирот, к 2022 году ее удалось сократить до 61,5 % [7, с. 94].

Таблица 1

Сравнительная динамика по устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в семьи за 2017–2021 гг. [4, с. 87].

Год	Общее количество детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей	Из них, находятся на воспитании в семьях граждан (под опекой (попечительством), в приемной и патронатной семьях)
2017	13130 (-5 %)	11933
2018	12772 (-2,7 %)	11635
2019	12393 (-3 %)	11251
2020	11960 (-3,5 %)	10897
2021	11476 (-4,0 %)	10543

Основными причинами, по которым дети находятся в приемных семьях, перечисленными по частоте встречаемости, являются жестокое обращение, развод родителей, наличие одного родителя и незаконнорожденный ребенок. Дети-подростки, находящиеся в приемных семьях, уже находятся в физически и психологически беспокойном периоде своей жизни. Им не хватает навыков преодоления трудностей или социальной поддержки, необходимой для удовлетворения требований социальных ситуаций, и, следовательно, они подвергаются более высокому риску дезадаптации (Nho et al., 2008). Более того, известно, что среда, которая затрудняет формирование устойчивых привязанностей, порождает чувство депривации, отчуждения. Таким образом, детям, находящимся в приемных семьях, трудно приобретать социальность, и, поскольку они так часто социально замкнуты, им трудно формировать межличностные отношения. Поэтому в своей социальной жизни во взрослом возрасте они, вероятно, будут легко поддаваться влиянию других.

Межличностные отношения состоят из социальных взаимодействий между человеком и людьми в его окружении. Межличностные отношения подростков в значительной степени разделены между наиболее известными людьми вокруг них, такими как родители (или основные опекуны), учителя и друзья. Для подростков важно формировать здоровые отношения, поскольку то, что изучается и переживается в этих молодых отношениях, влияет на развитие характера, социальные отношения и обучение. Также огромную роль в воспитании и образовании молодежи играет природа. Неслучайно Ж.-Ж. Руссо противопоставлял природу и общество и полагал, что в естественном состоянии всё является идеальным, поэтому воспитание должно быть естественным, т. е. осуществляться на лоне природы. Отсюда идея свободного воспитания, которое следует за природой [5].

В мировой практике известны так называемые программы лесной терапии, особенно для детей, находящихся под опекой, которые по сравнению с другими детьми чаще испытывают адаптационные трудности из-за недостаточного количества образцов для подражания, у которых можно учиться навыкам социализации и межличностных отношений. Философским фундаментом данных программ являются: «Уроки исцеления в лесу для поиска моей мечты», проводимых Национальными терапевтическими лесами и Национальным центром лесной терапии в Республике Корея; Синрин-йоку – японская философия «купания в лесу» – оздоровительная программа нации – японское искусство контакта и погружения в лесную атмосферу во время осознанной медленной спокойной прогулки по лесу; священные фэншуй-леса – с их помощью Китайская Народная Республика планирует стать углеродно-нейтральной к 2060 году. Каждый фэншуйлинь создает гармонию между людьми, природой и божественными силами, это духи-хранители китайского народа.

Хотелось бы популяризировать этот социально-философский опыт и в нашей стране, прежде всего, там, где естественно произрастают лесные массивы в городской среде. Речь идет об Уфе, столице Башкортостана, которая вошла в тройку «зеленых» городов-миллионников России – показатель доли лесов и парков составил 39 % от общей площади города после Перми (56 %) и Краснодара (46 %). Можно предположить, что реализация подобных национальных программ в России приведет к положительным изменениям в межличностных отношениях и навыках взаимоотношений у детей и молодежи. Основываясь на результатах исследований, в которых изучалась социальность подростков, постоянно подвергающихся воздействию зеленых насаждений, можно предположить, что лесные массивы окажут более положительное влияние на межличностные отношения, включая детей, находящихся на патронатном воспитании [9, с. 240–248]. Как показали результаты зарубежных исследований, программы исцеления лесом оказали положительное влияние на межличностные отношения между молодежными компетенциями, такими как саморазвитие, мотивы достижения, решение проблем, регулирование конфликтов, внутриличностные отношения, лидерство, гражданство [10, с. 277–286].

Программы социального исцеления лесом, программы садоводческой терапии (уход за растениями, наблюдение за процессом их роста, работа по садоводству) также будут способствовать изучению преимуществ природы и городских зеленых насаждений и помогать молодым людям улучшить свои коммуникативные способности, особенно формировать отношения и делиться своими эмоциями с другими. Социальная компетентность многих подростков улучшилась бы благодаря участию в программах лесного оздоровления, в которых используется окружающая среда леса (листва, воздух, вода, солнечный свет и т. д.). Приятно осознавать, что в нашей стране уже делаются важные шаги на пути к социальной цели – 4 августа 2023 г. подписан Президентом РФ и опубликован Федеральный закон № 479-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», предполагающий возрождение уроков труда и трудового воспитания в школе.

Можно сделать вывод, что организация детских и молодежных программ социального оздоровления лесом поможет научить молодых людей делиться своими интересами с другими, что приведет к возможности общаться более открыто. Эти программы предоставляют детям, находящимся под опекой, возможность испытать здоровые отношения с природой и перенести их на приобретаемый социальный опыт, научить их важнейшим социальным навыкам, которые принесут им пользу на всю оставшуюся жизнь. Программы могут способствовать благополучию ребенка, укрепляя его эмоциональную и социальную стабильность, причем, в качестве альтернативы мероприятиям по эмоциональной и социальной стабилизации в учреждениях, которые в настоящее время сильно смещены в сторону материальных благ. В этом отношении, теоретической основой подобных социальных практик явится богатейшая отечественная философия природы, воспевающая лес как символ жизни и духовности российских народов.

Выводы.

Цель этой статьи состояла в том, чтобы повысить осведомленность о необходимости проведения соответствующих исследований для обеспечения того, чтобы дети могли в полной мере пользоваться благами лесов, в том числе, городских лесов. С этой целью мы обратились к программам лесной терапии, их результатам, которые смогли положительно улучшить навыки межличностных отношений детей-подростков, находящихся в приемных семьях. Хотя подростковый возраст является критическим периодом для развития социальности, благополучие детей в приемных семьях в основном ориентировано на обеспечение материального комфорта. Важнейшее значение имеет повышение осведомленности о необходимости обеспечения благополучия детей с точки зрения их социального и духовного развития. Программы лесной терапии имеют значительные преимущества перед другими методами в предоставлении детям возможности взаимодействовать с различными живыми и природными объектами, а также извлекать выгоду из психологических и физиологических эффектов самой лесной среды. Постоянное изучение преимуществ лесной терапии, обращение к философии природы и особое внимание к получателям помощи – детям – позволит улучшить качество защиты детей и повысить профессионализм и эффективность программ социального исцеления лесом. Согласимся с позицией исследователя Законова В.А., рассматривающим лес как один из компонентов бытия, без онтологического изучения которого сегодня ставятся под сомнение существование жизни на планете и стабильность миропорядка [6, с. 217]. В связи с чем, в современных условиях усиливается роль леса в снятии эмоционального «перегрева общением», существующего в условиях мегаполисов. Российский лес всегда был, есть и будет солидаризирующим началом общества, не разделяющим, подобно джунглям, горам и морям, а объединяющим ядром символического фундамента гражданской самоидентификации молодых россиян.

Литература

1. Ахметьянова Ю.М., Камалетдинова Л.М., Байтурина Р.Р. Роль зеленых насаждений в улучшении экологических условий в городской среде // Актуальные исследования. – 2023. – № 9 (139). – С. 387–393.
2. Габдрахимов К.М., Байтурина Р.Р. Влияние лесистости территории на здоровье населения // Экобиотех. – 2020. – № 3. – С. 435–443.
3. Горнова Г.В. Философия города: монография / В.Г. Горнова. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 344 с.
4. Еникеева И.И., Таболина А.Н. Социальная политика: теория и технологии социального сопровождения семьи и детей (на примере Республики Башкортостан): монография / И.И. Еникеева, А.Н. Таболина. – Уфа: Первая типография, 2023. – 240 с.
5. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании / Жан Жак Руссо; пер. с фр. М.А. Энгельгардта. – СПб: Школа и жизнь, 1912. – 491 с.
6. Законов В.А. Лес как благо и символ: дис. ... канд. филос. наук / В.А. Законов. – Тюмень, 2001. – 253 с.
7. Итоговый отчет о работе Министерства семьи, труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан за 2022 год. – URL: https://mintrud.bashkortostan.ru/about/-plans/results_of_work/ (дата обращения: 20.09.2023).
8. Flouri E. The role of urban neighbourhood green space in children's emotional and behavioural resilience // Journal of environmental psychology. – 2014. – Volume 40. – P. 179–186.
9. Kim J.M., Kim J.H. The effects of repeated trekking experience on adolescent sociality at Baekdaegan // Journal of Korean society of forest science. – 2017. – Volume 106. – Issue 2. – P. 240–248.
10. Oh K.H., Kim D.J., Yeoun P.S. A psychological phenomena analysis of people who have experienced healing in the forest // Korean journal of environment and ecology. – 2016. – Volume 30. – Issue 2. – P. 277–286.
11. Song Ch. Effects of walking in a forest on young women // International journal of environmental research and public health. – 2019. – Volume 16. – Issue 2. – P. 229–233.

12. Van den Berg A.E., Maas J., Verheij R.A., Groenewegen P.P. Green space as a buffer between stressful life events and health // Social science and medicine. – 2010. – Volume 70. – Issue 8. – P. 1203–1210.

ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СЦЕНАРИИ И ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА КАЗАНИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Акбашева Альфия Анваровна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного автором с целью изучения мнения жителей города Казани, Республика Татарстан, о самых популярных методах поддержания здорового образа жизни в городской среде. Исследование сосредоточено на изучении сценариев и практик, связанных с поддержанием здорового образа жизни в современном городе. Для этого в марте – июне 2021 года был проведен анкетный опрос с использованием статистических методов обработки для получения количественных характеристик проблемы, а также – вторичный анализ социологических данных из различных источников. Для получения более подробной информации и экспертной точки зрения в данном вопросе были проведены ряд экспертных интервью с использованием метода полуструктурированного интервью.

Результаты нашего эмпирического исследования говорят о том, что существует противоречие между тем, как городские жители понимают основные элементы и принципы здорового образа жизни, и тем, какие формы активностей они чаще всего практикуют. Полученные данные подчеркивают актуальность проблемы и необходимость более глубокого изучения данной темы. Городские жители имеют достаточно обширную теоретическую базу по ведению здорового образа жизни и понимают его положительное влияние, но не в полной мере применяют эти знания на практике. Определяющими факторами этого феномена являются недостаточное количество свободного времени, финансов и личной мотивации.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, практики здорового образа жизни, самооценка здоровья, городское пространство, социология города, социология здоровья.

Формирование здорового образа жизни городских жителей, профилактика и контроль заболеваний являются одной из важнейших межотраслевых проблем развития Российской Федерации и города Казани, в частности. По этой причине, повседневная физическая активность, включающая в себя активный транспорт (велосипед, самокат и т. п.), ходьбу и прогулки привлекает все больше внимания организаторов здравоохранения в качестве популяризационного инструмента увеличения физической активности. Ученые из России в этой области исследования находятся в роли «догоняющих». В российских работах рассматриваются исторические и общетеоретические аспекты проблемы [1], приводятся отдельные примеры формирования городского пространства для активного транспорта (как правило, велосипеды), но в то же время отсутствуют данные и исследования об эффективности реализации подобных программ, изменении уровней физической активности населения при оптимизации инфраструктуры среды проживания [1].

Автором была поставлена задача – выявить представления жителей города Казани Республики Татарстан о здоровом образе жизни, а также провести анализ наиболее распространенных практик здорового образа жизни в современном городском пространстве, опираясь на результаты социологического исследования. С целью получить информацию, отражающую реальные практики включения и реализации программ здорового образа жизни в г. Казани, а также выявления степени и характера воздействия городской среды на здоровье

и здоровый образ жизни городских жителей, в марте – июне 2021 года было проведено исследование – анкетный опрос с использованием статистических методов обработки для получения количественных характеристик проблемы, а также – вторичный анализ социологических данных из различных источников [2–5]. Для реализации данного исследования была сконструирована выборка (случайный бесповторный опрос), репрезентирующая жителей г. Казани (с 18 лет) в количественном и качественном отношениях. Объем выборочной совокупности составил 700 человек, в том числе 230 мужчин, 470 женщин. Также для получения более подробной информации и экспертной точки зрения в данном вопросе были проведены ряд экспертных интервью с использованием метода полуструктурированного интервью (10 человек).

С целью решения указанной выше задачи автором было проанализировано отношение горожан к собственному здоровью. Под отношением к здоровью мы понимаем оценку горожанами своего состояния здоровья и определенных действий, предпринимаемых для изменения состояния здоровья, включая практику здорового образа жизни, нынешнее и будущее осознание ценности здоровья.

Анализ индивидом собственного физического и психического состояния будет подразумевать в нашем исследовании понятие «самооценки здоровья». Именно самооценка здоровья считается своего рода показателем настоящего поведения индивида. Исследователи рассматривают самооценку здоровья как реальный показатель существующего положения здоровья индивида, поскольку «обнаружена довольно высокая степень соответствия самооценки и объективной характеристики здоровья (до 80 %), выявленная в результате сравнения самооценок и данных медицинских карт» [6].

Согласно данным авторского исследования более половины горожан (52,4 %) оценивают состояние своего здоровья как хорошее, 7,6 % – как отличное. Каждый третий городской житель сообщил, что его состояние здоровья удовлетворительное. Незначительная доля (в целом 7,9 %) опрошенных сообщило о слабом или очень слабом здоровье.

Отвечая на вопрос: «Заботитесь ли вы о своем здоровье?» среди жителей города процент тех, кто проявляет заботу о себе и своем здоровье оказался очень высок (22,7 %). Высокая доля горожан, заботящихся о своем здоровье и о себе, на наш взгляд, обусловлена обеспеченностью окружающей городской среды для занятий физической культурой и спортом, наличием у определенных категорий населения льгот при посещении учреждений для реабилитации, спорта и оздоровления, а также систематическим контролем состояния здоровья путем плановых осмотров в медицинских учреждениях.

Аналогичное количество городских жителей (22,1 %) высказали мнение в пользу варианта «скорее нет». В большинстве своем, причиной по которой население города Казани не заботится о своем здоровье, по мнению автора, является нехватка времени, занятость на работе и загруженность во время обучения у студентов.

Для того, чтобы выявить социальные установки горожан относительно здорового образа жизни в анкете был предусмотрен вопрос предполагающий, что его участники выскажут свою точку зрения относительно значения понятия «здоровый образ жизни». Абсолютное большинство респондентов выделило четыре значимые составляющие здорового образа жизни: правильное (сбалансированное) питание (контроль качества и количества потребляемой пищи и пр.) (89,9 %), занятия физической культурой и спортом в зависимости от индивидуальных особенностей организма (87,4 %), следование режиму сна (80,5 %) и отказ от употребления алкогольной продукции (70,4 %). Немного более 60 % опрошенных уверены, что здоровый образ жизни не возможен без соблюдения правил личной гигиены (66,2 %). Почти все участники опроса (59,3 %) выделили в качестве элементов здорового образа жизни следование режиму труда и отдыха (59,3 %), положительное отношение к жизни (58,1 %) и прохождение профилактических медицинских осмотров на регулярной основе (51,2 %); меньшинство – активный отдых (49,1 %), навыки управления собственными эмоциями (эмоциональный интеллект) (47,3 %).

Респонденты также имели возможность предложить собственный вариант ответа, которым воспользовались 6 % жителей города. Горожане отметили, что здоровый образ жизни содержит в себе все вышеперечисленные характеристики и дополнили их следующими: «умение восполнять свои ресурсы, способами, подходящими для меня», «кофе по утрам», а также «умение распознавать свои эмоции, правильно проживать, при необходимости контролировать; отношение к жизни в соответствии с «кругом моего контроля», адекватное отношение». Таким образом, только 6 % городских жителей имеют наиболее полное представление относительно понятия «здоровый образ жизни» и оно включает в себя не только занятия физической культурой, сбалансированное питание и отказ от пагубных привычек, но и такие элементы как активный отдых, прохождение медицинских осмотров, следование режиму труда и отдыха, а также развитие эмоционального интеллекта.

Согласно полученным данным исследования большая часть опрошенных городских жителей интересуются вопросами, связанными со здоровьем и здоровым образом жизни (88,3 %). Но, несмотря на это, максимальное количество горожан (61,5 %) не занимаются поисками специализированной литературы или подобной информации. Каждый десятый участник опроса признался, что ему не интересны вопросы касательно здоровья и здорового образа жизни. Тем не менее, есть респонденты, которые указали, что изучают «статьи авторитетных врачей и специалистов», а также «рассматривают варианты марафонов, где могут изучить все более комплексно». Таким образом, большая часть опрошенных потребляет информацию пассивно, не прилагая усилий к ее получению.

В рамках опроса авторами было выявлено, какие элементы здорового образа жизни присутствуют в образе жизни городских жителей. Выяснилось, что для большей части респондентов (83 %) основной составляющей здорового образа жизни является соблюдение правил личной гигиены. На втором месте, по числу ответивших (69,4 %) – отказ от курения. Более половины опрошенных (54,2 %) выбрали вариант «сбалансированного питания» как элемент здорового образа жизни и отказ от употребления алкогольных напитков. Наиболее популярными также являются такие варианты ответов как: «занятия физическим спортом», «соблюдение питьевого, водного баланса» и «режим сна».

Полученные данные свидетельствуют о том, что не всегда знания горожан о здоровом образе жизни совпадают с их действительным образом жизни.

Далее в рамках анкетирования горожанам был задан вопрос относительно достаточности оснащения городских парков, скверов и дворов для занятий спортом и поддержания здорового образа жизни в целом. Почти половина (46,4 %) опрошенных считают, что городская инфраструктура скорее оснащена, чем нет. Менее четверти (13,8 %) респондентов уверены в полном оснащении городских парков, скверов и дворов для занятий спортом и поддержания здорового образа жизни. Одна треть (31,7 %) опрошенных отметила, что городские парки и дворы скорее не оснащены, оставшаяся часть (8,1 %) – уверены в их не оснащенности.

В рамках исследования нами было выявлено какие на сегодняшний день существуют факторы окружающей городской среды (пространства), оказывающие негативное воздействие на физическое, психическое и эмоциональное состояние горожан. Наиболее популярными факторами у городских жителей являются: плохое качество атмосферного воздуха (выхлопные газы, выбросы заводов и фабрик) (75,7 %), малоподвижный, преимущественно сидячий образ жизни (68 %), шумовое загрязнение (большое количество транспорта и т. д.) (62,2 %), плохое качество питьевой воды (53,8 %) (*«Меня не устраивает качество воздуха, его загрязнение. Бывают туманные застои, когда идешь по улице, замечаешь смог. Качество воды также очень плохое. У нас в доме стоит очиститель воды, но и то он не справляется»; «Очень плохое качество продуктов в магазинах. Смотришь на составы, независимо от цены, ничем друг от друга особо не отличаются: сахар на первом месте, остальные позиции Е, которые вредны для организма»; «Негативное воздействие на мое психологическое, эмоциональное состояние скорее всего больше оказывает шумовое загрязнение»*). Меньше половины опрошенных считают немаловажными факторами загрязнение почвы и воды и несоблюдение режима труда и отдыха (45,5 % и 41,8 %, соответственно). И только

менее пятой доли (15,7 %) горожан выделили архитектуру города (одинаковая, многоэтажная застройка) как негативный фактор окружающей городской среды. По словам одного из респондентов интервью *«современная застройка сейчас, наоборот, она радует глаз, красивые дома. Несмотря на их многоэтажность и близкое расположение друг к другу. Но это никак не влияет на мое психоэмоциональное состояние»*.

По данным, полученным в результате авторского исследования для двух третей респондентов только ухудшение состояния здоровья, может стать стимулом к началу ведения здорового и активного образа жизни. Для половины опрошенных горожан (55,7 %) таким «катализатором» может стать увеличение массы тела. Для многих горожан факторами, которые могли бы побудить их к занятиям физической активностью, является влияние окружения (друзей, родственников, любимого человека) занимающихся спортом, появление большого количества свободного времени и улучшение финансового положения (возможность приобретения абонементов в фитнес-клуб и т. д.) (41,2 %). Меньше трети (26,7 %) опрошенных полагают, что бесплатные групповые занятия на открытом воздухе могли бы поспособствовать к ведению здорового образа жизни. Около четверти опрошенных (16,1 %) отметили также в числе не менее важных факторов участие в фитнес марафонах, вебинарах, коуч-сессиях и т. п. Мотивация блогера/инфлюенсера может побудить горожан к большей активности в 5,8 % случаев.

Полученные нами данные свидетельствуют о противоречии между пониманием горожанами основных элементов и принципов здорового образа жизни и их реализацией в практиках поддержания активного образа жизни и укрепления здоровья в городском пространстве. Хотя горожане имеют комплексную теоретическую базу по ведению здорового образа жизни и понимают его положительные эффекты, данные исследования показывают, что они не в полной мере реализовывают ее на практике. Определяющими факторами этого явления являются недостаток средств, свободного времени и отсутствие личной мотивации.

Литература

1. Максимов С.А., Федорова Н.В., Артамонова Г.В. Городское пространство и физическая активность – фактор риска болезней системы кровообращения // Российский кардиологический журнал. – 2019. – № 24 (9). – С. 71–77.
2. Демкина Е.П. Формирование здорового образа жизни как фактор повышения качества жизни современного российского студенчества (на материалах Республики Татарстан): дис. ... канд. социол. наук / Е.П. Демкина. – Казань, 2016. – 188 с.
3. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни / Избранные работы по социологии. – М.: Стрелка Пресс, 2017. – 106 с.
4. Официальный сайт Министерства по делам молодежи и спорту Республики Татарстан. – URL: <http://mdms.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/439260.htm> (дата обращения: 20.08.2021).
5. Гидденс Э. Социология / пер. с англ.; науч. ред. В.А. Ядов; общ. ред. Л.С. Гурьевой, Л.Н. Посилевича. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 703 с.
6. Здоровье студентов: социологический анализ: монография / отв. ред. И.В. Журавлева. – М.: Институт социологии РАН, 2012. – 252 с.

ПЛАНИРОВАНИЕ ЛИЧНОГО БУДУЩЕГО КАК КОМПОНЕНТ ТРУДОВОЙ СТРАТЕГИИ ЛИЧНОСТИ

Алексеева Екатерина Александровна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматривается теоретический аспект феномена планирования личного будущего как составного элемента трудовой стратегии личности. С учетом происходящих в обществе изменений и смены парадигм миров VUCA-мир, BANI-мир, навык планирования личного будущего приобретает новую значимость и входит в образовательную практику.

Ключевые слова. Трудовая стратегия, стратегия жизни, планирование личного будущего, целеполагание, горизонт планирования, VUCA-мир, BANI-мир, futures literacy

Трудовая стратегия личности – тема для отечественной науки не новая и имеет давнюю традицию в социологии и социальной психологии. К.А. Абульханова-Славская одна из первых стала рассматривать индивидуальные истории жизненного пути отдельных индивидов как жизненную стратегию. В дальнейшем, о жизненной стратегии и ее разновидности – трудовой стратегии говорят в контексте проблем молодого поколения, его становления и определения жизненных целей и ориентиров. С одной стороны, данный подход вполне оправдан, так как молодежь является носителем общественных изменений и наиболее активной частью общества и именно в молодом возрасте определяется основной вектор дальнейшей жизненной траектории [1, 2].

С другой стороны, данный подход актуален при стабильном общественном укладе, когда смена жизненных циклов: учеба, работа, рождение детей – является устоявшимся порядком вещей, однако, в настоящий момент, в современном обществе наблюдается уникальная комбинация из множества деструктивных факторов в экономической, политической, технологической и других сферах, что делает линейный жизненный путь индивида не просто не целесообразным, а подчас и невозможным [3, 4, 5].

VUCA-мир, который прочно вошел в наши реальность, характеризуется ускорением научно-технического прогресса и нарастающими изменениями в мировой экономике. Изменчивость порождает сложность планирования на всех уровнях, а неопределенность и частая смена тенденций затрудняет принятие решений и оценку их эффективности в обозримом будущем. Кажется, планирование – обречено на провал, однако при его отсутствии провал наступает неизбежно. Эти и другие особенности VUCA-мира, первоначально распространяясь на макроуровне, постепенно вошли в нашу повседневность. И как только это произошло и стало частью нашей реальности, часть исследователей стала утверждать, что на смену VUCA-миру пришел BANI- мир. Реальное проявление BANI-факторов началось с пандемии 2019 года и проявляется в настоящее время. Основными характеристиками BANI- мира являются хрупкость, тревожность, нелинейность и непостижимость, что одновременно ощущается на всех макро-, мезо- и микроуровнях – от глобальных политических событий до повседневных взаимоотношениях между отдельными индивидами – полная утрата стабильности и уверенности в завтрашнем дне ведет к стрессу и депрессии, что выражается в нежелании принимать решения и брать на себя ответственность в виду невозможности не только повлиять, но и предугадать происходящие события [6].

Учитывая перечисленные выше обстоятельства как объективные факторы внешней среды, оказывающие влияние на трудовую стратегию личности, становится очевидной необходимость рассмотреть последнюю именно с учетом изменчивости и хрупкости современного мира. Линейные трудовые стратегии остаются в виде исключения, в подавляющем большинстве вариативность траекторий профессионального пути современного человека делает трудовой путь каждого индивидуальным, отличным от других и, в тоже время, удивительно схожим по возникающим обстоятельствам и проблемам. То есть носителем общественных изменений становится не только молодежь, но и каждый конкретный человек, не зависимо от социальных и демографических характеристик.

В основе жизненной и трудовой стратегии лежит факт принятия решения, основанный на целеполагание и планирование. Планирование направлено на удовлетворение собственных потребностей в будущем и является неременной составляющей любой социальной деятельности человека. Определенную степени планирования можно отметить и говоря о жизни «одним днем», подразумевая наличие «надежд», «мечтаний», «ожиданий», одним словом – некоего представления «идеальной картинке светлого будущего», удовлетворяющей потребности индивида. Умение планировать, то есть соотносить поступки и их последствия с «идеальной картинкой светлого будущего», или с обозначенной ранее жизненной целью, является навыком мыслительного процесса и имеет разную степени выраженности у разных людей [3, 7].

Несмотря на то, что временная категория является едва ли не основной в системе прогнозирования и планирования, данный аспект практически не отражен в современных отечественных научных трудах. В социальной психологии, говоря о теме времени по отношению к индивиду, используют понятие «временная перспектива», подразумевая жизненное пространство личности, включающее прошлое, настоящее и будущее. Протяженность временной перспективы означает насколько глубоко в прошлое человек обращается за необходимым опытом и насколько далеко в будущее он заглядывает для планирования своей жизни [8].

В отношении планирования своей жизни наиболее часто используют термин «горизонт планирования». В экономической и социологической теории горизонтом планирования обозначают на какой промежуток времени государственные структуры и социальные институты составляет план своих действий: на долгосрочную, среднесрочную или краткосрочную перспективу. В более узком смысле под горизонтом планирования принято понимать способность человека просчитывать свои действия на несколько шагов вперед. Чем больше горизонт планирования, тем более развито аналитическое мышление и способность прогнозировать. Использование термина «горизонт планирование» позволяет разграничить по времени разные по масштабам и значимости жизненные и трудовые результаты, достижения. Глобальные и сложные и достижению цели ставят на дальнем горизонте планирования, текущие и оперативные – на ближнем [9].

Взаимосвязь горизонта планирования и успешного функционирования в части достижения поставленных жизненных и трудовых целей, таких как обладание определенными финансовыми и карьерными высотами, интересовала как научную, так и деловую, преимущественно зарубежную общественность достаточно давно. Известные и признанные мотиваторы – Роберт Киосаки, Наполеон Хилл, Брайн Трейси и многие другие выделяют такую характерную черту успешных людей как умение планировать в долгосрочной перспективе. Научные исследования данной проблемы чрезвычайно немногочисленны, чтобы делать уверенные выводы, однако имеющиеся в нашем распоряжении подтверждают наличие взаимосвязи. Например, У. Беннису и Б. Нанусу удалось выделить четыре основных качества успешных сотрудников и руководителей, среди которых создание яркого образа будущего организации. А. Блюдорн и С. Феррис определили взаимосвязь между долгосрочным планированием личной деятельности руководителей и стратегическим планированием в организации, а также временным горизонтом планирования руководителей и финансовой успешностью организацией. Взаимосвязь планирования и личной эффективности исследовал Т. Дас и установил, что предпочтения руководителей долгосрочному планированию приводит к эффективным инвестициям, а руководители, которые были ориентированы на среднесрочное планирование, способны легче адаптироваться к изменяющимся условиям [8, 10].

Немногочисленные отечественные исследования данной тематики противоречивы. Исследование, проведенное в 2017 году А. Чеврениди среди 120 руководителей высшего и среднего звена, показали более высокую направленность руководителей высшего звена на стратегическое планирование. По данным опроса 1200 жителей российской провинции, проведенного в 2018 г. Е. Реутовым установлена незначительная взаимосвязь между горизонтом планирования и уровнем материального благополучия: так, среди тех, кто «строит планы на 10 лет и более» только 8,2 % могут себе «ни в чем не отказывать», а 10,4 % признались, что «приходится экономить практически на всем» [8, 9].

Сейчас уже очевидно, что умение планировать – это навык, который нуждается в постоянном развитии в условиях имеющейся реальности и для достижения целей будущего, соответствующего потребностям и ожиданиям индивида. Не случайно, в 2012 году ЮНЕСКО создала более 80 лабораторий по обучению грамотности в отношении будущего для широкого круга аудитории, а в декабре 2020 года состоялся первый Всемирный саммит высокого уровня, на котором были рассмотрены масштабные изменения, происходящие в мире и нарушающие представления о будущем, а также предложены практические решения для преодоления существующих проблем. На сегодняшний день в образовательную практику различных стран внедрены дисциплины «*futures literacy*», объявляющие необходимость развивать спо-

способность осознанно реагировать на изменения, с которыми предстоит встретиться в будущем, соответствующая кафедра открыта в 2022 году в НИУ ВШЭ¹ [11, 12].

В свою очередь, уже сейчас с большой вероятностью можно предполагать, что трудовая стратегия отдельного индивида как его трудовой путь, является объектом непредсказуемых трансформаций. Особенно с учетом того, что рынок труда на сегодняшний день один из самых динамично меняющихся социальных институтов – появляются новые востребованные профессии и навыки, а привычные, существующие десятилетиями – «вымирают», новые формы занятости диктуют свои ожидания от работодателей, а происходящие вызовы современности заставляют работодателей применять все более высокие требования к профессиональным и личным компетенциям работников.

Таким образом, трудовые стратегии как работников трудоспособного возраста в целом, так и отдельных индивидов, особенно в части целеполагания и планирования собственного профессионального и трудового будущего нуждается в настоящий момент в дополнительном эмпирическом рассмотрении и научном осмыслении.

Литература

1. Резник Ю.М. Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа) / Ю.М. Резник, Е.А. Смирнов. – М.: Институт человека РАН, 2002. – 259 с.
2. Абульханова-Славская К.А. Жизненная стратегия. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. в англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
4. Наумова Н.Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социологический журнал. – 1995. – № 2. – С. 5–22.
5. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 381 с.
6. Хасанов А.Э. VUCA- и BANI-мир – новая реальность для российского предпринимательства // Московский экономический журнал. – 2023. – № 4. – С. 419–433.
7. Чекушкина Е.Н. Социальная рефлексия в гуманитарном знании // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 12–1. – С. 119–123.
8. Чеврениди А.А. Особенности временной перспективы у руководителей разного должностного уровня // Организационная психология. – 2017. – Т. 7. – № 1. – С. 83–96.
9. Реутов Е.В. Планирование личного будущего в нестабильной социальной среде и его взаимосвязь со статусом и социальной активностью // Научный результат. Социология и управление. – 2019. – Т. 5. – № 3. – С. 49–62.
10. Das T.K. Strategy and time: really recognizing the future / Managing the future: strategic foresight in the knowledge economy. – Oxford: Blackwell Publishing, 2004. P. 58–74.
11. Рочняк Е.В. "Futures literacy" или "грамотность в отношении будущего" как учебная дисциплина в современном информационном обществе // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2022. – Т. 5, № 2. – С. 115–124.
12. Панфилов А.Н. Прогнозирование собственного профессионального будущего в процессе освоения образовательной программы педагогического образования // Современные проблемы науки и образования. – 2022. – № 3. – С. 41–50.

¹ См.: В НИУ ВШЭ начала работу кафедра ЮНЕСКО по исследованиям будущего. URL: <https://www.hse.ru/news/science/773485748.html?ysclid=lo41ylj6cx176011907> (дата доступа: 24.09.2023).

ОТСУТСТВИЕ СОЦИАЛЬНЫХ АВТОРИТЕТОВ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

**Баянов Анвар Фаритович,
Насриддинова Нигина Фирузджоновна,
Суркова Ангелина Владимировна**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема отсутствия социального авторитета и возможные последствия этого. Были проанализированы причины этого явления, среди которых изменения системы ценностных ориентаций и образа жизни молодых людей, отсутствие ролевых моделей и негативное влияние окружающей среды. Также предлагаются пути решения этой проблемы, такие как создание положительных ролевых моделей, развитие лидерских качеств и поддержка социального взаимодействия. Подчеркивается важность социальных авторитетов для развития молодых людей и предостережения, связанные с возможными последствиями их отсутствия. Таковыми являются низкая самооценка и повышенная подверженность негативному влиянию внешней среды.

Ключевые слова: молодежь, социальный авторитет, ОКР, люди, опрос.

Актуальность проблемы отсутствия социального авторитета у молодежи состоит в том, что это может привести к негативным последствиям для их развития и общества в целом. В целом можно выделить несколько ключевых негативных факторов:

- отсутствие ролевых моделей, молодым людям необходимы положительные ролевые модели способные вдохновить их на успех и развитие своих навыков, однако при отсутствии таких авторитетов молодежь может быть лишена примеров для подражания;
- повышение вероятности негативного влияния, в отсутствие социальных авторитетов молодые люди могут тяготеть к негативным группам или лицам, которые отрицательно влияют на их поведение и выбор, в результате их жизненные перспективы и возможности могут ухудшаться;
- ухудшение социальной интеграции социальное влияние может способствовать социальной интеграции молодых людей, предоставляя им возможность участвовать в полезных сообществах и сетях, в отсутствие таких авторитетов молодежи может быть трудно интегрироваться в общество и найти в нем свое место;
- рост безработицы, отсутствие доступа к социальным авторитетам, способным помочь молодежи найти работу и сделать карьеру, может привести к росту числа безработных, а значит, привести к экономическим проблемам.

Социальный авторитет – человек, имеющий влияние и уважение в обществе или в определенной группе. Он имеет высокий статус и уважение со стороны окружающих, а также обладает способностью влиять на мнение и поведение других людей [1].

Люди, обладающие социальным влиянием – это лидеры в своей области, эксперты, преподаватели, политики или просто люди, имеющие большое влияние на других.

Важно понимать, что авторитет бывает как положительным, так и негативным. Положительные авторитеты – это те люди, которые являются вдохновляющими примерами для подражания. Это люди, добившиеся успеха в своей области, соблюдающие этические принципы, помогающие другим и вносящие позитивный вклад в развитие общества. Позитивные авторитеты могут вдохновлять на саморазвитие, самосовершенствование и достижение успеха, основываясь на собственных ценностях и интересах. Негативные авторитеты, напротив, ведут неправильный образ жизни, нарушают закон, имеют вредные привычки или пропагандируют насилие и ненависть. Они оказывают негативное влияние на молодежь, могут провоцировать негативное поведение и неправильные ценности.

Социальный авторитет зависит от множества факторов, включая знания, опыт, достижения, личные качества и способность влиять на других. Важно отметить, что социальный

авторитет не обязательно связан с формальной властью или статусом. Часто люди признают и следуют за теми, кто обладает харизмой, уверенностью в себе и способностью вдохновлять других.

Социальный авторитет играет важную роль в формировании общества и его ценностей. Люди, обладающие социальным авторитетом, могут влиять на мнение и поведение других людей, а также способствовать позитивным социальным изменениям и развитию.

В современном мире мы все чаще сталкиваемся с проблемой отсутствия авторитета у молодежи, и одной из главных причин является обсессивно-компульсивное расстройство (далее – ОКР).

Молодым людям, страдающим ОКР, может быть трудно завоевать социальный авторитет из-за их навязчивых мыслей и поведения. ОКР может ограничивать их способность общаться с другими людьми, выражать свои мысли и понимать чувства окружающих. Эти трудности могут препятствовать развитию лидерских и коммуникативных навыков необходимых для того, чтобы быть социальным авторитетом. ОКР развивается в подростковом и молодом возрасте (средний возраст начала ОКР – 19–20 лет). Обсессивно-компульсивное расстройство (ОКР) – это психическое расстройство, для которого характерны навязчивые мысли, образы или идеи (обсессии) и повторяющиеся действия (компульсии) [3].

Проблема отсутствия социального авторитета возникла в современном обществе по нескольким причинам:

- во-первых, люди имеют большую свободу выбора и менее склонны следовать за авторитетами;

- во-вторых, люди получили возможность выражать свое мнение и искать информацию независимо от традиционных источников авторитета, это привело к появлению новых форм социального влияния, не обязательно основанных на заслугах или способностях;

- в-третьих, люди становятся более скептическими и критичными, а доверие к традиционным авторитетам падает;

- в-четвертых, некоторые люди разочаровываются в авторитетах из-за случаев коррупции, злоупотребление властью и принятие неправильных решений со стороны авторитетных лиц, это может привести к потере доверия и уважения к авторитетам в целом.

24 ноября 2021 года был проведен инициативный всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник». Метод опроса – телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров. Выборка извлечена из полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Для данной выборки максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %. Помимо ошибки выборки, смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Исследование показало, что 85 % россиян считают, что людям нужны авторитеты, 11 % с этим не согласны [2].

Ранее нами был проведен опрос. Метод опроса – онлайн. Опрос был проведен среди студентов РФ. В опросе участвовало 115 человек в возрасте от 18 лет. Исходя из этого опроса, были получены следующие результаты. На рис. 1 показаны результаты опроса студентов по поводу нужности авторитетов в жизни.

Из данной диаграммы мы видим, что 74 студента (64,3 %) считают, что авторитет необходим в жизни, 30 студентов (26,1 %) считают, что авторитет не нужен, а остальные, т. е. 11 студентов (9,6 %) затрудняются ответить на данный вопрос.

Также мы выявили, что для той группы людей, которые считают необходимым наличие авторитетов, таковыми являются: их родители, сестра, братья, друзья и т. д.

Еще одним из важных вопросов является надобность наличия красного диплома для успешной жизни. На рис. 2 представлены результаты опроса по данному вопросу.

115 ответов

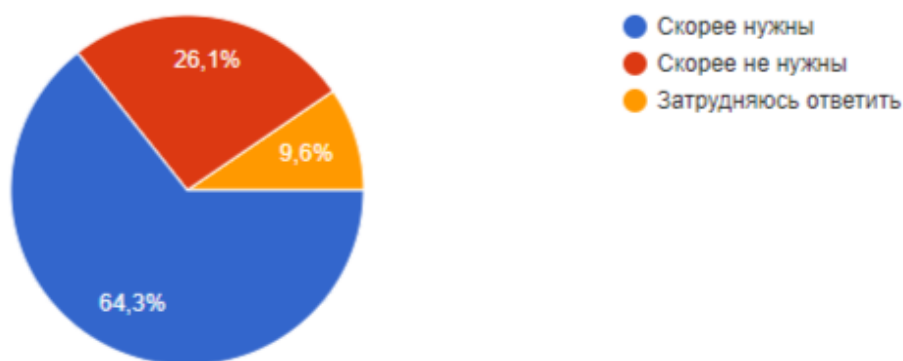

Рис. 1. Необходимость наличия авторитетов в жизни молодежи

115 ответов

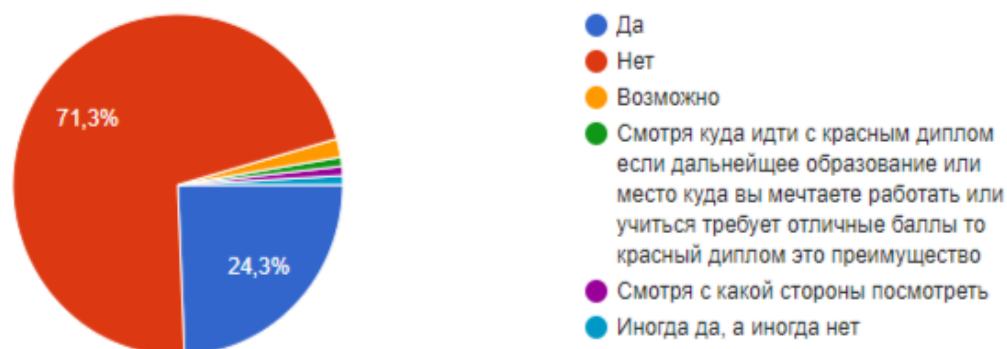

Рис. 2. Важность наличия красного диплома для успешной жизни

На рис. 2 мы видим, что 82 студента (71,3 %) считают неважным наличие красного диплома для реализации в жизни, а 28 студентов (24,3 %) считают, что красный диплом является одним из составляющих успешной реализации в жизни, остальные 5 студентов (4,4 %) определяют необходимость красного диплома, исходя из поставленных целей.

В целом проблема дефицита социального авторитета в современном обществе – явление сложное и многогранное. Оно связано с изменениями в обществе, технологиях, запросах и установках людей.

Для решения проблемы отсутствия у молодых людей авторитетов в обществе необходимо обеспечить их знакомство с положительными ролевыми моделями, создать возможность для общения с успешными людьми, поддержать и направить их развитие, развитие лидерских качеств. Этого можно достичь с помощью программ наставничества, образовательных и культурных инициатив, а также создания позитивной общественной среды, в которой успехи и достижения молодежи признаются и ценятся. Организовать в университетах кружок, в котором студенты смогут познакомиться с успешными и реализованными людьми, которые в дальнейшем смогут стать для них авторитетом, помогут достичь своих целей и не сбиться с правильного пути. Также можно реализовать кружок, который поможет людям с ОКР проработать и улучшить свои навыки, для установления и поддержки отношений в социальном обществе. Участие в групповых сессиях или группах поддержки может быть полезным для обмена опытом и получения поддержки от других людей, страдающих ОКР.

Литература

1. Авторитет: что это простыми словами, примеры, виды, пути достижения. – URL: <https://dnevnik-znaniy.ru/obshestvo/avtoritet.html> (дата обращения: 26.09.2023).
2. В поисках авторитета: к кому прислушиваются россияне. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/> (дата обращения: 26.09.2023).
3. Обсессивно-компульсивное расстройство. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Обсессивно-компульсивное_расстройство (дата обращения: 26.09.2023).

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Азимова Дилноза Саидиброхимовна

Таджикский национальный университет, Душанбе, Таджикистан

Аннотация. В данной статье проанализированы достижения эпохи государственной независимости Республики Таджикистан, рассмотрено формирование нормативно-правовой базы государственной молодежной политики. Необходима выработка единой государственной политики по отношению к молодежи. Республика Таджикистан находится в переходном этапе, и необходимо определение государственных приоритетов по отношению к определяющим развитие страны группам общества и проведение мероприятий по развитию страны в рамках этих приоритетов.

Ключевые слова: независимость, молодежь, политика, занятость, предпочтения, статус, семья, самопознание, собственность, пол, национальность, профессия.

Республика Таджикистан вместе с обретением независимости приняла неизбежную необходимость формирования и реализации государственной молодежной политики, ведь опора на энергию молодежи во все времена является одной из основных фундаментов прогресса общества.

Правительство Республики Таджикистан, принимая во внимание важность снижения безработицы среди молодежи и привлечения ее к достойному трудоустройству, в целях реализации и развития государственной политики занятости молодежи путем принятия Закона Республики Таджикистан «О государственной политике» молодежи» 13 марта 1992 года в этом направлении сделал первый шаг [7].

Одно из достижений эпохи государственной независимости является формирование нормативно-правовой базы государственной политики занятости молодежи. Сегодня в стране в зависимости от реализации приоритетов государственной политики занятости молодежи действуют такие нормативно-правовые документы, как Закон Республики Таджикистан «О молодежи и государственной молодежной политике», Национальная концепция государственной молодежной политики. Стратегия государственной молодежной политики до 2020 года, Национальная программа «Молодежь Таджикистана», государственная программа патриотического воспитания молодежи Таджикистана, Программа развития здоровья молодежи [5].

Закон Республики Таджикистан «О молодежи и государственной молодежной политике» от 13 марта 1992 года признан одним из лучших законов на пространстве стран региона и Содружества Независимых Государств. Основным закон о молодежи устанавливает организационные, правовые, социальные и экономические основы воспитания, формирования и взросления молодежи, а также определяет принципы и меры реализации государственной политики в области эффективного использования ее интеллектуального и духовного потенциала, что направлена на благо общества [7].

В законе молодежь определяется как социально-демографическая группа, в которую входят люди в возрасте от 14 до 30 лет. Следует сказать, что на уровне стран мира разные

возрастные пределы для молодого человека установлены отдельно, и каждая страна трактует их в соответствии со своим социальным устройством и правительством.

Также в современном мире определены международные показатели возрастных пределов молодежи, которые также различны на уровне регионов и отдельных международных организаций. По показателям Евросоюза возрастной ценз для молодежи установлен на уровне 15–29 лет, а по показателям на уровне Содружества Независимых Государств – 14–30 лет.

В Республике Таджикистан установление возрастного ценза молодежи 14–30 лет основано на следующем:

- поскольку Таджикистан является членом международного сообщества, в том числе Содружества Независимых Государств, он обязан соблюдать международные правила при осуществлении своей деятельности;

- наша страна молодая, 70 % населения моложе 30 лет, и именно люди в возрасте 14–30 лет нуждаются в социальном, психическом, медицинском образовании, чтобы найти свое место в обществе. В этом возрасте молодой человек начинает вести самостоятельную жизнь, осознает себя, чувствует независимость, достигает зрелости.

Вышеупомянутый закон определяет права молодежи в сфере реализации государственной молодежной политики, на собственность и предпринимательскую деятельность, на труд, на отдых и охрану здоровья, на образование, на творчество и на жилье. В значительной ее части созданы экономические и социальные основы государственной политики занятости молодежи, которые охватывают финансирование реализации государственной молодежной политики, основы государственной экономической и социальной поддержки молодежи [6]. Следует отметить, что основную рабочую силу в республике составляет молодежь, для чего целесообразно определить аспекты активности и перспективы в отношении молодежи.

Еще одна необходимость нормализации отношений с молодежью заключается в том, что Таджикистан находится на переходном этапе, и необходимо определить приоритетные и влиятельные слои общества и проводить мероприятия по развитию страны в рамках этих приоритетов. Однако есть и проблемы, носящие противоречивый характер, в том числе недостаток внимания молодому поколению. Старшее поколение, которое сегодня управляет государством и обществом направляет молодежь в нужном направлении с учетом полного и эффективного воспитания и образования молодого поколения.

С этой целью на базе Комитета молодежи, спорта и туризма при Правительстве Республики Таджикистан сформирована рабочая группа и разработана Национальная концепция молодежной государственной политики. Она была разработана по согласованию с соответствующими министерствами и ведомствами и утвержден постановлением Правительства Республики Таджикистан № 228 от 3 июня 2006 года.

Национальная концепция молодежной политики состоит из следующих 6 пунктов, определяющих основы и механизмы эффективной реализации государственной молодежной политики в стране:

- роль молодежи в развитии страны, обеспечении ее конкурентоспособности и национальной безопасности;

- основная цель государственной молодежной политики;

- основные принципы государственной молодежной политики;

- основные и приоритетные направления государственной молодежной политики;

- основные механизмы реализации государственной молодежной политики в Республике Таджикистан;

- ожидаемые результаты, связанные с реализацией Концепции.

Одним из важных документов, в которых были закреплены основные направления государственной политики занятости молодежи, была Стратегия государственной политики молодежи в Республике Таджикистан до 2020 года, утвержденная 4 октября 2011 года № 480.

Стратегия государственной молодежной политики Республики Таджикистан до 2020 года (далее Стратегия) считалась определяющим документом политики, отражает мероприятия, которые Правительством Республики Таджикистан осуществлена в среднесрочной перспективе, и была ответом на основные приоритеты Стратегии развития Республики Таджикистан до 2020 года.

Данная стратегия была ориентирована на молодых граждан Республики Таджикистан в возрасте от 14 до 30 лет, в том числе на молодых людей, находящихся в трудной жизненной ситуации, и молодые семьи.

В связи с тем, что основную часть населения Таджикистана составляют граждане до 30 лет, а средний возраст населения составляет 24,7 года, молодые граждане страны продолжают формировать основной трудовой резерв Таджикистана. а их трудовая деятельность станет основным источником социальной поддержки детей, инвалидов и взрослых [1].

Стратегия молодежной политики Республики Таджикистан (далее – Стратегия) разработана до 2020 года и определяет комплекс приоритетных направлений, ориентированных на молодежь, и охватывает задачи, связанные с участием молодежи в реализации национальных приоритетных программ [5].

Таким образом, целью государственной молодёжной политики является развитие и применение потенциала молодёжи на благо Таджикистана. Программы, разработанные для реализации приоритетных направлений, направлены для решения вопроса трудоустройства молодежи Таджикистана, и позволяют молодым людям участвовать в нем на равной основе, независимо от пола, национальности, профессии, места проживания и социального статуса.

Литература

1. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 26 октября 2017 года № 499 «О Государственной программе содействия занятости населения Республики Таджикистан на 2018–2019 годы».
2. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 03 июля 2017 года № 294 «Национальная программа «Молодежь Таджикистана» на 2004–2006 годы».
3. Закон Республики Таджикистан от 1 августа 2003 года № 44 «О содействии занятости населения».
4. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 27 апреля 2015 года № 238 «О Государственной стратегии развития рынка труда Республики Таджикистан до 2020 года».
5. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 30 декабря 2015 года № 794 «Об утверждении Программы развития профориентационной работы в Республике Таджикистан на 2016–2020 годы».
6. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 13 января 2016 года № 4 «О Национальной программе социального развития молодежи в Республике Таджикистан на 2016–2018 годы».
7. Закон Республики Таджикистан от 13 марта 1992 года № 33 «О государственной политике молодежи».
8. Закон Республики Таджикистан от 15 июля 2004 года № 52 «О молодежи и государственной молодежной политике».

СЕТИ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КУЗБАССА

Бурмакина Анна Леонидовна

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Аннотация. В статье молодежные организации рассматриваются через призму сетевого подхода, позволяющего представить их как сети связей и отношений молодежных лидеров,

влияющих на их продвижение и сопровождение. Влияние сетей на мобильность лидеров проявляется в реализуемых практиках взаимопомощи между ними; высокой скорости передачи различного рода информации, необходимой для принятия решений; формировании доверительных отношений между участниками молодежных организаций. По результатам проведенного структурного сетевого анализа сообществ молодежных организаций Кузбасса в социальной сети Вконтакте выявлены связи между организациями, а также общие ключевые коммуникаторы (лидеры), отражающие возможности использования данных сетей для продвижения и мобильности лидеров молодежных организаций.

Ключевые слова: молодежный лидер, молодежная организация, сеть, мобильность, сетевой подход, молодежные сообщества Кузбасса, социальная сеть Вконтакте .

Молодежные организации создаются ее участниками для самостоятельного поиска путей решения своих проблем на основе чувства идентичности и принадлежности к одной социальной группе, позволяющих преодолевать одиночество и неустойчивость своего положения в обществе. Создаваемые и воспроизводимые социальные связи внутри и за пределами организаций формируют сети взаимодействий между участниками молодежных организаций, способные оказать влияние на их мобильность.

Сетевой подход в социологии рассматривается как комплекс теоретико-методологических направлений в социологической науке, объединенных использованием понятия сети для объяснения социальных явлений. Разработкой данной тематики занимались Б. Уэллман, Х. Уайт, М. Грановеттер, Р. Берт, Э. Мише, Б. Латур и др. [1; 2, с. 12].

Вклад в разработку сетевого подхода сделал американский социолог Дж. Урри, который представлял социальную структуру через встроенные и пронизывающие ее социальные сети, образующие сложные и устойчивые связи в пространстве и времени между людьми и вещами. Предметная область социологии, по его мнению, должна быть организована вокруг сетей, мобильностей и горизонтальных потоков [3, с. 30].

О сетевизации общества говорил в своих работах М. Кастельс [4], рассматривая данное явление в неразрывной связи с глобальными трансформационными процессами в сфере экономики, культуры, политики, в государственных институтах, на рынке труда, в пространстве и времени в целом. Появление в жизни общества новых информационных технологий и сетевая форма организации коммуникационных процессов обеспечивает гибкость перемещений, легкость адаптации к быстрым изменениям, увеличивает возможности мобильности индивидов.

Таким образом, сетью мы можем называть структуру, формируемую из индивидов, групп, организаций и различных связей и отношений (социальных, политических, экономических) между ними.

Молодежные организации и их лидеры существуют в неразрывной связи друг с другом, образуя тем самым сети, в которых происходит продвижение и сопровождение молодежных лидеров. Влияние сетей на мобильность молодежных лидеров может проявляться, во-первых, в оказании помощи, взаимопомощи и содействии в процессах мобильности, как с формальной, так и с неформальной точки зрения. Формальные способы взаимопомощи могут проявляться в привлечении к реализации проектов, грантов, а также в содействии к выдвижению на более высокие и значимые посты (например, поддержка кандидатур на выборах в региональные отделения студенческих организаций, или в сфере молодежного парламентаризма). Неформальные практики продвижения представляют собой способы взаимодействия участников на основе личных социальных связей и контактов (например, приглашение в молодежную организацию на основе дружбы, привлечение по такому же принципу в мероприятия, акции и т. д.). Во-вторых, сети способствуют более быстрой передаче информации разного характера, позволяя принимать участникам взаимодействий обоснованные решения.

В конечном счете, сети позволяют формировать доверительные отношения между лидерами молодежных организаций, снижать степень неопределенности в отношениях между

ними. Наличие личного знакомства, поручительств, обязательств, гарантий и взаимной выгоды между участниками сети позволяет поддерживать репутацию и достигать результата с наименьшими затратами и потерями [5].

Для построения сети молодежных организаций и лидеров был проведен структурный сетевой анализ [6], в рамках которого были отобраны сообщества молодежных организаций, зарегистрированных в социальной сети Вконтакте. Основой послужил список из 43 зарегистрированных молодежных организаций Кемеровской области. В соответствии с ним был вручную осуществлен поиск действующих сообществ в социальной сети ВКонтакте. Таким образом, в выборку попали 22 сообщества молодежных организаций (сбор данных был осуществлен в мае 2023 г.). Общая численность уникальных подписчиков этих сообществ составила 28434 человека. Самыми крупными по количеству подписчиков сообщества являются «Студенческие отряды Кузбасса» (<https://vk.com/sokuzbass>, 6263 подписчика), «Штаб студенческих отрядов г. Новокузнецка» (<https://vk.com/sokuzbass>, 2894 подписчика) и «Союз молодежи Кузбасса» (<https://vk.com/smkrsm>, 2541 подписчик). Данные сообщества имеют длительный срок существования в социальной сети (13, 6 и 16 лет соответственно). Они представляют студенческую молодежь Кузбасса и объединяют молодых людей для их всестороннего развития и реализации гражданских инициатив.

Источником сетевых данных выступила информация из отобранных 22 сообществ молодежных организаций Кузбасса в социальной сети Вконтакте. Для построения узлов и ребер графа нами были выгружены (метод выгрузки – VK API): id, название сообществ, количество подписчиков и их id.

На основании полученных данных о количестве подписчиков и путем парного сравнения сообществ для нахождения общих подписчиков, был построен граф сообществ молодежных организаций в социальной сети ВКонтакте, имеющий 21 узел (сообщества молодежных организаций), 141 ребро (факт наличия общих подписчиков у сообществ) (рис. 1). Визуализация графа была выполнена с помощью программного обеспечения Gephi 0.9.7.

В результате анализа было выявлено, что сообщества исследуемых молодежных организаций плотно связаны между собой (плотность сети = 0,671; диаметр сети = 2, то есть у большинства сообществ имеются общие подписчики), изолянтов нет. В целом, сеть достаточно однородная, все знакомы между собой, находятся в общем информационном контексте, это связано с тем, что у сообществ имеется общий предметный фокус, связанный с развитием молодежи и реализацией ее гражданских и социальных инициатив.

Наиболее плотно связаны между собой сообщества «Студенческие отряды Кузбасса», «Штаб студенческих отрядов г. Новокузнецка», «Союз молодежи Кузбасса». С одной стороны, это обусловлено тем, что они являются самыми крупными по количеству подписчиков сообществами, так как чем крупнее сообщество, тем больше у нее общих подписчиков с остальными, и соответственно выше степень связанности с другими сообществами. С другой стороны, данные сообщества представляют организации, имеющие длительный опыт функционирования в офлайн среде и работы с молодежью Кузбасса. Тесная связь «Студенческих отрядов Кузбасса» со «Штабом студенческих отрядов г. Новокузнецка» объяснима их включенностью в общую сеть Российских студенческих отрядов, и общей направленностью на решение профориентационных проблем молодежи и ее трудоустройства. Связь с сообществом «Союз молодежи Кузбасса» объясняется длительностью существования представляющей его одноименной организации (с 1991 года), а также значимой ролью в объединении молодых граждан Кузбасса для содействия их развитию, реализации потенциала, защиты интересов и прав.

Среди ключевых коммуникаторов (общих подписчиков нескольких сообществ) были обнаружены: Лидер 1 (связующее звено в 45 ребрах сети), Лидер 2 (в 28 ребрах), Лидер 3 (в 28 ребрах), Лидер 4 (в 22 ребрах), Лидер 5 (в 21 ребре), Лидер 6 (в 21 ребре), Лидер 7 (в 15 ребрах), Лидер 8 (в 15 ребрах).

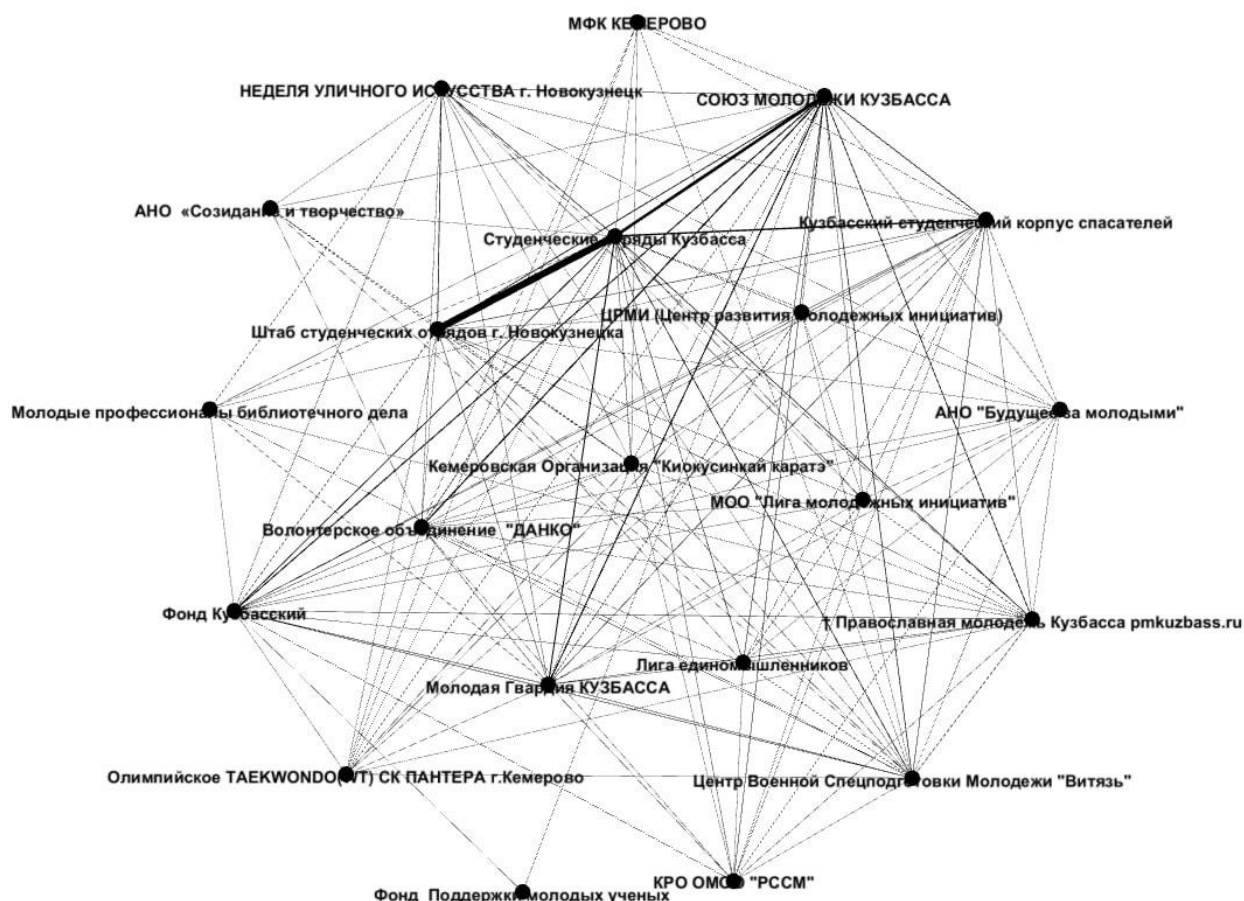

Рис. 1. Граф сообществ молодежных организаций Кузбасса в социальной сети ВКонтакте (визуализация выполнена с помощью программного обеспечения Gephi 0.9.7)

Перечисленные лидеры активно ведут свои личные страницы в социальной сети Вконтакте, имеют более 1000 подписчиков каждый. На своих страницах они рассказывают о своем участии в молодежных организациях, мероприятиях в сфере молодежной политики, узнают о проводимых акциях, форумах, конкурсах, предоставляющих возможности развития на региональном и федеральном уровнях. Наличие подписок на ключевые сообщества молодежных организаций и друг на друга говорят об их связях, позволивших им продвинуться в сфере молодежной политики.

Выявленные коммуникаторы тесно связаны с деятельностью молодежных организаций, активно проявляют себя в мероприятиях молодежной политики, являются включенными в работы региональных и местных органов власти в сфере молодежной политики.

Влиятельность молодежных организаций в офлайн пространстве сопоставима с положением их цифровых двойников в онлайн пространстве социальной сети. Наиболее крупные и давно существующие организации весомо представлены в социальной сети Вконтакте, активно ведут свои аккаунты, имеют большое количество подписчиков (в среднем более 2 тыс. человек). Также существует тенденция и среди недавно образованных молодежных организаций создавать и активно вести аккаунты в социальных сетях. В связи с этим именно сетевой анализ сообществ является наиболее перспективным методом их изучения, так как позволяет выявить в дальнейшем ключевых акторов сетей молодежных организаций и их лидеров.

Таким образом, сетевой анализ аккаунтов молодежных организаций Кузбасса в социальной сети Вконтакте показал наличие связей между организациями, существование общих ключевых коммуникаторов. Обнаруженные связи между сообществами молодежных органи-

заций и их лидерами показывают возможности и перспективы их использования для продвижения и мобильности участников данных сетей.

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (проект FZSR-2023-0006 «Сетевая социально-политическая мобилизация в регионах ресурсного типа Сибири: исследовательские возможности инструментов data-mining»).

Литература

1. *Грановеттер М.* Сила слабых связей // Экономическая социология. – 2009. – Т. 10. – № 4. – С. 31–50.
2. *Мальцева Д.В.* Сетевой подход в социологии: генезис идей и применение: монография. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017. – 220 с.
3. *Урри Дж.* Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / пер. с англ. Д. Кралечкина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 336 с.
4. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
5. *Комарова С.А.* Модель сетевой социальной мобильности межрегионального вида // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2017. – № 2. – С. 98–101.
6. *Рябченко Н.А., Катермина В.В., Гнедаш А.А., Малышева О.П.* Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: методология анализа и исследовательская практика // Южно-российский журнал социальных наук. – 2018. – Т. 19. – № 3. – С. 139–162.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Грищенко Жанна Михайловна

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Лашук Ирина Валерьевна

Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь

Аннотация. В данной статье представлены особенности формирования политической субъектности молодежи в современном социокультурном пространстве, которое характеризуется влиянием прокатившихся по ряду стран Восточной Европы (включая Беларусь) волн Цветных революций, с одной стороны, с другой – глобальной цифровизацией. Современная молодежь анализируется с использованием как качественных тестовых методик по замеру популярности смысловых запечатлений = импринтингов в сознательных/бессознательных паттернах поведения студенческой молодежи, так и результатов опроса представителей выпускных курсов вузов Беларуси, репрезентативного в зависимости от профиля образования.

Ключевые слова: молодежь, социокультурная активность, политическая субъектность, поколение, импринтинг, культурологический архетип, социальная аномия.

Молодежная проблематика является актуальной во все времена, поскольку именно это поколение является одним из ресурсов, которые имеются в каждом обществе и от мобилизации которых зависит его жизнеспособность. В так называемых нормальных условиях (стабильное общество) этот резерв является скрытым, в случае же внезапного кризиса или при необходимости перестройки основных позиций выживание общества зависит от способности быстрой и правильной мобилизации этих латентных ресурсов. Статичные общества, которые

развиваются постепенно при медленном темпе изменений, опираются главным образом на опыт старших поколений. Они сопротивляются реализации скрытых возможностей молодежи. Такое общество сознательно пренебрегает жизненными духовными резервами молодежи, поскольку не намерено нарушать существующие традиции.

В противоположность таким статичным, медленно изменяющимся обществам динамические общества, стремящиеся к новым стартовым возможностям, независимо от господствующей в них социальной или политической философии, опираются главным образом на сотрудничество с молодежью. Они организуют и используют свои жизненные ресурсы, нарушая установившийся ход социального развития. В этом отношении разница существует только между обществами, добивающимися изменений с помощью реформ или революций. И в том, и в другом случае это должна делать молодежь. Особая функция молодежи состоит в том, что она – оживляющий посредник, своего рода резерв, выступающий на передний план, когда такое оживление становится необходимым для приспособления к быстро меняющимся или качественно новым обстоятельствам.

В динамически развивающемся мире, в условиях преимущественно городской жизни молодое поколение может стать реальной социальной силой, которая способна изменить или трансформировать господствующую ценностную систему, адаптировав ее под условия реальной жизни. Однако для этого молодежь должна стать востребованной в деле социального строительства и кроме теоретических возможностей должна обладать соответствующими ресурсами, которые позволили бы ей эффективно влиять на социальную жизнь [1, с. 154–155].

Прокатившаяся по ряду стран Восточной Европы (включая Беларусь) волна Цветных революций лишила нас многих иллюзий в оценках и восприятии современной молодежи. Надо честно признать, что привычные для исследовательской практики выжидательные стратегии в анализе закономерностей молодежной повседневности с отсылками к их некоторой «социальной трансцендентности» [2, с. 233–234] и временной недоступности, канули в небытие. А привычные попытки избежать категоричности выводов по поводу современной молодежи, прикрывшись аргументом когнитивной недостаточности, вызывают саркастическую реакцию у самой молодежи с привычным снисходительным комментарием «отстой» в адрес предполагаемого оппонента.

Активные попытки формирования молодежной политической субъектности инспирировали ощутимое межпоколенческое отчуждение, поставив под сомнение принцип преемственности поколений и его функциональность в современных условиях Разворачивающиеся на наших глазах события позволили убедиться в главном: мы столкнулись со специфическим культурологическим феноменом – постсоветским поколением молодежи эпохи цифровых технологий, не имеющего аналога в мировой истории. Его идентификация не исчерпывается формальным критерием принадлежности обозначенного поколения к единой исторической эпохе с ее социокультурными инновациями. Речь идет о своеобразии мировоззренческих установок, ценностных ориентаций, поведенческих предпочтений, направленности ментальных трасс и многом другом, что обусловлено не столько технологическими инновациями, сколько эффектом их преломления в постсоветской ментальности современной молодежи.

Познавательный интерес к явлению постсоветского поколения молодежи с позиции его объектной и субъектной определенности возрос многократно. Особенно сегодня, с учетом актуализации проблемы патриотического воспитания молодежи и очевидности того факта, что голой пропагандистской атакой, какой бы впечатляющей не была риторика, проблемы не решить. Процесс патриотического воспитания предполагает обратную связь – саморегуляцию со стороны молодежного сегмента, который в любом случае как объект целенаправленного пропагандистского воздействия не теряет своей функции саморегуляции в отношении к происходящему.

Социокультурные основы и предпосылки формирования отечественного поколения цифровых технологий (родившихся на рубеже веков) – осмыслены и прописаны достаточно подробно. В тезисном порядке укажем лишь на ключевые моменты.

Во-первых, постсоветское поколение молодежи, – родившихся на рубеже веков (90–00 гг.) – чистейший продукт десоветизации и деидеологизации черпающих знания о советской реальности из учебников, интернета и рассказов очевидцев. В Беларуси данные явления носили сравнительно мягкий характер.

Во-вторых, социализация обозначенного молодежного сегмента происходила в режиме растянувшейся во времени социальной аномии с ее выраженным историческим нигилизмом, в отсутствии государственной идеологии и непониманием очевидности того, что массовое упоминание критикой «недостойного» прошлого еще не гарантия для утверждения «достойного» настоящего.

В-третьих, именно поколение детей социальной аномии попало под каток технологического прогресса, что не могло не сказаться на его мировоззрении в целом. Несмотря на сравнительную легкость практического освоения технологических навыков, отечественное поколение Z оказалось обезоруженным перед натиском информационных потоков.

В-четвертых, в следствие прогрессирующей географической мобильности молодежи постсоветского образца (международные связи, обмен опытом, учеба или работа за рубежом, путешествия с родителями и самостоятельно на отдых или оздоровление) существенно расширили горизонты сравнительного интереса для молодежи. Результаты оценочных суждений далеко не всегда были в нашу пользу.

В-пятых, именно этот молодежный сегмент был подвергнут испытаниям многочисленными экспериментами в ходе системного реформирования, модернизации и оптимизации образовательного процесса: его массовизации, коммерциализации, компетентовизации, дистанцизации, дегуманитаризации и, как следствие, дегуманизации.

Сегодня надо честно признать, что иллюзий относительно способности молодежи в этих нестандартных социокультурных обстоятельствах жизнедеятельности сохранить приверженность традиционной нормативной модели ценностей не было. Хотя социологические исследования этого периода с заранее предложенными респонденту шкалами ценностей, в общем давали основания для такого оптимистического заключения. Вместе с тем, здоровый исследовательский скептицизм и попытки смысловых коннотаций результатов массовых опросов породили гипотезу лишь о частичном и преимущественно формальном их соответствии традиционному для национального кода культуры содержанию. Основополагающим методологическим основанием для последующих исследовательских инициатив стало известное науке противоречие между означаемым и означающим [3, 4, 5]. Апробированная в студенческой аудитории тестовая методика по замеру популярности смысловых запечатлений = импринтингов в сознательных/бессознательных паттернах поведения студенческой молодежи привела к ошеломляющим выводам, достойным ассоциаций с пиком духовного развития личности – ее самоактуализации по теории А. Маслоу. Доминантные цели жизнедеятельности молодежи периода цифровых технологий уходят в сферу свободы самореализации, правда с определенными оговорками и принципиальными поправками. Ниже приведены результаты степени распространенности в студенческой среде отдельных смысловых импринтингов, которые и помогут нам откорректировать культивируемую модель самореализации (табл. 1) [6].

В качестве источника количественных данных выступили результаты опроса студентов, выборка которых структурировалась в зависимости от профиля образования и включала представителей двух выпускных курсов вузов Республики Беларусь¹.

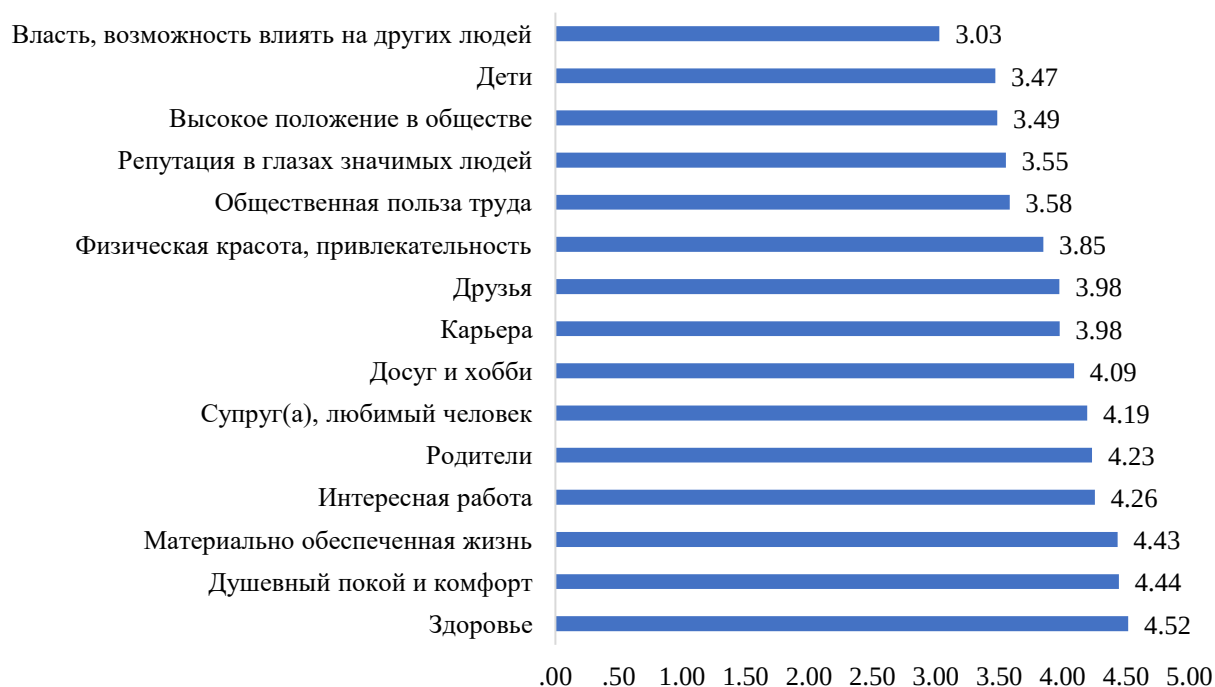
По результатам выявлено, что в структуре базовых ценностей студенческой молодежи Беларуси лидируют здоровье; душевный покой, комфорт и материально обеспеченная жизнь (рис. 1).

¹ Метод сбора данных в данном социологическом исследовании – онлайн опрос, объем – 2000, ошибка выборки – 0,021.

Таблица 1

Выраженность отдельных смысловых импринтингов
по результатам тестирования студенческой молодежи, %

Суждение	Импринтинговая выраженность, %
«Личность — это способность оставаться собой»	90
«Я бы уехал из страны, если бы представилась возможность»	85
«Я везде хочу быть первым»	77
«Жизненный успех определяется наличием полезных связей, карьеры»	70
«Для меня очень важно общественное признание»	64
«Я – белорус и горжусь этим»	61
«Жизненный успех определяется наличием денег»	60
«Главное для меня сегодня это учеба»	58
«Меня не волнует, буду ли я работать по профессии»	40
«Главный смысл семьи – рождение и воспитание детей»	32
«Беларусь страна для жизни»	29
«Жизненный успех я связываю с властью»	26
«Я пришел сюда за дипломом, а не за знаниями»	25
«Жизнь Родине, честь никому»	14

Рис. 1. Структура базовых ценностей студенческой молодежи Беларуси, средний балл¹

В структуре инструментальных ценностей лидируют следующие ценности-средства: семья, родственники, близкие друзья; знания, жизненный опыт; личностные качества (рис. 2).

¹ По каждой ценности респонденты оценивали значимость по пятибалльной шкале.

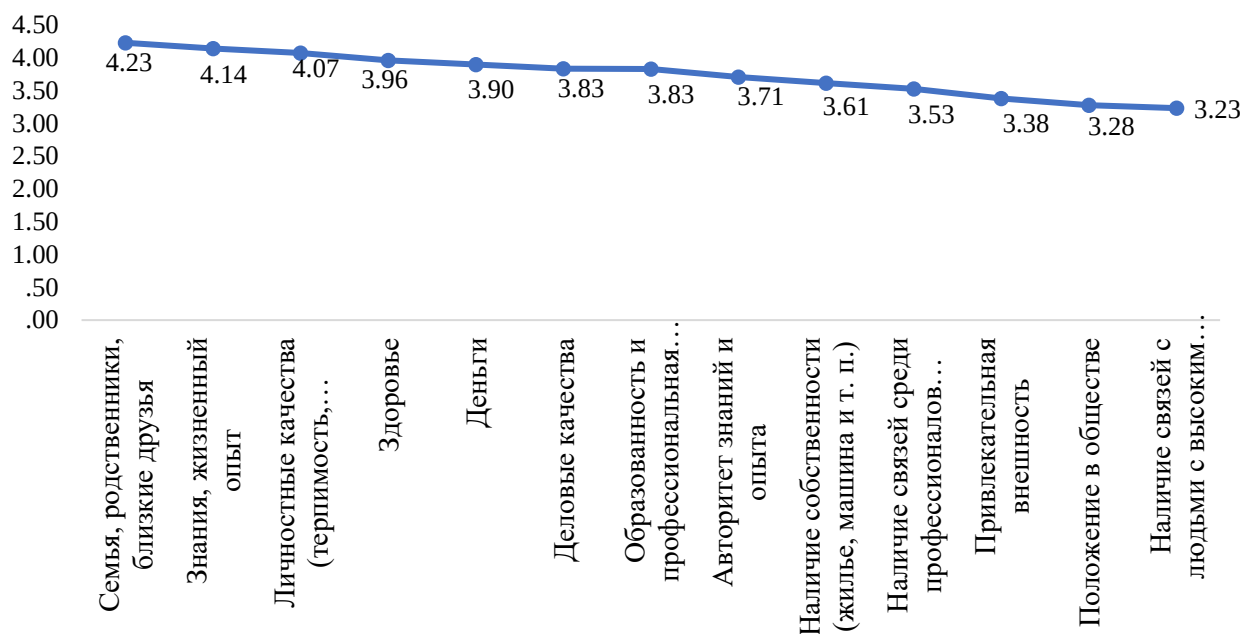

Рис. 2. Структура инструментальных ценностей студенческой молодежи, средний балл¹

Рассмотрим далее социокультурную структуру студенческой молодежи с использованием расчетного ресурсного коэффициента востребованности ценностей-средств (с применением кластерного анализа) (рис. 3).

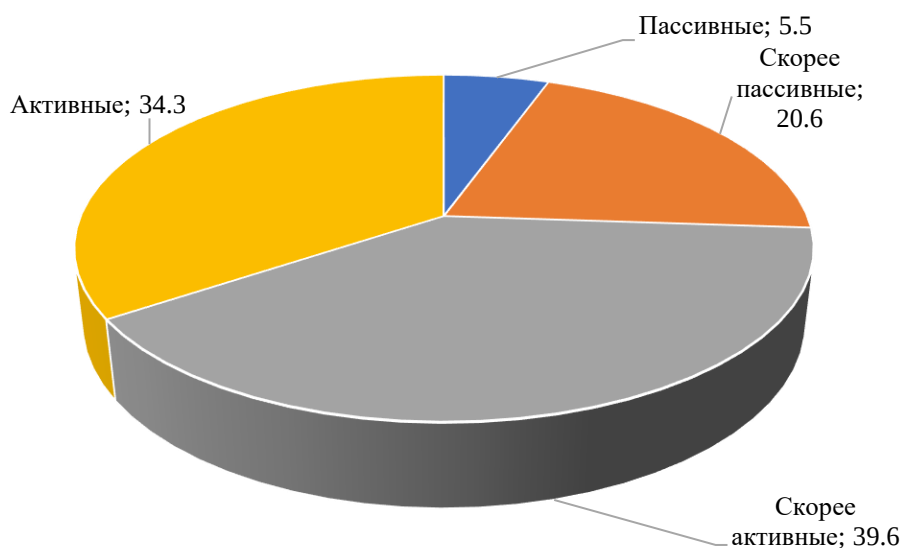

Рис. 3. Социокультурная структура белорусской студенческой молодежи, %

Следует отметить достаточно большое количество «активной» молодежи. Это говорит о стремлении достичь желаемого (высокого) уровня жизни, ориентируясь не на государственную поддержку, а на собственные усилия. В перспективе данный тренд может привести к уменьшению патерналистских настроений в белорусском обществе.

Результаты проведенных в Беларуси социологических исследований доказали, что повышение социокультурной активности влечет за собой улучшение социально-политического

¹ Эмпирическим референтом инструментальности ценности выступал вопрос «Что (кто) помогает Вам справляться с жизненными проблемами?». Использовалась пятибалльная шкала.

самочувствия граждан, что определяет в значительной степени сохранение социальной стабильности и порядка в Беларуси. Респонденты с активной социокультурной позицией значительно лучше оценивают собственную жизненную ситуацию. Одновременно, чем активнее социокультурная позиция, тем выше уровень социального оптимизма. Зафиксирован также факт повышения социально-политической активности с активизацией социокультурной позиции [1, с. 149–152]. Следовательно, социокультурная активность представляет собой глубинный неэкономический механизм формирования и воспроизводства политической консолидации современной молодежи. Данные выводы необходимо использовать в практике работы учреждений системы образования для разработки курсов и практических семинаров, направленных на формирование социокультурной активности молодежи, в средствах массовой информации для реализации целенаправленной медийной политики, пропагандирующей важность социокультурной активности молодежи для развития страны.

Таким образом, результаты качественных и количественных данных свидетельствуют о том, что более, чем тридцатилетний временной интервал отечественных трансформаций имел своим следствием выход на историческую авансцену специфического культурологического архетипа молодежи. Культивируемая ею модель самореализации отмечена выраженной установкой на автономизацию, не допускающую на свою территорию никакого авторитетного влияния со стороны. Более того, рассматривающую вероятность такого «вторжения» извне как реальную угрозу своей индивидуальной свободе. Параллельно культивируемая модель ориентирована на персонализацию программы жизненного успеха с обязательной составляющей в формате социальной сатисфакции. Речь идет о «социальной сатисфакции» как крупномасштабной целенаправленной стратегии государства, отраженной в его «нормативной базе как элементе культуры общества». Точнее, именно нормативная база как слагаемое культуры общества должна опосредовать данный справедливый обмен на «системном и императивном уровнях» как закон посредством «наличия достойного заработка», «престижа избранной профессии», «авторитетности статусной позиции», «ощущением востребованности», «справедливостью оценки», «прозрачностью вертикальной мобильности», «гарантии трудоустройства» и многим другим, что давно вошло в анналы управленческой культуры, так и не став нормой нашей современной реальности.

В идеале это была заявка на колоссальный социальный эксперимент, которому не суждено было сбыться ввиду разбалансировки ресурсных возможностей между креативным потенциалом отдельной личности и отсутствующими возможностями травмированного общества с его затянувшимся постреволюционным синдромом. Рецепт выхода видится в предоставлении возможности молодежи социокультурно развиваться, достигая душевного и физического покоя, материального благополучия, используя при этом максимально возможное из имеющихся в распоряжении индивидов и социальных групп количество ресурсов.

Литература

1. *Лашук И.В.* Социокультурная трансформация современного белорусского общества. – Минск: РИВШ, 2022. – 244 с.
2. *Бурдьё П.* Начала / П. Бурдьё; пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1994. – 288 с.
4. *Александр Дж.* Смыслы социальной жизни: культурсоциология / пер. с англ. Г.К. Ольховикова; под ред. Д.Ю. Куракина. – М.: Праксис, 2013. – 640 с.
5. *Чупров В.И.* Смыслжизненные ценности в культурном пространстве Российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. – 2018. – Т. 4. – № 3. – С. 3–13.
6. *Тощенко Ж.Т.* Смысл жизни: опыт анализа с позиций социологии жизни // Социологические исследования. – 2016. – № 11. – С. 3–14.
7. *Гигин В.Ф. Грищенко Ж.М.* Студенты эпохи цифровых технологий. Жизненные смыслы в реалиях белорусского общества // Социологические исследования. – 2021. – № 1. – С. 110–120.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ УЗБЕКИСТАНА В РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Каланов Комил Кулахматович

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан

Аннотация. В статье анализируются ценностные ориентации молодежи Узбекистана, особенности ее религиозного сознания и поведения и характер ее социально-практической реализации в условиях современного трансформирующегося общества.

Ключевые слова: социокультурная трансформация, благословения, миграция, молитвы, поколение, паломничество, терпение.

Один из важных показателей ценностных ориентиров молодежи – отношение к религии. Понять особенности религиозного сознания и поведения узбекской молодежи можно лишь учитывая наличие противоположных тенденций в современном мире: с одной стороны, происходит рост популярности мусульманской религии, повышение ее роли в обществе, а с другой – усиление процессов глобализации, мировоззренческой неопределенности и секуляризации религиозных ценностей.

Пандемия COVID-19, начавшаяся в 2019 году, а также расширение в последующие годы военных очагов в глобальном пространстве и превращение этих проблем в основное пространство дискуссий в информационном обществе, не осталось вне поля внимания и узбекского общества. В повседневной жизни и укладе жизни страны неожиданно произошла трансформация ценностных ориентиров и идентичности, которые начали обретать новый смысл. Естественно, что на эти процессы резких перемен оказали заметное влияние и политические сдвиги в области государственного управления и власти, произошедшие в последнюю декаду 2016 года.

В последние годы не наблюдалось серьезных, масштабных социологических исследований, направленных на изучение проблем, связанных с изменением ценностных ориентиров в условиях Узбекистана. В то время как в подготовленных в Узбекистане научных работах, в том числе и статьях, встречается множество идей и размышлений, схожих с содержанием исследований, проведенных в странах СНГ. В то же время, во время чтения лекций или через Telegram-группы и социальные сети, мы обращались к нашим коллегам и студентам с вопросами типа «перечислите 10 ценностей узбекского народа на сегодняшний день». Мы не получили ожидаемых нами ответов. Вопросы, затрагиваемые в СМИ, а также во время дискуссий и круглых столов на научных конференциях и семинарах университетов, связанные с проблемами ценностных ориентиров молодежи, не всегда соответствовали действительному положению дел. На самом деле, для определения ценностных ориентиров молодежи, требовались своеобразные подходы.

Пандемия, как было отмечено выше, оказала существенную роль в трансформации ценностных ориентиров. Так, на фоне национальной и гражданской идентичностей роль религиозной идентичности как символа ценности и веры стремительно возросла. Естественно, пандемия в сочетании с множеством социальных проблем привела к неожиданным смертям. Рост показателей социальных и психологических стрессов, связанных с пандемией, и подготовил почву для повышения приоритета религиозной идентичности. В то же время, изучение проблемы ценностей не может ограничиваться анализом мотиваций и других факторов, влияющих на выбор тех или иных жизненных ориентиров. Требуются углубленные философские, аксиологические и социологические исследования их источников и критериев оценки, сверхценностных ориентиров [1].

В процессе изучения сведений, связанных с узбекскими национальными ценностями, особое место занимает, главным образом, значение различных мероприятий и религиозных отправлений, связанных со смертью, душой человека. Начало и конец любого религиозного, национального обряда, а также самых обычных событий в повседневной жизни связано

с чтением благословения, или молитв (“ДУО”), благодаря чему они приобретают особое значение. На наш взгляд, такая ситуация считается простой нормой в социокультурной жизни населения пяти мусульманских стран Центральной Азии, образ жизни населения которых очень близок друг к другу. Когда мы задаёмся вопросом, в чем могут быть выражены ценностные ориентиры молодого поколения людей, наши непосредственные наблюдения в определённой степени дают возможность заключить, что «благословения» тесно переплетаются с современными характеристиками ценностных ориентиров молодых. Это даёт возможность отметить, что в научных исследованиях с элементом закрытости, направленность некоторых ценностных ориентиров, может быть прослежена в социокультурных особенностях, связанных с параллельным миром.

Молитвы постоянно читаются взрослыми в каждой узбекской семье каждый день, и в конце в знак благословения проводят ладонями по лицу. Это считается одним из признаков принадлежности к мусульманству, формой религиозной идентичности. Их читают вслух все, от имама-хатиби мечети до самого обычного человека, обычно взрослого, как бы адресуя пожелания более молодым. С исследовательской точки зрения, мы следующим образом систематизировали самые основные ценностные ориентиры. Такие молитвы, в которых упоминаются любовь и вера в творца, любовь к родителям, твердость семьи и преданность ей, терпение, мир и умиротворённость души, крепкое здоровье, хорошие образование и рабочее место, желание увидеть счастье и благополучие детей, удача для отправляющихся в путешествие (миграцию), мир в стране и стабильность в обществе, пожелание честности правителям и руководителям, отсутствие горя среди родственников, постоянно и многократно повторяются в процессе чтения. Пожилые часто напутствуют молодых словами: «Не ищи золота, а ищи благословения, ведь благословение и есть настоящее золото». Благодаря силе молитвы, воздействующей на человеческую психику, а также её впитывание в умы и сердца людей, в первую очередь молодежи, делают её неувядаемой ценностью, объединяющей поколения.

Поскольку основным объектом нашего доклада являются ценностные ориентиры молодежи в информационном обществе, его основное содержание посвящено вопросам образа жизни, социального облика и мировоззрения поколения Y (миллениалов), родившихся в 1990–2004 годах, и поколения Z (зумеров, или «зетов»), родившихся в 2005–2015 годах. То, что «благословения» (молитвы) стали одним из основных факторов, на который мы опираемся в нашем выступлении, является то, что обе категории молодежи, составляющие основу общества (до 65 %), начинают или реализуют каждую свою работу и действия с «благословения», то есть для поколений “Y” и “Z” религиозная идентичность является приоритетом. Чтобы получить благословение», часто обращаются к какому-нибудь религиозному деятелю, родителям, учителю, к какому-нибудь человеку преклонного возраста, благочестивому человеку, к паломники, совершившим обряд «Хаджа» или «Умры» (паломничество в священные для мусульман места – Мекку и Мадину). Учитывая, что почти 95 % населения Узбекистана придерживается ислама, полностью выполняя мусульманские обычаи и ритуалы, на протяжении многих веков гармонично слившихся с национальными традициями, можно отметить, что «благословения» стали важнейшей частью повседневной жизни. В то время как и благословляющие, и получатели благословения проводят ладонями по лицу в знак благословения и просят всевышнего об исполнении пожеланий, упомянутых в благословении.

Говоря с научной точки зрения, можно сказать, что пожелания, выраженные в молитвах, прочно укореняются в сознании и душе человека как «дорогая» цель для жизни и функционирования в социальной жизни. Исходя из этого, в нашем исследовании мы искали ценностные ориентиры молодежи именно в молитвах (благословениях) и проследили за процессами их трансформации в социальные, культурные, религиозные и экономические факторы, то есть в наиболее фундаментальные и важные аспекты сегодняшнего дня. Возрастает роль обмена информацией в повышении мобильности (миграции), в различных формах самореализации, гармонизации религиозных и светских факторов, в увеличении

экономических и финансовых возможностей или для самосовершенствования. В дополнение к социально-экономическим и культурным темам религиозным соображениям также уделяется особое место в узбекских социальных сетях. И обратная связь, представленная в них, играет важную роль в формировании ценностной ориентации молодежи. Итак, основываясь на наблюдении за «благословениями» и их влиянием на социокультурную значимость, мы определили следующие 10 ценностей, которые представляют ценностные ориентиры молодежи:

- благочестивость и честность;
- уважение и почитание родителей;
- вопросы семьи и воспитания;
- терпение («сабр»);
- здоровье;
- мир и душевное спокойствие;
- самовыражение, свобода слова (исполнение всех желаний или постматериализм);
- качественное образование (многоязычие);
- познание мира и путешествие по стране (туризм, иностранное образование, миграция, жизнь вдали от родины);
- прагматизм (постепенный переход от коллективизма к индивидуализму).

Теперь кратко остановимся на значении этих 10 ценностных ориентиров. Проблема **благочестивости и честности** сформировала особый поворот в умах и мышлении молодых людей после пандемии коронавируса. Было бы неуместно связывать религиозную активность молодежи только с пандемией коронавируса. Определенная степень разграничения религии и религиозных отношений, запреты и давление увеличивали и подогревали год от года в течение первых 30 лет независимости интерес к ним. Реформы, начатые в социокультурных и политико-правовых процессах в 2016 году, естественно, не обошли стороной и религиозный фактор. Предоставление широких возможностей религиозным деятелям и религиозным институтам, введение курсов арабского языка в преподавание в школах и различных образовательных центрах привело к совершенно новой трансформации образа «мусульманина» в общественном сознании. Новорожденным мальчикам стали присваивать в основном имена, связанные с пророком и его сподвижниками, а девочкам – имена их женщин. У мальчиков – Мухаммад, а у девочек Хадича, Ойша, Солиха и другие подобные имена стали наиболее употребительными. Наблюдались такие случаи, что многие молодые мужчины и женщины меняли свои имена таким образом на исламские. Я сам был свидетелем того, как один молодой человек (12–13-летний) сменил имя с Пехлевана на Мухаммад Юсуф, а другой – с имени Санжар на Нур-Мухаммад (примерно 20-летний). Вопрос веры среди населения, в частности среди молодежи, на наш взгляд, стал главной ценностью особенно после того, как всем действующим мечетям республики во время пандемии коронавируса было разрешено призывать на молитву (азан) громко, с помощью микрофона.

Вопрос **уважения к родителям** изначально, а также в последнее время считался и считается одной из важнейших ценностей не только у узбеков, но и у народов всей Центральной Азии. Но на сегодняшний день ценность родительского почитания трансформировалась и отчасти из ряда национальной идентичности перешла в разряд религиозной идентичности. Если раньше в сознании молодых почитание родителей воспринималось, так сказать в материалистическом аспекте, и подразумевало обеспечение их здоровья, полноценного питания и исцеления, в последние годы, как своего рода постматериализм, отношение к пожилым в сознании молодого поколения трансформировалось, обретая новый социальный статус в общественной жизни благодаря оценке почитания родителей в форме обеспечения их паломничества (отправки их в хадж или поездки на умру). Создание Королевством Саудовская Аравия широких возможностей для хаджа и умры, снятие ряда ранее существовавших барьеров и запретов, использование новых проявлений ценности постматериализма уважение и почтение к родителям

сформировали совершенно иные искажённые обязанности идентичности на основе исламских канонов. В связи с этим муфтий Республики Узбекистан шейх Нуриддин Холикназаров выступил со следующими комментариями: «Людей, совершивших паломничество и вернувшихся из Хаджа или Умры, преувеличивают. Это, одним словом, наступить им на ноги за километр, маленьких детей привести и плюнуть им в рот. Существует такая чрезмерная форма почитания родителей» [2].

Одним из наиболее актуальных и проблемных вопросов сегодняшнего дня остаются **вопросы семьи и воспитания**. Тема семьи, которая стала самой противоречивой в средствах массовой информации, правительственных решениях, социальных сетях и образовательных учреждениях, превратилась в настоящую социальную проблему. Если раньше воспитание в семье считалось важнейшим вопросом, то в связи с активизацией религиозных настроений и процессов в информированном обществе вопрос о роли и воспитании женщины в семье стал основным в обсуждении социальных сетей, религиозных лекций. Это стало неожиданным призывом для людей и общества в мире информации. Эта тема также присутствовала в национальной системе как необсуждаемый и закрытый предмет. Как мы уже отмечали, с одной стороны, проблема гендерного равенства, а с другой – подчинение женщины своему супругу в исламе, иногда как «фарз» (обязанность), иногда как «пример пророка» (суннат), привело к неожиданным колебаниям в социальных сетях. Можно с полной уверенностью сказать, что общество не было готово к этому. Особенно эта проблема обострилась в столице страны – Ташкенте. Количество семейных разводов за очень короткий промежуток времени возросло в геометрической прогрессии. Вопреки существующему законодательству, в некоторых регионах стало распространяться многоженство на основе шариатского брака. Это, в свою очередь, приводит к увеличению скрытого или закрытого психологического давления и росту стрессового состояния среди детей. Может быть, такого рода явления могут быть характерны и для современных мусульманских государств Центральной Азии. Если это так, то мы должны воспринять это как серьёзный социальный вызов. Сегодняшняя молодежь переживает мировоззренческий кризис, перед которой стоит трудный выбор в вихре национально-традиционных, религиозных и глобальных вызовов.

Мы резюмировали ценность, которой отвели четвёртое место в системе ценностей, словами **удовлетворённость и терпение**. Сегодня в общественной жизни, как и в молитвах, *терпение* является одним из наиболее употребляемых слов. Вопрос терпения, или «сабр», у узбеков широко освещается не только местными исследователями, но и в исследовательских работах зарубежных ученых. В молитвах слово *терпение* считается наиболее часто употребляемым. В информационном обществе люди не всегда могут достичь высокой скорости активации процессов сложной системы норм социальной жизни. Когда в молитвах просят терпения овладеть какой-либо областью или профессией, когда их работа не ладится из-за семейных проблем, которые усугубляются для тех, кто серьёзно заболел, когда давление со стороны окружающей среды усиливается, людей, особенно молодежь, призывают быть терпеливыми. Призывы к терпению всегда занимали особое место в узбекском обществе. Благодаря терпению человек верит, что его время придёт и что у него всё разрешится положительным образом. Известны случаи различных интерпретаций природы терпения в исследовательской работе.

В качестве следующего фактора нашей системы ценностных ориентиров выступает фактор, который мы называли **здоровье**. Постоянная реклама в области медицины, информация и сведения, пропагандирующие здоровый образ жизни, в конце концов упомянутая нами пандемия коронавируса учат людей и, конечно же, молодых, не быть равнодушными к своему здоровью. Тем не менее стоит отметить, что сегодня, помимо биологических факторов, актуальной проблемой становятся и психологические аспекты проблемы. Острая конкуренция в социальной жизни, частое разочарование в будущем, проблема трудоустройства, нерегулярные и чрезвычайно сложные миграционные процессы увеличивают количество стрессов и депрессивных социальных расстройств. Тенденция

постепенного омоложения многих социальных заболеваний: сахарного диабета, сердечных приступов, инсульта или онкологии, наблюдающиеся на протяжении многих лет, – естественно, является тревожной социальной проблемой нашего времени. Также неправильное питание, различные энергетические и газированные напитки, пристрастие к интернет-играм также оказывают серьезное влияние на здоровье современной молодежи.

На основе наших наблюдений мы пришли к выводу, что вопрос **мира и спокойствия** стал ключевой ценностью для людей, включая молодежь. Если мы обратим внимание на произнесение этих слов в молитвах, то часто станем свидетелями того, как благословляющие произносят их с паузой, сначала произведя глубокий вдох. «Пусть в вашей семье и на рабочем месте царит мир и спокойствие». Когда турецкого поэта Нозима Хикмета спросили: «Что вы понимаете под счастьем», он подумал и ответил: «Счастье – это радостно спешить на свое рабочее место, когда я просыпаюсь утром, а когда рабочее время заканчивается, спешить и радостно возвращаться к себе домой». Думается, эти слова не нуждаются в комментариях. Обилие сегодняшних конфликтных ситуаций, конкурентные, постоянные и частые проблемы при решении вопросов, связанных с трудоустройством, сделали одной из главных ценностей для молодежи вопрос мира и спокойствия.

В информационном обществе вопросы **самовыражения, свободы слова** (исполнения всех желаний, или постматериализм) привели к активизации молодежи Узбекистана, как и во всем мире. Стремление быть многоязычными, попытки овладеть профессией IT-программиста, ведение блога представляют основные интересы современной молодежи. Кроме того, у современной молодежи, а у тех, кто принадлежит к поколению Z (зумер), после пандемии коронавируса растет желание изучать арабский язык, заучивать Коран, овладеть искусством чтения Корана.

Качественное образование стало одной из основных ценностей современной молодежи. Если до 2016 года в Республике Узбекистан насчитывалось всего 56 высших учебных заведений, в которые ежегодно поступало 59 000 человек, или всего 9 % выпускников школ, то сегодня число государственных и негосударственных университетов достигло 211. Согласно статистике 22–25 % выпускников школ охвачены высшим образованием (в правительственных программах предполагается эту статистику увеличить до 2030 года на 50 %). Также 10 тысяч молодых людей ежегодно поступают в университеты в разных странах мира для получения качественного образования. Вывод образования на высокий качественный уровень стал сегодня одной из самых приоритетных стратегических задач государства. Следует признать, что наблюдается нехватка квалифицированных кадров и специалистов во многих областях. В современном конкурентном мире одним из серьезных требований молодых людей как к самим себе, так и к обществу остается потребность в качественном образовании.

Повидать мир, ознакомиться со своей страной (туризм, иностранное образование, миграция, познать жизнь вдали от родины) часто используются в молитвах, и это выражается в понятии странствовать по миру, отчужденность. Сегодня узбекскую молодежь можно увидеть практически во всех странах мира. Молодые люди могут появиться в качестве туристов, студентов, квалифицированных рабочих, трудовых мигрантов и даже как граждане страны, которую они посетили. В сегодняшнем Узбекистане, количество населения которого приблизилось к 36,5 млн, демографический рост остается очень высоким. В 2022 году в стране родилось 932 192 ребенка. В 2023 году 730 000 мальчиков и девочек пошли в 1-й класс средней школы. Для сравнения, этот показатель в Республике Казахстан составляет 410 000, в Республике Кыргызстан – 186 000, в Республике Таджикистан около 200 000, в Республике Туркменистан – 160 000. Исходя из чрезвычайно высоких различий в статистике, можно также сделать вывод о том, что участие молодежи в миграционных процессах в дальнейшем только активизируется. Теперь трансформационный процесс приобретёт совершенно новое содержание в зависимости от факторов глобализованного мира.

Прагматизм (постепенный переход от коллективизма к индивидуализму) становится приоритетной ценностью в мировоззрении поколений Y и Z. Стремление к самовыражению, к получению прибыли при любых обстоятельствах приобретает в отношениях к старшим поколениям другое значение. Связанность с интернет-сетями или зависимость от них существенно влияет на их мировоззрение. Делаются выводы о возможности решения проблем с помощью финансов. Многие особенности в национальных традициях и преданиях воспринимаются как недопонимание между представителями этих поколений. В частности, молодое поколение неправильно понимает отношения коллективной поддержки старших поколений в труде. Система труда хашар, формировавшаяся на протяжении сотен лет, в рамках существующих условий может вызвать впечатление принудительного труда.

В целом, при формировании системы ценностей у современной молодежи религиозный фактор на данный момент имеет приоритетное значение. В очень многих случаях религиозная идентичность заходит так далеко, что проявляется в таких аспектах, как желание быть арабом. Мы еще раз обратим ваше внимание на мысли муфтия Нуриддина Холикназарова: «Когда пришел ислам, наши предки приняли ислам, чтобы не быть арабами. Идентичность должно быть сохранено. Аллах сотворил нас разными народами. Путем подражания представитель другой нации не переносится в другую нацию. Эта традиция сохранялась на протяжении веков. А сегодня человек, один раз совершивший паломничество в Мекку, превращается в араба. Мусульманин является мусульманином благодаря своему поведению и своим моральным качествам» [3].

Теперь сиеминутная трансформация ценностных ориентиров проявляется в таком виде. Я думаю, что по мере того, как реформы, проводимые в обществе, научные проекты и взаимодействие с международным сообществом будут выходить на высокий уровень, в ближайшие годы мы сможем наблюдать формирование совершенно иных ценностей.

Литература

1. *Фалько В.И.* Проблема источников и критериев оценки ценностей / Система ценностей как основа духовного развития: сборник статей / под науч. ред. В.А. Тихоновой, Д.А. Сторублевой. – М.: МГУКИ, 2013. – С. 16–24.
2. Муфтий Холикназаров обратился к тем, кто в религиозных вопросах постоянно преувеличивает. – URL: <https://qalampir.uz/news/muftiy-kholik-nazarov-dinda-%D2%B3addidan-oshayetganlarga-murozhaat-k-ildi-89730> (дата обращения: 13.09.2023).
3. «Благочестие не делится по одежде». Муфтий раскритиковал арабизацию узбеков в Узбекистане. – URL: <https://qalampir.uz/news/kiyim-bilan-tak-vodor-bulinmaydi-muftiy-uzbekistonda-burk-a-kiyganlarni-tank-id-k-ildi-89727> (дата обращения: 13.09.2023).

ТРУДНОСТИ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ С ПРОТИВОПОЛОЖНЫМ ПОЛОМ У ЛЮДЕЙ ИЗ НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ

Кузнецов Владислав Олегович

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В данной статье представлен анализ основных трудностей, с которыми сталкиваются люди из неполных семей в процессе общения с противоположным полом. Обозначены основные социальные, экономические и психологические факторы, влияющие на социализацию детей. Приведен ряд исследований, которые характеризуют особенности воспитания детей в таких семьях, которые отражаются в их опыте и установках по отношению к противоположному полу.

Ключевые слова: неполная семья, воспитание, социализация детей, семья и брак.

Особое место в исследовании современного института семьи занимают неполные семьи. Обычно выделяют несколько типов неполных семей: разведенная, осиротевшая, семья одинокой матери или отца. Традиционно полная семья занимается созданием благоприятных жизненных условий для социализации детей, обеспечивает воспитательную функцию, закладывает ценностно-ролевые основы представлений о браке для будущей семейной жизни детей [10]. В сравнении с ней неполная семья имеет ряд особенностей, среди которых можно выделить следующие.

Низкая психологическая устойчивость. Зачастую, неполные семьи являются менее психологически устойчивыми. Согласно исследованию В.С. Собкина и Е.А. Калашниковой, проведенному среди 40 675 учащихся подростков, родители из неполных семей чаще навязывают своё мнение и игнорируют мнение своих детей. Это отражается на формировании их самооценки и самостоятельности. Родители из неполных семей чаще кричат на своих детей и выражают свое недовольство. В свою очередь дети в подростковом возрасте чаще вступают в конфликт с родителями, не признают авторитета и делают по-своему [8].

Низкая финансовая поддержка. Материнская семья – одна из групп населения с высоким риском бедности. Женщина вынуждена совмещать две родительские роли и самостоятельно обеспечивать семью. Поэтому в неполных семьях детям чаще не хватает родительского внимания, либо финансовой безопасности. Такие семьи обращаются за поддержкой к некоммерческим организациям, могут рассчитывать на пособия и льготы со стороны государства. Однако, в семье тревожность о деньгах может негативно сказываться на социализации ребенка. В то время, как друзья и одноклассники общаются друг с другом, собираясь на концертах, за перекусом между уроками, ходят друг к другу на дни рождения, ребенок, для которого «карманных» денег оказывается недостаточно, часто отказывается от данных мероприятий. Или параллельно с учебой занимается подработками, что также сокращает время на общение со сверстниками [9].

Более активное влияние внешней среды. Когда родитель занят зарабатыванием средств на жизнь и берет на себя функции обоих родителей, он меньше способен контролировать с какими людьми ребенок общается и дружит в социуме. Поэтому дети из неполных семей чаще состоят в каких-либо криминальных группировках, совершают противоправные действия под влиянием окружающих. Особенно в подростковый возраст, когда для детей важно быть «своим» среди сверстников. Социальная группа вне семьи выступает своего рода оплотом безопасного существования. Поэтому, зачастую, в таких группах высокая сплоченность и наличие четкого лидера. Данная «семья» является для ребенка более привлекательной, потому что он получает в ней то, чего ему не хватает от своего родителя – заботу, внимание, любовь, ощущение ценности, чувство безопасности [3, 5].

Отсутствие должного внимания к ребенку или повышенная опека. Отсутствие второго родителя в семье компенсируется по-разному. В одной семье родитель начинает больше заботиться о ребенке, потому что берет на себя персональную ответственность за воспитание. Он больше вкладывается в ребенка и стремится оградить его от опасностей жизни. Тем самым лишая его возможности учиться на собственных ошибках, обрести должную самостоятельность и свободно принимать решения о самореализации. Так, в исследовании особенностей представлений о семейных мифах, И.С. Якиманская, опросив 120 подростков, выявила, что миф «Надежда семьи» характерен больше для детей из неполной семьи [11]. В такой семье родитель чаще хочет компенсировать отсутствие второго родителя за счет своего ребенка. Он старается показать ребенку ошибочность своего поведения и желает, чтобы ребенок добился большего.

В другой семье ребенку не удастся уделить такое же внимание, как и в полной семье. Поэтому дети чаще страдают от нехватки любви и заботы. Это способствуют тому, что они воспринимают родителя менее ценным и находятся в поиске необходимого внимания в социуме. Такие дети хотят удостовериться в том, что их любят и ценят. Поэтому чаще следуют за теми людьми, кто способен вызвать в них эти чувства. Поэтому И.С. Якиманская выделяет также мифы «Псевдородитель» и «Козел отпущения», которые характерны только

для подростков из неполных семей. Дети начинают занимать позицию недостающего родителя, беря на себя дополнительную ответственность, которая в раннем возрасте может негативно сказаться на их социализации. В этой ситуации они не получают внимания к себе как к «ребенку», а вынуждены рано нести бремя «взрослого». К тому же сам родитель может перекладывать ответственность за свои ошибки и неудачи на ребенка, тем самым внушая ему чувство вины [11, 3].

Семья, в которой вырос человек, во многом определяет его поведение и установки, по мнению В. Сатира [7, с. 183]. В свою очередь, поведение и установки определяют то, как будут формироваться собственные взаимоотношения с противоположным полом: от знакомства до создания семейных отношений. В этом отношении, дети из неполных семей, как правило, сталкиваются с рядом трудностей.

Согласно исследованию Т.И. Дымновой, существует зависимость характеристик супружеской семьи от родительской: 72 % супругов стабильных семей воспитывались в полных семьях, в то время как у разведенных супругов выходцами из полной семьи были лишь 20 %. Родители были разведены лишь у 4 % стабильных супружеских пар и у 20 % разведенных пар [1, с. 103]. Это позволяет говорить о явной тенденции молодых людей в своих семейных отношениях повторять родительский сценарий. Однако стоит отметить, что это происходит не только из психоаналитической теории, где человек бессознательно воспринимает образ семьи и повторяет родительский сценарий. Хотя, безусловно, это тоже верно. Значительную роль также будут играть социальные и экономические факторы, которые влияют на социализацию ребенка.

Например, из-за низкой материальной безопасности, такие дети быстрее становятся самостоятельными в финансовом плане, чтобы не обременять своих родителей. Такая установка часто воспитывается в детях еще с раннего возраста. Их ранний выход на рынок труда не оставляет свободного времени на общение с противоположным полом. Вместе с учебной и рабочей нагрузкой уменьшается желание строить какие-либо отношения с противоположным полом. Особенно, когда они не сразу складываются благополучно и налаживание коммуникации требует затрат времени и сил. А это неизбежно сопровождает детей из неполных семей из-за отсутствия примера родителя противоположного пола.

Согласно исследованию Л.В. Аргентовой, отсутствие в семье отца по-разному воспринимается самой матерью. В большом количестве случаев она перекладывает своё негативное отношение к мужчинам на ребенка. Особенно это характерно для неполных разведенных семей. Реже для семей вдов и одиноких матерей [2]. К тому же сам ребенок, вырастая в окружении одинокой матери, редко находит в окружающем мире пример достойного мужчины. Как правило, самые любящие мужчины – это собственные отцы. Другие не близкие мужчины в социуме работают, развиваются, конкурируют, а любовь проявляют дома по отношению к своей семье. Поэтому мужская любовь часто становится скрыта от ребенка и в редких случаях они могут найти пример в братьях, дедушке, либо старших друзьях. Однако, про неполные отцовские семьи так сказать сложно. Мальчики, выросшие в таких семьях, могут найти себе пример противоположного пола в воспитательницах, учительницах, преподавательницах и т.п.

К тому же, на ребенка из неполной семьи большое влияние оказывает внешняя среда, где ребенок предпочитает общаться с противоположным полом и сверстниками. Дети раньше становятся автономными, что способствует ранним половым связям с лицами противоположного пола и их уязвимости для сексуальных контактов [6]. Отсутствие полноценного семейного надзора и формирование семейных ценностей в собственной семье подталкивает к созданию интимных отношений с людьми противоположного пола в более раннем возрасте. Иногда это является попыткой убежать из своей семьи и найти поддержку, любовь, внимание от человека противоположного пола. Процесс инициации у сверстников также может быть связан с моментом первой близости. И в то время, как дети из полных семей не всегда торопятся совершить дебют, считая, что всегда успеют прийти к этому позже, как пришли их родители. Дети из неполных

семей могут опасаться, что не достойны этого от противоположного пола и хотят быстрее подтвердить, или опровергнуть свои опасения.

Ранние половые связи при отсутствии родителя противоположного пола часто приводят к болезненным расставаниям в позднем подростковом возрасте. Такие события могут ощущаться подростками из неполных семей значимее, чем для подростков из полных семей. Это связано с тем, что родительский пример в разведенных неполных семьях, который транслирует неизбежность расставания, начинает подтверждаться собственным опытом. Поэтому опыт взаимоотношений с противоположным полом часто становится травмирующим.

Таким образом, можно подытожить и выделить основные социальные, экономические и психологические факторы, которые вызывают трудности во взаимоотношениях с противоположным полом у людей из неполных семей. Среди них: необходимость обретения ранней финансовой самостоятельности и нехватка времени на развитие взаимоотношений с противоположным полом; заниженная самооценка; сильное влияние внешней среды при отсутствии должного надзора за ребенком; отсутствие примера человека противоположного пола; негативизм в отношении противоположного пола; ранняя автономность, которая способствует ранней половой жизни. Данные факторы способствуют усложнению построения взаимоотношений с противоположным полом и оказывает влияние на будущие семейные отношения.

Литература

1. Андреева Т.В. Семейная психология: учебное пособие. – СПб: Речь, 2004. – 244 с.
2. Аргентова Л.В. Представления женщин из неполных родительских семей о лицах противоположного пола // СПЖ. – 2010. – № 36. – С. 85–89.
3. Бахтина С.В. Особенности воспитания ребенка в неполной семье / С.В. Бахтина, О.В. Антонова, А.В. Розина // Наукосфера. – 2023. – № 2-2. – С. 93–96.
4. Иркина А.А. Роль семьи в формировании девиантного поведения у подростков / А.А. Иркина // Наукосфера. – 2023. – № 2-1. – С. 139–144.
5. Лебедева Ю.Ю. Семейное неблагополучие как один из факторов формирования криминального поведения несовершеннолетнего // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 2 (53). – С. 95–100.
6. Сипкина Т.А. Личностные особенности подростков, имеющих опыт сексуальных отношений // International journal of professional science. – 2023. – № 2. – С. 5–10.
7. Слотина Т.В. Психология отношений: учебное пособие для вузов. – СПб: Питер, 2023. – 368 с.
8. Собкин В.С. Взаимоотношения с родителями подростков из полных/неполных семей и статус среди одноклассников / В.С. Собкин, Е.А. Калашникова // Социальная психология и общество. – 2023. – Т. 14. – № 1. – С. 34–39.
9. Тарабан О.В. Социальное сопровождение материнской семьи, как группы социального риска, в негосударственном секторе / О.В. Тарабан, В.В. Тарабан // Global and regional research. – 2023. – Т. 5. – № 1. – С. 213–218.
10. Федотова Н.И. Неполная семья как объект социальной работы. Типы неполных семей / Н.И. Федотова, М.Д. Масанова // Молодой ученый. – 2014. – № 10 (69). – С. 428–430.
11. Якиманская И.С. Психологические особенности представлений о семейных мифах подростков в полной и неполной семье / И.С. Якиманская // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2023. – № 1 (42). – С. 187–192.

КРИТЕРИИ ЗРЕЛОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОТЛОЖЕННОГО ВЗРОСЛЕНИЯ МОЛОДЁЖИ

Литвинова Алёна Владимировна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В данной статье обсуждается феномен отложенного взросления среди молодёжи в современном обществе. Говорится о возможных последствиях этого явления и рассматриваются проблемы, с которыми сталкивается молодёжь, в числе которых нестабильность, экономические трудности, высокие требования. Анализируются критерии зрелости, полученные с помощью проведенных полуструктурированных интервью.

Ключевые слова: молодёжь, отложенное взросление, зрелость, ответственность, нестабильность, критерии зрелости

В современном обществе наблюдается феномен отложенного взросления, когда люди откладывают вступление во взрослую жизнь и принятие важных решений. Такое явление может объясняться рядом причин на разных уровнях: институциональном и личностном. В том числе можно говорить о том, что требования к молодёжи и ожидания относительно их развития и зрелости изменились.

XXI век требует от молодёжи быть самостоятельными, ответственными, производительными, эти качества личности, по мнению многих исследователей меняют представление о традиционных границах возраста. Процесс взросления стал явлением современной культуры, где возраст, обусловленный быстрой трансформацией ценностей, становится относительной категорией [1, с. 38].

Возвращаясь к концепции отложенного взросления, приведем классическую модель зрелости, как прохождение таких этапов как отделение от родителей, трудоустройство, брак, рождение детей [2, с. 322]. Отложенное взросление в том числе несет в себе откладывание этих этапов, а иногда их отсутствие. Это может вызвать ряд проблем, затрагивающих различные аспекты жизни.

Отсутствие ответственности и самостоятельности может привести к недостатку финансовой стабильности и неспособности справиться с повседневными обязанностями. Также допускается потеря времени и упущение возможностей. Молодые люди, откладывая вступление во взрослую жизнь, могут упустить возможность получить образование, развить профессиональные навыки или начать карьеру. Это может оказать негативное влияние на их будущую карьеру и финансовое положение. Таким образом, отложенное взросление может иметь серьезные последствия для индивидов и общества в целом.

Сегодня молодые люди сталкиваются с новыми вызовами и возможностями, которые раньше не существовали. Например, с появлением интернета и социальных сетей, молодые люди имеют доступ к огромному количеству информации и связей, что может изменить их представление о том, что значит быть взрослым. Кроме того, современное общество становится все более глобализованным и конкурентным. Молодым людям приходится сталкиваться с высокими требованиями и ожиданиями, как в учебе, так и в работе. Это может привести к тому, что они откладывают взрослую жизнь, чтобы получить дополнительное образование или развить свои профессиональные навыки. Также, современные молодые люди сталкиваются с экономическими трудностями и нестабильностью. Высокие цены на жилье, рост безработицы и неопределенность на рынке труда могут заставить молодых людей задуматься о том, когда им стоит начинать взрослую жизнь и брать на себя финансовые обязательства. Следовательно, отложенное взросление может быть связано с изменениями в обществе и новыми вызовами, которые стоят перед молодыми людьми. Важно понимать, что это не всегда является отрицательным явлением, но требуется баланс между саморазвитием и принятием ответственности за свою жизнь.

Взросление – комплексный процесс трансформации ребёнка и обретения им опыта и статусов, позволяющих занять самостоятельную позицию в обществе [3, с. 55]. Он имеет тесную связь с воспитанием, образованием, профессией, социализацией и достижением той самой зрелости. Другими словами, взросление ведёт к зрелости и непосредственно с ней связано. Взросление – путь к самоидентификации индивида как самостоятельной личности.

Говоря об отложенном взрослении, оно часто выступает противоположностью взрослого, то есть тот, который ещё не взрослый, не зрелый. Так появилась задача выявить что такое зрелость и незрелость.

Для изучения критериев зрелости проводился анализ научной литературы и проводилось авторское эмпирическое исследование с использованием метода полуструктурированного интервью (N = 15, 8 женщин, 7 мужчин) с представителями молодёжи как социальной группы от 18 до 35 лет (отбор информантов осуществлялся по скрининг-анкете).

Что упоминалось о взрослости при проведении интервью? Информантов просили составить портрет «типичного» взрослого. Указать какие действия нужно сделать, чтобы стать взрослым.

Взрослый – это уже состоявшийся человек, который взял ответственность за свою жизнь. (Инф-т 2, мужчина, 26 лет).

Человек, который перестал развиваться, серьёзный, скучный. (Инф-т 7, мужчина, 29 лет).

Платит ипотеку, поushi в кредитах, живет по принципу дом-работа-дом, от выходных до выходных. (Инф-т 4, женщина, 24 года).

Нужно завести детей. (Инф-т 12, мужчина, 19 лет).

Да ничего, наверное, думаю взрослость определяется не какими-то конкретными действиями. (Инф-т, 2, мужчина, 26 лет).

Съехать от родителей и начать самостоятельную жизнь. (Инф-т 3, женщина, 25 лет).

Более подробно в интервью часто разбирались семейные практики.

Рождение ребенка не всегда взрослость, наоборот, это может быть проявлением глупости, неопытности, когда ты не заботишься о предохранении. (Инф-т 13, женщина, 28 лет).

Наиболее образованные люди, как правило, оставляют меньше потомства, но зато оно более качественное. (Инф-т 7, мужчина, 29 лет).

Сейчас официальный брак будто бы потерял свою ценность, этот штамп в паспорте ничего не значит, зачем эти траты на свадьбу и всё остальное, да и разойтись будет проще если что, ахах. (Инф-т 5, женщина, 27 лет).

В контексте профессиональной деятельности как критерия взрослости часто упоминалась не столько конкретная работа или должность, а именно результат деятельности.

Материальная независимость делает человека взрослым. (Инф-т 11, мужчина, 20 лет).

Наличие гражданской ответственности как маркера взрослости практически не отмечалось информантами.

Применительно к практикам потребления выделялись такие особенности:

Прежде чем что-то покупать я подумаю о том, насколько это для меня выгодно. (Инф-т 2, мужчина, 26 лет).

Я обращаю внимание на качество товара и стараюсь покупать только необходимое. (Инф-т 10, мужчина, 29 лет).

Так, можно сделать вывод о том, что для зрелого человека скорее характерно обдуманное потребление.

Проведя обобщенный анализ названных критериев зрелости и имеющихся у относящих себя к взрослым, состоялась попытка описания зрелости.

Взрослого человека отличает:

- способность принимать решения;
- умение брать ответственность за себя;
- готовность взять ответственность за других;

- навык расставления приоритетов;
- наличие целей;
- сформированные ценности.

Характерные качества взрослого:

- ответственность;
- самостоятельность;
- независимость;
- эмоциональная зрелость;
- образованность;
- серьёзность;
- интеллигентность;
- тактичность.

Другим интересным поводом для размышления стало то, что, некоторые особенности, которые часто приписывались отложенному взрослению, могли для кого-то выступать критериями зрелости и также имелись обратные ситуации.

Вот мужчина работает, зарабатывает там 30 тысяч, у него семья, дети и всё, он ничего больше не делает со своей жизнью, стоит на месте. Жена там ухаживает за ним, как за ребенком. Думаете его можно назвать взрослым? (Инф-т 5, женщина, 27 лет).

Предполагается, что при ответах на вопросы про зрелость и её особенности, информанты составляли «идеальную» модель взрослого. А именно то, каким, по их мнению, он должен быть или каким хотели бы быть сами информанты. Это может объяснять преимущественно положительные черты взрослого. Однако, неоднозначность зрелости часто подтверждалась.

Один из информантов, конкретно указал два вида взрослых:

С кредитами и ипотекой и гиперответственные, серьёзные, интересные люди. (Инф-т 7, мужчина, 29 лет).

Продолжая мысль, можно предположить, что для одного взрослого критерии будут подходить, для другого нет. Также как один критерий может иллюстрировать для одного отложенное взросление, а для другого зрелость. То есть взрослый человек достаточно многообразен и может иметь какие-либо категории, типы, классификации.

Взрослость, зрелость – своеобразный конструкт, созданный как обществом в целом, так и личностью в частности.

Самовосприятие является субъективной конструкцией и иногда может «подвести» подростков в собственном понимании зрелости, а оценка общества, напротив, не всегда предполагает саморефлексию и может основываться на контекстных критериях [4, с. 222].

Взросление можно рассматривать через поиск своей цели, определение своего места среди других, необходимость разобраться в своем внутреннем мире. Через переход во взрослость формируется идентичность, необходимая для осознания себя взрослым [5, с. 135].

В изучении взросления важно учитывать культуру, события, через которые пришлось пройти, гендерную принадлежность, социальный статус и другие факторы. Также важно обращать внимание, как на процесс взросления влияют внешние и внутренние факторы.

Литература

1. Шилова Н.П., Владыко А.К. Этапы взросления в российской современной культуре // Сибирский психологический журнал. – 2021. – № 82. – С. 37–53.
2. Нартова Н.А., Фатехов А.М. Переход во взрослость российских миллениалов: на пути от получения образования к обретению ответственности и потере оптимизма? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 4. – С. 319–344.
3. Митрофанова Е.С. Модели взросления разных поколений россиян // Демографическое обозрение. – 2019. – Т. 6. – № 4. – С. 53–82.

4. Тихомандрицкая О.А., Рикель А.М. (Не)взрослое поколение: модель исследования поколенческой относительности оценки взрослости // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. – 2022. – Т. 19. – № 2. – С. 209–232.
5. Кравцова А.Н., Кузинер Е.Н. Быть взрослым и/или уметь им быть: модели взросления ранних миллениалов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № 2. – С. 120–139.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Сагдатуллина Альфия Каюмовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В этой статье рассматривается влияние социальных сетей на конфликтогенность современной молодежи. Акцентируется внимание на воздействие социальных платформ на межличностные отношения и психосоциальное состояние молодежи. Анализируются механизмы формирования конфликтов в виртуальной среде и их влияние на реальные социальные взаимодействия. Особое внимание уделяется роли онлайн-коммуникаций в распространении стереотипов и предвзятости, что может привести к возникновению конфликтов на основе различий в убеждениях, культуре и образе жизни. Предлагаются возможные стратегии противодействия конфликтам, основанным на виртуальных взаимодействиях, и подчеркивается важность осознанности и цифровой грамотности среди молодежи для создания более позитивного и конструктивного онлайн-сообщества.

Ключевые слова: цифровая грамотность, социальные сети, конфликтогенность, молодежь, профилактика конфликтов.

Социальные сети стали важным аспектом жизни молодежи, предоставляя им множество возможностей для общения и самовыражения. Но вместе с пользой, которую приносят социальные сети, возникают и негативные моменты, связанные с возросшей конфликтогенностью среди молодежи.

Актуальность исследования воздействия социальных сетей на конфликтогенность современной молодежи ощущается более чем когда-либо. Молодые люди сталкиваются с разнообразными сценариями виртуальных взаимодействий и социокультурных сценариев. Влияние социальных сетей на конфликтогенность современной молодежи представляет собой актуальную проблему современного общества, исследование которой требует внимания.

Одним из основных аспектов влияния социальных сетей на конфликтогенность молодежи является создание виртуальных сообществ и групп, в которых формируются специфические ценности и убеждения. Это может привести к усилению групповой идентичности и усилению враждебности к другим группам. Под воздействием алгоритмов социальных сетей пользователи могут быть подвергнуты контенту, который подталкивает их к агрессивному поведению и конфликтам.

Конфликтогенная лексика, которая используется в социальных сетях, также является важным фактором, который может усилить конфликтогенность среди молодежи. Виртуальное пространство часто насыщено выражениями, которые могут быть оскорбительными, уничижительными или провокационными. Лексические единицы, направленные на уничижение личности или группы, могут вызывать внутренние конфликты и стимулировать агрессивное поведение.

В социальных сетях часто встречаются троллинг и хейт-сообщества, где участники активно используют конфликтогенную лексику для того, чтобы унижать других пользователей. Все это создает враждебную атмосферу и способствует распространению негативных настроений среди молодежи [2, с. 59].

Мы видим, что конфликтогенная лексика в социальных сетях играет значительную роль в формировании агрессивного поведения и межличностных конфликтов среди молодежи. Понимание влияния такой лексики на психологическое состояние молодежи и ее социальные отношения является важным шагом к разработке эффективных стратегий предотвращения конфликтогенности в онлайн-среде. Все это подчеркивает необходимость образования и повышения осведомленности среди молодежи о том, какие последствия могут возникнуть из-за использования агрессивной и оскорбительной лексики в социальных сетях [3, с. 75].

Конфликтогенная лексика является отражением степени агрессивности, негативизма и враждебности внутри человека, который ее использует. Эта форма языкового выражения указывает на ряд важных аспектов, связанных с психологическим и эмоциональным состоянием личности:

- низкий уровень эмоциональной интеллектуальности. Люди, склонные к использованию конфликтогенной лексики, могут иметь низкий уровень эмоциональной интеллектуальности, что означает неспособность понимать и управлять своими эмоциями и эмпатией к эмоциям других людей.

- высокий уровень агрессии. Человек, часто использующий агрессивные и оскорбительные выражения, обладает высоким уровнем агрессивности. Это может быть связано с негативным отношением к окружающему миру, неудовлетворенностью жизнью или другими психологическими факторами.

- низкая социальная компетентность. Люди, склонные к использованию конфликтогенной лексики, могут испытывать трудности в установлении и поддержании здоровых межличностных отношений. Они могут иметь ограниченные навыки общения и не способны решать конфликты.

- отсутствие уважения к другим. Использование оскорбительных или унижительных слов указывает на отсутствие уважения к другим людям.

- проблемы с самообладанием. Люди, склонные к агрессивной лексике, могут испытывать трудности с самообладанием и контролем своих эмоций. Это может привести к неадекватным реакциям на стрессовые ситуации [3, с. 76].

Таким образом, мы видим, что конфликтогенная лексика может служить индикатором не только конфликтогенности личности, но и более общих психологических и социальных проблем. Понимание этого явления помогает в решении проблем, связанных с агрессией и конфликтами в обществе.

Кроме того, социальные сети способствуют быстрому распространению информации и мнений, что может привести к формированию массовых настроений и публичных кампаний, в том числе и конфликтных по своей природе. Феномен вирусности контента может усилить конфликты, распространяя недостоверные или провокационные данные [1, с. 32].

Еще одним аспектом влияния социальных сетей является изменение образа жизни и ценностных ориентаций молодежи под воздействием идеалов, представленных в социальных сетях. Стремление соответствовать идеалам, популяризируемым в сети, может привести к конфликтам и напряженности в отношениях с окружающими, особенно если реальная жизнь не соответствует идеализированному образу в виртуальном мире [1, с. 33].

Соответственно, социальные сети могут значительно повысить уровень конфликтогенности современной молодежи, формируя определенные стереотипы, предрассудки и агрессивное поведение.

Решение проблемы влияния социальных сетей на конфликтогенность современной молодежи предполагает множество мероприятий, основанных на комплексном подходе и сотрудничестве общества, образовательных учреждений и социальных платформ. Рассмотрим несколько стратегий, которые могут помочь справиться с этой проблемой:

1. Повышение медиаграмотности. Обучение молодежи навыкам анализа и критической оценки информации в социальных сетях. Это включает в себя развитие умения распознавать фейковые новости, провокационный контент и агрессивные высказывания.

2. Развитие эмоциональной и социальной компетентности. Программы, направленные на развитие навыков эмпатии, конструктивного общения и решения конфликтов могут помочь молодежи более адекватно реагировать на негативные воздействия в социальных сетях.

3. Активное вовлечение образовательных учреждений. Школы и университеты могут внедрить в учебные программы материал о медиаграмотности, этике интернет-коммуникаций и психологической безопасности в онлайн-среде.

4. Разработка эффективных алгоритмов фильтрации контента. Социальные сети могут улучшить свои алгоритмы, чтобы минимизировать показ негативного и провокационного контента молодым пользователям. Это может включать в себя расширение функционала фильтрации и борьбу с агрессивными сообществами.

5. Поддержка психологического здоровья. Предоставление доступных психологических услуг и консультаций для молодежи, сталкивающейся с негативными последствиями воздействия социальных сетей, может помочь им лучше справляться с психологическими трудностями.

6. Сотрудничество с родителями и педагогами. Образование родителей и педагогов о потенциальных угрозах в социальных сетях и методах поддержки детей и подростков в онлайн-среде может способствовать более безопасной интернет-среде для молодежи.

Медиаграмотность, развитие эмоциональной и социальной компетентности, активное вовлечение образовательных учреждений и улучшение алгоритмов фильтрации контента на социальных платформах – все эти шаги могут содействовать формированию критического мышления и умений эффективного общения в онлайн-среде.

Литература

1. Борисов П.Н., Антонова Е.С. Виртуальная реальность и конфликтогенность среди подростков: исследование влияния // Психологический вестник. – 2018. – № 3. – С. 32–40.
2. Кузнецов Д.М. Особенности восприятия агрессивного контента в социальных сетях молодежью // Социологические исследования. – 2017. – № 1. – С. 59–68.
3. Попова Е.В., Широкова А.А. Конфликтогенность молодежи и ее связь с активностью в социальных медиа // Общественные науки и современность. – 2021. – № 4. – С. 75–88.
4. Соловьева И.М., Никитина М.А. Исследование молодежных сообществ в социальных сетях: проблемы и перспективы // Современная психология. – 2019. – № 1. – С. 120–133.
5. Boyd D.M., Ellison N.B. Social network sites: definition, history, and scholarship // Journal of computer-mediated communication. – 2018. – Volume 13. – Issue 1. – P. 210–230.
6. Tokunaga R.S. Following you home from school: a critical review and synthesis of research on cyberbullying victimization // Computers in human behavior. – 2019. – Volume 26. – Issue 3. – P. 277–287.

ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Сатторзода Субхидин Наджмудин,
Расулова Айша Кудратуллоевна

Таджикский национальный университет, Душанбе, Республика Таджикистан

Аннотация. В последние годы широкое распространение получили различные формы экстремизма. В данной статье изучаются и анализируются проявления религиозного экстремизма среди молодежи и его негативное влияние на общество. Необходима активизация институтов гражданского общества направленных на профилактику экстремизма в молодежной среде, так как в современных условиях молодежь, которая часто становится объектом воздействия и манипуляции, становится основным объектом влияния религиозно-экстремистских группировок.

Ключевые слова: экстремизм, молодежь, религия, культура, нация, общество, самосознание, благочестие, провокация, институты гражданского общества.

В последние годы широкое распространение получил экстремизм со стороны различных религиозно-экстремистских группировок. Эти религиозно-экстремистские группировки умело используют религию, политику и культуру для достижения своих целей и привлекают в свои ряды неграмотную и далекую от знаний молодежь. В своей деятельности экстремисты отрицают нацию, культуру, религию и традиционные мазхабы общества и заставляют молодежь придерживаться своих ошибочных идей. Эти их действия приводят к нарушению прав и свобод человека, а мирная жизнь общества становится небезопасной и нарушенной.

Всем известно, что в настоящее время это нежелательное явление дестабилизировало различные страны региона и сделало их политическую ситуацию нестабильной. Исследование статистических и информационно-аналитических отчетов показывает, что основными формами экстремистской деятельности являются преступления, возникающие на почве национальной, политической и религиозной ненависти. Экстремизм проявляется преимущественно в разжигании ненависти и вражды в отношениях между народами и влиянии на религиозные и культовые убеждения [2].

Основными источниками молодежного экстремизма в таджикском обществе являются социально-экономические факторы: плохая ситуация с образованием, проблемы с трудоустройством, а также социально-политические факторы. Эти факторы не только способствуют возникновению этнических и политических конфликтов, но и разрабатываются идеологами экстремистских группировок [1].

Проявления религиозного экстремизма среди молодежи региона считаются одной из самых тревожных проблем, что свидетельствует о существовании центров агитации и пропаганды, организации и идеологии движения этих религиозно-экстремистских группировок.

В современных условиях основным объектом влияния религиозно-экстремистских группировок стала преимущественно молодежь. Экстремистские религиозные группировки заманивают молодежь в ловушку ложной пропагандой и уловками, пустыми обещаниями, в результате чего молодые люди отвергают социальные и моральные нормы и вступают в ряды религиозно-экстремистских группировок. Другой формой склонения молодежи к экстремизму является ее отставание от важных достижений науки и образования, отсутствие надлежащего образования [4].

Одним из способов склонения молодежи к экстремизму являются эмоциональные проповеди некоторых священников и имамов мечетей. Очень опасно и трагично для молодых людей представлять идеи джихада в той интерпретации, которую преподносят им экстремисты. Бывают также случаи, когда некоторые имамы мечетей не всегда могут объективно ответить на злободневные вопросы. Правильное религиозное и светское мировоззрение религиозных лидеров оказывает влияние на образование и обучение молодежи. В противном случае под влиянием нездоровой идеологии вместо конструктивных национальных идей они принимают чуждые идеи религиозных групп – экстремистов.

На первый взгляд эти идеи кажутся понятными, словно идеологи религиозно-экстремистских группировок дают простые и удовлетворительные ответы на сложные вопросы жизни. Несовершенство религиозных знаний и отсутствие знания Корана на необходимом уровне является причиной беспокойства некоторых имамов, стоящих за трибуной. К сожалению, пропаганда и поощрение некоторых идеологов религиозно-экстремистских группировок настолько сильны и влиятельны, что в их ловушку попадают даже некоторые молодые люди, ищущие мирной жизни и поддерживающие свою семью и общество. [5]

В современных условиях для большинства стран, в том числе и для Таджикистана, молодежь является одной из возможных групп, которая может быть заряжена

экстремистскими и террористическими идеями. Поэтому воспитание молодежи в духе самопознания, благочестия и признания общечеловеческих ценностей – это не только обязанность родителей или государственных учреждений, но и долг каждого разумного человека в обществе [3].

На основании мирового опыта и сложного процесса глобализации можно сделать вывод, что еще одним важным фактором формирования и развития религиозно-экстремистских группировок, несомненно, является геополитическое противостояние сверхдержав. Поэтому в ряде случаев для решения определенных геополитических задач подобные религиозно-экстремистские группировки организуются искусственно. Большинство исследователей подчеркивают, что именно великая геополитика стала причиной усиления экстремистской идеологии и, соответственно, формирования и развития религиозно-экстремистских группировок.

По своей структуре экстремизм рассматривается как сложное явление, содержащее в себе определенные формы идеологии и элементы групповой самоорганизации. Противодействие экстремизму и терроризму не может ограничиваться только законотворческой деятельностью и деятельностью правоохранительных органов. Для обеспечения безопасности и мира обществ необходим комплексный подход, широкое участие всего общества, вовлечение всей системы учреждений культуры и социальной сферы в борьбу с экстремизмом и терроризмом.

Передача реакционной и экстремистской идеологии экстремистско-террористических движений через эмиссаров и агентов террористических организаций – это, прежде всего, содержание и суть провокации, мятежа, разжигания религиозно-конфессиональной ненависти и вражды и вербовки молодежи в ряды преступно-террористических партий и движений. Целью и перспективой экстремистских организаций является не пропаганда идей умеренного и традиционного ислама, а их главная цель – разрушение памятников истории и культуры, уничтожение исламских святынь руками мусульман. Идеология подобных объединений препятствует развитию здоровой духовной жизни и подвергает людей любым экстремистским, религиозным и политическим идеям. Учения этих течений не только носят реакционный характер, но и вызывают глубокий духовный кризис и интеллектуальную деструкцию различных слоев народа, в том числе молодежи [4].

В заключение можно сказать, что религиозный экстремизм стал формой глобализации сознания части молодежи, которая не занимается полезной общественной работой, не смогла найти свое место в жизни и пути самопознания и благочестия. В настоящее время, несмотря на сложные международные и религиозные отношения в мире, институты гражданского общества считают важным инструментом необходимость развития и совершенствования международных отношений, направленных на достижение единства между народами.

Литература

1. Козырьков В.П., Фомченкова Г.А. Экстремальность молодежи и молодежный экстремизм: социокультурный подход к анализу факторов угрозы безопасности // *Almamater* (Вестник высшей школы). – 2018. – № 1. – С. 36–40.
2. Маркс К., Энгельс Ф. О молодежи. – М.: Молодая гвардия, 1972. – 464 с.
3. Махмадиев Н.Д. Социальные корни религиозного экстремизма в Таджикистане: дисс... канд. филос. наук. – Душанбе, 2012. – 164 с.
4. Махмадизода Н.Д. Зоҳиршавии экстремизми динӣ-сиёсӣ дар шароити инкишофи ҷомеаи тоҷик ва роҳҳои пешгирии он: таҳлили фалсафӣ-иҷтимоӣ: дисс... док. илм. фал / Н.Д. Махмадизода. – Душанбе, 2020. – 331 с.
5. Саидов Д.М. Таъсири гурӯҳҳои динӣ-ифротии муосир ба беҳатарии маънавии ҷомеаи тоҷикистонӣ: дисс... ном. илм. фал / Д.М. Саидов. – Душанбе, 2021. – 165 с.
6. Сатторов С.Н. Низоъҳои динӣ ҳамчун падидаи иҷтимоӣ: таҳлили иҷтимоӣ – фалсафӣ / С.Н. Сатторов // *Паёми ДМТ*. – 2019. – № 3. – С. 263–268.

7. *Фомченкова Г.А.* Экстремальность молодежи и молодежный экстремизм: граница безопасности / Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность: сборник статей международной научной конференции. – Смоленск: СмолГУ, 2016. – С. 95–100.

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ

Санаев Алишер Комилжон Углы

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия;
Университет Ориентал, Ташкент, Узбекистан*

Кадирова Эльвира Исмагиловна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия;

Аннотация. Статья раскрывает основные проблемы адаптации иностранных студентов в образовательных учреждениях Российской Федерации. Обсуждаются вопросы социально-психологической адаптации иностранных студентов, а также сложность интеграции в условиях личностно-ориентированного подхода в миграционных ситуациях.

Ключевые слова: адаптация; интеграция; проблемы адаптации, миграция; иностранный студент, факторы адаптации.

Когда речь идет о мигрантах, то многие люди воспринимают это слово негативно, зачастую – как и самих мигрантов. Но, из подобного вытекает следующий вопрос:

А нужна ли вообще людям миграция? Поэтому, если задавать этот вопрос, то можно прийти к выводу, что мигранты все же нужны. И в современных реалиях подобный вопрос отходит на задний план, потому что мигранты перемещаются из страны в страну, и миграционные процессы становятся все более интенсивными с каждым годом. А если обратиться к международной статистике, то мы увидим, что ежегодно, количество международных мигрантов, которые пересекают границы разных стран, увеличивается на 12–14 млн человек [1, Дикая Л., 2007].

В 2023 году международной организацией по миграции зафиксировано 281 млн мигрантов [2, Андреева Г., 1997]. А в предыдущие годы эта цифра была меньше. Таким образом, можно сделать вывод, что интенсивность миграционных потоков увеличивается, активность граждан разных стран увеличивается, люди выезжают в поисках лучшей жизни, в поисках работы и лучшего образования, и эти процессы никак не остановить. Например, в Россию с каждым годом приезжает все больше мигрантов, которые хотят учиться в университетах и получать лучшее образование.

Самый высокий показатель мигрантов в РФ – это представители стран Средней Азии [3, с. 18]. Что не удивительно, ведь мигранты очень часто едут в другие страны, а во-вторых, это общая история, ведь многие из них – это члены бывшего советского союза. Но несмотря на общую историю и некоторые совместные ценности, и несмотря на то, что многие страны все еще продолжают говорить на русском, нужно учитывать тот факт, что сейчас поколение новое. А это значит, что большая их часть не владеет русским языком, и, попав в РФ, может испытывать сильный языковой барьер. Цель исследования заключается в том, чтобы помочь поступающим студентам адаптироваться и интегрироваться в новом для них обществе.

Сегодняшние социально-экономические условия предъявляют высокие требования к качеству подготовки специалистов с высшим образованием. Кризисные явления в обществе, неустойчивость и нестабильность нынешнего времени, неустроенность рынка труда влияют на жизнь молодежи и обуславливают стихийную ее социализацию. Нарастает понимание необходимости комплексного решения образовательной работы в студенческой среде.

Особенно сильно это актуально после 2019 года, когда мир для всех перестал был прежним и перевернулся совершенно новой реальностью, к которому приходится и по сей день адаптироваться абсолютно каждому. А если говорить об иностранных студентов, то для них появляется двойная адаптация.

Большая проблема заключается в том, что не все люди понимают, зачем нужно адаптировать мигрантов. Многие думают о том, что: ну вот студент отучится, и вернется обратно. Зачем его тогда интегрировать или адаптировать? Но на самом деле, даже если человек уезжает в другую страну в отпуск на 2 недели, то он все равно адаптируется. Он старается заранее узнать культуру другой страны, понять базовые нормы поведения или одежды, тем самым, все равно таким образом адаптирует себя под другую страну [4, Балл Г., 1989]. И что же тогда говорить о мигрантах, которые приезжают учиться или работать? Конечно же, они тоже адаптируются. Однако, у студентов это более стихийный процесс. То есть, человек сам адаптируется, сам пытается понять, как устроена социальная жизнь в этой стране.

И для мигранта очень важны три основных момента [5, с. 78]:

- во-первых, это легализоваться. То есть, получить документы. В том числе это очень сильно актуально и для самих студентов (документы с университета, в общежитие и т. д.);

- во-вторых, они хотят трудоустроиться. Потому что для многих студентов вопрос работы по совмещению с учебой является довольно актуальным. Поэтому, экономическая адаптация – это также важный фактор в адаптации мигранта.

- в-третьих, знание языка той страны, в которую едет человека. В данном случае – знание русского языка.

В целом, когда мигрант готовится в другую страну, он должен готовиться к миграции и желательно заранее изучать язык, если он собирается пробыть в стране довольно длительный срок. Это три основных момента, которые очень важны для мигранта. Конечно, если говорить о разных видах адаптации, то есть адаптация социальная, культурная, то есть, это понимание мигрантом тех социальных условий, в которые он попал, он должен понимать, где находятся объекты социальной жизни, как пользоваться общественным транспортом, как он может решить какие-то вопросы и т. д. [6, с. 104].

Все это очень важно для мигранта, для чужого человека очень важно понимать, как он может в этой новой обстановке спокойно жить, учиться и работать.

Поэтому, адаптация – это приспособление мигранта к условиям новой жизни, а интеграция – это одна из эффективных стратегий, которая обеспечивает наиболее глубокое встраивание человека в эти новые условия [7, Витенберг Е., 1994]. И разница в том, что адаптация в основном характеризует временных мигрантов. То есть тех, кто приезжает на временное проживание, как некоторые студенты. И для вот этих временных мигрантов, которые не планируют оставаться в стране на долгосрочной перспективе, а это меньше года, то для таких мигрантов характерна адаптация. То есть, они поучились/поработали и уехали.

Как указывают исследователи В.В. Соложенкин, И.Г. Краснов, С.Б. Данияров, учеба в вузе является принципиально новым этапом в сравнении с предшествующей жизнью школьника. Повышаются информационные нагрузки, сопровождающиеся аритмичностью в работе, усиливаются явления гиподинамии, усложняются межличностные отношения у лиц, прибывших из отдаленных районов, возникают проблемы проживания в общежитии, связанные с оторванностью от своей семьи. Эти и другие факторы могут стать основой конфликтных ситуаций, что ведет к возникновению состояния эмоционального напряжения, которое, как известно, может становиться основой различных заболеваний. В таком случае о здоровой личности студента говорить не приходится.

Требования высшего образования нередко превосходят возможности студентов, что ведет к академической неуспеваемости, к низкой профессиональной заинтересованности, вызывают состояние неудовлетворенности, тревожности, психической напряженности, иногда доводящей до стресса и депрессии.

Так, А.Г. Мороз различает три формы адаптации студентов-первокурсников к условиям вуза:

– адаптация формальная, касающаяся познавательного информационного приспособления студентов к новому окружению, к структуре высшей школы, к содержанию обучения в ней, ее требованиям, к своим обязанностям;

– общественная адаптация, т. е. процесс внутренней интеграции (объединения) групп студентов-первокурсников и интеграция этих же групп со студенческим окружением в целом;

– дидактическая адаптация, касающаяся подготовки студентов к новым формам и методам учебной работы в высшей школе.

Если же мигрант планирует оставаться на долгое время в стране, или и вовсе планирует стать гражданином страны, то такой мигрант уже переступает процесс адаптации и включается процесс интеграции. То есть, он пытается приспособиться к жизни в стране, он учит язык и мотивирован на то, чтобы остаться в стране. Поэтому, стоит заключить что интеграция – это глубокое встраивание мигранта в общество [8, с. 248].

Есть также определенный критерий, который касается не только мигранта и его встраивание в общество, но и со стороны местного сообщества также необходимо прохождение каких-то процессов, которые позволяют мигранту интегрироваться. То есть, местное сообщество должно принимать этого мигранта.

Можно также заключить, что адаптация и интеграция – это дорога с двухсторонним движением [9, с. 398]. То есть, движение мигранта и местное сообщество должно двигаться на встречу друг с другом. И можно сказать, что критерием интеграции является тот фактор, когда мигрант становится свой среди своих. То есть, местное сообщество его принимает уже как своего.

Поэтому, для разных категорий мигрантов характерны процессы интеграции. Но, есть еще один очень важный момент. Интеграция, это не только глубокое встраивание мигранта, это еще и деятельность органов власти [10, с. 424].

Потому что нужно понимать, что чтобы человек встроился в общество, особенно если он планирует в дальнейшем остаться в этой стране, то государство играет очень важную роль. Например, в Западные страны, куда приезжает очень много мигрантов, то это в основном США, Австралия, Канада, то есть страны, которые именно принимают мигрантов, то они свою миграционную политику ориентируют именно на интеграцию [11, с. 224].

И если взглянуть на документы законодательства этих стран, то можно заметить, что в основном законы ориентированы на интеграцию. Есть законы интеграции, есть министерство интеграции в каких-то странах и т. д. и все мероприятия, которые проводятся по работе с мигрантами, они связаны именно с интеграционными процессами. А все потому, что приезжая в более развитую страну (не важно в какую), большинство людей планируют в ней остаться. Поэтому и правительство старается интегрировать мигрантов в общество. Как они это делают?

Они организуют языковые курсы. И прохождение подобных курсов обязательны для получения долгосрочных документов. На этих курсах они изучают язык, культуру, традиции, нормы поведения, какие-то ценности, которые приняты в этом обществе и это является действительно обязательным правилом, для получения каких-либо долгосрочных документов. Поэтому, для РФ, необходимо именно таким образом подходить к адаптации и интеграции мигрантов, и говорить о том, что те мигранты, которые хотят остаться в РФ, они должны получать помощь и поддержку именно от государства. То есть, интеграция – это государственная политика, которая проводится в отношении мигрантов.

На сегодняшний момент, орган исполнительной власти, который уполномочен проводить мероприятия по адаптации и интеграции мигрантов – это федеральное агентство по делам национальности [12, с. 248]. В частности, в 2020 году были разработаны методические рекомендации, для органов власти и субъектов. И эти самые методички были разосланы по всем регионам Российской Федерации. Эти методички как раз касались вопросов адаптации и интеграции, в которых было подробно описано все, что связано с адаптацией и как помочь самому себе приспособиться к жизни в новой стране.

Таким образом, можно заключить, что на сегодняшний день очень многие ведомства, разного уровня, включены в направление государственной политики в сфере адаптации, интеграции мигрантов.

Кроме того, стоит отметить, что еще в 2018 году была принята концепция государственной миграционной политики до 2025 года, и в этой концепции также отдельным пунктом выделено направление в сфере социальной адаптации и интеграции мигранта [13, Sanayev A., 2022].

И если рассматривать вопрос студентов, то те студенты, которые приезжают в Россию имеют низкий уровень информированности о политической, экономической и социальных системах России. Также, они не очень много знают о быте, традициях и нормах в России. За счет чего у них и возникают их первые трудности и воспринимают они какие-то из этих аспектов с некоторым непониманием.

Когда студенты приезжают в Россию, они испытывают некий дискомфорт и порой даже шок. Потому что сначала они сталкиваются с большой информационной перенасыщенностью. Им сразу же сообщают о том, что можно делать, а что нельзя, какие правила поведения в общежитии, правила поведения в университете. Они приезжают в новый город и не могут сначала адаптироваться. Они не понимают, где что находится и это, конечно же, вызывает определенные сложности.

Еще одна сложность, с которой сталкиваются иностранные студенты – это эмоциональная перегрузка [14, Sanayev A., 2022]. У них появляются новые коммуникативные связи, а некоторые даже не знают языка, на котором они будут учиться, и, конечно же, все это очень сложно пережить эмоционально. Другая сложность, с которой сталкиваются студенты это адаптация на бытовом уровне. Они приезжают в российское общежитие и зачастую, бывают не готовы к тем условиям, которые им предоставляются.

Психологи выделяют основные трудности, с которыми сталкиваются иностранные студенты в России [15]:

1. Адаптационные трудности, о которых уже было сказано выше.
2. Психофизиологические трудности. Они связаны с перестройкой личности, ведь студентам необходимо войти в новую среду, к которой они пока еще не привыкли.
3. Учебно-познавательные трудности. Они связаны, в первую очередь, как уже не раз было сказано – с языковым барьером. А также это новые правила, к которым они возможно еще не привыкли. Быть может в их странах процесс обучения происходит несколько иначе, чем в России.
4. Бытовые трудности. Они тоже могут возникать у иностранных студентов. К сожалению, зачастую иностранные студенты имеют низкий уровень самостоятельности, и они все приезжают разного возраста. Кто-то из них только закончил школу, у кого-то уже богатый жизненный опыт. И поэтому, эти проблемы у кого-то могут возникать, а у кого-то нет.

5. Климат. Студенты в основном приезжают на подготовительный факультет осенью: в октябре, или в начале ноября. В это время в России обычно уже холодно, дождливо (а то и вовсе уже снег на дорогах), а в странах таких как Узбекистан, в это время еще может быть довольно-таки тепло. Поэтому, такие студенты по приезду могут испытывать дискомфорт. Зачастую у студентов не бывает подходящей одежды, и они вынуждены ее покупать, и они также вынуждены адаптироваться к разнице в часовых поясах.

Психологические особенности личности, определяющие возможность успешной социально-психической адаптации, взаимосвязаны между собой и составляют, по мнению А.Г. Маклакова, интегральную характеристику психического развития – личностный адаптационный потенциал (ЛАП). Личностный адаптационный потенциал позволяет дифференцировать индивидов по степени устойчивости к воздействию психоэмоциональных стрессоров, что определяет целесообразность использования данной интегральной характеристики развития личности при прогнозировании результатов адаптации [15].

Заключение. В связи со всеми вышеуказанными пунктами и исследованиями, можно прийти к выводу что в адаптации может помочь только личностно-ориентированный подход.

При этом, личностно-ориентированный подход к студентам должен также идти от лица образовательного учреждения. И что самое главное, необходимо учитывать, что общество постоянно развивается, в том числе и технологии, и необходимо каждому учебному заведению идти в ногу со временем.

Литература

1. *Дикая Л.Г.* Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. – Москва: Институт психологии РАН, 2007. – 624 с.
2. *Андреева Г.М.* Психология социального познания. учеб, пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 288 с.
3. *Анцыферова Л.И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование и психологическая защита // Психологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 3–18.
4. *Балл Г.А.* Понятие адаптации и его значение для психологии личности // Вопросы психологии. – 1989. – № 1. – С 92–101.
5. *Бистрицкас Р., Кочюнас Р.* Homo sovietikus или homo sapiens. Несколько штрихов к психологическому портрету // Радуга (Таллинн). – 1989. – № 5. – С. 78–82.
6. *Васильюк Ф.Е.* Типология переживания различных критических ситуаций // Психологический журнал. – 1995. – № 5. – С. 104–115.
7. *Витенберг Е.В.* Социально-психологические факторы адаптации к социальным и культурным изменениям: дисс. ... канд псих. наук. – СПб, 1994. – 16 с.
8. *Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л.* Мозг, разум и поведение. – М.: Мир, 1988. – 248 с.
9. *Рамачандран В.* Мозг рассказывает. Что делает нас людьми. – М.: Карьера, 2012. – 398 с.
10. *Зорина З.А., Смирнова А.А.* О чем рассказали «говорящие» обезьяны. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 424 с.
11. *Картер Р.* Как работает мозг. – М.: АСТ, 2015. – 224 с.
12. *Хессет Дж.* Введение в психофизиологию. – М.: Мир, 1981. – 248 с.
13. *Sanayev A.K., Ustin P.N., Murotmusaev K.B.* Review of psychological adaptation factors of international students in russian universities of the Russian Federation // Eurasian journal of humanities and social sciences. – 2022. – Issue 5. – P. 108–114.
14. *Sanayev A.K., Ustin P.N., Murotmusaev K.B.* Factors of psychological adaptation freshmen students // Eurasian journal of humanities and social sciences. – 2022. – Issue 5. – P. 115–121.
15. URL: <https://forms.gle/dAAu6Ygv2KYGvL458> (дата обращения: 13.10.2023).

МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ: КРИЗИС КОНЦЕПЦИИ

Сергеев Сергей Алексеевич

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Сергеева Зульфия Харисовна

Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены основные подходы к интерпретации понятия «молодежные субкультуры» (поколенческий или генерационный, сложившийся в рамках парадигмы структурного функционализма, структурный, представляющий собой синтез неомарксизма и семиотики, и символическо-интеракционистский), а также приведены основные аргументы критиков этих подходов. Возражения, возникающие в связи с применением понятия «молодежная субкультура», не снимаются или снимаются не полностью при замене его понятием «постсубкультура», подчеркивающим гибридный характер молодежных сообществ, равно как и при обращении к понятиям «сцены» и «солидарности», делающим акцент соответственно на репрезентацию культурных идентичностей («сцена») и коммуникаций («солидарности») молодежных сообществ.

Ключевые слова: молодежные субкультуры, постсубкультуры, солидарности, сцены.

Концепция молодежных субкультур, которая стала складываться около 90 лет тому назад и была наиболее популярна в Западной Европе и США в 1960-е – 1970-е гг. (а в СССР и в России – в 1980-е – 1990-е гг.), похоже, переживает стагнацию и кризис. С одной стороны, слишком разные социальные явления пытаются уложить в нее, как в прокрустово ложе; с другой, прогностический и объяснительный потенциал этой концепции даже по отношению к тем явлениям, которые, казалось бы, можно назвать молодежными субкультурами *sans phrases* – невелик.

Возникнув в рамках структурно-функционалистского подхода в социологии, понятие «молодежная субкультура» (оно обычно употреблялось в единственном числе, как и синонимичное ему понятие «молодежная культура») исходило из той предпосылки, что молодежь как социально-демографическая группа слабо интегрирована в общество, находится в зависимом положении от взрослых, что приводит к конфликту поколений. Молодежь создает свою систему символов, норм и ценностей – молодежную культуру – отличную от «культуры отцов». Но при этом молодежная культура направлена не столько на изменение общества, сколько на адаптацию к нему, стремясь интегрироваться в него и занять в нем достойное место [14]. Соответственно молодежная культура понималась как своего рода социальный амортизатор, имеющий конформистский и гедонистическо-развлекательный характер.

Кризис поколенческого подхода привел в 1960-е – 1970-е гг. к появлению структурного подхода к молодежным субкультурам, сформировавшегося под сильным влиянием западного марксизма (прежде всего грамшианства) и семиотики [12, с. 11–16; 15]. Генезис молодежных субкультур в рамках данного подхода объяснялся сложной стратификацией западных обществ и социальными противоречиями между слоями. Тем самым молодежные субкультуры объявлялись протестом против доминирующей культуры (чаще всего культуры среднего класса), хотя метод этого протеста («переворачивание» значений обычных предметов – аксессуаров, одежды, прически) был «магическим», воображаемым методом разрешения социальных противоречий, не разрешавшим эти противоречия в реальности [12, с. 139].

Итоги исследования молодежных субкультур 1960-х – 1970-х гг. подвел в своей работе «Сравнительная молодежная культура. Социология молодежных культур и субкультур в США, Великобритании и Канаде» английский социолог Майкл Брейк. Предложенная им дефиниция молодежных субкультур определяла их как «системы значений (смыслов), способов выражения или жизненных стилей, развиваемых группами, находящимися в подчиненном структурном положении в ответ на господствующие системы значений, которые отражают их попытку разрешить структурные противоречия, порождаемые более широким социальным контекстом» [7, с. 8].

Критики структурного подхода обращали внимание на то, что «сопротивление», демонстрируемое субкультурами, может быть известным преувеличение социологов и антропологов, чересчур увлеченных внешней стороной проявлений молодежных субкультур и опирающихся на ограниченную эмпирическую базу [2, с. 76]. Возражения также вызывает и жесткое противопоставление доминирующей культуры и оппозиционных ей молодежных субкультур, характерное для работ С. Холла, Т. Джефферсона [15] и Д. Хебдиджа [12]. Более того, ставилась под вопрос сама возможность выделения господствующей культуры в полистилистическом обществе. Отмечалось, что для большинства молодых людей, не принадлежащих к протестным субкультурам, характерны конформизм и следование традициям. Общество в этом случае предстает как совокупность субкультур, находящихся в различных отношениях друг с другом (дружественных, нейтральных, враждебных), но без претензий какой-либо субкультуры на доминирование. Кроме того, жесткая привязка молодежных субкультур к определенным социальным группам не может не вызывать реминесценций с характерным для советской России 1920-х гг. «пролетарской», «буржуазной» и «дворянской» культур (при всем различии содержания, вкладывавшегося в эти понятия).

Еще один подход к пониманию молодежных субкультур предложили сторонники символического интеракционизма. Они обратили внимание на недопустимость смешения поня-

тий «субобщество» и «субкультура» (хотя о том же писал и М. Брейк), подчеркнули, что в ряде случаев границы социальной группы и соответствующей субкультуры размыты, т. е. субкультуры в ряде случаев не должны восприниматься как однородные, статичные и закрытые. Субкультура не является эксклюзивной: к ней могут принадлежать представители целого ряда групп [9, с. 10–12]. Соответственно социальная группа может быть выделена – и выделяется – практически на любом основании. Что касается групповой субкультуры, то Г.А. Файн понимал ее как «конструкцию, основанную на консенсуальной системе значений», принятой членами группы и включающей «продукты взаимодействия, являющиеся результатом вербальной и поведенческой репрезентации данной системы значений» [10, с. 744]. На практике это приводило к тому, что Г. Файн выделял, например, субкультуру юношей младшей бейсбольной лиги с такими специфическими культурными формами, как прозвища, жаргон и манера жевания жвачки [11].

Изменение характеристик явления, определявшегося ранее как «молодежная субкультура», привело в 1990-е гг. к появлению понятия «постсубкультура», оспаривавшего и основные положения приведенных выше подходов, и правомерность самого понятия «субкультура» [6, 16]. Критикуя вульгарный социологизм Бирмингемской школы, они утверждают, что понятие «молодежная субкультура» не следует жестко соотносить с понятием «классовая культура», поскольку стиль и ценности той или иной молодежной субкультуры могут разделять выходцы из различных классов и слоев общества, и более того: молодежные субкультуры были сконструированы, и сконструированы отнюдь не молодежью. Кроме того, в ситуации постмодерна группы молодежи, разделяющие тот или иной стиль жизни, стали непостоянны по своему составу, «текучи», а границы между ними проницаемы или условны. Субкультуры поэтому исчезают, превращаясь в «племена» (нео-племена), под которыми понимается «ряд временных, непостоянных собраний (gatherings), характеризующихся текучими границами и плавающими членством», не имеющие жестких форм организации, для которых характерно определенное настроение, состояние души, находящие свое выражение в жизненных стилях [6, с. 599–600, 605; 13]. Некоторые из сторонников постсубкультурного подхода, абсолютизируя быстроту изменений в молодежной среде, предлагают понятие «субпоток», т. е. временное объединение, которое имеет чаще всего гедонистический характер (дискотека, вечеринка, флешмоб и т. п.) [1], хотя может преследовать цели творческой самореализации или выражения протеста.

Тем не менее представляется, что сторонники постсубкультурного подхода преувеличивают степень общей «текучести» молодежной среды. Наряду с ситуативными и непостоянными сообществами и группами, существуют сообщества и группы, которые сохраняют более четкие «границы», отделяющие их от остального общества, более постоянный состав, объединяемые общими ценностями, нормами и стилем жизни. Так, «антифа» представляли собой коалицию левых политизированных молодежных сообществ (панки, красные скинхэды, радикальные экологи и др.), объединенную противостоянием русскому националистическому движению [5, с. 41–42] и активно действовавшую на протяжении как минимум десятилетия (с 2002–2003 гг. по 2012–2013 гг.).

Для характеристики данного вида сообществ Е. Омельченко предлагает использовать понятия «сцены» и «солидарности» [3, 4]. В широком смысле под «сценой» понимается совокупность социальных институтов и культурных практик определенного молодежного сообщества. «Сцена» функционирует одновременно и как площадка для репрезентации культурных идентичностей, и как специфический «этический мир», в контексте которого культивируется определенный моральный режим, помогающий «установить правила и средства для легитимации поведения каждого из участников» [4, с. 117]. Вместе с тем использование термина «сцена» как предпочтительного «субкультуре» нельзя, на наш взгляд, аргументировать критикой представления, что в обществе есть лишь одна разделяемая всеми культура, по отношению к которой субкультура представляется как бросающая ей вызов оппозиция. Это было свойственно, как мы видели, лишь поколенческому подходу, другие же интерпретации понятия «субкультура» предполагают плюрализм субкультур.

Что же касается «солидарности», то оно делает акцент на центральном месте коммуникации в молодежном сообществе и на формировании эмоциональных связей внутри и между различными молодежными сообществами [3, с. 57]. «Солидарности» как одной из ценностей сообщества придается большое значение, в частности, среди «антифа» [5, с. 39, 44]. Безусловно, этот перенос удара с внешнего вида, поведения и ценностей на внутригрупповую и межгрупповую коммуникацию является важным достоинством рассматриваемых понятий.

Понятия «сцена» и «солидарность» помогают понять, как происходит взаимодействие внутри сформировавшегося сообщества и между сформировавшимися сообществами. Но при этом они, на наш взгляд, не могут помочь убедительному объяснению стремительного возникновения молодежных сообществ, подобного взрыву сверхновых, затем столь же стремительному распространению их культурного влияния, особенно характерному для 1960-х – 1970-х гг., но имевшему место и позже, и последующему угасанию. Наряду с этим существовали и существуют субкультуры, присущие относительно замкнутым и стабильным сообществам (прежде всего религиозным и этническим), которые отгораживаются от внешних влияний и сами не стремятся ни на кого влиять. Поэтому представляется, что понятия «субкультура», «постсубкультура», «сцена», «солидарность» лишь частично, неполно и односторонне описывают происходившие и происходящие в молодежной среде явления. Понятие «сцена» относится в первую очередь к тому, что происходит на этой сцене, в этом «месте», но не к тому, какое влияние оказывает эта сцена на окружение; «солидарность» концентрируется прежде всего на социальных связях между «своими». Можно, конечно, представить и солидарность более широкую, поверх культурных, гендерных, этнических и расовых барьеров, солидарность с угнетенными, солидарность с дискриминируемыми меньшинствами, но такая солидарность связана уже с претензией на конструирование широкой социальной коалиции, подобной движению антиглобалистов.

Поэтому, не отказываясь от этих терминов, следует осознать их ограниченность, а использовать такие понятия, как «социальное движение» [8, с. 20–22] и / или «сообщество жизненного стиля», направив усилия на выяснение взаимосвязи таких явлений, как «малая группа», «субкультура» / «постсубкультура» и «социальное движение».

Литература

1. Жаркова М.А. Концепция субпоток в рамках постсубкультурного подхода к изучению молодёжных субкультур // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». – 2012. – № 3. – С. 42–45.
2. Омельченко Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры. – М.: Ин-т социологии РАН, 2000. – 264 с.
3. Омельченко Е.Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст // Социологические исследования. – 2013. – № 10. – С. 52–61.
4. Омельченко Е., Поляков С. Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодежных сообществ // Социологическое обозрение. – 2017. – Т. 16. – № 2. – С. 111–132.
5. Сергеев С.А. Левые радикалы в российской провинции: движение «антифа» // ПОЛИТЭКС (Политическая экспертиза). – 2013. – Т. 9. – № 1. – С. 38–50.
6. Bennett A. Subcultures or neo-tribes? Rethinking and relationship between youth, style and musical taste // Sociology. – 1999. – Volume 33. – Issue 3. – P. 599–617.
7. Brake M. Comparative youth culture. Sociology of youth culture and youth subcultures in America, Britain and Canada. – L.: Routledge & Kegan Paul, 1985. – 238 p.
8. Porta D., Diani M. Social movements: an introduction. – Malden (MA) & Oxford: Blackwell Publication, 2006. – 345 p.
9. Fine G.A., Kleinman Sh. Rethinking Subcultures: an interactionist analysis // American journal of sociology. – 1979. – Volume 85. – Issue 1. – P. 1–20.

10. *Fine G.A.* Small groups and culture creation // *American sociological review*. – 1979. – Volume 44. – № 5. – P. 733–745.
11. *Fine G.A.* With the boys: little league baseball and preadolescent culture. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 304 p.
12. *Hebdige D.* Subculture: The Meaning of Style. – L.: Routledge, 1996. – 196 p.
13. *Maffesoli M.* The time of the tribes: the decline of individualism in mass society. – L.: Sage, 1996. – 192 p.
14. *Parsons T.* Age, sex in the social structure of the United States. Essays in sociological theory. – Glencoe: Free press, 1954. – 103 p.
15. *Hall S.* Resistance through rituals. Youth subcultures in post-war Britain. – L.: Routledge, 2006. – 292 p.
16. *Muggleton D.* The Post-Subcultures Reader. – Oxford: Berg, 2003. – 338 p.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА БУДУЩЕГО

Соловарова Юлия Николаевна

Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены особенности применения метода фокус-групп в исследовательском поле демографической безопасности, со студентами г. Казани в полиэтнической молодёжной среде. В результате проведения 16 кейсов методом фокус-групп и на основе 50 свободных интервью с ее участниками, которые проводились через 7 дней после каждой фокус-группы, были определены ключевые установки демографического поведения студенческой молодежи и образ будущего на нарративах демографической безопасности в полиэтнической студенческой среде.

Ключевые слова: демографическая безопасность, демографическое поведение, демографический патриотизм, этнические группы, студенческая молодежь.

Введение и проблематика. Страны с суженным типом воспроизводства населения сталкиваются с различными демографическими проблемами, связанными с низким уровнем рождаемости, старением и сокращением населения, некоторые имеют отрицательный прирост населения. Демографическая ситуация в России также характеризуется стойким суженным типом воспроизводства населения, что безусловно актуализирует исследования нарративов по демографической безопасности и предполагает осмысление установок и рисков, связанных с демографическим (репродуктивным, самосохранительным, миграционным и матримониальным) поведением молодого поколения [1, 2, 3, 4, 7].

В научном дискурсе декларируемая бесполезность упования на молодое поколение, удивительным образом сочетается с возложением на него больших надежд по прекращению депопуляционной катастрофы. К тому же отсутствие определенного юридического понятийного аппарата в России по демографической безопасности создает проблему потери единого понимания в научно-исследовательском поле, превращая дискуссии по этой проблематике в своеобразную научную эклектику. Е.К. Рудакова характеризует такую сложившуюся ситуацию как когнитивную угрозу демографическому развитию России: «Данная проблема является недооценённой в науке и праве, в то время как путаница носит далеко не случайный характер, являясь эффективной технологией, размывающей смыслообразующие понятия по вопросам демографического развития» и определяет демографическую безопасность «как состояние защищённости системы естественного замещающего режима воспроизводства населения (демографических структур, поведения, ценностей) от прямых и когнитивных угроз» [2, с. 77].

К угрозам, влияющим на режим воспроизводства населения, прежде всего, относится трансформация представлений о семье, браке, половой идентичности, здоровье и смерти, патриотизме [3].

На фоне того, что статистика становится все более закрытой, целесообразно отталкиваться от прикладных социологических исследований, которые приобретают все большую ценность для анализа текущего состояния и для попыток прогнозировать ближайшее будущее.

Прикладные социологические исследования показывают, что исследовательское поле нарративов по демографической безопасности во многом зависит от этнокультурного контекста [4]. В таком контексте демографическую безопасность можно трактовать как развитие и функционирование определенной популяции в ее возрастных, половых и этнических характеристиках, с учетом государственных национальных интересов, заключающимися в обеспечении его суверенитета, целостности, а также сохранности имеющегося геополитического положения [5, с. 94].

Метод и структура полевого социологического исследования. На первом этапе осуществлялся рекрутинг информантов на фокус-группу по теме «Демографическая безопасность государства» (с помощью преподавателей казанских вузов). Условия отбора: студент вуза, ранее не участвовавший ни в каких фокус-группах и идентифицирующий себя с русской, татарской, туркменской, казахской, узбекской, киргизской и таджикской этническими группами. На втором этапе – проведение фокус-группы по гайду рефлексивного построения (2022–2023 учебный год – 13 кейсов) [6]. В сентябре 2023 учебного года были проведены еще 3 кейса методом фокус-группы с представителями казахских, узбекских и киргизских этнических групп, что дало возможность для сравнительного анализа. На третьем этапе, сразу после завершения фокус-группы, всем информантам было предложено участие в свободном интервью, которое проводилось через 7 дней после участия студентов в фокус-группе.

Важно отметить, что в Республику Татарстан, в город Казань приезжают на учебу в высшие учебные заведения представители тюркских народов (исключение – таджикская этническая группа), с целью получить российское образование и при этом сохранять свою этническую и конфессиональную идентичность, связанную с традициями ислама (например, представители туркменских, казахских, узбекских и киргизских этнических групп). Инфраструктурная и социокультурная среда Татарстана позволяет легче пройти адаптационный период, связанный с переездом в другую страну таким студентам.

Результаты исследования. Часть результатов двухлетнего исследовательского проекта была представлена на Международной социологической Грушинской конференции в мае 2023 года [6]. В данной работе приведены результаты, которые ранее не были опубликованы, а также новые материалы с учетом последующих исследований и проведенного сравнительного анализа.

Миграционное поведение и связанные с ним установки. Студенты отмечают, что по самоощущению происходит увеличение размера и влияния их этнических диаспор в Казани. Риторика, касающаяся образа будущего, следует посылу, что мигранты не должны оставаться исключительно низкооплачиваемой рабочей силой, а получив образование и капитал, также имея поддержку внутри этнических диаспор, создавая группы активистов могут продвигать интересы своих родных государств. В миграционном поведении студенческой молодежи всех этнических групп ориентация исключительно на город, они связывают свою жизнь и сейчас, и в будущем только с жизнью в городе: *«Город – это залог успеха, получения работы, широких возможностей саморазвития»*. Важно отметить, что для студентов, не являющихся гражданами России, характерна многоэтапная стратегия миграционного поведения, где образование в России лишь один из ее этапов. Студенты, те кто идентифицирует себя с представителями тюркского мира, часто рассматривают Турцию как следующий более привлекательный после России миграционный этап. Возврат домой в целом рассматривается крайне редко. К примеру: *«Далеко и сразу из Туркменистана ехать было страшно...в России все понятно, здесь есть гарантии...теперь хочу в Турцию попробовать поработать как*

инженер пищевых производств, образование, думаю, позволит...если в Турции не понравится себя в России тоже вижу».

Репродуктивное поведение и образ будущего. Важным фактом является то, что отрефлексировать свое репродуктивное поведение у студенческой молодежи получается только после рефлексии чужого репродуктивного поведения. Можно проследить положительное отношение всех этнических групп (при этом сами они могут озвучивать ориентацию на малодетность) к репродуктивным установкам студентов туркменских и таджикских этнических групп, ориентированных на многодетность. Ориентация студентов на малодетность объясняется в категориях «сначала пожить для себя» (отложенное рождение детей) или «тревожным, а далеко не светлым будущим». Во всех интервью прослеживается четкая взаимосвязь репродуктивных стратегий и образа будущего у студенческой молодежи. К примеру, *«Большая часть человечества – это обсуживающий персонал для элиты...вы скажете, что всегда так было и ничего...может быть, но наши родители и их предки всегда имели позитивный образ будущего, а у нас его нет, у нас его отняли...думаю чтобы нам не хотелось размножаться, такая стратегия на вымирание»*

Матримониальное поведение. В группах, идентифицирующих себя с таджикской или туркменской этническими группами, преобладает родительский нарратив о браке и семье. Артикулируется образ семьи как образ святости. Посыл «как родители скажут», «как моя семья решит» присутствует в каждом глубинном интервью. Возраст вступления в брак и брачного партнёра выбирают в большинстве случаев с согласия и по совету родителей, семьи в целом. В группах, идентифицирующих себя с русской, татарской, казахской этническими группами преобладает, самостоятельный выбор брачной стратегии, характерный для большинства стран с западными ценностями.

Самосохранительное поведение. Поведение, направленное на долголетие, понимание здоровьесохранительных практик, самооценка здоровья – однозначно определялись всеми студентами как база демографической безопасности любой страны. Представители всех этнических групп студенческой молодежи определяли свое здоровье как хорошее или очень хорошее, что позволяет им не задумываться пока о здоровьесохранительных практиках и профилактических мерах. Мотивы пищевого поведения очень слабо коррелируют со здоровьем и долголетием. Цель употребления пищи: «чтобы голод не мешал жить». Большая часть продуктов приобретается преимущественно в супермаркетах «Пятерочка», «Магнит», «Чижик», где можно купить продукцию, в том числе Халаль. Национальная кухня только по праздникам. Нормальным и желательным возрастом дожития в таджикской, туркменской, узбекской этнических группах студенческой молодежи считается 80–85 лет. В группах, идентифицирующий себя с русской, татарской, казахской этническими группами молодежь озвучивает цифры, не превышающие 75 лет. В общем нарративе по безопасности присутствует ссылка на СМИ, в результате чего называют самой главной проблемой демографической безопасности России высокую смертность, которая воспринимается как неизбежность нынешнего существования и миропорядка, характерного не только для России. Снижается риторика понимающего отношения к стратегиям трансгендерного перехода в подростковом возрасте и возрастает риторика понимания ответственности «взрослых» за «попустительское отношение» к этому вопросу, за вредоносные стратегии «промыывания мозгов детям» на которые никто не обращает внимания. В студенческих нарративах отмечаются опасности трансгендерного перехода, его влияние на репродуктивное здоровье, качество и продолжительность жизни.

Если проводить сравнение результатов сентября 2023 года с фокус-группами, проведенными в 2022 году, то можно отметить, что увеличивается риторика понимания демографического развития России в контексте национальной безопасности. В качестве самых актуальных факторов повышения численности населения студенты отмечают необходимость экономического развития и защиту государственных территорий. Среди путей обеспечения демографической безопасности отмечают рост рождаемости (где важная мера господдержки – материнский капитал) и привлечение мигрантов.

Заключение. Прикладные социологические исследования в исследовательском поле демографической безопасности целесообразно осуществлять через призму специфики и видов демографического поведения. Вузы Татарстана в целом и города Казани в частности является хорошей площадкой для изучения демографического поведения студенческой молодежи, где происходит взаимовлияния установок тюркского мира и российского ментального контекста. В условиях растущих демографических угроз России и необходимости поиска возможных эффективных путей из депопуляционного кризиса конструирования образа будущего в полиэтнических фокус-группах имеет несколько значимых результатов: проявляет степень совместимость демографических установок молодых образованных представителей разных этнических групп; осуществляется взаимовлияние и лучшее понимание друг друга; вырабатывается поиск пути возможного совместного будущего.

Литература

1. *Ростовская Т.К., Шабунова А.А.* Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2021. – М.: ФНИСЦ РАН, 2021. – 138 с.
2. *Рудакова Е.К.* Обеспечение демографической безопасности России в условиях когнитивных угроз: дис. ... доктор полит. наук / Е.К. Рудакова. – Нижний Новгород, 2023. – 840 с.
3. *Ростовская Т.К., Васильева Е.Н., Князькова Е.А.* Теоретическая интерпретация понятия «демографическая безопасность» и принятие управленческих решений по обеспечению национальной безопасности // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. – 2022. – Т. 15. – № 4. – С. 158–170.
4. *Соловарова Ю.Н.* Проблематика демографической безопасности в контексте цифровизации жизненного пространства современной студенческой молодежи (на примере российских и иностранных студентов КНИТУ) // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2023. – № 3. – С. 94–99.
5. *Безменов С.А., Михайловская С.А.* Демографическая безопасность как фактор развития национальной безопасности // Роль инноваций в трансформации современной науки. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 93–96.
6. *Соловарова Ю.Н.* Метод фокус-группы в исследовательском поле демографической безопасности как способ продвижения многодетности в полиэтнической студенческой среде / Материалы XIII Международной социологической Грушинской конференции «Переустройство мира: исследования в новой реальности» (25-27 мая 2023 г.). – М.: ВЦИОМ, 2023. – С. 16–19.
7. *Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В.* Демографическая безопасность России: региональные измерители, оценка результатов // Мир новой экономики. – 2016. – № 4. – С. 142–153.

ГЕНДЕРНАЯ ЦЕНОВАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ: «НАЛОГ НА РОЗОВЫЙ»

Тагирова Камиля Ильдаровна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. «Розовый налог» – яркий пример ценовой дискриминации женщин в экономике. Эта форма дифференцированного ценообразования, существующая в большинстве стран, и определяющая характер практик ценообразования на товары и услуги. В статье анализируются существующие гендерные стереотипы, которые определяют формы и причины проявления ценовой дискриминации, называемой «розовым налогом». Рассматривается вопрос о том, является ли этот маркетинговый

ход проявлением гендерной дискриминации или имеет экономическое обоснование. Даются рекомендации по решению данной проблемы в современных условиях.

Ключевые слова: розовый налог, дифференцированное ценообразование, гендерная дискриминация, гендерные стереотипы.

Актуальность изучения данной темы состоит в том, что на данный момент она мало изучена и плохо распространена, а многие женщины платят розовый налог и даже не знают об этом. Однако гендерное равенство в обществе продолжает набирать обороты, проникая во все сферы жизнедеятельности людей: появляются новые законы, запрещающие дискриминацию по гендерной принадлежности, появляются все больше активистских движений за борьбу за равенство и многое другое, но несмотря на это существует еще огромное количество проблем, которые обществу предстоит решить. Одна из них – «Налог на розовое», являющийся ярким примером ценовой дискриминации женщин в экономике. «Розовый налог» – это дополнительная сумма денег, которую женщины платят за определенные товары или услуги. Иногда вы можете увидеть или услышать, что его называют ценовой дискриминацией или ценообразованием по признаку пола. Это относится к широко распространенной тенденции, когда товары или услуги, продаваемые исключительно женщинам, имеют несколько более высокую розничную цену, чем аналогичные или идентичные товары или услуги, продаваемые мужчинам. «Розовый», по сути, является лишь маркером, который помогает сразу понять, что данный товар предназначен для женщин, но он может быть любого цвета.

То, как гендерные стереотипы влияют на цены, впервые было проиллюстрировано исследовательским бюро в Калифорнии. В начале 1990-х годов оно подсчитало, что женские стрижки, как правило, стоят дороже мужских, а химчистки берут в среднем на 2 доллара больше за стирку женских рубашек. Разница в пару долларов кажется незначительной. За год расчеты показали, что женщины тратили на один и тот же набор товаров и услуг на 1 351 доллар больше, чем мужчины.

С 1990-х годов мало что изменилось. Лишь в 2015 году началось активное обсуждение. Департамент по делам потребителей Нью-Йорка опубликовал «From Cradle to Cane: The Cost of Being a Female Consumer», исследование индустрии игрушек и аксессуаров, детской одежды, одежды для взрослых, средств личной гигиены и пенсионного обеспечения. Исследование отражало жизненный цикл потребителя, чтобы рассмотреть опыт, с которым сталкиваются люди всех возрастов. Отдел сравнил 794 продукта с четким разделением на «мужские» и «женские» версии, охватив при этом 91 бренд как в магазинах, так и на онлайн-площадках.

Оно показывает, что в каждой из пяти рассмотренных отраслей товары для женщин чаще были дороже: игрушки для девочек были дороже в 55 % случаев, а игрушки для мальчиков – только в 8 % случаев; одежда для девочек стоила дороже в 26 % случаев, в то время как для мальчиков – в 7 %; женская одежда была дороже в 40 % случаев, а мужская – в 32 %; предметы личной гигиены для женщин были дороже в 56 % случаев, а для мужчин – в 13 % случаев.

Отдельная тенденция – многофункциональность продуктов. Женщинам предлагается покупать отдельные средства для мытья волос, кондиционеры, маски и гели для душа. А для мужчин существует большой выбор средств, которые обещают выполнять роль шампуня, кондиционера и геля для душа одновременно – и это, конечно, выгоднее для личного бюджета.

Тем не менее, розовый налог остается актуальной проблемой практически во всех странах – Великобритании, Франции, Германии, Австралии и других. И Россия не является исключением, хотя мы редко говорим об этой проблеме и мало ее изучаем. В 2017 году Сергей Катырин, президент торгово-промышленной палаты России, оценил размер розового налога в стране в 10–15 % на отдельные категории товаров. Глава ТПП России также отметил, что в советское время не было «розового налога», потому что существовал государственный план и цены рассчитывались исходя из реальной стоимости товара, а не пола потенциального покупателя. По его словам, данная общемировая тенденция не могла обойти стороной российский рынок: «В 1990-е годы в нашу страну пришел западный рынок со своими законами. Тогда и

появился «налог на розовое». Ведь женщина — более активный покупатель, чем мужчина. Она любит разнообразие. А производитель и продавец, которые об этом знают, никогда не откажутся от лишней прибыли».

Женщины платят больше не только за товары, которые можно купить в магазине. Во многих странах женщинам также приходится платить больше и за различные услуги:

- в США женщины платят на 0,4 % больше при оформлении ипотеки, чем мужчины.
- банки предоставляют женщинам займы с большей процентной ставкой, хотя они становятся банкротами реже, чем мужчины.
- автодилеры США делают мужчинам более выгодные предложения и скидки на покупку авто, чем женщинам.
- постирать женскую рубашку обходится почти вдвое дороже, чем мужскую.

Следует также учитывать, что женский труд в среднем оплачивается меньше, чем мужской, и, соответственно, реальная переплата более существенна, чем номинальная. Например, по данным исследования компании FinExpertiza, в 2021 году средний заработок российских женщин, занятых на крупных и средних предприятиях, с учетом всех премий составил 42 800 рублей – это в 1,5 раза меньше, чем в прошлом году получали мужчины – 62 100 рублей. Сам факт разницы в заработной плате (при одинаковых должностях и предприятиях) уже ставит два противоположных пола далеко в неравные условия жизни.

Разделение на «розовый для девочек, голубой для мальчиков» появилось относительно недавно. Джо Паолетти, доцент Университета Мэриленда, в своей книге «Голубой и розовый: цвета для девочек и мальчиков Америки» сообщает, что эта конструкция возникла в 1980-х годах, когда появилась возможность определить пол ребенка еще до рождения. Родители стали склонны заранее украшать комнаты своих новорожденных «правильным цветом», а производители и дизайнеры детских товаров, включая игрушки, одежду, средства гигиены и многое другое, позволили родителям выбрать один из цветов, которые они предлагали для одного из двух полов: розовый для девочек и голубой для мальчиков. Это маркетинговое решение стало одной из предпосылок появления розового налога.

Экономисты и эксперты объясняют, что на цену товара влияют два основных фактора: себестоимость и спрос. Себестоимость зависит от объема партии: чем он меньше, тем дороже товар. Например, мужские рубашки одного фасона и базовых цветов можно производить большими партиями. А для женщин нужно больше фасонов, цветов и вариантов украшений. В результате партии становятся мелкими, а цена продукта растет.

Также актуальным является такое явление, как налог на импорт. Например, в США налог на женские товары составляет в среднем 15,1 %, а на мужские – 11,9 %. Это повышает стоимость товаров для женщин и, соответственно, повышает рыночную цену.

Кроме того, на товары с розовым налогом существует спрос, иначе они не производились бы и не продавались. Главная цель производителя – получить прибыль, и, если он нашел свою целевую аудиторию и его товар покупают по более высокой цене, он будет продавать его по этой цене.

Гендерные стереотипы диктуют модели потребления, от которых не всегда легко отказаться. У общества есть свое представление о том, как выглядит «идеальная женщина» и подталкивает половину населения планеты ориентироваться на установленные стандарты красоты и стараться под них подстроиться, тратя деньги на товары и услуги, которые должны приблизить их внешний вид к так называемому идеалу. Бренды рекламируют свою продукцию как привилегию, которая необходима каждой настоящей женщине. Такое позиционирование продукции также позволяет держать достаточно высокую цену. В то время как для мужчин уход за своей внешностью все еще не является обязательным – даже использование кремов опционально. В мире существует очень небольшая прослойка мужчин, которые ежедневно тратят много усилий на поддержание своего внешнего вида. А для большинства женщин с любым уровнем дохода это является нормой жизни. Следовательно, мужской пол не склонен тратить большие суммы на товары таких категорий, и спрос со стороны мужчин остается более эластичным.

Стоит также отметить, что ценовую дискриминацию по половому признаку трудно обнаружить, поэтому большинство фирм не признают ее существования. Компании могут оправдывать разницу в ценах тем, что «почти идентичные» товары вовсе не являются идентичными в процессе производства. На примере текстиля – почти одинаковые футболки имеют разную цену из-за: разнообразия рисунков, фасонов, стилей, что оправдывает завышенные цены на женскую продукцию. Аналогично с текстилем, производители дезодорантов утверждают, что добавление в продукт ароматизаторов увеличивает его стоимость, а различие в цветах или узорах на детских велосипедах – необходимость больших затрат денег и труда. Приведенные аргументы могут даже пройти судебную проверку, если компанию заставят предоставить следствию отчетность и документацию, поскольку компания контролирует условия особого ценообразования.

Однако в западных странах данная проблема больше придается огласке и вводятся различные законодательные акты против вышеуказанной дискриминации. Так, в некоторых штатах США действуют законы, запрещающие любую гендерную дискриминацию в ценах. Например, с 1996 года в штате Калифорния запрещено устанавливать разные цены для женщин и мужчин на услуги, скажем, стрижки и химчистки. В штате Нью-Йорк розовый налог запрещен не только на услуги, но и на товары. Кроме того, в Конгрессе США находится на рассмотрении законопроект о запрете розового налога на федеральном уровне.

Еще одна законодательная инициатива, защищающая женские кошельки, – снижение НДС на прокладки и тампоны. Например, во Франции с недавних пор они облагаются налогом по ставке 5,5 %, что приравнивает их к товарам первой необходимости. В России они также облагаются по сниженной ставке, но она все же составляет 10 %. Несколько стран, включая Австралию, Канаду, Великобританию, Индию, Ирландию и Руанду, полностью отменили налоги на тампоны и прокладки. Шотландия в 2020 году пошла еще дальше, предоставляя женщинам средства менструальной гигиены бесплатно. Тампоны, прокладки и другие менструальные товары потребляются только женщинами с относительно неэластичным спросом, потому что они нужны женщинам регулярно и для ежедневного использования. Тот факт, что эти товары вообще что-то стоят, фактически является налогом на женственность.

Неизвестно, когда инициативы по защите от розового налога дойдут до России, поэтому покупательницам следует быть бдительными. Необходимо сравнивать стоимость товаров «для него» и «для нее». Зачастую надпись на упаковке не делает товар более подходящим для определенного пола, а скорее просто добавляет необоснованную наценку. Также многие компании пытаются продать как можно больше товаров и услуг, прикрываясь «мифом о красоте». Большинство этих товаров, по сути, не приносят никакой пользы и не являются необходимыми не для только женщин, но и людей в целом. Часто нормальное проявление женской физиологии маркетологи приравнивают к недостатку во внешности и даже болезни. Поэтому необходимо переосмыслить свои покупки, ведь выбирая менее дорогой «мужской» товар, можно бросить вызов сегментации рынка на мужские и женские товары.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что, к сожалению, несмотря на высокий рост гендерного равенства, «розовый налог» является ярким примером того, что проблема дискриминации женщин все еще актуальна в нашем обществе. Ценник продолжает существовать из-за сохранения стереотипов о женщинах, в основном сфокусированных на необходимости быть красивой. Акцент на уникальности и особой изысканности товаров, сделанных специально для женщин, удерживает их от покупки аналогичных, но более дешевых товаров с надписью «для мужчин».

Автор предполагает, что «розовый налог» как маркетинговый инструмент может утратить свою эффективность, если потребители начнут осознавать его происхождение и механизм воздействия на психологию человека, и отдавать предпочтение гендерно-нейтральным товарам. Передовым ученым в области экономики, маркетинга, финансов и других областей придется долго изучать эту проблему, чтобы найти наиболее комплексный правильный подход к ее решению. Экономическая дискриминация по половому признаку начинается с отсутствия серьезного законодательства, которое полностью защищает от возможности

ценообразования по гендеру. Поэтому судебная, законодательная и правоохранительная ветви власти должны изменить свою политику, чтобы отслеживать и искоренять такое экономическое неравенство. Культурные нормы навязали убеждение, что эти более высокие цены – не просто бизнес, а необходимая цена для женщин, – та жертва, которую требует красота. Таким образом, розовый налог существует в нашем обществе, несмотря на отрицание его существования фирмами-производителями товаров и услуг, но он не всегда оправдан.

Литература

1. Новостной ресурс «Черта». – URL: <https://cherta.media/story/nalog-na-rozovoe-pochemu-zhenshhiny-platyat-bolshe-muzhchin/> (дата обращения: 30.09.2023).
2. Кулябина Я.А., Хохлова К.С. «Налог на розовое» как проявление гендерной ценовой дискриминации // Проблемы и перспективы развития России: молодежный взгляд на будущее. – 2021. – № 2. – С. 156–158.
3. Новостной ресурс «ТАСС». – URL: <https://tass.ru/obschestvo/8468883> (дата обращения: 30.09.2023).
4. Официальный сайт «Fordham University». – URL: https://www.fordham.edu/info/29752/ars_nova_digital_showcase_2020/11571/charles_schelands_project (дата обращения: 30.09.2023).
5. New York City department of consumer affairs. – URL: <https://www1.nyc.gov/assets/dca/downloads/pdf/partners/Study-of-Gender-Pricing-in-NYC.pdf> (дата обращения: 30.09.2023).
6. Исследование 1994 года в Калифорнии. – URL: http://leginfo.ca.gov/pub/95-96/bill/asm/ab_1051-1100/ab_1100_cfa_950831_152302_sen_floor.html (дата обращения: 30.09.2023).
7. Новостной ресурс «РБК». – URL: <https://style.rbc.ru/items/5b67f3219a79475126e94706>. (дата обращения: 30.09.2023)

SOME ASPECTS OF LEADERSHIP IN THE CHILD AND ADOLESCENT ENVIRONMENT

Murotmusaev Komiljon Buribaevich

Oriental University of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Mirsagatov Davron

The Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Mirsagatova Nargiza Sayfullaevna

Oriental University of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Abstract. This article reveals the problem of leadership in children and adolescents, as well as the research of scientists on this topic in different historical periods.

Key words: leadership, leader, leadership qualities.

The socio-economic changes taking place in contemporary Russian society have led to a change in moral and value priorities in the formation of personality. The ability to communicate, to think independently and freely, to find creative ways of solving different kinds of problems are valued more highly today than a large amount of information. Modern education is focused on the development of these qualities of personality, which is reflected in the Republican State Educational Standard (RSES).

The priority task of a modern school is to preparing students for real life, which implies the readiness of the individual to openly express and defend his or her social position, critically assess their intentions, thoughts and actions, and take to take responsibility for the results of their own actions, to be purposefulness and persistence in achieving the result, to adapt in the dynamically

changing and developing world, etc. [1, p. 356]. Therefore, the most relevant today are the issues of forming a positive social experience of a growing person, his civil formation.

In the current political and social situation in our country, the leadership qualities of a person become very important. The stimulation of leadership is of great importance in solving the problems of the social formation of the child's personality. Schoolchildren, as a rule, occupy key positions in the bodies of student self-government [3].

Let's turn to the scientific interpretations revealing the concept of "leadership". It should be noted that this phenomenon became the object of research of many figures of science in the first half of the XX century. At that time the most famous was the theory of leadership traits, which recognized the innateness and uniqueness of the leader's properties. That is why leadership as a socio-psychological phenomenon should be considered as a set of outstanding personality traits, guaranteeing leaders the ability to take a leading position and maintain authority due to the presence of these unique traits. At the same time, researchers note that a significant shortcoming of this theory is the position that leadership is not only a product of social conditions, relationships, and an innate complex of biopsychic properties that provide power to people who possess these qualities.

So, A.V. Petrovsky thought: "In this theory the following circumstance is not taken into account: performance of leadership functions forms or promotes formation of certain qualities in a leader; if a person performs this role for a long time, there is an interiorization (appropriation) of normative requirements of the role, and this leads to fixation of personality traits necessary for effective leadership" [4, p. 235].

Until the mid-1980s, the studies concerning the phenomenon of leadership identified four groups of leadership traits: physiological, mental (intellectual), psychological, (emotional, personal) and business.

The first works in this aspect date back to the 20-30s of the last century (A.S. Makarenko, A.S. Zaluzhny, E.A. Arkin, etc.). The named authors mainly concerned mainly with the phenomenon of leadership in children's groups. And here it is necessary to address the ideas and pedagogical experience of well-known teacher A.S. Makarenko.

In his institutions (Gorky Colony and Commune named after F. Dzerzhinsky), he created conditions under which each pupil in a certain situation could take on the role of leader, and in another situation, the same pupil voluntarily became the executor, giving his fellow pupil the opportunity to show managerial skills. This is clearly visible in the system of combined units created by A.S. Makarenko in the colony named after A.M. Gorky. A.M. Gorky. As the author himself said, "The system of combined units made life in the colony very tense and full of interest, alternation of work and organizational functions, exercises in command and in subordination, collective and personal movements" [2, p. 182].

Scientific research and real practice allow us to state that a leader is a member of a group who is recognized as having the right to make the most. The leader is a member of a group who has the right to make the most responsible decisions in meaningful situations, i.e. the most authoritative person who plays a central role in organizing and regulating relations in the group. A leader has the most authority and recognition in his/her group. The leader is not appointed, he or she is promoted himself or herself due to his or her personal qualities.

According to R. L. Krichevsky, every group of people, regardless of age, necessarily has a leader who will influence the other members of the group. But there is such a peculiarity that a personality, which has shown itself as a leader in one case, can yield to another leader in another case [6, 122 p.].

Younger school age is no exception in the manifestation of leadership qualities. The leader-child also performs leadership functions: leads the class collective, makes decisions, senses the mood of other children, participates in conflict resolution, and is responsible for his or her actions.

A characteristic feature of all leaders is usually high employment and participation in various social events [7, p. 651].

The modern level and conditions of people's lives, numerous obstacles on the way to achieve their goals require from a person the skills to be purposeful, active, in other words – to be a leader. It can be concluded that a confident, energetic person with adequate self-esteem will achieve great success in life and career, and such qualities, according to V.G. Maralov and V.A. Sitarov, should be formed from a young age [5, p. 129].

References

1. *Alifanov S.A.* Main directions of leadership analysis // *Voprosy psichologii*. – 1991. – № 3. – P. 90–96.
2. *Volkov I.P.* Research of leadership as a function of the group task // *Experimental and applied psychology*. – 1971. – Issue 4. – P. 37–42.
3. *Dubrovina I.G.* Leadership in education as one of the most modern approaches to school management. – URL: <https://infourok.ru/statya-liderstvo-v-obrazovanii-kak-odin-iz-naibolee-sovremennihpodhodov-k-upravleniyu-shkoloy> (date of application: 16.02.2023).
4. *Maralov V.G.* Formirovanie bases of social activity of the person. – M.: STU, 1990. – 235 p.
5. *Murotmusaev K.B., Boykulova M., Abduakhadova M.* Psychological aspects of leader traits in boys and girls in different family settings // *Eurasian journal of humanities and social sciences*. – 2022. – Issue 5. – P. 129–134.
6. *Murotmusaev K.B., Abduakhadova M., Boykulova M.* The influence of parents on the leadership of children in the family as a psychological factor in parenting / *Eurasian journal of humanities and social sciences*. – 2022. – Issue 5. – P 122–128.
7. *Nemov R.S.* Psychology: textbook for students of higher educational institutions in three parts. – M.: Vldos, 2004. – 651 p.
8. *Obukhova L.F.* Child psychology: theories, facts, problems. – M.: Olimp, 1995. – 349 p.

EMOTIONAL INTELLIGENCE AS AN IMPORTANT FACTOR IN THE SOCIALIZATION OF MODERN YOUTH

**Murotmusaev Komiljon Buribaevich,
Odilbekov Mansurbek**

Oriental University of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Abstract. One of the topical aspects of the study of psychological well-being is the problem of determining the factors and predictors of creating an internal psychological balance of the individual. The emergence of the concept of emotional intelligence in the last decade of the 20th century was the logically scientific result of the formation of ideas about the relationship between affective and cognitive processes, which increased the attention of psychologists to studying the possibilities of the individual in regulating their behavior. In connection with the foregoing, the authors of this article made an attempt to scientific analysis and critical understanding of emotional intelligence as an important factor in the psychological well-being of today's youth.

Keywords: emotional intelligence, psychological well-being, modern youth, psychological balance.

The study of affective and cognitive processes in their unity was a theoretical prerequisite for the development of the doctrine of EI in Russian psychology.

L.S. Vygotsky wrote about the inadmissibility of "separating the intellectual side of our consciousness from its affective, volitional side". According to the classicist, the relationship between affect and intellect is two-sided and dynamic: on the one hand, most emotions are intellectually mediated, and, on the other hand, emotions participate in the regulation of thinking. These ideas are developed by A. N. Leontiev, who states that "emotions are the 'mechanism' of activity movement", and by S. L. Rubinstein, for whom any emotion is considered "as a unity of experience

and cognition"; the intellectual process is impossible without the participation of emotions; "judgment is usually saturated with emotionality to a greater or lesser degree" [6, p. 264].

In our opinion, building relationships with the changeable surrounding reality will not be productive without emotional regulation of personal functioning. Skillful control of emotional manifestations in response to rapid changes in social situations will contribute to flexible differentiation of behavioral reactions. Following the logic of the above, positive emotions can be cultivated not only as a result of subjective hedonistic well-being, but also as a means of achieving psychological well-being in the eudemonistic approach. By actualizing actions that evoke positive emotions, the personality accumulates resources that increase its capacity for positive functioning [5, p. 51].

Positive emotions are not the ultimate goal in themselves, they should be viewed as a means of achieving personal growth and well-being over time, and optimism is a vital resource of the human psyche. Optimism is an important resource of personal potential that influences the quality of an individual's emotional life as an important component of overall well-being [3, p. 47].

In conditions of increasing emotionality of the surrounding reality, adaptive interaction of a person with the surrounding reality, search for mental resources for effective ways of coping with stressful situations becomes relevant. "Adaptive interaction of a person with the surrounding reality and himself helps to cope with emerging problems and difficulties".

The affective component, which is understood as emotional saturation of life, the prevalence of positive emotions, the absence of pronounced anxiety, depressive symptoms is part of the five-component model of psychological well-being by O. S. Shiryayeva.

L.V. Kulikov states that the emotional component of well-being is responsible for the emotional coloring of attitudes to aspects of existence. It appears as an experience that unites feelings caused by successful (or unsuccessful) functioning of an individual. Understanding well-being as a mental balance, harmonious to the psyche and its adaptive capabilities, N.E. Vodopyanova, E.S. Starchenkova consider emotional comfort as an indicator of the degree of satisfaction of needs significant for the individual and the conformity of the life path to the values and beliefs important for her [1, p. 73].

Personal well-being, according to the concept presented by N.A. Baturin in co-authorship, is a systemic formation of the psyche. Its structure includes factors of four levels: subjective-personal, interpersonal, psychological, external extra-personal. The authors refer the cognitive-affective component to the factors of the subjective-personal level.

"A stable mental property consisting in the dominance of positive emotions, the presence of close relationships, subjective involvement in life activities, meaningfulness of life and positive self-motivation" – this is how S.A. Vodyakha defines psychological well-being.

Vodyakha. The author considers such ways of self-correction of emotional states as a predictor of psychological well-being of young people: self-approval and muscle relaxation as strategies for overcoming difficult situations.

In psychological practice there are more and more works devoted to the influence of the affective sphere of personality on psychological well-being. Undeniably important is the creation of favorable psychoemotional conditions for the most effective functioning of a young person's personality. The period of higher education is a new and important stage in the acquisition of life experience. This period is characterized by a specific orientation of cognitive and communicative activity, a difficult process of adaptation to new social conditions [4, p. 92].

This requires the young person to control his or her emotional field and the ways of emotional response to external and internal conditions, the nature of the emotions experienced and the ability to recognize them in the context of the event experienced. All this has to do with emotional intelligence. The level of its development will contribute not only to the neutralization of emotiogenic factors, the balance of interpersonal relations, but also to the disclosure of internal resources of a young person's personality, the development of self-expression and self-awareness. The abilities that allow young people to carry out emotional and volitional regulation, recognize the emotional state of others, be competent in interpersonal relations and preserve their own emotional well-

being are integrated in the content of the phenomenon of emotional intelligence and, thus, strengthen its importance for the psychological well-being of a young person.

The subject of I.N. Andreeva's scientific interest is the study of the influence of emotional creativity on the psychological and social well-being of young people. Emotional creativity as "the ability of personality to creatively use their emotional resources in activity and in communication" in the framework of the activity approach is considered by the author as an ability that contributes to the effectiveness of activity performance; in the framework of the personal approach – as a quality of personality. [7, c. 68]

The relationship between emotional intelligence and the level of life satisfaction in the youth sample was empirically proved by O. V. Kolomiets (based on the results of the questionnaire "Diagnosis of emotional intelligence" N. Hall and the test "Life Satisfaction Index in the adaptation of N.V. Panina), N.S. Kotlyarova (based on the results of the methodology "Emotional Intelligence Questionnaire M.A. Manoylova and the test "Life Satisfaction Scale" (SWLS) E. Diener). We studied the relationship between intrapersonal emotional intelligence and components of psychological well-being of young people (based on the results of the questionnaire "EmIn" D.V. Lucin and the questionnaire "Scale of psychological well-being K. Riffe" in the adaptation of P.P. Fesenko, T.D. Shevelenkova). C.P. Derevyanko and Ya.C. Skorik conducted a research aimed at studying the emotional characteristics of psychologically advantaged and psychologically disadvantaged young people.

The data of this study confirmed the important role of all components of emotional intelligence (N. Hall's EI Diagnostic questionnaire) for psychological well-being (K. Rieff's SPB questionnaire adapted by L. Pergamenschik and N. Lepeshinsky).

Different levels of application of their emotional abilities of young people influence the level and characteristics of their psychological well-being.

Empirical confirmation of the relationship between integral indicators of EI and psychological well-being was obtained by Indian researcher S. Ramya. Ramya (S. Ramya). A high positive correlation was found using Mangal's Emotional Intelligence Inventory (MEII) and K. Rieff's psychological well-being questionnaire.

A team of Spanish authors led by J. Guerra-Bustamante analyzed the influence of EI (Spanish version of the Trait Meta Mood Scale-24 questionnaire) on young people's feelings of happiness (The Oxford Happiness Questionnaire).

A cross-cultural study of the influence of emotional intelligence on the feeling of subjective well-being was conducted by the author's team S. Koydemir, A. Koydemir, A. Schutz. The psychological well-being of German youth was rated higher than that of Turkish youth. In the study by C.J. Takyun took young people from Nigeria studying in Russia. The author used domestic methods: the Emin questionnaire by D. V. Lucin and the method of diagnosing psychological health by A. V. Kozlov.

In the study Y. Geng studied the impact on subjective well-being of the abilities of emotional intelligence of young people, as well as the expression of their sense of gratitude as an element of positive relationships with others. [2, c. 34]

Thus, emotional intelligence is gradually becoming more and more recognized as a significant factor providing effective regulation of psychoemotional states and, thus, influencing the achievement of psychological well-being of the individual. Creation of emotional comfort for harmonious interaction with the environment is especially important for adolescence, which is a stage of formation of moral ideals and life prospects, determination of cognitive and professional interests.

References

1. *Antonova N.A.* Subjective well-being of adolescents and youth: conceptualization and measurement. – 2018. – Issue 187. – P. 69–78.
2. *Zhukova E.R.* Personal autonomy and subjective well-being in the period of early adulthood // Scientific research of graduates of the Faculty of psychology of St. Petersburg state university. – 2018. – Issue 6. – P. 30–36.

3. *Kolomiets O.V.* Communication of social well-being and psychological well-being of students // Psychological well-being of a modern person: materials of the International correspondence scientific and practical. conf. – Ekaterinburg: Ural state. ped. un-t, 2018. – P. 42–50.
4. *Polyansky A.I.* Emotional intelligence and communication skills of modern students // Horizons of humanitarian knowledge. – 2019. – Issue 4. – P. 81–95.
5. *Sergienko E.A.* The role of emotional intelligence in the effectiveness of activity and psychological well-being of a person // Bulletin of the Kostroma state university. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. – 2020. – Volume 26. – Issue 1. – P. 46–53.
6. *Shinkareva O.V.* Evaluation of emotional intelligence of students of higher educational institutions // Baltic humanitarian journal. – 2018. – Volume 7. – Issue 4. – P. 263–265.
7. *Yuanyan V.* Emotional intelligence and socio-psychological adaptation of foreign students in Russian universities (on the example of Chinese students) // Problems of modern education. – 2018. – Issue 2. – P. 65–71.

THE PROBLEMS OF TODAY'S YOUTH

**Murotmusaev Komiljon Buribaevich,
Mamtalieva Mavjuda Kuldashevna**

Oriental University of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Abstract. The article discusses the most pressing issues of modern youth. Problems of their socialization in the modern world. Relationships with peers, issues of undivided love. Psychological difficulties in the formation of their personality.

Key words: youth, parent, peer, standard of living, adolescence.

How to live? Who am I? What is the meaning of life? At all times, young people have been asked a number of questions, unambiguous and general answers to which no generation has yet managed to give. The modern world is changing extremely actively and rapidly. Changes are also taking place in people, primarily young people. The pressing problems of young people reflect the imperfections and vices of the whole society. Therefore, the solution of these difficulties will have an impact on the well-being of the entire society.

We are all born with different "starting capital". Some parents can provide for their children all their lives, and some do not always have enough for food. But, no matter how the fate of a young man or girl, the problems, in general, all have about the same. Problems of this nature stem from the economic instability of the state, young people are looking for work, but cannot find a job, because of which they have no means of subsistence. The result is labor migration and it pushes to search for illegal earnings, which often leads to crime, drug addiction, leads to poverty, contributes to the development of housing problems of young people [2, p. 56].

State programs of many post-Soviet countries to provide young families with their own homes are not practically implemented in many CIS countries. And mortgage becomes an unbearable yoke.

Having no life prospects, forced to fight for survival, many young boys and girls become part of the criminal world. Social insecurity of families, the need to seek income affect the culture and education of young people: they are alienated from their studies and spiritual ideals [7].

Low living conditions, not prosperity, lack of opportunity for realization pushes young people to try alcohol and drugs. The problem of alcoholism among young people has a monstrous scale. What can we say: in the near future every second high school student will use alcoholic beverages. The problem of drug addiction among young people is also urgent. By the way, such addiction occurs not only in children from low-income families: many drug addicts are children of wealthy parents [5, p. 39].

The problem of smoking among young people is not insignificant. Every third high school student smokes constantly. After all, among young people there is an erroneous prestige of smoking, which, in their opinion, looks "fashionable" and liberating.

Take, for example, the eternal theme of unrequited love. It is rare to meet a person who has not been "sick" with it. Everyone experiences this first tragedy in their own way – who is easier, who is heavier. But in the end, most young people do not dwell on the failure and continue to walk through life with a smile on their face. I don't doubt that for some people it all looks like a tragedy for a while, but still after a while they draw the right conclusion from what happened and it becomes easier for them to live on.

Another important moment in the youth environment is communication with peers. And it is not always smooth sailing either. Surely you know those who are always sitting at school and are not accepted by their peers. And just guys, whose image can be described by the expression "neither here nor there". But all of them are not bad people and often grow up very interesting and really demanded in society. But they are not the only ones who have problems in communicating with guys of their age. In general, few people feel a hundred percent confident among their peers until a certain point. But this only proves that problems in communication are solvable, and besides, quite natural [4, p. 33].

The problem of fathers and children is also eternal. Turgenev described it succinctly and accurately in his work. And, if you think about it, not much has changed since this book was written. Yes, our century puts its imprint on the image of misunderstanding between parents and children, but the misunderstanding itself will remain in any era. And it is also quite natural. After all, parents lived in a completely different time, and therefore their values were different from those of their child. This is why there are eternal quarrels, more or less serious. And each person solves the issue of communication with parents in his or her own way, but in the end usually also solves it [8].

The decline in the standard of living of young people has also affected their cultural life. Western ideas of consumer attitude to life are popular, which is reflected in the cult of money and fashion, the desire for material well-being and pleasure.

In addition, there are problems of leisure time for young people. In many towns and villages there are no conditions for spending free time culturally: there are no free swimming pools, sports sections or hobby groups. So young men and girls sit in front of the TV or computer, in the company of peers with a cigarette and a bottle in their hands.

Spiritual impoverishment is also reflected in the problem of speech culture of modern youth. The low level of education, communication on the Internet, and the creation of youth subcultures have contributed to the development of slang, which is far from the rules of the literary Russian language. Following the fashion, the young generation uses swear words, slang expressions in speech, violates language norms.

It is impossible to ignore the problem of financial independence and self-sufficiency in general. Who has not faced it? Sooner or later there is a need for money, freedom of choice and action. There is also no unambiguous answer, but everyone should decide for themselves. That is why you can meet so many purposeful young people [6].

Psychological problems of young people are mainly connected with the lack of a clear life orientation. Boys and girls are familiarized with the laws of life not only by parents, school and books, but also by the street, products of mass culture, mass media and their own experience. The indifference of the authorities and disempowerment, youthful maximalism provokes young people to develop indifference or aggression, and pushes them to join informal youth groups. In addition, adolescence is a time when a person has to solve many important problems: the choice of profession, the second half, friends, the definition of life path, the formation of their own worldview [3, p. 107].

Ways to solve the problems of youth consist in a purposeful systematic policy of the state, not only on papers and speeches. The authorities should really realize that young boys and girls are the future of the country.

Summarizing, we can say with certainty that each new generation is unique. It is not better or worse – it is just different, not like it was before. But young people often ask the same questions and always find new and unique answers to them. And that is why all the eternal problems faced by young people can be considered solvable [1].

References

1. *Volochaeva O.F.* Influence of university socialization on the moral health of student youth / diss. ... cand. of sociological sciences. – Stavropol, 2015. – 47 p.
2. *Miller I.S.* Analysis of student self-reflection as a resource of managerial reflection in higher education // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities. – 2014. – № 9-10. – P. 56–59.
3. *Voloskov I.V.* Features of socialization of students // Sociological studies. – 2009. – № 6. – P. 107–109.
4. *Chuprov V.I., Zubok Y.A.* Sociology of youth: textbook. – M.: INFRA-M, 2011. – 33 p.
5. *Bezrukova O.N.* Sociology of Youth. Textbook. – SPb: SPBGU, 2004. – 39 p.
6. Information resource «Colledgesvyazi.kz». – URL: <http://colledgesvyazi.kz/articles/index.php/-2086/> (date of application: 16.02.2023).
7. *Karavaeva E.A.* Problems of youth employment. 2010–2014. – URL: <http://nsportal.ru/-shkola/raznoe/library/2012/02/10/problemy-trudoustroystvamolodezhi> (date of application: 16.02.2023).

EMOTIONAL INTELLIGENCE DURING ADOLESCENCE

**Umarov Bakhridin Mengbaevich,
Rustamova Barno Abduxalil qizi,
Mirsagatova Nargiza Sayfullaevna**

Oriental University of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Abstract. The article considers theoretical approaches to the phenomenon of "emotional intelligence" within the framework of various theories of foreign and domestic psychology. The specificity of emotional intelligence in the period of early adulthood is presented.

Key words: emotion, emotional intelligence, youth, adulthood, ability.

In 1908, for the first time in the history of psychology, a model suggesting the interrelation of emotional and cognitive spheres of the psyche was proposed, which was very close in content to the concept of "emotional intelligence". German scientist G. Meyer distinguished "logical" and "emotional" thinking, which is closely related to the emotional sphere of a person. However, G. Meyer did not single out "emotional thinking" as an independent type of thinking.

In 1988, clinical psychologist Ruben Bar-On introduced the concept of emotional and social intelligence, suggesting that it consists of personal as well as interpersonal abilities, skills and abilities that, when combined, determine human behavior [9, p. 132]. The term "emotional intelligence" was first introduced by American psychologists J. Meyer and P. Salovey in 1990. In the same year, the scientists published an article entitled "Emotional Intelligence". At that time, psychologists defined it as a component of social intelligence, which includes the ability to monitor one's own feelings and feelings of others, distinguish them and use this information to manage one's own thinking and actions.

In the 1990s, models representing a somewhat different view of emotional intelligence emerged. The most famous are the models of D. Goleman and R. Bar-On. The scientist D. Goleman adhered to the model of P. Salovey and J. Meyer, but added a few more components to the components identified by them, namely social skills, enthusiasm and perseverance. Thus, he combined cognitive abilities with personality characteristics. In his works, D. Goleman suggested that emotional intelligence – can be developed during life, which will contribute to the achievement of suc

cess in professional and personal life. According to the scientist, emotional intelligence gives the opportunity to dive into your emotions and analyze them, as well as to develop the skill of managing your emotions. Thus, Daniel Goleman considers emotional intelligence as the ability to recognize one's own emotions and the emotions of others in order to motivate oneself and others, to manage emotions alone and in interaction with others [2, p. 301].

In his model, psychologist R. Bar-On identified five spheres of competence, which can be identified with five components of emotional intelligence. Each of these components consists of several subcomponents: self-knowledge (awareness of one's emotions, independence, self confidence, self-actualization, self-esteem), interpersonal skills (empathy, social responsibility and interpersonal relationships), adaptability (flexibility, problem solving, connection to reality), stress management (impulsivity control and stress resistance), prevailing mood (happiness and optimism). In addition, the scientist believes that emotional intelligence is "a set of non-cognitive abilities, competencies, and skills that influence a person's ability to cope with the challenges and pressures of the external environment"[7, p. 291].

Thus, R. Bar-On does not refer emotional intelligence to cognitive abilities [9, p. 132]. In foreign and domestic psychology, a large number of models of emotional intelligence and methods of its research have been created. Studying emotional intelligence, it is necessary to pay attention to the fact that there is no consensus among foreign and domestic researchers about what advantages people with this type of intelligence can have.

Such Russian psychologists as L.S. Vygotsky, A.R. Luria, S.L. Rubinstein, B.V. Zeigarnik, A.N. Leontiev and O.K. Tikhomirov reflected in their works the theory of the unity of intellect and affect. According to L.S. Vygotsky, there is a natural connection between emotional and intellectual processes of thinking, and the development of emotions goes in unity with the development of thinking. Consequently, emotion is one of the components of thinking. According to S.L. Rubinstein, human emotions represent the unity of emotional and intellectual. Any emotion is considered by the scientist as "the unity of experience and cognition". According to A.N. Leontiev thinking has emotional regulation. Emotions are the result of cognitive processing of information, i. e. assessment of the situation, comparison of means to achieve the goal, explanation of one's state.

Soviet psychologist O.K. Tikhomirov believed that all emotional phenomena – affects, emotions, feelings – are related to thinking activity. In addition, the degree of activity of emotional regulation affects the productivity of intellectual activity [8, p. 272].

An interesting point of view is presented by A.V. Guskova, who is convinced that "Emotional intelligence is a set of abilities and the ratio of cognitive, personality and motivational traits". Combining cognitive abilities and personality traits, A.V. Guskova adds motivation, which distinguishes her approach from a number of others, since motive is the basis for decision-making, choice of goals and means of achieving them [3, p. 301].

Scientist A.N. Kraitov considers emotional intelligence as a specific social ability in the following aspects:

- within the framework of social-perceptual abilities;
- within the framework of social technique of communication;
- within the framework of social interaction and decision-making [4, p. 212].

According to M. A. Manoilo, emotional intelligence is "a person's ability to realize, accept and regulate emotional states and feelings of other people and oneself". She considers emotional intelligence as a set of programs-"regulators" and "motivators" of activity and communication, responsible for understanding of oneself and other people, self-regulation and social behavior of a person. Manoilo distinguishes two aspects in the structure of emotional intelligence: intra-personal and interpersonal, or social (the ability to manage oneself and the ability to manage relationships with people). The first aspect includes: awareness of their feelings, self-esteem, self-confidence, responsibility, tolerance, self-control, activity, flexibility, interest, openness to new experiences, motivation for achievement, optimism. The second aspect includes: communicativeness, openness, empathy, ability to consider and develop the interests of another person, respect for people, ability to adequately assess and predict interpersonal relationships, ability to work in a team.

Empathy, tolerance, assertiveness and self-esteem are emphasized as the main characteristics of emotional intelligence [6, p. 60].

In practice, the most popular is D.V. Lucin's model of emotional intelligence, in which emotional intelligence is considered as the ability to understand and manage one's own and others' emotions.

Under the ability to understand and manage emotions D.V. Lyusin understands the following.

The ability to understand emotions means that a person:

- can recognize an emotion, i.e. establish the fact of presence of emotional experience in himself or another person;

- can identify an emotion, i.e. identify what kind of emotion he or she or another person is experiencing and find a verbal expression for it;

- understands the causes of the emotion and the consequences that will result.

The ability to manage emotions means that a person:

- can control the intensity of emotion, primarily by muting excessively strong emotions;

- can control the outward expression of emotions;

- can, if necessary, arbitrarily cause this or that emotion.

In the structure of emotional intelligence D.V. Lyusin distinguished interpersonal and intrapersonal components. Interpersonal emotional intelligence connects abilities to understand and manage other people's emotions, intrapersonal – to understand and manage their own emotions.

According to D.V. Lucin, intrapersonal emotional intelligence has the following characteristics: understanding of own emotions and feelings, their correct recognition and identification, awareness of the causes of certain emotions and the ability to verbally describe them; the ability to control one's own emotions and feelings, as well as their manifestation.

Interpersonal emotional intelligence, in the scientist's opinion, has the following characteristics: understanding of emotions of others at the level of intuition, understanding of emotions of other people through the external manifestation of emotions; ability to manage other people's emotions, ability to cause "necessary" emotions in people and control undesirable ones.

Russian psychologist D.V. Lyusin believes that the ability to manage and understand emotions is associated with the general orientation of the personality to the emotional sphere, i. e., with interest in one's own inner world and the inner world of others, with values attributed to emotional experiences, and with the desire for psychological analysis of behavior.

Based on these data, it is possible to present emotional intelligence as a construct, which on the one hand is related to personality characteristics, and on the other hand – to cognitive abilities.

Factors affecting emotional intelligence, according to D.V. Lucin:

- cognitive abilities (speed and accuracy of processing emotional information);

- representations about emotions (as values, as an important source of information about oneself and other people, etc.).

- features of emotionality (emotional stability, emotional sensitivity, etc.) [5, p. 29].

Currently, the structure of emotional intelligence includes four components that describe four areas of emotional intelligence abilities, such as: to correctly distinguish one's own emotions and emotions of other people; to use emotions to improve the efficiency of thinking activity; to realize the significance of emotions; to manage emotions.

Currently, there is no single point of view and no single understanding of emotional intelligence. There are a large number of definitions of emotional intelligence. However, despite this, they can be reduced to a single opinion that emotional intelligence is the ability to realize both own and other people's emotions, the ability to manage them, as well as to build effective relationships with people. Due to the meaningfulness of the term, it is possible to identify the main features of emotional intelligence. These include: emotional awareness, the ability to manage emotions that prompt action, the ability to understand the emotions of others, the ability to influence the emotions of others, the ability to separate genuine emotions and their imitation, as well as the ability to understand the causes and effects of emotions [5, p. 29].

With the help of emotional intelligence people can recognize and highlight the most significant emotions for them, demonstrate them, realize the reasons for their occurrence, manage them

and apply them most effectively in their activities. The development of emotional intelligence allows a person to form the skill of conscious regulation of emotional states and the skill of constructive interaction with people. Currently, opinions are expressed about the great success of people who have a high level of development of emotional intelligence. Their advantage is expressed in the ability in emotional self-management.

It is believed that emotional intelligence is most clearly manifested in communication, which requires people to understand other people's emotions. Trying to understand the emotions of others is the shortest way to establish constructive relationships, excluding manipulation.

In the period of early adulthood emotional intelligence has specific features, which consist in a relatively low level of development of its parameters, less internal consistency and qualitative originality of strategies of emotional self-regulation. Emotional intelligence in this period develops heterochronously and is also interrelated with sociometric status, as well as with the style of interpersonal communication. Its level determines the quality of interpersonal communication of a person. Also at this stage emotional self-regulation depends on the type of activity a person is engaged in. At the stage of early adulthood a person is actively involved in social relations, strives to establish long-term positive emotional ties [1, p. 240].

Summarizing, it should be noted that there are many opinions of foreign and domestic psychologists on the definition and structure of emotional intelligence. However, in practice, the most popular is the model of emotional intelligence by D.V. Lucin. Who defines emotional intelligence as the ability to understand their own and other people's emotions, as well as to manage them.

In the structure of emotional intelligence this scientist distinguished the interpersonal component (understanding of emotions of others at the level of intuition, understanding of emotions of other people through the external manifestation of emotions; ability to manage other people's emotions, ability to cause "necessary" emotions in people and control undesirable ones) and intrapersonal component (understanding of one's own emotions and feelings, their correct recognition and identification, awareness of the causes of certain emotions and the ability to verbally describe them; ability to control one's own emotions).

In the period of early adulthood emotional intelligence develops heterochronously, is interrelated with sociometric status and with the style of interpersonal communication. The level of emotional intelligence determines the quality of a person's interpersonal communication. With the help of emotional intelligence people can recognize and highlight the most significant emotions for them, demonstrate them, realize the reasons for their occurrence, manage them and apply them most effectively in their activities.

References

1. *Golovei L.A.* Psychological maturity of personality. – SPb: Skifia-Print, 2014. – 240 p.
2. *Goleman D.* Emotional leadership: the art of managing people based on emotional intelligence. – M.: Alpina Publisher, 2016. – 301 p.
3. *Guskova A.V.* Question about emotional intelligence // *Voprosy Psikhologii*. – 2008. – № 1. – P. 28–26.
4. *Kraytorov A.N.* Emotional intelligence as an integrative phenomenon of psychological knowledge in the structure of social and general intelligence // *Nauchny almanac*. – 2017. – № 4-2 (30). – P. 212–215.
5. *Lyusin D.V.* Modern ideas about emotional intelligence. – Moscow: Institute of psychology of the Russian academy of sciences, 2000. – P. 29–35.
6. *Manoilova M.A.* Development of emotional intelligence of future teachers. – Pskov: PSPI, 2004. – 60 p.
8. *Murotmusaev K.B., Umarov B.M., Khaidarov H.K.* Psychological features of emotional intelligence in leadership activity // *Ta'lim va innovatsion tadqiqotlar*. – 2022. – Issue 11. – P. 291–301.
9. *Tikhomirov O.K.* Psychology of thinking. – M.: MSU, 1984. – 272 p.
10. *Bar-On R.* EQ-I Bar-On emotional quotient inventory: a measure of emotional intelligence. – Toronto: Multi-health systems, 1997. – 132 p.

*Электронное научное издание
сетевого распространения*

**ЦЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА
В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ
И ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИОННОГО МИРА: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ**

**I Международный конгресс социально-
политических исследователей тюркского мира**

Сборник научных трудов

Казань, 26–27 октября 2023 г.

**THE VALUES OF THE INDIVIDUAL AND SOCIETY IN THE CONTEXT
OF GEOPOLITICAL TURBULENCE AND POST GLOBALIZED WORLD:
TRADITIONS AND INNOVATIONS IN CONDITIONS**

**I International congress of social-
political researchers of the turkic world
(Turkic SPR congress – 2023)**

Collection of scientific papers

Kazan, October 26–27, 2023

Подписано к использованию 31.01.2023.
Гарнитура «Times New Roman».
Заказ 46/01.

Издательство Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нухина, 1/37
тел. (843) 206-52-14 (1704), 206-52-14 (1705)